

Монах Лазарь
(Афанасьев)

ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ ДУХ

монах Лазарь (Афанасьев) Торжествующий дух

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6087130

*Торжествующий дух. Альманах / Автор-составитель: монах Лазарь
(Афанасьев).: Благовест; Москва; 2011
ISBN 978-5-9968-0113-8*

Аннотация

Альманах посвящен жизни и духовным подвигам святых мучеников за Христа – членов царствовавшего в Российской Империи Дома Романовых. Это Государь-страстотерпец Император Николай II и его Семья – Царица Александра Феодоровна, дочери Ольга, Мария, Татиана и Анастасия и Цесаревич Алексей Николаевич (которому посвящен обширный документальный материал). Затем – Великий Князь Константин Константинович (поэт К. Р.) и его сыновья – князь Олег, отдавший жизнь за Россию на войне 1914 года, князя Иоанн, Константин и Игорь, мученически погибшие в Алапаевской шахте вместе с Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной, Великим Князем Сергием Михайловичем, Князем Владимиром Палеем и другими. Это были истинные патриоты своей Родины, верные Христу чада Православной Церкви, люди высочайшей культуры. Составитель и основной автор альманаха монах Лазарь (Афанасьев) – один из старейших современных писателей,

автор многих книг, стихов и прозы. Последние десятилетия он трудится, в основном, над духовными темами.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Два портрета царственных отроков	8
1. Святой мученик Царевич Димитрий	8
2. Святой мученик Царевич Алексей	13
Тобольск	17
Благословенная Оптиная	19
«К. Р.» – Поэт Божией милостью	32
1	32
2	43
Севастиан-мученик	57
Посвящение	57
Часть первая	58
Часть вторая	74
К. Р. в 1909–1910 годах	84
Осташево	93
Жертва Богу	96
Детские годы	96
Отрочество	104
Августейший лицеист	116
Жертва Богу	128
Четыре стихотворения	137
На закате. К. Р. в 1914–1915 ГОДАХ	140

1	140
2	143
Часть вторая	157
Торжествующий дух	157
1. У старой шахты	157
2. Братья Константиновичи и их отец, поэт	162
К. Р	
3. Еще минута... Еще воспоминания...	168
4. Благоухание Оптиной пустыни	173
5. К вечной славе	177
Стихотворения	185
1. О, свете Тихий...	185
2. Настроение	186
3. Сестры милосердия	187
4. Молитва	187
5. Блаженны плачущие	188
6. Молитва воина	189
7. У солдатского кладбища	190
Часть третья	192
Глава 1	192
Глава 2	328
Глава 3	456
Глава 3	618
Глава 4	675
Эпилог	753

Автор-составитель: монах Лазарь (Афанасьев) Торжествующий дух. Альманах

Предисловие

Альманах «Торжествующий дух» сложился как бы сам собой. Я много писал – и в стихах и в прозе – о святых Царственных страстотерпцах. И вот легли рядом, дополняя друг друга, впервые собранная документальная история жизни Цесаревича Алексея (созданная в сотрудничестве с С. В. Лизуновым), очерк об Алапаевских мучениках, житие Князя Олега Романова и много объясняющий возникновение таких великих и прекрасных личностей, как дети К. Р., рассказ в нескольких очерках о жизни и творчестве их родителей – православного поэта, отдавшего все силы служению Родине, Великого Князя Константина Романова. Во всех материалах альманаха содержится много нового, в особенности разных красноречивых подробностей. Когда мы говорим о Царственных мучениках, – это ведь не только семья самого Царя – это представители большой семьи Царствующего

Дома Романовых. Сюда входят герои-мученики сыновья К. Р.: Иоанн, Константин, Игорь, а также и Олег, погибший на Первой Мировой войне. Надеюсь, что из написанного видно, что их мученический подвиг – не внезапное геройство (хотя бывает и так), а итог их глубоко православной жизни. Они во многом подражали отцу. А что говорить о Великой Княгине Елисавете Феодоровне? О ней написано немало, и кто нынче ее не знает? Это святая жизнь и святая смерть. Князь Владимир Палей – также из семьи Романовых, и также готов был отдать свою жизнь и на Первой Мировой, где воевали все сыновья К. Р., – и за Господа нашего Иисуса Христа. Он знал наперед, что грядут страшные события, – это видно из его стихов.

Царская семья Романовых была многожды оболгана, не исключая Царя-страстотерпца Николая II. Но теперь уже опубликовано огромное количество документальных материалов, опровергающих всю ложь. Этому же служат и материалы нашего альманаха.

Монах Лазарь (Афанасьев)
г. Сергиев Посад

Часть первая

Жертва Богу

Два портрета царственных отроков

Эти отроки – оба святые мученики. Царевич Димитрий, младший сын первого помазанного на царство Царя Иоанна Грозного, пал жертвой интриг царедворцев, в первую очередь Бориса Годунова. Царевич Алексей был убит в Екатеринбурге большевиками вместе со всей Царственной Семьей, вместе с родителем – последним русским Царем Николаем Александровичем.

1. Святой мученик Царевич Димитрий

У истоков великих, а иногда и страшных событий русской истории не всегда стоят имена взрослых, умудренных жизнью людей. В истории Руси есть, например, один очень важный период, называемый Смутным временем, когда государство едва не погибло. Говорили и писали тогда и потом, что это была кара – Божья кара за убийство Царственного Отрока.

Он был сыном Царя Иоанна Грозного от Царицы Марии

Нагой. В царствование другого, старшего, сына Царя Иоанна – Феодора – под давлением бояр, и особенно Бориса Годунова, вся большая семья бояр Нагих, а с ними и Царица Мария с сыном, отправлены были на житье в город Углич на Волге – это была вотчина Царевича Димитрия. Зачем это было сделано? Царь Федор Иоаннович, глубоко религиозный человек, был полностью поглощен молитвенным деланием и вел строго монашескую жизнь. Управление же делами государства он доверил боярину Борису Годунову. Тот, однако, имел тайные честолюбивые помыслы: самому стать Царем. А как станешь при живом На след нике Феодора – Царевиче Димитрии, которому было тогда всего около восьми лет?

Многие из приближенных Годунова знали силу его честолюбия, его упорство, хитрость и другие «сильные» качества, а потому и предполагали, что он именно хочет стать Царем. Царь Феодор болен, детей не имеет. Царевич... Вот помеха! При молчаливом попустительстве Годунова началась вражья работа: вдруг Царевич оказался отравленным, – однако не умер, ему вовремя помогли. А потом то же самое и в другой раз. Нагие стали пристальнее присматривать за Димитрием и за всем, что его окружало... Но негодяи перехитрили их.

О том, что произошло в Угличе 15 мая 1591 года, писал очевидец событий: «Царевич пошел к обедне, и после Евангелия у старцев Кириллова монастыря образа принял, и после обедни пришел к себе в хоромы и платице переменял; и в ту пору с кушаньем взошли и скатерть постлали, и Вого-

родицын хлебцец (просфору) священник вынул; и кушал Государь Царевич по единожды днем, а обычай у него, Государя, был таков: по вся дни причащаться хлебу Богородичну... и, испивши, пошел с кормилицею погуляти; и в седьмой час дня, как будет Царевич против церкви Царя Константина, и по повелению изменника злодея Бориса Годунова, приспевши душегубцы ненавистники Царскому кореню Никитка Качалов да Данилка Битяговский кормилицу его палицею ушибли, и она, обмертвев, пала на землю, и ему Государю Царевичу в ту пору, кинувшись, перерезали горло ножом, а сами злодеи-душегубцы вскричали великим гласом, и, услыша шум, Мати его Государя Царевича и Великая Княгиня Мария Феодоровна прибегла и, видя Царевича мертва взяла тело его в руки, и они, душегубцы, стоят над телом Государя Царевича и обмертвели, аки псы безгласны».

Царица Мария велела ударить в набат. Сбежавшиеся угличане схватили убийц и буквально растерзали их на клочки. Но вот что было дальше. Годунов прислал для следствия боярина Василия Шуйского, и тот вынужден был все повернуть так, что Царевич-де зарезался сам, играючи в ножик. С Царевичем случались ранее приступы падучей. Это вспомнили и обрисовали дело так, что во время игры с ним случился приступ, он упал – да прямо горлом на нож... Неправдоподобность такого объяснения была очевидна всем. Но найдены были «свидетели». После всего этого последовало нечто страшное и жестокое. Город Углич был наказан

за «бунт»! Угличан кого казнили, кого сослали в северные края. Был сослан даже колокол, в который ударили тревогу. Марию Нагую и всех ее родственников также сослали, причем многих пытали, заставляя лгать на себя.

Василий Шуйский, сделавший все это в угоду действительно ставшему Царем Годунову, все же был не совсем испорченным человеком. Увидев тело убитого Царевича, он плакал и от души скорбел. Он же потом, когда погибло все семейство Годуновых и прогнан был первый Лжедмитрий из Москвы, сам стал Царем и приказал привезти из Углича тело Царевича, которое оказалось нетленным. Царевич был канонизирован в лике святых. Но Смута продолжалась. После первого Лжедмитрия появился второй, потом третий – и то не последний... На Русь с ними шли литовцы и поляки. Запылали села и города. По всей Руси бродили банды, которые жгли, грабили, разрушали, оскверняли... Казалось, Русь погибает! Историк пишет: «Царь Василий низвержен. Чужеземцы овладевают столицей, рвут по частям землю русскую. Только на краю гибели народ опомнился: он стряхивает с себя бремя лжи и самообольщения, собирает последние силы...» Русь воззвала к Богу! И Он услышал. Явились на Волге Минин и Пожарский с войском. С иконами преподобного Макария Унженского на знаменах они двинулись на Москву. Казаки и ополченцы собирались со всех сторон... После долгих и трудных сражений поляки были изгнаны. Собор всех сословий из всех русских городов избрал Царем Михаила

Феодоровича Романова, юного представителя рода, который жестоко пострадал от Годунова. В Костроме, в Ипатьевском монастыре, после долгих раздумий принял он жезл Государя. Смута кончилась. Россия начала быстро возрождаться, превращаясь в сильное государство.

Убиенного святого Царевича не забывали. К его мощам, особенно в дни его памяти – 15 и 23 мая, а также 3 июня по старому стилю – шло множество людей. Возле его раки исто-во молились, прося у Господа помощи через него во всяких бедах, и святой Царевич помогал. При мощах хранились вещи Царственного Мученика – окровавленная рубашка, платок, нож, которым он был убит, и кошелек с четырнадцатью копейками для раздачи нищим. Ему молились более всего об исцелении от разных болезней детей.

А в Угличе, на другой день памяти святого Царевича, то есть 16 мая, в последующие века проводился «Царевичев день» – праздник детей, которые собирались в Кремль со всего города и из окрестных деревень. Вокруг храма, построенного по повелению первого Царя из рода Романовых Михаила Феодоровича «на крови», после богослужения обно-силась плащаница с изображением убиенного отрока, выши-тая его Матерью, Царицей Марией Феодоровной. На пути следования хода женщины подводили под плащаницу своих детей, особенно больных, и было много случаев исцеления их. Кремлевская площадь была вся уставлена палатками с игрушками и сладями. Отсюда – ведь Кремль в Угличе сто-

ит на высоком берегу – видна широкая Волга и дали за нею, а там – селения с церквями, леса и луга... Дети всегда ждали этого праздника, и святой Царевич был для них близким и родным, – они охотно молились ему.

Просите, дети, его заступничества перед Господом во всех ваших затруднениях – он услышит искреннюю молитву!

2. Святой мученик Царевич Алексей

Вот лишь некоторые штрихи к его портрету. Все мемуаристы отмечают, что Царские дети, среди них и Царевич Алексей, были горячими патриотами: они любили Россию и всё русское. Царевич не гордился тем, что он На след ник Престола, и, как всякий отрок, играл с детьми простых людей, в частности приставленного к нему «дядьки» – матроса Деревеньки. Он говорил: «Когда я буду Царем, не будет бедных и несчастных. Я хочу, чтобы все были счастливы».

Его любимой пищей были щи, каша и черный хлеб, которые, как он говорил, «едят все мои солдаты». Ежедневно приносили ему пробу из солдатской кухни дворцовой охраны. Он все съедал и даже облизывал ложку, замечая: «Вот это вкусно, не то что наш обед!» Иногда, почти ничего не кушая за царским столом, он тихонько пробирался со своей собакой Джоем к окнам дворцовой кухни и, постучав в стекло, просил у поваров ломоть черного хлеба, который и делил тут же со своей собакой.

Когда он с Царской Семьей плавал на яхте «Штандарт», то всегда играл с юнгами. Как вспоминали, «он всегда привлекал всех мягкостью, ласковостью, внимательным отношением». Дома, в Царскосельском дворце, в свободное от занятий с учителями время, он ездил в саду в санках, запряженных осликом, строил снежные башни, летом пек картошку в костре, рубил сухие сучья, а весной вместе с Царем, любившим это занятие, колол лед. Во время войны 1914–1917 годов он часто посещал раненых в госпиталях, устроенных Царицей и его сестрами. Были госпитали и санитарные поезда его имени – он бывал и здесь. Он любил расспрашивать раненых о войне, очень внимательно слушал.

Он подолгу жил в Ставке Главно командующего, которым был сам Царь. Царевич жил с отцом в одной комнате и спал рядом с ним на походной кровати. Ему случалось быть на осмотрах полков, идущих воевать, в походных лазаретах и даже в окопах, совсем близко от передовой. Как и отец, он носил военное обмундирование – шинель, фуражку, простые сапоги. Он имел и военное звание ефрейтора. Солдаты всегда встречали его с восторгом. Где бы ни появился среди войск Государь, рядом с ним всегда был стройненький маленький солдатик – Царевич Алексей.

Вместе с отцом он посещал церковные службы: как и все члены Семьи, он был верующим и верным Богу и Церкви православным человеком. Перед принятием Св. Причастия он поворачивался к молящимся и кланялся, доставая рукой

до пола: «Простите меня!» В его комнате в Царском Селе было много икон и духовных книг. Конечно, были у него и игрушки, среди них такая роскошная и новая по тому времени, как железная дорога – пути, поезд с вагонами, станции, – работавшая от электричества. Государь или учитель русской литературы Петров часто читали детям вслух произведения русской литературной классики: Пушкина, Тургенева, Гончарова, Короленко, Чехова.

Одна близкая ко Двору женщина так описывает Царевича (это относится к 1916 году): «Все выразительнее и сосредоточеннее становилось его благородное лицо, детская округлость его щек исчезала, черты лица его становились тоньше и прекраснее, глаза все глубже и грустнее... Цесаревич становился юношей». Да, глаза его становились «грустнее», так как он как бы предчувствовал грядущие беды. Весной 1917 года изменники-генералы вместе с изменниками-министрами, давно уже развращенные пропагандой устроения «новой» России, республиканской на западный манер и без Царя, добились отречения Государя от Престола, а затем арестовали его и всю Семью с верными им слугами в их доме – Царскосельском дворце, выставив всюду враждебную им охрану. В России начало хозяйничать Временное правительство. В том же году летом оно сослало Царскую Семью в Тобольск, хотя у Царя было поместье Ливадия в Крыму. Этот поступок Временного правительства в лице его главы Керенского, предателя России, привел вскоре и к гибели святой

Семьи в Екатеринбурге, так как осенью в результате переворота к власти пришли большевики. Царская Семья оказалась в лапах убийц.

В Царскосельском заключении, в Тобольске и Екатеринбурге Царевич Алексей вел себя с большим достоинством, не падая духом, – он даже учился там, а его преподавателями были Царица Мать и Царь Отец. Они твердо переносили все лишения и надругательства. В июне 1918 года Царевич болел, и, когда Семью повели в полуподвальное помещение на расстрел, Государь нес сына на руках. Палач выстрелил в Царевича несколько раз. Страшная весть об этом преступлении чекистов, совершенном по приказу из Кремля, всколыхнула Россию. Трудно было в это поверить. За что? Почему?.. Однако незаконное дело было сделано, и ответственность за него легла на весь народ, так как он не уберег Государя и его Семью, а с нею и Царевича Алексея, своего будущего Царя.

В 1912 году во время болезни Царевич Алексей говорил: «Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник». Тогда он не умер, как не умер и при других приступах преследовавшей его тяжелой болезни (от каждого незначительного ушиба у него делалось внутреннее кровоизлияние). А после его смерти в Екатеринбурге не осталось не только памятника, но и могилы, так как убийцы пытались замести следы.

Чудным, светлым отроком был На след ник Цесаревич Алексей Николаевич! Он вместе с Царем и Царицей, с Сест-

рами своими открыл великую страницу в истории Русской Православной Церкви – время тысяч и тысяч новомучеников, пострадавших за Христа и воспринявших блистающие венцы от Господа Бога.

В «Кратком житии святого мученика Цесаревича Алексия», приложенном к документам «О соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века» (13–16 августа 2000 года), говорится: «Убиение невинного отрока – Наследника Царского престола, завершившее историю русского Царства, обращает наш взор к убиению благоверного царевича Димитрия, причисленного Русской Православной Церковью к лику святых».

Тобольск

Спит Цесаревич... Нет
Света у дочерей...
У Государя свет
Виден из-под дверей.

Письма ли пишет он,
Молится ли он там,
В думу ли погружен, —
Комната эта храм.

И по России враг

В мраке грядущих лет
Не омрачит никак
Тот Государев свет.

Благословенная Оптиная Великий Князь Константин Константинович Романов в Оптиной пустыни в 1887 году

Настоятель Свято-Введенского монастыря Оптиная пустынь, известного своими прозорливыми старцами, а также изданием святоотеческих писаний (начатого старцем Макарием), архимандрит Исаакий (Антимонов) 7 мая 1887 года получил письмо из Петербурга.

Писал генерал от артиллерии Павел Егорович Кеппен, управляющий двором Великой Княгини Александры Иосифовны, матери Великого Князя Константина Романова (К. Р.).

«Глубокочтимый отец, честнейший архимандрит Исаакий! Имею честь предуведомить Ваше Высоко преподобие, что в пятницу, 8 числа, государь Великий Князь Константин Константинович, если Господь благословит благополучный путь, изволит прибыть к вам в Св. Обитель. Его Императорское Высочество желал бы пробывать под святою сенью Обители до воскресенья утра и предполагает прибыть на лошадях со станции Чернь, а возвратиться через Калугу.

Влекомый в Обитель чувствами душевной потребности, государь Великий Князь желал бы совершить это посещение

ние скромно и сколько возможно избежать обычных встреч и приемов.

Сопровождая государя Великого Князя, буду иметь счастье помолиться в Св. Обители и принять благословение Вашего Высокопреподобия.

Поручая себя молитвам Вашим, прошу принять уверение в моем глубоком почтении и преданности.

Покорный слуга П. Кеппен

4 мая 1887 г.»

К. Р. ехал в Оптиную пустынь как бы по следам Жуковского, Гоголя, Киреевского, Достоевского – именно тех больших русских писателей, которые стремились сюда за духовным утешением. Время царствования Императора Александра Третьего – время также и старческой деятельности ученика старца Макария (и одного из его помощников в издании книг для духовного окормления монахов и православных мирян) иеромонаха Амвросия (Гренкова), ставшего известным всей православной России. К нему в Скит Оптиной пустыни за словом утешения, наставления, за благословением и для исповеди стекалось неисчислимое множество людей.

Вот и К. Р., Великий Князь и русский лирический духовный поэт и просто человек, имевший очень значительные внутренние проблемы, постоянно боровшие его, собрался наконец поехать к старцу Амвросию. Грешный, как и все лю-

ди, К. Р. в борьбе с бесовскими приражениями приобрел монашескую привычку следить за своими помыслами, за действием «потаенного сердца человека», сокрушаться о своем духовном несовершенстве, считать себя недостойным всех тех благ и талантов, которые дал ему Господь.

Окончательное решение ехать в Оптину К. Р. принял после прочтения книги Константина Леонтьева «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни», вышедшей вторым изданием в Москве в 1882 году. Леонтьев, один из своеобразнейших писателей своего времени, был духовным чадом старца Амвросия и подолгу жил в Оптиной, а в конце жизни принял от старца и монашеский постриг с именем Климент (в память иеромонаха, героя своей книги). Леонтьев в своей книге очень живо и с теплым чувством описал и Оптину, и Скит, много и умно, с глубоким пониманием рассказал о монашестве и особенно о старчестве – что это такое.

В день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, 8 мая, К. Р. прибыл в Оптину. Это был и канун другого праздника – перенесения мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар. Как сообщается в житии ныне прославленного во святых старца Исаакия (Антимонова), «встреченный всею братией в Святых воротах Обители, Великий Князь проследовал в настоятельские покои, предложенные Его Высочеству о. настоятелем. Был вечер – канун праздника. Вы со кому гостю, по монастырскому обычаю, подан был ужин, к которому приглашался и настоятель. Но

последний, по своей простоте, отказался от этой высокой чести, сказав, что он завтра служащий, а в таких случаях не имеет обыкновения ужинать. Так был всегда верен себе старец-игумен».

«Вот она, заветная цель моих стремлений! – пишет К. Р. в дневнике. – Наконец-то сподобил Господь побывать здесь, в этой святой Обители, где, как лампада перед иконой, теплится православная вера, поддерживая в нас дух родного русского благочестия».¹

К. Р. любил церковную службу (и часто в своем дневнике говорил об этом). И здесь, в Оптиной, он стоял во время все-нощной, внимательно слушая слова молитв. Он пишет, что с дороги «немного раскис», но «в церкви стоял как следует, с полным вниманием, вытянувшись в струнку». «Бдение окончилось только после полночи, – пишет он. – На дворе совсем стемнело. По окончании богослужения архимандрит повел меня из церкви в свои келии. Двое монахов в черном с длинными свечами в руках шли впереди и светили».

В самый праздник святителя Николая К. Р. посетил «хибарку» старца Амвросия. «Я шел к старцу с волнением, – пишет К. Р. – И вот, переступив через порог небольшого домика с крытым балкончиком, я очутился в маленькой светлой комнате. Старец Амвросий привстал мне навстречу и благословил меня. Нас оставили вдвоем. Он среднего роста, худой, совершенно седой, с добрым лицом и умными пытли-

¹ Оптинские дневники К. Р. Цит. по: ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 31.

выми глазами. Он болен ногами; они у него в серых шерстяных носках; он то вложит ноги в башмаки, то снова их высунет. Ему трудно ходить. Его приветливый вид, опрятность и вся простая обстановка комнатки, книги на полках, цветы на окне, карточки, портреты и картины по стенам производят самое приятное впечатление. Старец скоро заговорил со мною о том, что жена у меня не православная и что мне надо стараться присоединить ее... Затем он говорил мне, что я бы должен сделать что могу, чтобы нижних чинов у нас не кормили скоромною пищею в постные дни... Многое я бы еще сказал, поверил ему, но у меня слов не хватило, я терялся в мыслях». На другой день К. Р. приходил в Скит проститься со старцем Амвросием.

Впоследствии К. Р. не раз вспоминал о беседе со старцем Амвросием, а также и соскитона начальником о. Анатолием (Зерцаловым). Он был на молебне в скитском храме св. Иоанна Предтечи и особенно запомнил там икону «Усекновения главы честного славного Пророка» (как называет ее К. Р. в своем письме). Вернувшись в Петербург, он послал в Оптинский Скит хорошей работы дорогую лампаду. «Я бы желал, – писал К. Р. архимандриту Исаакию, – чтобы эта лампада неугасимо теплилась перед святою Иконою, постоянно поддерживая духовное единение, установившееся между вашей обителью и мною со дня нашего первого знакомства» (10. IX. 1887).

Очень рад был К.Р. получить от старца Амвросия бла-

гословение для его сына Князя Иоанна – икону Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, копию скитской, и при этом письмо. Старец писал: «Ваше Императорское Высочество, Благовернейший Государь, Великий Князь Константин Константинович! Радоваться Вам о Господе и здравствовать со Всем Августейшим Семейством от всей души желаю.

По немощи моей и болезненности после других я, меньший, приношу Вашему Императорскому Высочеству искреннейшее и признательнейшее благодарение за милостивую память и милостивое внимание к худости моей и за присланную в Скит наш лампаду к иконе Усекновения Главы Великого Пророка и Предтечи и Крестителя Господа Иоанна, главного по Боге и Богородице ходатая о спасении нашем. Сам Господь свидетельствует о нем в Евангелии: Болий в рожденных женами пророка Иоанна Крестителя никтоже есть. И потому более всех святых он имеет дерзновение к Рожденному от Девы Господу нашему Иисусу Христу ходатайствовать о спасении нашем. Сильные молитвы Предтечи и Крестителя Господня да сохраняют Августейшего сына Вашего Иоанна, как носящего имя, и Ваше Императорское Высочество и все Августейшее Ваше Семейство да ограждают от всех скорбных обстояний. В знамение видимого заступления сего Великого Заступника посылаю Вашему Императорскому Высочеству Его икону Усекновения Главы. Неугасимая же теплющаяся лампада пред иконою Великого Предтечи и Крестителя Господня да служит нам, скитским и оптин-

ским обитателям, всегдашним напоминанием незабвенного Вашего пребывания в обители нашей и милостивого внимания к худости нашей.

Призывая на особу Вашего Высочества и на все Августейшее Семейство Ваше мир и благословение Божие, пребываю с глубокочитанием и верноподданническим чувством Вашего Императорского Высочества недостойный Богомолец, многогрешный *иеросхимонах Амвросий*. 2-го ноября 1887 года. Предтечев Скит при ОП».

Получив письмо старца Амвросия, К.Р. пишет: «И письмо и благословение Ваши я всегда буду свято хранить как знак памяти о незабвенных днях, проведенных в Вашей святой Обители, и о беседах в келии у вас» (31. XII. 1887)². Одновременно была получена К. Р. от архимандрита Исаакия Казанская икона Божией Матери. «Приношу вам горячую и искреннюю благодарность за дорогую мне святую икону Казанской Пресвятой Богородицы, – в тот же день, что и старцу Амвросию, писал К. Р. архимандриту Исаакию. – Дар ваш я по гроб жизни буду хранить и как святыню и как ваше благословение, а детям завещаю по моему примеру беречь присланный вами образ. Благодарю и за добрые строки ваши и за поздравление к празднику Рождества Христова. Я с радостью вижу из ваших писем, что и вы вспоминаете еще дни, составившие мне такую светлую и глубокую память. Пребывание в Оптиной Пустыни я забыть не могу и искренне желал

² ГАРФ. Ф. 660 Оп. 2. Д. 271. Л. 2–3.

бы в течение жизни еще побывать в вашей святой Обители».

Конечно, К. Р. не мог забыть и того, как оптинцы проводили его — до первой почтовой станции (К. Р. ехал на Белёв). «Архимандрит о. Исаакий, — писал он в дневнике, — хотел проводить меня до первой почтовой станции. Мы ехали с ним вдвоем. В селах и деревнях навстречу выходили крестьяне с хлебом-солью, с иконами: везде радость, восторженные крики «ура», благословения, приветствия; любопытные, ликующие и ласковые лица. Перед каждой избой вместо флагов развевались пестрые бабьи платки. Часа через полтора доехали до почтовой станции. Нежно простились с архимандритом Исаакием и отцом Анатолием».

Перед Пасхой 1888 года К. Р. получил еще письмо от старца Амвросия. После обычного обращения старец пишет:

«Наступающий Светлый Праздник Воскресения Христа Спасителя как бы невольно побуждает меня поздравить Ваше Высочество с сим знаменательным и всерадостным христианским торжеством и пожелать Вам и Всему Августейшему Вашему Семейству встретить и провести радостные дни сии в мире, здравии и утешении духовном.

Пользуясь настоящим случаем, позволяю себе представить при сем на благоусмотрение Вашего Высочества общее праздничное поздравление мое, посланное многим православным для душевной пользы, а Вашему Высочеству с особенною целию, чтобы содержанием того письма напомнить Вашему Высочеству о личной нашей беседе относительно

того, какой великий вред душевный приносится чрез то, что простых солдатиков без всякой надобности на службе кормят мясною пищею в постные дни. Солдатики эти (которых теперь по новому положению в каждом семействе два, а иногда три), приходя домой, продолжают нарушать пост уже по привычке, подавая сим дурной пример другим, а чрез это мало-помалу развращается всё Русское простое народонаселение; потому что свойство простого русского человека таково, что, если он решается волею или неволею нарушать пост, тогда он склонен бывает и на всякое другое зло. А за то и за другое неминуемо должно последовать наказание Божие.

Многие имеют обычай говорить, что нарушение заповедей о пище грех маловажный, забывая, что за одно вкушение запрещенного плода прародители наши были изгнаны из рая.

Всё это пишу Вашему Императорскому Высочеству для того, чтобы Вы в удобное время передали и объяснили кому следует, что нет никакой надобности кормить солдатиков в постные дни мясною пищею, потому что капусту и картофель и постное масло везде можно иметь для солдатиков, и эта растительная пища для них обычна и безгрешна. А кроме сего соблюдение постов во время мира подготовит войско к резким переменам пищи и во время войны, когда часто встречается неожиданный недостаток в ней.

Смиренно прошу Ваше Императорское Высочество простить меня великодушно и за дерзновение сказанного и вместе за невежество, что не принес Вашему Высочеству всеис-

креннейшего благодарения за милостивое и снисходительное внимание Ваше к моей худости.

Призывая на Ваше Высочество и на Августейшее Семейство Ваше мир и Божие благословение, пребываю с верноподданнической преданностью Вашего Императорского Высочества недостойный Богомолец многогрешный *иеромонах Амвросий*.

Г. Козельск. Оптина Пустынь.

Апреля 1888 года»³

К. Р. отвечал 8 мая:

«Глубокоочтимый отец Амвросий! Откликаюсь на ваше Пасхальное приветствие радостным ответом: воистину Христос воскрес! Примите мою благодарность за милое, доброе письмо и за общее поздравление, которое читал я с вниманием и искреннею признательностью. Слова ваши глубоко запали мне в душу; вы не можете сомневаться в том, что с вашим мнением я согласен совершенно. Рад бы я был, если б мог по вашему совету вывести из употребления в наших православных войсках принятие скоромной пищи в постные дни. Но такая благая мера, к сожалению, не в моей власти; я не только не могу провести ее, но даже лишен возможности повлиять своим мнением на тех, от коих эта мера зависела бы. В оправдание начальства скажу только, что, постановив скоромную пищу и упразднив постную, оно было дви-

³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 271. Л.4–5.

жимо добрым намерением: думают, что пост мог бы вредно повлиять на состояние здоровья войск. Насколько такое мнение основательно – судить не мне. Нам остается уповать, что ваш взгляд восторжествует над нынешним нежелательным порядком вещей.

Сегодня минул год со дня, как я впервые посетил святую вашу Обитель, а завтра с любовью буду вспоминать часы, к сожалению слишком краткие, год тому назад проведенные в вашей келии. Помолитесь Господу, дабы Он привел меня снова видеть и слышать вас и молиться среди вашей святости.

Очень прошу вас передать мою сердечную благодарность за поздравительные письма – архимандриту Исаакию и отцу Скитона начальнику. Будьте добры принять от меня вместе с ними недавно отпечатанную стихотворную мою работу; я начал трудиться над ней незадолго перед поездкой в вашу благословенную Пустынь, а окончил только через год, потратив много терпения и труда.

Прошу вас от всей души не оставлять меня дорогими вашими молитвами и не лишать высоко мною ценимого благословения.

Безгранично почитающий вас Константин».

В последующие годы побывают в Оптиной пустыни и сам К. Р., и его дети.

Из Оптиной пустыни К. Р. и П. Е. Кеппен ехали через

Белёв, Лихвин и Калугу. Белёв – родной город В. А. Жуковского, построенный им в молодости дом стоит на крутом берегу Оки. Справа, очень близко, – мощные стены древнего Спасо-Преображенского монастыря. За ним – Кресто-воздвиженский женский (окормляемый оптинскими старцами). В городе несколько церквей. Начальная школа, попечителем которой был И. В. Киреевский, главный помощник о. Макария в издании духовных книг, православный философ. Имение Киреевских, Долбино, в семи верстах отсюда. Была в Белёве одна особенная святыня – дом, где в 1826 году скончалась Императрица Елисавета Алексеевна, вдова Императора Александра I Благословенного, двоюродного деда К. Р. В этом доме, бывшем губернаторском, за счет казны был устроен вдовый дом и при нем церковь.

Петербургские синодальные «Церковные Ведомости» (1888, № 11) поместили «Корреспонденцию из города Белёва», где среди церковных событий рассказывается о приезде сюда К. Р.: «Великий Князь при посещении Елизаветинского храма здешнего вдовьего дома, устроенного в память и на месте кончины в Бозе почивающей Императрицы Елисаветы Алексеевны, обратил высокое внимание на скудное положение этого храма и в соучастии с Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергием Александровичем пожертвовал в него полное священническое, диаконское и псаломщическое серебряное, с голубым бархатом крестов облачение и такие же одежда и покровы на Престол,

жертвенник и аналогии. Пример Высоких Особ не замедлил вызвать подражание в местных жителях, от коих поступили пожертвования двух полных облачений и бронзовой люстры. Великий Князь также обратил внимание на скудное содержание священно-церковнослужителей вдовьего дома, и уже изыскиваются способы к улучшению положения бедствующего причта вдовьего дома».

«К. Р.» – Поэт Божией милостью Великий Князь Константин Константинович Романов и его место в литературе второй половины XIX века

1

В июле 1886 года вышла в свет первая книга Августейшего поэта: «Стихотворения К. Р.», СПб. (дозволено цензурою 12 мая 1886 года), 223 страницы, тираж одна тысяча экземпляров. Сборник предназначался не для продажи, а для раздачи кому придется, в первую очередь родственникам и друзьям. 26 июля К. Р. записал в дневнике: «Из Государственной типографии прислали два первых экземпляра моих стихотворений, всю тысячу пришлют на днях». Вскоре он начал дарить книгу. Он послал ее литераторам – поэтам, писателям, критикам: Н. Н. Страхову, А. Н. Майкову, И. А. Гончарову, А. А. Фету, А. Н. Апухтину, послал и П. И. Чайковскому, и еще многим. Конечно, сборник попал в руки и газетно-журнальным критикам. К. Р. ожидал не похвал, а дельных замечаний.

Отклик Апухтина пришел на мызу Смерди в августе. К. Р. записал в дневнике 23. VIII: «Мой письменный столик стоит на том же месте, как в прошлом году; на нем в порядке расставлены вещи, которые я всюду вожу с собою... На-лево четыре книжки: стихотворения Лермонтова, Пушкина, «Жемчужины русской поэзии» и «Но вый Завет». Серебряная чернильница кубиком, две свечи в медных подсвечниках, маленький барометр-анероид, печать с ручкой из пурпурина, часики, два портрета жены в складной рамке, катушка для пропускной бумаги с нефритовой ручкой. Тетради для записывания стихов и писем, вот эта книга для дневника и маленькая записная книжка в красном кожаном переплете... тоже для записывания стихов. Списываю письмо поэта Апухтина, которое получил в воскресенье.

Ваше Высочество!

Ваш благосклонный

Дар получил я вчера.

Он одиночество ночи бессонной

Мне услаждал до утра...

Верьте: не блеск и величие сана

Душу пленяют мою,

Чужды мне льстивые речи обмана,

Громких я од не пою.

В книге, как в зеркале, оком привычным

Вижу я отблески лиц:

Чем-то сердечным, простым, симпатичным

Беет от этих страниц.
Кажется, будто, на миг забывая
Света бездушного шум,
В них приютилася жизнь молодая,
Полная чувства и дум.
Жизнь эта всюду: в Венеции милой,
В грёзах любви золотой,
В теплых слезах над солдатской могилой,
В сходках семьи полковой...
Пусть вдохновенная песнь раздается
Чаще, как добрый пример!
В памяти чутких сердец не сотрется
Милая подпись К. Р.
Трудно мне кончить: слова этикета
Плохо вставляются в стих, —
Но как поэт Вы поймете поэта,
Если он кончит без них.

А. Апухтин Петербург, 16 августа 1886 г.

Эти стихи, — продолжает К. Р. дневниковую запись, — подействовали на меня отраднo, на меня повеяло от них теплом и лаской, я долго оставался под их обаянием».

Быстро отозвался на стихи К. Р. журнал князя В. П. Мещерского «Гражданин». 30 августа К. Р. пишет: «Прилагаю вырезку из «Гражданина» с разбором моих стихотворений, написанным кн. Мещерским. Отзыв благосклонный, но совершенно для меня неожиданный: я до сих пор воображал себя лириком, по крайней мере стихи в эпическом роде уда-

вались мне редко и с большим трудом. Моего «Манфреда» обругали, может быть, отчасти и справедливо. Но неужели же мой стих тяжел в этом драматическом отрывке? А я было собрался писать целую поэму, в таком же драматическом роде, да и не бросаю это намерение. Надо будет еще более обратить внимание на стих, вкладывая его в уста совершенно противоположных личностей... Но описание природы, цветов и нашего севера осталось незамеченным».

Запись: «13-го [сентября] утром. Написал Чайковскому. Он обратился ко мне с просьбой исходатайствовать ему разрешение посвятить Государыне 12 недавно сочиненных им романсов. Он кончил свою новую, и, как он говорит, свою лучшую и последнюю оперу «Чародейку», и зимой будет оркестрировать ее. Ему бы хотелось посвятить эту оперу Государю, и он просит меня помочь ему в этом. Это поручение мне очень приятно. Я послал Чайковскому свой сборник. Может быть, он что-нибудь из него положит на музыку».

В сентябре Чайковский писал К. Р. о его стихах: «Многие из них проникнуты теплым, искренним чувством, так и просятся под музыку!» Но прошло более года до той поры, когда Чайковский исполнил тайное желание К. Р. В декабре 1887 года он сообщает ему: «Я написал недавно шесть романсов на тексты симпатичного и полного живого поэтического чувства поэта К*** Р***». К. Р. отвечал: «Вы не поверите, как я обрадовался вашему обещанию прислать новые,

мне посвященные романсы и как я вам благодарен. Теперь по крайней мере шесть из моих стихотворений будут увековечены. Сгораю от нетерпения и любопытства узнать, какие именно вы выбрали» (11. XII. 1887). Эти шесть романсов были написаны на стихи: «Первое свидание», «О, дитя, под окошком твоим...», «Уж гасли в комнатах огни...», «Я вам не нравлюсь...», «Я сначала тебя не любила...» и «Растворил я окно...»⁴.

В начале октября 1886 года в газете «Новое время» появился разбор книги стихотворений К. Р., написанный Виктором Бурениным, критиком и поэтом, драматургом и фельетонистом. 4 октября К. Р. записывает: «В Павловск я поехал с 4-х часовым поездом. В вагоне читал фельетон Буренина и письмо Грота о моих стихотворениях. Буренин меня не обругал и отнесся к моей книжке, пожалуй, сочувственнее, чем к стихам Апухтина.

Стихотворение «Отцветает сирень» называет он виртуозным по форме». Ответ Я. К. Грота, который был не только филологом и лингвистом, но и поэтом, на посланную ему книжку, пришедший по почте, был гораздо дельнее. «Письмо Я. К. Грота доставило мне огромное удовольствие, – пишет К. Р. – Он с тщательным вниманием просмотрел всю мою книгу и отметил понравившиеся ему места и все замеченные им погрешности. Такого рода дельный разбор – не

⁴ Всего композиторами (Глазуновым, Кюи, Рахманиновым, Гречаниновым и др.) положено на музыку более семидесяти стихотворений К. Р.

то что не имеющие для меня важного значения взгляды всяких писак и фельетонистов и дает мне новый толчок вперед. Я с удвоенным рвением, можно даже сказать ожесточением, начинаю работать над отделкой своих последних произведений, стараясь достигнуть большего совершенства. Я совершенно чистосердечно и искренно говорю о своих последних стихах, что гордости нет в моей душе, что для меня ничтожны отзывы толпы, когда самый этот дар для меня лучшая награда и я смотрю на него как на талант, с помощью которого я обязан приобрести другие таланты»⁵.

16 сентября было получено письмо от Ивана Александровича Гончарова. «Он благодарит за книгу моих стихов и разбирает их. Ему они кажутся искренними, и он в этом видит главный признак таланта; выше всего он ставит «Письмо из-за границы», «Из лагерных заметок» и «Умер». Это письмо очень меня обрадовало и доставило мне большое удовольствие; он исписал целых два с половиною больших листа. Я согласен с ним, что стихи, которые ему понравились, одни из удачайших моих произведений. Но он ничего не говорит о коротеньких лирических произведениях, в которых я старался выразить свою любовь к нашему северу, к нашей скудной, но милой природе».

В конце октября Гончаров посетил К. Р. в Мраморном дворце. 3 ноября он писал ему: «Возвращаясь по набережной пешком домой, я много думал о замышляемом Вашим

⁵ См.: Евангелие от Матфея. (25: 15–28).

Высочеством грандиозном плане мистерии-поэмы, о которой Вы изволили сообщить мне несколько мыслей.

Если, думалось мне, план зреет в душе поэта, развивается, манит и увлекает в даль и в глубь беспредельно вечного сюжета – значит надо следовать влечению и – творить. Но как и что творить (думалось далее)? Творчеству в истории Спасителя почти нет простора. Все Его действия, слова, каждый взгляд и шаг начертаны и сжаты в строгих пределах Евангелия, и прибавить к этому, оставаясь в строгих границах христианского учения, нечего... Следовательно, художнику-поэту остается на долю дать волю кисти и лирическому пафосу, что и делали и делают живописцы и поэты разных наций... Всем этим я хочу только сказать, какие трудности ожидают Ваше Высочество в исполнении предпринятого Вами высокого замысла. Но как Вы проникнуты глубокою верою, убеждением, а искренность чувства дана Вам природою, то тем более славы Вам, когда Вы, силою этой веры и поэтической ясновидения – дадите новые и сильные образы чувства и картины – и только это, ибо ни психологу, ни мыслителю-художнику тут делать нечего.

Я отнюдь не желал бы колебать Вашей решимости или подсказывать свои сомнения в Ваших силах – нет. Читая томик, лежащий у меня под рукою, Ваших стихотворений, и между прочим переводов – я все более и более убеждаюсь в несомненных признаках серьезного дарования. Я только хотел сказать несколько своих мыслей по поводу избранного

сюжета... Сам я, лично, побоялся бы религиозного сюжета, но кого сильно влечет в эту бездонную глубину – тому надо писать».

Позднее (в 1889 году) П. И. Чайковский, не зная о замысле К. Р., писал ему: «Ваше Высочество говорите, что не надеетесь написать что-нибудь крупное. Я же ввиду Вашей молодости совершенно уверен, что Вы их напишете несколько. Так как Вы имеете счастье обладать живым, теплым религиозным чувством (это отразилось во многих стихотворениях Ваших), то не выбрать ли Вам Евангельскую тему для Вашего ближайшего крупного произведения? А что, если бы, например, всю жизнь Иисуса Христа рассказать стихами? Нельзя себе представить более колоссального, но вместе с тем и более благодарного сюжета для эпопеи! Если же Вас пугает грандиозность задачи – то можно удовольствоваться одним из эпизодов жизни Иисуса Христа, например, хотя бы Страстями Господними. Мне кажется, что если с евангельской простотой и почти буквально придерживаясь текста, например евангелиста Матфея, изложить эту трогательнейшую из всех историй стихами, – то впечатление будет подавляющее!»

Удивительно, как близко подошел в своих советах Петр Ильич к уже возникшему у К. Р. замыслу.

Весной 1887 года К. Р. навестил Гончарова в его холостяцкой квартире. Старый писатель был простужен и почти не выходил на воздух. Гончарову было приятно участливое

внимание Великого Князя. В ходе беседы он попросил его прислать ему новые стихи свои, не вошедшие в сборник. Это был ряд прекрасных стихотворений, написанных в течение 1886 года. К. Р. послал эти стихи Гончарову и получил ответ:

«Новые стихи отличаются типическими свойствами Вашей искренней, нежной, любящей натуры, – писал Гончаров. – Таких стихотворений есть несколько, между прочим – «Помнишь ли ты, как бродили мы по полю...» или молитва «Научи меня, Боже, любить...», потом «Благослови меня». «Пронеслись мимолетные грезы!..» – слишком лично субъективное стихотворение». Гончаров нашел, как строгий критик, несколько прозаических выражений в стихах, упрекнул автора в том, что он не всегда мотивирует свои чувства. Далее он отметил еще два понравившихся ему стихотворения: «Не ждал я, признаюсь, такого одобренья...» и «Колыбельная песенка», посвященная К. Р. своему сыну Иоанну (Иоанчику, как его звали в семье). О втором: «“Колыбельная песенка” – чудесно, грациозно, нежно. Печальный взгляд Божией Матери, обращенный к ребенку с предвидением жизненного горя, – прелесть. Это сравнение подсказало Вам Ваше родительское сердце». И далее: «Вы действительно рождены с огнем поэзии».

Книжку своих стихотворений К. Р. 2 декабря 1886 года послал А. А. Фету при следующем письме: «Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, пишу Вам, не имея, к моему искреннему сожалению, удовольствия быть лично с Вами

знакомым. Мне привелось узнать стороной, что Вы удостоили снисходительного отзыва стихотворения К. Р., принадлежащие моему скромному, начинающему и весьма неопытному перу. Я глубоко ценю такой бесконечно лестный для меня отзыв как мнение одного из наших маститых стихотворцев пушкинской школы. Примите же от меня снисходительно прилагаемую книжку стихов и дайте мне надеяться, что Ваше дорогое сочувствие принесет мне счастье на избранном мною пути». В заключение письма К. Р. пригласил Фета посетить Мраморный дворец.

Фет отвечал: «Нынешней осенью я случайно попал в фельетоне «Нового Времени» на некоторые стихотворения, отличающиеся истинным поэтическим порывом и прирожденною потребностью красоты. Обрадованный неожиданной находкой, я поделился ею с вошедшим ко мне [В. С.] Соловьевым, спросивши: «Не правда ли, как хорошо?» «Не знаете ли, – спросил он, – чье это?» И на отрицательный ответ мой он сам, взглянув в газету, по двум буквам К. Р., сообщил мне, что это стихи Вашего Высочества. Итак, я прежде был побежден поэтом, чем Великим Князем. Факт этот может быть удостоверен».

В своем письме к К. Р. от 27 декабря 1886 года Фет делится с ним своими представлениями о том, каким должно быть настоящее лирическое стихотворение. Оно, пишет Фет, «подобно розовому шипку: чем туже свернуто, тем больше носит в себе красоты и аромата». И далее: «Поэзия непременно

но требует новизны, и ничего для нее нет убийственнее повторения, а тем более самого себя. Хотя бы меня самого, под страхом казни, уличали в таких повторениях, я, и сознавшись в них, не могу их не порицать. Под новизною я подразумеваю не новые предметы, а новое их освещение волшебным фонарем искусства».

Очень ободряющие слова сказал автору по поводу «Стихотворений К. Р.» А. Н. Майков: «Впечатление Вашего сборника я не могу иначе характеризовать, как сказав, что оно – самое радостное. Удивительная искренность, чудная душевная чистота – и всё это в весенней обстановке юности – заставили бы полюбить поэта, если б не видали и не знали его».

На одобрителный отзыв Н. Н. Страхова, с которым всю жизнь по поводу почти каждого своего стихотворения советовался Фет (о чем Фет писал К. Р.), К. Р. ответил письмом, которое было как бы итогом всей переписки по поводу его стихотворного сборника. «Я читал и перечитывал ваши отзывы о моих стихотворениях, – писал К. Р., – и спешу выразить искреннюю благодарность за ваше сочувствие к моим первым опытам... В обществе, в котором я вращаюсь, мои стихи произвели впечатление; похвалы им я слышу со всех сторон; прекрасный пол особенно щедр на них. Это хотя и ласкает мое самолюбие, но несколько меня не удовлетворяет. Мне нужно более осмысленное суждение, а не одна пустая похвала лиц, ничего в деле поэзии не понимающих. Я не хочу быть дилетантом в словесности; я смотрю на свое

дарование как на талант, ниспосланный мне свыше, и не желал бы уподобиться неключимому рабу⁶. Я убедился опытом, что только посредством неутомимого труда можно достигнуть чего-нибудь, и надеюсь с Божией помощью совершенствоваться, терпеливо стремясь к заветной цели... Писать я могу только, когда меня посещает вдохновение, этот сладостно-мучительный недуг. Когда оно нахлынет, я пишу, но всегда медленно и с большим трудом. Благодаря многим отзывам, слышанным мной о моих стихах с разных сторон, я теперь более зрело и строго отделяваю то, что выливается из-под пера. Но нередко впадаешь в уныние и руки опускаются, когда хочется писать, и не можешь».

2

Корифеи русской лирической поэзии были уже старцами, хотя и продолжали творить, в иных случаях даже более молодо и свежо, чем в прежние годы: Фет уже в преклонные годы начал печатать выпуски своих чудесных «Вечерних огней»; Полонский издал «Вечерний звон» (как бы итоговый сборник). Не ослабевало поэтическое творчество Майкова. Все они, поочередно, празднуют в эти годы пятидесятилетие писательской деятельности, а К. Р. находился почти в начале своего поэтического пути. Тем не менее он был высоко оценен ими как поэт, и они стали посылать ему свои новые,

⁶ Мф. 25: 15–28.

еще не напечатанные, стихи, — и для отзыва, и просто, по обычаю своего узкого кружка, поделиться самым дорогим с собратом по перу. Они обменивались не только письмами, но и стихотворными посланиями.

Так, в феврале 1887 года К. Р. пишет обращенное к Майкову стихотворение: «В ответ на его письмо с новыми стихотворениями»:

Опять твое раздалось пенье,
Опять звучит нам песнь твоя!
К ней, очарован, в восхищенье
Опять прислушиваюсь я.
Забыта вновь юдоль земная,
Я будто слышу твой призыв,
И, словно крылья расправляя,
Вмиг вострепнувшись и ожив,
Душа и просится и рвется
В те неземные высоты,
Откуда голос твой несется,
Туда, откуда манишь ты,
О, пой нам! Пой не умолкая
С той высоты, чтоб и опять
Я в этой дивной песне рая
Мог вдохновенье почерпать.

На это последовал стихотворный ответ: «Е[го]. И[мператорскому]. В[ысочеству]. Великому Князю Константину Константиновичу»:

Зачем смущать меня под старость!
Уж на покой я собрался —
Убрал поля, срубил леса,
И если новая где зарость
От старых тянется корней,
То это – бедные побеги,
В которых нет уж прежних дней
Ни величавости, ни неги...
Даль безграничная кругом,
И, прежде крытое листвою,
Одно лишь небо надо мною
В безмолвном торжестве своем...
И вот – нежданно, к нелюдиму,
Ваш стих является ко мне
И дразнит старого, как в зиму
Воспоминанье о весне.

Это было напечатано в «Русском Вестнике», № 3 за 1887 (С. 365). 10 апреля 1887 года отмечалось пятидесятилетие писательской деятельности Якова Петровича Полонского. Он был не только поэт, но и прозаик и уже в 1885 году выпустил десяти томное собрание сочинений. К. Р. приветствовал его по случаю юбилея стихами:

Незабвенных поэтов бессмертную лиру
Унаследовал ты, о, певец!
Ты ревниво и свято сберег ее миру

И стяжал себе славы венец.
В чутких струнах будила волшебные звуки
Вдохновенная песня твоя,
То врачуя сердец сокровенные муки,
То веселье и радость лия,
Лишь во имя того, что светло и правдиво,
Что волнует восторгами грудь,
Лишь во имя добра ты всю жизнь терпеливо
Свой тернистый прокладывал путь.
И за то, что завет тех певцов незабвенных
Ты исполнил, трудясь и любя,
Никогда в песнопеньях твоих вдохновенных
Не забудет Отчизна тебя.

Получив письмо К. Р. со стихами, посвященными Майкову, Фет откликнулся посланием «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу»:

...Ужели жизнь опять приветна?
Ужель затихли безответно
И буря и недуга злость?
Какая весть благоволенья!
Какая свежесть вдохновенья!
Какой в глуши высокий гость!
Весной нежданной сладко веет,
В груди теплей, в глазах светлеет,
Я робко за тобой пою.
И сердце благодарно снова
За жар живительного слова,

За юность светлую твою.

Очень любопытна эта стихотворная переписка. Дружеские послания Фета, Майкова, Полонского, К. Р. непохожи на этот жанр первой трети XIX века, на стихотворную переписку Батюшкова, Жуковского, Пушкина, Вяземского и других поэтов «золотого» времени поэзии. У них это личный, с глазу на глаз разговор, непринужденный, не стесненный ни требованием жанра, ни временем. Это беседа не только поэтов, но друзей, объединенных множеством общих интересов, – в дружеских посланиях мелькали многочисленные реалии (имена, события, намеки...), понятные только им. Без комментариев при их издании не обойтись. Послания же поэтов 1880–1890-х годов отличаются краткостью, виртуозностью формы, находчивостью поэтических оборотов и всегда – не дружески-непринужденным тоном, а возвышенным и строгим. Никакие детали быта не входят в них. Нет и намеков, понятных только им. В каждом случае это лирическое стихотворение. К. Р. вошел в эту переписку на высоком уровне мастерства.

В 1880–1890-е годы Фет написал целый ряд стихотворных посланий к К. Р. (а также к его супруге и к сестре его Ольге Константиновне). Также и К. Р., который относился к Фету примерно так, как молодой Пушкин к маститому Жуковскому. Вот характерное послание Августейшего поэта к своему учителю:

Отважно пройдена дорога,
И цель достигнута тобой:
Ты, веря в доброе и в Бога,
Свершил высокий подвиг свой.
И ныне следом за тобою
Пуститься в путь дерзаю я;
Пусть путеводною звездою
Сияет вера мне твоя.
А ты, испытанный годами,
Не унывающий боец,
Ты – убеленный сединами,
Венчанный славою певец.
Меня, возвращенного судьбою
В цветах, и счастье, и любви,
Своей дряхлеющей рукою
а трудный путь благослови.

В сонете «А. А. Фету. На пятидесятилетие его писательской деятельности 26-го января 1889» К. Р. поэтически-виртуозно выразил суть того впечатления, которое производит поэзия Фета (это уже не юбилейная любезность, а факт высокой поэзии):

Есть помыслы, желанья и стремленья,
И есть мечты в душевной глубине:
Не выразить словами их значенья,
Неведомы, таятся в нас оне.

Ты понял их: ты вылил в песнопенья
Те звуки, что в безгласной тишине
Пленяют нас, те смутные виденья,
Что грезятся лишь в мимолетном сне.
Могучей силой творческого духа
Постигнув все неслышное для уха,
Ты угадал незримое для глаз.
И сами мы тех сердца струн не знали,
Что в сладостном восторге трепетали,
Когда, чаруя, песнь твоя лилась.

Многому учился К. Р. у Фета, в том числе недоверию к себе, исканию профессиональных советчиков. Фет не считал себя мастером, не способным на ошибки, и не скрывал этого. 3 июля 1887 года к нему в Воробьевку, имение его, приехали Н. Н. Страхов и В. С. Соловьев. Фет пишет К. Р., что беседовал «с тонким знатоком поэзии В. С. Соловьевым, с одной стороны, и тончайшим критиком Н. Н. Страховым, который и на этот раз улучил время для просмотра сорока пяти моих стихотворений, предназначенных осенью к напечатанию отдельным, третьим, выпуском «Вечерних огней». При этом он так был строг, что вынудил во многих местах Соловьева заступиться за меня, грешного. Излишне прибавлять, как глубоко я им признателен» (6.VII.1887). Таким же образом Фет готовил и следующий выпуск – 4-й – «Вечерних огней». Он писал К. Р.: «Несмотря на обуявшую Страхова лень, я принудил его рассмотреть пятьдесят моих стихотво-

рений... Стихотворений шесть мы окончательно вычеркнули, зато многие при помощи поправок получили определенность и ясность» (8.VIII. 1888).

Личное знакомство Фета и К. Р. произошло в Мраморном дворце, куда старый поэт приехал из своей Воробьевки 17 декабря 1887 года. «Это была наша первая встреча, – писал К. Р. – А до этого мы уже целый год переписывались, не видав друг друга». Со своей стороны К. Р. навестит Фета в его московском доме на Плющихе. Это будет позднее.

Посылая в январе 1888 года Великому Князю Константину Константиновичу третий выпуск своих «Вечерних огней», Фет сделал на нем надпись – посвящение К. Р.:

Трепетный факел, – с вечерним мерцанием
Сна непробудного чуя истому,
Немощен силой, но горд упованием
Вестнику света сдаю молодому.

К. Р. очень дорожил своим знакомством с Иваном Александровичем Гончаровым, встречами и перепиской с ним. И стихотворное посвящение ему, написанное К. Р., имеет несколько иной характер, чем послания к поэтам. Это очень четко и ладно скроенное благодарение, чеканные приветственные стихи, в своем роде шедевр:

Венчанный славою нетленной,
Бессмертных образов творец!

К тебе приблизиться смиренно
Дерзал неопытный певец.
Ты на него взглянул без гнева,
Своим величьем не гордясь,
И звукам робкого напева
Внимал задумчиво не раз.
Когда ж бывали песни спеты,
Его ты кротко поучал;
Ему художества заветы
И тайны вечные вешал.
И об одном лишь в умиление
Он ныне просит у тебя:
Прими его благодаренье
Благословляя и любя!

«Стихотворение, обращенное ко мне, – писал Гончаров К. Р., – я анализирую не критикой ума, а сердцем, сладко над ним задумываюсь и глубоко, умиленно благодарю!»

В письмах к Гончарову К. Р. с доверчивостью человека, все сообщенное которым будет принято с искренним и добрым вниманием, рассказывает о подробностях своего быта (в письмах к Фету – иное...). Так, 24 июня 1887 года он пишет из Красного Села: «Полк перебрался сюда в половине мая, а свою маленькую семью я в то же время перевел в Павловск. Туда я ездил по воскресеньям и праздничным дням, а остальное время обучал роту строю, всяким тактическим хитростям и стрельбе. Эти занятия, как я не раз говорил вам, преисполнены поэзии, несмотря на их кажущуюся сухость...

Пошли беседы с фельдфебелем о цене на сено для артельной лошадки, о больных, о провинившихся, об отличившихся на стрельбе, о капусте и грибах. Опять сиюминутно является ко мне ротный писарь с рапортом, бумагами, списками и сведениями. Опять является артельщик с вечным нерешительным требованием: «Денег позвольте...» Я продолжаю писать; моя поэма «Севастиан-мученик» приходит к концу. Это мое первое длинное произведение».

Поэма К. Р. «Севастиан-мученик» будет окончена в Павловске 22 августа 1887 года. 10 июля К. Р. посылает Гончарову новое стихотворение. «Вы подаете мне мысль, – пишет он, – переложить на стихи слова Архангела Пресвятой Деве, приведенные в Евангелии от Луки. Представьте, что эта мысль и мне приходила уже давно, и я надеюсь, что когда-нибудь мне и удастся написать этот Ave Maria.

Вы так подкупаете меня снисходительным отзывом о моих стихотворных переложениях из Св. Писания, что я решаюсь представить на ваше обсуждение стихи, написанные мною нынче весной на Страстной Неделе. Я старался передать в них впечатления, производимые на нас умирительными молитвами служб Святых Страстей; как увидите, у меня перечислены главнейшие из этих молитв. Я пытался в кратких словах изложить сущность их содержания, но боюсь, что далеко не достиг трудной цели».

Ответ Гончарова К. Р. получил 20 июля, через неделю после того, как у него родился второй сын – Князь Гавриил.

Гончаров тепло поздравил Великого Князя и его супругу с такой радостью, а основную часть письма посвятил отзыву о присланном стихотворении «На Страстной Неделе» и разговору о духовной поэзии.

Стихотворение «На Страстной Неделе» написано с большим искусством и ясно чувствуемой глубокой верой («Же-них в полунощи грядет!...»). «Я прочел его с таким же умилением, – писал Гончаров, – с каким оно, очевидно, написано, или, вернее, излилось из души поэта, как изливались и самые оригиналы этих молитв из вдохновенных верою душ их авторов. Такие молитвы есть поэзия верующей души, поэзия возносящегося к Богу духа. Всякий – глубоко ли или младенчески верующий и пламенно молящийся – в момент молитвы есть и лирический поэт... Оно (стихотворение) дышит и молитвенным, чистым настроением, и сжато, и сильно. Счастливая мысль – совокупить в нескольких строках главные лучшие молитвы прекрасных, умилительных молитв Страстной Недели... Почти все наши поэты касались высоких граней духа, религиозного настроения, между прочим, величайшие из них: Пушкин и Лермонтов; тогда их лиры звучали «святою верою» («И дышит благодатная святая вера в них» и т. д.), но ненадолго. Тьма опять поглощала свет, т. е. земная жизнь брала свое».

15 сентября 1887 года К. Р. пишет Гончарову: «Со страхом и трепетом посылаю вам «Севастиана-мученика», надеясь, что вы не откажетесь искренно и не жалея моего само-

любия высказать ваше суждение».

Это была поэма в двух частях, посвященная «королеве эллинов Ольге Константиновне», которая, как видно из стихотворного «Посвящения», и внушила автору этот сюжет. Ольга Константиновна летом 1887 и летом следующего года отдыхала в Павловске и много общалась с братом. Поэма впервые была напечатана в «Русском Вестнике» (№ 5 за 1888 год).

По мастерству, по четкости языка и формы, свободе речи и сжатости ее, звучности рифм, по неабстрактной живописи деталей быта третьего века «Севастиан-мученик» одно из лучших произведений в этом роде. Очень жив и высок религиозный дух поэмы, веющий свежестью жизни, а не так называемым ароматом пыльных страниц истории. Удивительно, как воскресает (не скажешь иначе) древность под пером К. Р.! «Севастиан-мученик» – блестящая проба перед грядущим грандиозным «Царем Иудейским», о котором он размышлял более четверти века.

В 1889 году вышел «критический этюд» Евгения Гаршина «Три поэмы», где он рассматривает три замечательных произведения, напечатанных в 1888 году: поэмы «Брингильда» А. Н. Майкова, «Яромир и Предслава» графа А. А. Голенищева-Кутузова и «Севастиан-мученик» К. Р. «Молодую ясностью и свежестью преисполнено третье из разбираемых нами произведений, поэма «Севастиан-мученик», изящный плод поэтического досуга, которым располагает

ее автор. Эта грациозная пьеса является блестящим образцом неувядаемости того же романтического направления, с которым тесно связаны лучшие традиции русского общества... Прекрасное содержание вылилось в прекрасную форму: безупречное изящество поэмы, с внешней стороны, придает произведению одаренного поэта особую привлекательную силу. Ему чрезвычайно удались описания, которые дышат у него лермонтовскою образностью и колоритностью, как, например, следующая в живописных штрихах набросанная картина:

Гаснет алый запад, догорая
В небесах малиновой зарёй;
Быстро тень надвинулась густая,
И звезда зажглася за звездой.
Уж померкло небо голубое,
Тихо всё... Уснул великий Рим;
И в немом, задумчивом покое
Ночь спустилася над ним.

Изящный в отделке своего стиха, наш молодой поэт обладает уже и мастерством психического анализа, блестящие зачатки которого он, несомненно, проявляет в своеобразной разработке агиографического сюжета, к которому он отнесся совершенно по-своему, хотя и не отступая от исторической правды и церковного предания... Вообще молодой автор такой серьезной по замыслу и такой законченной по ис-

полнению поэтической пьесы, как поэма «Севастиан-мученик», автор, хорошо известный знатокам и любителям русской поэзии и по другим своим произведениям, выступает перед нами вполне созревшим представителем лучшего литературного течения в области русского творчества, течения, живо сказавшегося в трех произведениях, разбору которых посвящен настоящий этюд. Все эти три поэмы вместе являются блестящим доказательством здорового состояния русской поэзии в данный момент и залогом ее преуспевания ни в каком ином направлении, как только в том, которое насаждено у нас отцами русской поэзии – Жуковским и Пушкиным».

Г. Нелюбин писал позже, в 1902 году: «В «Севастиане-мученике» К. Р. поднялся до кульминационной точки своего поэтического кругозора: это безусловно лучшее его произведение, вещь, которая сделала бы честь любому из признанных корифеев русской поэзии... Немудрено поэтому, что из всех произведений нашего поэта «Севастиан-мученик» пользуется наибольшей популярностью. Не смотря на довольно значительные размеры «Севастиана...», поэма К. Р. вошла в многие сборники и хрестоматии, а также вышла отдельным изданием».

Севастиан-мученик

*Претерпевый же до конца, той спасется.
Мф. 24: 13*

Посвящение

Королеве эллинов Ольге Константиновне

Тебе, тебе, мой ангел нежный,
Я посвящаю этот труд;
О, пусть любовно и прилежно
Твои глаза его прочтут.

Ты мне внушила эти строки,
Они тобой вдохновлены:
Пусть же будут в край далекий
Они к тебе унесены.

И если грудь занает больно
Тоской по нашей стороне,
Пусть тогда они невольно
Тебе напомнят обо мне.

И пусть хоть тем тебе поможет

Тот, кто всегда и всюду твой,
Кто позабыть тебя не может
И чья душа полна тобой.

Часть первая

1

В Риме праздник. Рыщут колесницы,
Топот, стук колес по мостовой,
Ржанье, свист бича и крик возницы
В гул слилися. К форуму толпой
Повалил народ. Снуют носилки,
Пыль клубится облаком густым;
Фыркает, храпит и рвется пылкий
Конь под всадником лихим.

2

В честь богини зелению, цветами
Убран был Венеры пышный храм;
От курильниц синими клубами
Возносился легкий фимиам.
В наготе божественного тела,
Фидия рукою создана,
В благовонном сумраке белела
Олимпийская жена.

3

Совершая жертвоприношение,
Цезарь сам стоял пред алтарем,
И жрецы в немом благоговеньи
С утварью теснились кругом.
Все во прах повергнулись толпою.
Преклонился сам Максимиан, —
Не поник отважной головою
Лишь один Севастиан.

4

Засверкали цезаревы очи
И злоещим вспыхнули огнем,
Вне себя он стал мрачнее ночи
Искаженным яростью лицом:
«Ты ль не хочешь чтить моей святыни,
Возмущая наше торжество?
Ты ль, трибун мой, дерзкою гордыней
Оскорбляешь божество?»

5

И бесстрашно, твердо и спокойно
Отвечал ему Севастиан:
«Человеку, цезарь, недостойно
Почитать бездушный истукан.
Правды нет в твоей безумной вере,
Ваши боги – лживая мечта,
Не могу я кланяться Венере,
Исповедуя Христа!

6

Он – мой Бог! Его святою кровью
Грешный мир искуплен и спасен;
Лишь Ему с надеждой и любовью
Я молюсь коленопреклонен.
Небеса Он создал, создал землю,
Создал все, что дышит и живет.
Лишь Его велениям я внемлю,
Он мне помощь и оплот!

7

Неподвижно, в трепетном молчанье,
Царедворцы робкою толпой
Роковое слушали признание,
Изумляясь дерзости такой.
Обезумел цезарь, злобы полный,
Ярый гнев уста его сковал,
И смятенным ликторам безмолвно
Он трибуна указал.

8

Вмиг вокруг него живой стеною
Их сомкнулись тесные ряды;
Повлекли они его с собою
В гору, в Палатинские сады.
Нумидийской цезаревой стражей
Сдали там с рук на руки его...
И покорно стал от злобы вражьей
Он конца ждать своего.

9

Гаснет алый запад, догорая
В небесах багряною зарей;
Быстро тень надвинулась густая,
И звезда зажглася за звездой.
Уж померкло небо голубое,
Тихо все... Уснул великий Рим;
И в немом, задумчивом покое
Ночь спустилася над ним.

10

Уж во власти тихого Морфея,
Под его чарующим крылом
Все, в дремоте сладкой цепenea,
Позабылось безмятежным сном.
Лишь, к стволу привязан кипариса,
Молодой трибун-христианин
Там, в саду цветущем Адониса,
В эту ночь не спит один.

11

А кругом, на храмы, на чертоги,
Налегла таинственная тьма;
Сторожат изваянные боги
Рощи Палатинского холма;
Сладко в них цветы благоухают,
Водометы плещут и журчат
И росой свежей орошают

Мрамор царственных палат.

12

Полночь дышит влажною прохладой...

У стены на каменном полу

Стража крепко спит под колоннадой.

Догорев, костер дымит в углу;

Пламя, вспыхнув, озарит порою

То карниз, то вазу, то плитку,

И, кружась, искры над золою

С треском гаснут на лету.

13

И задумчив узник одинокий,

Кротких глаз не сводит он с костра:

Скоро мрак рассеется глубокий,

Минет ночь, – недолго до утра.

Заблестит восток воспламененный,

Брызнут солнца первые лучи

И разбудят этот город сонный,

И проснутся палачи.

14

На него они наложат руки,

Истерзают молодую грудь,

И настанет час предсмертной муки,

И окончен будет жизни путь.

Словно искра, в мраке исчезая,

Там, над этим тлеющим костром,

Жизнь его, как утро, молодая
В миг один угаснет в нем.

15

Но ни жизни, полной юной силы,
Ни даров земных ему не жаль,
Не страшит его порог могилы;
Отчего ж его гнетет печаль?
Отчего заныла грудь тоскою?
Отчего смутилось сердце в нем?
Иль ослаб он бодрою душою
Пред мучительным концом?

16

Не его ли пламенным желаньем
Было встретить доблестный конец,
Радость вечную купить страданьем
И стяжать мучения венец?
Не мечтал ли дни он молодые
Положить к подножию Креста
И, как те избранники святые,
Пасть за Господа Христа?

17

Но они не ведали печали:
Не в тиши безмолвной и глухой,
Посреди арены умирали
Пред ликующей они толпой.
Нет, в душе их не было кручины,

Погибать отрадней было им:
В Колизее славной их кончины
Был свидетель целый Рим.

18

Может быть, звучали в утешенье
Им слова-напутствия друзей,
Их молитвы, их благословенья,
Может быть, меж сотнями очей
Взор они знакомый различали
Иль привет шептавшие уста;
Мужества, дивясь, им придавали
Сами недруги Христа.

19

А ему досталась доля злая
Позабытым здесь, в глуши немой,
Одиноко, в муках замирая,
Изнывать предсмертною тоской.
Никого в последнее мгновенье
Не увидит он, кто сердцу мил,
Кто б его из мира слез и тленья
Взором в вечность проводил.

20

А меж тем над спящею столицей,
Совершая путь обычный свой,
Безмятежно месяц бледнолицый
Уж плывет по выси голубой.

Просияла полночь; мрак редее,
Всюду розлит серебристый свет,
И земля волшебным блеском рдеет
Небу чистому в ответ.

21

Там белеет храм Капитолийский,
Древний форум стелется под ним;
Здесь колонны, арки, обелиски
Облиты сияньем голубым;
Колизей возносится безмолвный,
А вдали извилистой каймой
Тибра мутные струятся волны
За Тарпейскою скалой.

22

И, любуясь дивною картиной,
Позабылся узник молодой;
Уж теперь не горем, не кручиной
Сердце полно – сладкой тишиной.
Приутихло жгучее страданье,
И в душе сомненье улеглось:
Этой ночи кроткое сиянье
Словно в грудь ему влилось.

23

Примиренный с темною судьбою,
Вспоминает он былые дни:
Беззаботной, ясной чередой

Пронеслись на севере они.
Видит он зеленые равнины,
Где блещут сквозь утренний туман
Альп далеких снежные вершины,
Видит свой Медиолан.

24

Видит дом родной с тенистым садом,
Рощи, гладь прозрачную озер
И себя, ребенком малым, рядом
С матерью; ее он видит взор,
На него так нежно устремленный...
Как у ней был счастлив он тогда,
Этим милым взором осененный,
В те беспечные года!

25

От нее услышал он впервые
Про Того, Кто в мир тоски и слез
Нам любви учения святыя
И грехов прощение принес;
Кто под знойным небом Галилеи
Претерпел и скорбь, и нищету
И Кого Пилат и фарисеи
Пригвоздили ко кресту.

26

Но года промчались стрелою...
Детства дней счастливых не вернуть!

Он расстался с домом и семьею,
Перед ним иной открылся путь:
Он, покорный долгу, в легионы
Под знамена бранные вступил
И свой меч, отвагой закаленный,
Вражьей кровью обагрил.

27

Бой кипел на западе далеком:
Там с врагами Рима воевал
Юный вождь. Ревнивым цезарь оком
На победный лавр его взирал.
Против франков, в войске Константина,
Острых стрел и копий не страшась,
Севастьян и с ним его дружина
Храбро бились не раз.

28

Но и в грозный час кровавой битвы,
Поминая матери завет,
Благодатной силою молитвы
Соблюдал он в сердце мир и свет.
Бодрый дух его не устрашали
Зной и стужа, раны и нужда;
Он сносил без жалоб, без печали
Тягость ратного труда.

29

И, властям всегда во всем послушный,

Он жалел подвластных и щадил;
С ними он, доступный, благодушный,
И печаль, и радости делил.
Кто был горем лютым, иль несчастьем,
Или злой невзгодой удручен,
Шел к нему, и всякого с участием
Принимал центурион.

30

И за то с любовью беспримерной
Подчинялись воины ему,
Зная, что своей дружины верной
Он не даст в обиду никому,
И везде, из всех центурий стана,
И в бою, и в пору мирных дней
Отличалась сотня Севастьяна
Ратной доблестью своей.

31

И привязан был он к этой сотне
Всеми силами души своей;
В ней последним ратником охотней
Был бы он, чем первым из вождей
Всех когорт и легионов Рима.
Не желал он участи иной,
Не была душа его палима
Властолюбия мечтой.

32

В бранном стане, в Галлии далекой
Скромный дорог был ему удел,
И его на блеск и сан высокий
Променять бы он не захотел.
Почесть с властью, или роскошь с силой,
Или все сокровища земли
Никогда ему той сотни милой
Заменить бы не могли.

33

Что людьми зовется верхом счастья,
То считал тяжелым игом он.
Но увы! непрошеною властью
Слишком рано был он облечен!
О, какую горькою кручиной
Сердце в нем исполось, когда
С этой храброй, доблестной дружиной
Он расстался навсегда.

34

Никогда доселе сердцем юным
Ни тщеславен не был он, ни горд;
У преторианцев став трибуном,
Во главе блестящих их когорт.
Он остался воином смиренным,
Ни наград не ждавшим, ни похвал,
И, горя усердьем неизменным,
Честно долг свой исполнял.

35

Но душе его прямой и нежной
Чужд был этот гордый, пышный Рим,
Этот Рим порочный и мятежный,
С ханжеством, с безверием своим
Утопавший в неге сладострастной,
Пресыщенный праздной суетой,
Этот душный Рим с подобострастной
Развращенною толпой.

36

Здесь, в тревожной суетной столице,
Окружен неправдою и злом,
Как в глухой, удушливой темнице,
Изнывал он сердцем и умом.
Полн отваги, мужества и рвения,
До конца готовый претерпеть,
Жаждал он скорей принять мученья
И за веру умереть.

37

И пришла пора освобождения:
Только ночь прожить еще одну,
И настанет час успокоенья.
С упованьем глядя в вышину,
Он привет читает в блеске ночи:
Звезд лучи, пронизывая тьму,
С голубых небес, как Божьи очи,
Светят радостно ему.

38

Небо залито лазурью нежной,
Закатился месяц в облака;
Медленно, неслышно, безмятежно
Уплывает ночь. Вот ветерка
Предраассветная прохлада веет,
Край небес, светлея и горя,
Заалел с востока... Тьма редееет,
И зарделася заря.

39

Узник видит утра пробужденье,
Светом солнца обдало его,
И за день последнего мученья
Он прославил Бога своего.
Пробудились стражи. Обступили
Севастьяна шумною толпой,
Молодое тело обнажили;
Высоко над головой

40

Подняли беспомощные руки,
Притянули к дереву плотней...
Лютые принять готовый муки,
В ожиданье участи своей,
Он стоял живой пред ними целью
В алом блеске утренних лучей,
Не внимая дикому веселью

Нумидийских палачей.

41

В этот час предсмертного томленья
Все земное мученик забыл;
Полн восторга, в сладком упоенье,
В небесах мечтою он парил.
Перед ним отверзлись двери рая;
Озарен сияньем неземным,
Звал его, венец ему сплетая,
Лучезарный серафим.

42

И не видел узник нумидийца
С длинным луком, с стрелами его;
В забытьи не видел, как убийца
Долго, долго целился в него,
Тетива как дрогнула тугая,
Не видал, как спущена была
И примчалась, воздух рассекая,
Смертоносная стрела.

43

Лишь когда отточенное жало
Глубоко в нагую грудь впилось,
В ней от боли сердце задрожало,
И очнулся он от светлых грез.
Шумный говор, крики, взрывы смеха
Услыхал он, мукою томим:

Зверская, кровавая потеха
По душе пришлася им.

44

Чередуясь, каждый в нетерпенье
В грудь стрелу спешил ему послать,
Чтобы силу, ловкость и умение
Над бессильной жертвой показать.
И стрела вонзалась за стрелую...
Он терпел с молитвой на устах;
Кровь из жгучих ран лилась струею,
И мутилось в глазах.

45

Уж сознание гасло и бледнело,
И молитв мешались слова;
На руках без чувств повисло тело,
И на грудь склонилась голова;
Подкосились слабые колени...
В область тьмы, забвения и сна
Погрузился дух... Земных мучений
Чашу он испил до дна.

46

А честное мученика тело,
Брошено руками палачей,
Скоро б, незарытое, истлело
Под огнем полуденных лучей,
Где-нибудь во рву или яме смрадной,

Где бы хищный зверь, в ночную тьму,
Оглодал его, где б коршун жадный
Очи выклевал ему.

47

Уж его от дерева поспешно
Отвязать мучители хотят...
Той порою, плача неутешно,
Две жены прокрались тайно в сад.
Но мольбы напрасны; тщетно слезы
Изобильно льются из очей:
Им в ответ звучат одни угрозы
С бранью злобной палачей.

48

Жены им дрожащими руками
Сыплут деньги... Шумный спор возник,
Зазвенело злато... Меж стрелками
Завязалась драка; слышен крик...
А они страдальца тихо взяли,
Дорогой обвили пеленой
И, глубокой полные печали,
Унесли его с собой...

Часть вторая

Рим ликует. Зрителей без счета
Уж с утра стеклося в Колизей;
Христианам вновь грозит охота, —
Под ареной слышен вой зверей.
И до зрелищ жадный, в нетерпенье,
Ожидает цезаря народ...
Вдруг раздались клики в отдаленье:
«Тише, тише! Он идет!»

2

Распахнулась дверь. Цветов кошницы
Высоко держа над головой,
Дев прекрасных сходят вереницы
Меж колонн по лестнице крутой.
Из дворца идут они, как тени,
Устлан путь узорчатым ковром;
Их цветы на гладкие ступени
Пестрым сыплются дождем.

3

Двигается дружина за дружиной:
Здесь и дак косматый, и сармат,
Здесь и скиф под шкурою звериной.
Блещут медь, железо и булат,
Рог и трубы воздух оглашают,
И проходят прашники, стрелки;
Серебром и золотом сияют
Стражи цезарской полки.

4

Свищут флейты, и гремят цевницы,
Скачет шут, и вертится плясун.
Вот певцов проходят вереницы
И под звуки сладкогласных струн
Воспевают в песне величавой
Вечный Рим с владыками его,
Их полки, увенчанные славой,
И знамен их торжество.

5

Звонких лир бряцанье заглушает
Грохот бубнов и кимвалов звон,
Горделиво цезарь выступает,
Облеченный в пурпур и виссон.
Скиптр его из драгоценной кости
И орлом украшен золотым;
Дорогой венец на длинной трости
Черный раб несет над ним.

6

Вдруг кимвалы стихли, смолкли бубны,
И застыл кифар и гуслей звук,
В отдаленье замер голос трубный,
Все кругом недвижно стало вдруг.
Цепenea в ужасе безмерном,
Цезарь глаз не сводит со стены,
И к стене той в страхе суеверном
Взоры всех устремлены.

7

Там в окне, над мраморного аркой,
Между двух порфировых колонн,
Полосою света залит яркой,
Полунаг, изранен, изможден,
Словно призрак иль жилец загробный,
Отстрадавший юноша предстал.
Красотой небесной, бесподобной
Ясный взор его сиял.

8

Волоса на плечи упали
Золотистой шелковой волной,
Кроткий лик, исполненный печали,
Выражал величье и покой;
Бледны были впалые ланиты,
И прошла морщина вдоль чела:
Злая мука пытки пережитой
Как печать на нем легла.

9

Посреди молчанья гробового
Он, вздохнув, отверз уста свои;
Полилось восторженное слово,
Как потока вешние струи:
«Цезарь! О, возьми меня с собою!
В Колизее ждет тебя народ...
Христиан, замученных тобою,

Кровь на небо вопиет.

10

Уж песок арены зверь взрывает...
Медлишь ты, бледнеешь и дрожишь!
Иль тебя то зрелище пугает?
Что ж смущен ты, цезарь, и молчишь?
Содрогнешься ль ты перед страданием?
Иль твой слух еще не приучен
К детским крикам, к воплям и стенаньям
Старцев, юношей и жен?

11

Мало ль их, смерть лютую приявших?
Мало ль их, истерзанных тобой?
Одного из тех перестрадавших
Ныне видишь ты перед собой.
Эта грудь – одна сплошная рана,
Вот моя кровавая броня!
Узнаешь ли ты Севастиана?
Узнаешь ли ты меня?

12

Но сильнее любовь и милосердие
Жала стрел убийственных твоих:
Я уход, заботу и усердие
Близ твоих чертогов золотых,
Под одною кровлею с тобою
Находил у праведных людей;

И их доброй, ласковой семьею
От руки спасен твоей.

13

О, как тяжело было пробужденье
После казни той, когда я ждал,
Что очнуса в небе чрез мгновенье.
Осушив страдания фиал.
Но не мог расстаться я с землею,
Исцелела немощная плоть,
И ожившим, цезарь, пред тобою
Мне предстать судил Господь.

14

Страху чужд, тебе отдавшись в руки,
Я пришел принять двойной венец.
Претерпеть опять готов я муки
И отважно встретить свой конец.
Цезарь, там, я слышу... гибнут братья.
С ними смертью пасть хочу одной!
К ним иду я кинуться в объятья,
Цезарь! Я иду с тобой!»

15

Недвижимо, притаив дыханье,
Как волшебным скованные сном,
Тем словам, в томительном молчанье,
Все внимали трепетно кругом.
Он умолк, и как от грез очнулся

Цезарь, а за ним и весь народ;
Гордый дух в нем снова встрепенулся
И над страхом верх берет.

16

«Надо мной ты смеешь издеваться
или мнишь, что кары ты избег?
Червь со львом дерзает ли тягаться
Или с Зевсом смертный человек?
Испытай же гордой головою,
Что мне гнев громов небес грозней
И что казнь, придуманная мною,
Когтя львиного страшней!

17

Пусть потрачены те стрелы даром.
Но палач мой справится с тобой:
Под тяжелым палицы ударом
Размозжится жалкий череп твой.
И погибнешь — миру в назиданье —
Ты за то, что вел безумный спор
С тем, кто власть свою могучей дланью
Над вселенною простер!»

18

Он шагнул вперед; и всколыхалась
Словно море пестрая толпа.
В колоннадах снова песнь раздалась,
Свищут флейты, и гудит труба,

Плясуны вновь пляшут по ступеням,
Вновь грохочут бубны и кимвал,
И вдоль лестниц с кликами и пеньем
Лязг оружия зазвучал.

19

Но в последний раз борца Христова
С вышины слышались слова, —
И мгновенно все умолкло снова,
Как объято силой волшебства.
Над немой, смятенною толпою
Словно с неба слово то гремит
И ее, как Божьею грозою
Разражаясь, громит:

20

«Ты ужели страхом новой казни
Возмечтал слугу Христа смутить?
Воин твой, о, цезарь, чужд боязни,
Казнь одну успел он пережить, —
Верь! Приму вторую так же смело,
Умирая с радостью святой:
Погубить ты властен это тело,
Но не дух бессмертный мой.

21.

О, Господь, простивший иудеям,
На кресте их злобою распят,
Отпусти, прости моим злодеям:

И они не знают, что творят.
Пусть Христовой веры семенами
В глубине поляжем мы земли,
Чтоб побеги веры той с годами
Мощным деревом взошли.

22.

Верю я! Уж время недалеко:
Зла и лжи с земли сбегает тень,
Небеса зарделися с востока,
Близок, близок правды яркий день!
Уж вдали стекаются дружины,
Юный вождь свою собирает рать,
И ничем его полет орлиный
Вы не можете сдержать.

23.

Константин – тот вождь непобедимый!
Он восстанет Божиим послом,
Он восстанет, Промыслом хранимый,
Укрепленный Господом Христом.
Вижу я: в руке его державной
Стяг, крестом увенчанный, горит,
И богов он ваших в битве славной
Этим стягом победит.

24.

Тьму неправды властно расторгая,
Словно солнце пламенной зарей,

Засияют истина святая
И любовь над грешною землей.
И тогда, в день радости и мира,
Оселятся знаменьем креста
И воспрянут все народы мира,
Славя Господа Христа!»

Павловск, 22 августа 1887

К. Р. в 1909–1910 годах

Часть зимы 1909–10 года К. Р. проводил с детьми в Осташеве, – ему хотелось более глубокого уединения, чем оно бывало в Павловске. «Жизнь здесь, среди тишины – наслаждение», – пишет он в январе. Сделанные в течение нескольких лет пробы для «Царя Иудейского» его не удовлетворяли. Много раз он начинал драму сначала. И опять в Осташеве – сначала: «Попытаюсь приступить сегодня к давно задуманной евангельской поэме», – пишет того же 1-го числа. 3 января: «В первые два дня наступившего года подвинул немного «Царя Иудейского». Но очень опасаясь, что это будет слабое, неудачное произведение».

Погода была теплая: то легкий мороз, то метель... «Ходили на лыжах, – пишет К. Р. – И что был за вечер: на бледно-голубом небе сиял узкий серп нового месяца и горела вечерняя звезда. А внизу, везде, белый, белый снег».

«Последний вечер в дорогом Осташеве! Сегодня опять оттепель, с утра мело... Днем показывалось солнце, в 4-м часу оно уже было на закате, и с реки было видно, как отливали золотом окна нашего дома. Между облаков кое-где проглядывало бледно-голубое небо, а снег ослепительно-белый. Так красиво! После чая, когда уже темнело, прокатился с Татьяной в Колышкино в одиночных санях на коне Артиллеристе, а за кучера был Игорь. Он здесь ведает конюшенной ча-

стью. Молодой месяц светил с неба, и мы отбрасывали легкую тень на снег».

Однако академические дела звали в Петербург. С большой неохотой К. Р. покинул Осташево. 9 января он уже вел общее собрание в Академии наук. Дело было важное: мануфактур-советник купец Алексей Александрович Бахрушин, собиратель театральных и литературных достопамятностей, создавший в 1894 году свой театральный музей в Москве, жертвовал его Императорской Академии наук. Но дома – черновая тетрадь, перо...

«С Нового года я очень одушевлен своей Евангельской драмой, – пишет К. Р., – и она не выходит у меня из головы... Вечером в Павловске до поздней ночи с жаром и увлечением писал монолог Никодима, в котором переложил стихами слова Спасителя из третьей главы Евангелия от Иоанна». 15-го в Мраморном дворце: «Так хочется справиться со своей драмой, чтобы она была и порядочным художественным произведением, и в то же время сценической пьесой, т. е. смотрелась без скуки. Не имея опыта, руководствуюсь знатоком сцены Ростаном⁷, стараюсь приноровиться к «Принцессе Грёзе», конечно же не в содержании, а в чередовании выходов действующих лиц и в продолжительности речей».

14 февраля К. Р. был назначен на новую должность, нарочно придуманную для него, – Генерал-инспектора Военно-учебных заведений. «В назначении меня Генерал-ин-

⁷ Эдмон Ростан (1868–1918) – французский поэт, драматург.

спектором, — писал К. Р. сестре Ольге Константиновне, — не только нет каверзы, но, напротив, оно состоялось по моему почину. Еще в сентябре пришло в голову, что хорошо бы мне создать для себя такую должность: от меня отпадут приемы, ответственность за хозяйственные распоряжения, доклады, мешающие часто посещать заведения, даже петербургские, и мелкие текущие дела, а связь с училищами и корпусами останется. К тому же до сих пор, если я вводил что новое, то сам же и контролировал это, а контролировать лучше со стороны. Эта мысль понравилась: выработали новое положение, и вот назначение состоялось. Я доволен новым своим положением, но еще не сдал прежних обязанностей начальнику Главного управления, назначенному на эту должность генералу Забелину».

9 марта: «Вчера в последний раз принимал в Главном управлении. Свой кабинет переносу в Мраморный».

В мае К. Р. был назначен представителем Государя Императора на церковных торжествах перенесения мощей св. Ефросинии, княжны Полоцкой, из Киева в Полоцк, в ос нованной ею Спасский монастырь. 16 мая в Полоцк прибыли Князя Олег и Игорь Константиновичи со своим воспитателем полковником Ермолинским и остановились в квартире директора кадетского корпуса. На другой день приехал К. Р. 19 мая Князь Олег сдавал экзамен, — он оканчивал учение в корпусе и мечтал после этого поступить еще в Петербургский Александровский Лицей, в котором некогда учил-

ся Пушкин, любимый писатель Олега. 20 мая в корпусе происходило открытие бюста героя осады Порт-Артура Романа Исидоровича Кондратенко, генерал-адъютанта, руководившего обороной крепости и убитого осколком японского снаряда в 1904 году. На этом торжестве присутствовала Королева эллинов Ольга Константиновна, тетка Князя Олега.

20 мая, в жаркий день, за городом, неподалеку от железной дороги, в палатке, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, Королева Ольга Константиновна, К. Р. и Киевский митрополит Флавиан ожидали появления крестного хода с мощами святой. «Мы прождали с полчаса, – писал К. Р. – Из пролета под насыпью железной дороги показалось шествие, развевались хоругви, блестели кресты и образа, слышалось пение: несли святые мощи. И вот жители Полоцка встретили останки своей княжны, отсутствовавшей более семи веков. Картина была торжественная и умилительная. По отслужении молебна на месте встречи крестный ход двинулся в Полоцк... Большие толпы народа, множество богомольцев, но везде образцовый порядок, ни толкотни, ни давки... Мощи внесли в соседний с корпусом, когда-то корпусной, а теперь городской Николаевский собор, и началась всенощная. Все время шло поклонение мощам. Богослужение было очень продолжительное».

22 мая: «К 4 часам в соборе все было готово к перенесению мощей в Спасо-Евфросиниевский женский монастырь. Прибыли в собор Элла, Оля и я с Игорем. Олег был в строю с

кадетами. Помогал выносить мощи из собора, а далее шел за ними между Олей и Эллой... Близ часовни монастырем были устроены украшенные зеленью ворота с надписью: «Гряди, радость наша, преподобная мати Евфросиния». Тут и Оля, и Элла, и Игорь, и я тоже понесли раку, и так до внесения ее в монастырь и в церковь. Когда вносили в церковь, одна больная женщина легла на пол и мощи пронесли над нею. Говорят, она исцелилась».

23 мая: «Памяти преподобной Евфросинии. В 11 Оля за мною заехала и повезла меня в монастырь к обедне. По ее окончании мощи обнесли вокруг церкви и наконец водворили в Преображенском храме, выстроенном и обитаемом преподобною более 7 веков назад. Все были растроганы».

В июле, во время инспекционной поездки, К. Р. был в Москве. Побывал в Марфо-Мариинской обители у Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. «Она приняла меня очень ласково, – пишет К. Р. 15-го. – От нее веет святостью без тени ханжества, столько простоты и искренности». К. Р. любовался видом Москвы с балкона ресторана Крынкина на Воробьевых горах. «Только мы там сели пить чай, как на хорах хор певчих в русских боярских кафтанах затянул песню на мои слова «Умер, бедняга...». Я не знал, что они поются. Пригласили управляющего хором, некоего Григория Николаевича, который меня узнал; он знал также, что «Умер...» – мои стихи». В Москве К. Р. узнал, что в Художественном театре Станиславского со 2-го августа начнутся репетиции

«Гам лета» в его переводе. В главной роли будет выступать актер В. И. Качалов (Шверубович).

Из Москвы К. Р. 17 июля поехал в Осташево. Когда подъезжал к имению, то из леса навстречу ему появилась кавалькада, – это были Татьяна, Костя, Олег, Игорь, Георгий и два молодых конюха. До конца августа К. Р. трудился за письменным столом, отходя от него для прогулки одному или с семьей. Он готовил к своему переводу гетевской «Ифигении в Тавриде» вступительную статью, которая выросла в довольно внушительную и богатую фактами и мыслями работу, включающую следующие главы: Источники; Литературные влияния; «Гётц» и «Вертер»; Знакомство с герцогом Карлом-Августом; Приезд в Веймар; Веймарский двор; Первые годы Гете в Веймаре. Шарлотта фон Штейн; Театр в Веймаре; «Ифигения в Тавриде» в первоначальных обработках; Путешествие в Италию и последняя обработка «Ифигении»; Критика.

К. Р. пишет, что «Гете модернизировал миф об Ифигении... Его Ифигения во всех отношениях выше греческой жрицы, – она не более не менее как христианская девушка высокого, благородного, нежного, любящего сердца». Кроме того, К. Р. готовил обширные примечания как к «Ифигении в Тавриде», так и для своего исправленного перевода трагедии Шиллера «Мессинская невеста, или Братья-враги».

«Предисловие подвинулось, – пишет К. Р. 31 июля, – о мифе об Ифигении и о том, как им пользовались трагики Древ-

ней Греции, а потом итальянские, французские и немецкие, уже готово. От этих источников перешел к самому Гете. Описание его наружности взял из Льюиса. Теперь надо будет сказать о произведениях, прославивших его имя до 1775 года, т. е. о Гётце фон Берлихингене и о Вертере. Далее пойдет краткий очерк Веймарского общества».

В августе 1910 года написал К. Р. уже упоминавшуюся нами элегию «Осташево». Это на первый взгляд традиционно и непритязательно, а на самом деле с тонким чувством красоты и меры написанная картина природы, развертывающаяся панорама ее. Она питает душу спокойствием и миром, как и должно питать душу православного поэта Божье творение. Строки семи октав, составляющих элегию, разворачиваются медленно, открывая новые и новые виды:

...Старинный дом над тихою рекой
И бело-розовый, в ней отраженный
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейливый, но благовонный,
Над цветом липы пчел гудящий рой;
И перед домом луг с двумя прудами,
И островки с густыми тополями...

Работал К. Р. не только за письменным столом, он умел обдумывать стихи и во время прогулок. «Пошел в наш парк, – пишет он, – и тут мне удалась вторая октава новой элегии»; «Катаюсь более 2-х часов на байдарке, в уме исправ-

лял готовую элегию»... То же происходило и в дальних походах, как, например, 21 августа, когда К. Р. с сыновьями поехали верхом, – конюх Чернышев показывал дорогу. Они хотели проехать к устью Рузы, впадающей в Москву-реку. «Погода была прекрасная, местность живописная, – пишет К. Р. – Поехали на Синюхово, Солодово, Шульгино, Курово, погост Лужки, откуда идет каменная дорога через Демитково, Ленково, Ракитино до самого уездного городишки Рузы. Там свернули с большой дороги на Старую Рузу вправо и ехали через деревни Теряево, Лебехино, Городилово и Воробьево. Переправились вброд через Рузу на ее правый берег у Окулова, в какой-нибудь версте от устья. На левом берегу Москвы-реки поели провизию, взятую с собою у деревни Тимофеевки. Назад ехали другой дорогой, правым берегом Рузы, но далеко от реки, деревнями Бараново, Ново-Николаево, Тишино, Жолобово, Никулькино. Через реку на наш берег перебрались у Толбухина. Выехали в 9 утра, вернулись в 7 вечера. Сделали около 90 верст».

В Павловск возвратились 31 августа. В сентябре и октябре снова разъезды по городам. С 28 октября до 3 ноября – в Москве, в декабре – в Полоцке и Киеве.

29 ноября К. Р. пишет: «Побывал у вдовы покойного вице-президента Академии наук, Леонида Николаевича Майкова, Александры Алексеевны, рожденной Трескиной. Она с незамужней пожилой сестрой Ольгой Алек сеевной живет уже не на Васильевском о-ве, а на Мал. Мастерской, 3. Дав-

но не был у нее. Но мы переписывались. И теперь поехал к ней, чтобы просить подобно тому, как было при печатании «Гамлета» и последнего издания моих стихотворений, и впредь прочитывать корректуры будущего 4-го выпуска. Алфавитный указатель имен и библиографический для «Гамлета» она взяла на себя. Я спросил, не может ли она указать мне лицо, которому можно было бы поручить составление таких же указателей и к «Ифигении». Александра Алексеевна вызвалась сама это сделать».

Дети становились все старше. 20 декабря 1910 года исполнилось 20 лет Князю Константину Константиновичу младшему, одному из будущих святых новомучеников. «Дожили до совершеннолетия нашего Кости, – пишет в этот день К. Р. – Поутру он приехал из города и вошел ко мне, держа за руку свою крестницу и любимицу Веру. Перед молебном дали ему подарки. На столе в нашей маленькой столовой, в окне красовался сладкий пирог с воткнутыми в него 20-ю восковыми свечами и 21-й свечой жизни. Поздравлять его съехалось человек 60. Это были все домашние, служащие и служившие, несколько измайловцев. Мы – семья – были в обыкновенной форме. Митя оказал особое внимание и оделся в измайловский мундир. В церкви соборно служили молебен архимандриты Михаил и Макарий, оба здешние священники, и иеромонах Сергей».

После Рождественских праздников К. Р. принял решение составить духовное завещание. «Лишь после этого, – пишет

он 26 декабря, – можно будет отдаться исправлению «Мессинской невесты» и переводу «Макбета»».

И вот конец года. 30 декабря: «Утром ходил дважды гулять, перед кофе и завтраком. Маленький мороз, туман, шел снег немного. В кармане была у меня с собой бумажка со списанным стихотворением Мюссе, и я продолжал переводить. На второй прогулке встретился в Старой Сильвии с женой, и она, заметив, что я сочиняю, оставила меня продолжать прогулку одному. После завтрака записал перевод, уже законченный и, как мне кажется, удачный. 1910 год был благоприятен для моего творчества: в январе написал одно стихотворение, в феврале – два, в марте – одно, в мае – одно, в июне – одно, в августе – одно, в октябре – одно и в декабре – два, итого за весь год десять стихотворений. Такого обилия давно не бывало. Думаю, что приписать это надо значительному сокращению бумаг благодаря переименованию меня в Генерал-инспектора».

Осташево

Люблю тебя, приют уединенный!
Старинный дом над тихою рекой
И бело-розовый, в ней отраженный
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейливый, но благовонный,
Над цветом липы пчел гудящий рой;

И перед домом луг с двумя прудами,
И островки с густыми тополями.

Люблю забраться в лес, поглубже в тень;
Там, после солнцем залитого сада,
Засушным летом, в яркий знойный день
И тишина, и сумрак, и прохлада...
Люблю присесть на мхом обросший пенёк:
Среди зеленой тьмы что за отрада,
Когда в глаза сверкнет из-за деревьев
Река, зеркальной гладью заблестев!

Под ельника мохнатыми ветвями
Таинственный, суровый полумрак.
Ковер опавшей хвои под ногами;
Она мягка и заглушает шаг.
А дальше манит белыми стволами
К себе веселый, светлый березняк
С кудрявою, сквозистою листвою
И сочною, росистою травою.
Схожу в овраг. Оттуда вверх ведет
Ступенями тропа на холм лесистый;
Над нею старых елей мрачный свод
Навис, непроницаемый, ветвистый,
И потайной пробился в чаще ход.
Там аромат обдаст меня смолистый.
В густой тени алеет мухомор,
И белый гриб украдкой дразнит взор.

Другой овраг. Вот мост желтеет новый.
С него взберусь опять на холм другой,
И прихожу, минуя бор сосновый,
К отвесному обрыву над рекой.
Мне видны здесь: отлив ее свинцовый,
Далекий бег и заворот крутой.
Простор, и гладь, и ширь, и зелень луга
Прибрежного напротив полукруга.

А вдалеке на берегу наш дом
С колоннами, классическим фронтоном,
Широкой лестницей перед крыльцом,
Двумя рядами окон и балконом.
Смеркается. Малиновым огнем
Река горит под алым небосклоном.
Уж огонек между колонн в окне
Из комнаты моей сияет мне.

Домой, где ждет пленительный, любимый
За письменным столом вседневный труд!
Домой, где мир царит невозмутимый,
Где тишина, и отдых, и уют!
Лишь маятник стучит неутомимый,
Твердя, что слишком скоро дни бегут...
О, как душа полна благодаренья
Судьбе за благодать уединенья!

К. Р. Осташево, 20 августа 1910

Жертва Богу

Жизнь и подвиг юного Князя

Олега Константиновича Романова

Детские годы

Была поздняя осень. С моря неслись тучи, часто шли дожди и мокрый снег. Из окон Мраморного дворца, резиденции Великого Князя Константина Константиновича Романова, видна была широкая Нева, такая же темная, как и небо. В эту ненастную пору, 15 ноября 1892 года, у него родился сын, которого называли Олегом. Крестили его 3 января 1893 года.

Восприемниками стали Императрица Мария Феодоровна и На след ник престола Цесаревич Николай Александрович. Отец младенца Константин Константинович был внуком Императора Николая Павловича. Позже, в 1912 году, Олег напишет отцу, что принадлежность к Царской Фамилии подвигает его на раздумья о том, как «сделать много добра Родине, не запятнать своего имени и быть во всех отношениях тем, чем должен быть русский князь». А еще через год Князь Олег запишет в дневнике как пример для подражания слова своего прадеда, Императора Николая I: «Мы долж-

ны высоко нести свой стяг, должны оправдать в глазах народа свое происхождение». Далее двадцатилетний Олег пишет: «Мне вспоминается крест, который мне подарили на совершеннолетие. Да, моя жизнь – не удовольствие, не развлечение, а крест». Вот как высоко понимал юноша из семьи, принадлежащей к Царствующему Дому Романовых, свое предназначение. «Боже, – записал он в дневнике 1914 года, – как мне хочется работать на благо России».

Отец князя Олега – Константин Константинович – был достойным представителем Дома Романовых, деятельным человеком. Должности его были самые хлопотные: он командовал Преображенским гвардейским полком, был президентом Императорской Академии наук, главным начальником военно-учебных заведений всей России и трудился на совесть. Был он также известным поэтом, печатавшим стихи под криптонимом «К. Р.» (Константин Романов). Его учителями и друзьями в литературе были Фет, Майков, Полонский. Имел он дружескую переписку и встречи с писателем Гончаровым, с композитором Чайковским. Князь также сочинял музыку – романсы и даже издавал их. Играл на фортепьяно, как опытный, много концертировавший музыкант. Понимал живопись и собирал картины. Особенно любил русских мастеров: Куинджи, Шишкина, Левитана. В Мраморном дворце и в летней резиденции – во дворце в Павловске – благодаря князю было собрано много редких и замечательных произведений искусства. И еще был он отец боль-

шого семейства: у него и жены его Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны было шесть сыновей и три дочери, и родители сами много занимались их воспитанием. Великий Князь был истинно русским и православным человеком. В таком духе воспитывал он и детей своих.

Будучи маленькими, они, как и все дети, любили пошалить, порезвиться на природе, погулять в саду. В ненастное время детей не пускали погулять в сад. Им разрешалось играть во всех залах просторного дворца, смотреть в окна, и они многое замечали, не выходя на улицу.

Увидят они дворника, метущего листья или сгребającego лопатой снег, – и играют в дворника. Заметят на соседней крыше трубочиста – в трубочиста играют. Но самыми любимыми были у них игры в охотников. С игрушечными ружьями в руках они осторожно шли как бы по лесу по одному из темных залов, в разных местах которого припрятаны были игрушечные звери. Были у них игры и посложнее, например, в экспедицию Фритъофа Нансена на Северный полюс. Однако они занимались не только играми. Старшие дети жили отдельно от младших, имели других воспитателей и учителей, у младших была няня. Князя Олега первые месяцы нянчила старушка Варвара Михайловна, бывшая некогда няней его отца. Ее сменила Екатерина Федоровна Спиридонова – добрая и весьма образованная дама.

Первые уроки этой няни были простыми, но очень интересными. Она постоянно рассказывала ему о некоей вымыш-

ленной девочке Верочке. Как Верочка готовилась к Пасхе, что пекла и готовила, как ходила в церковь молиться, как переезжала весной на дачу, и что при этом брала с собой, и как проводила время там... Няня выдумывала всякие события и постепенно раскрывала перед Олегом мир, причем рассказы эти всегда были назидательны, учили добру, развивали любовь к Богу. Маленький князь любил эти рассказы, и душа его впитывала жадно все, о чем говорила ему эта добрая русская женщина. Летом вместе со всей семьей Олег переезжал в Павловск. С восторгом встречал он весть о переезде и там, в необозримом парке, на речке Славянке проводил блаженное лето в прогулках, играх, собирании цветов. Да и сам дворец здесь, в Павловске, хранивший множество реликвий Дома Романовых, предметов искусства, давал много доброго душам детей, видевших в этих комнатах и залах много прекрасного, гармоничного.

Константин Константинович сам рассказывал детям о разных картинах, гобеленах, вазах, скульптурах, которые были во дворце. Когда Олегу исполнилось шесть лет, няня его перешла к младшим детям, а для него был подобран штат учителей, так как настала пора учиться. К этому событию он пришел с некоторым знанием Закона Божия, пусть и в простом, приспособленном для детского понимания виде. Законоучителем тогда была для него все та же няня Екатерина Федоровна. И вот теперь настало время для изучения нескольких предметов: чтения и письма, арифметики –

и различных начальных знаний. Чтение же было не только русское, но и церковнославянское. И, конечно, изучали Закон Божий. Это была маленькая школа для одного мальчика, но руководителем ее назначен был академик А. С. Лаппо-Данилевский, историк и археолог. Вот так серьезно относились к обучению детей в большой царской Семье, членами которой являлись Великие Князья. Занятий было много, за поведением следили строго. А еще ведь были и занятия музыкой. Олег начал играть на фортепьяно. Для развлечений оставалось все меньше времени.

Зимой 1899 года все дети в семье переболели коклюшем, а весной по предписанию врачей для укрепления здоровья их отправили в Швейцарию. Олег получил очень большое впечатление от этого путешествия. Он увидел альпийские горы с царствующим над ними, покрытым льдом Монбланом (что означает Белая гора), очень красивые озера, старинные крепости. Домой возвращались окрепшие, повеселевшие. Отдохнули после путешествия в Павловске, а осенью в Петербурге, в родном Мраморном дворце, приступили к учебным занятиям. В этом же году преподаватель русского языка для старших князей профессор Николай Карлович Кульман, филолог и историк русской литературы, начал свои «четверги» – литературные чтения. Допускались на них и младшие дети. Здесь в течение одного только 1900 года было прочитано вслух множество произведений русской классики, в частности «Записки охотника» Тургенева, «Детские

годы Багрова-внука» Аксакова, сочинения Пушкина, Гоголя, Чехова, Короленко и других писателей. Чтения происходили в комнатах старшей сестры Олега – Татьяны. Дети собирались, рассаживались вокруг большого стола и радостно объявляли: «Мы слушаем! Мы слушаем!» В камине потрескивали дрова, было тепло, уютно. Профессор Кульман читал мастерски, дети слушали очень внимательно, часто не сдерживались и выражали свой восторг восклицаниями. Маленький Князь Олег казался всех серьезнее: слушал не шевелясь... Он как бы узнавал в прочитанном свой родной русский мир.

Константин Константинович, любивший русскую природу и воспевавший ее в стихах, давно желал повезти своих детей не в Павловск, не в Крым, где у него также было поместье, а в простую русскую деревню. И вот нашел он сдававшуюся внаем усадьбу в селе Нижние Прыски, находившемся близ Оптиной пустыни. Великий Князь побывал в 1887 году в этой обители и беседовал в скиту со старцем Амвросием, а в дальнейшем переписывался с ним и другими старцами. Ему хотелось, чтобы и дети его могли побывать в Оптиной пустыни – в монастыре и в скиту, помолиться на службах, посмотреть на монастырский быт. В мае 1901 года Великий Князь привез в Прыски всю семью. Дом был большой, удобный, с большим парком, неподалеку от него находились церковь Преображения Господня, лес, река Жиздра, крестьянские избы. Отсюда хорошо виден монастырь с белой строй-

ной колокольней... Позади него стеной стоит вековой сосновый бор.

В первые же дни по прибытии в Нижние Прыски Великий Князь Константин Константинович повез детей в Оптиную пустынь. В течение лета они побывали здесь несколько раз, ездили туда отец и сын верхом, мать с дочерьми в коляске. Детям дали некоторую свободу. Им сшили простые ситцевые рубашки. Даже изволили ходить босиком. Погода была на редкость благодатная. Дети познакомились с крестьянскими мальчиками, стали ходить с ними в лес, бывали в поле, на сенокосе, где трудились крестьяне. Они загорели, стали общительными. К ним очень по-доброму отнеслись в селе и взрослые и дети. Олег почувствовал себя здесь как дома. Он был счастлив: сколько нового, прекрасного!

Лучшими его друзьями стали деревенские отроки Гришка и Капитошка (как те себя отрекомендовали). Они были проводниками для всей княжеской семьи во время походов в лес и в плавании на лодках. Тогда на долгих привалах собирали они грибы, весело трещал костер на берегу реки. Можно было искупаться в теплой воде. Заходил Олег в крестьянские избы, видел простой и бедный быт, и он даже нравился ему: все простое – стол, посуда, лавки... В красном углу иконы. Олег начал учиться верховой езде. Случалось, падал с лошади, но верховая езда полюбилась ему на всю жизнь. Очень скоро он стал умелым ездоком.

Встречать Великого Князя в монастырях полагалось с осо-

бенной торжественностью и при колокольном звоне, но Великий Князь Константин Константинович попросил настоятеля не делать этого. Поэтому торжественных встреч не было, но в колокола все же звонили. Олег с удовольствием стоял на оптинских службах, видел монашеский постриг. Старец Иосиф благословлял его, как и всех членов семьи.

Несколько раз посетили они Шамординский монастырь. Игуменьей там была мать Евфросиния, слепая, но весьма деятельная (она ослепла еще при жизни старца Амвросия, но он не благословил ее оставлять настоятельство). В первое их посещение слепая игуменья попросила осторожно потрогать руками лица Великого Князя и его детей. Константин Константинович разрешил. Так она «увидела» их. В дальнейшем она приезжала погостить в Нижние Прыски. Олег и его братья помогали ей выбраться из тележки, подняться по лестнице и войти в дом.

Матушка Евфросиния была весьма мудрой старицей, поэтому беседа ее увлекала не только детей, но и их родителей. По ее совету Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна завела на свои средства детские ясли в ближайших от Прысков деревнях. Крестьяне стали во время полевых работ относить в эти ясли своих младенцев, когда их не с кем было оставить дома.

В сентябре Великий Князь перевез семью в Петербург. Лето кончилось. Начался очередной год занятий. Князь Олег был очень внимателен на уроках. Один из преподавателей

впоследствии рассказал: «Помню его сидящим за учебным столиком; взоры устремлены прямо в глаза учителю. Время от времени появляются у него на лбу весьма заметные складки: это Олег Константинович особенно усердно трудился над разрешением какого-нибудь вопроса. И вот он начинает волноваться... Учитель приходит на помощь. На полпути их мысли встречаются – и как бы само собой получается приятная развязка запутанного вопроса. Глазенки смеются от восторга, все личико сияет: сам выпутался!»

14 мая 1903 года Князь Олег был зачислен в списки кадетов в 1 класс Полоцкого корпуса. Экзамен же ему пришлось держать не там, а дома, так как он проболел всю весну воспалением легких. Решено было его учение проводить не в Полоцке, а в Петербурге. Он был очень рад, когда директор корпуса от имени кадет и педагогов прислал ему погоньи. Он почувствовал себя воином, надел кадетскую форму и стал весьма дорожить ею.

Отрочество

С одиннадцати лет Олег уже очень серьезно относился к своей духовной жизни, к делу своего вечного спасения. Он вел дневник, в котором старался отметить свои недостатки. К одной из тетрадей он взял эпиграфом слова только что прославленного тогда преподобного Серафима, Саровского чудотворца. «Каждодневно выметай свою избу, да хорошим

веником». Вот что, например, заметил за собой 31 октября 1903 года: «Привередничал. Подлизывался. Сердился... Плакал. Был недоволен, что не дают кофе». Спустя два года записи стали глубже. «У меня очень неприятная вещь: я почти не могу молиться, — пишет он в начале 1905 года. — Мне очень трудно. Я вдумываюсь, и очень трудно вдуматься, и повторяю одно слово или фразу несколько раз. Это у меня отнимает много времени, я раздражаюсь и устаю... В некоторых случаях бывает так тяжело. Душа у меня в грехах, я обдумал некоторые вещи во время болезни. Молиться надо: хорошо, что спохватился, а то было бы поздно».

Вот еще запись того времени: «Я слишком о себе высоко-го мнения. Гордым быть нехорошо. Я напишу тут, что я про себя думаю. Я умный, по душе хороший мальчик, но слишком о себе высокого мнения. У меня талант писать сочинения, талант к музыке, талант к рисованию. Иногда я сам себя обманываю, и даже часто. Я иногда закрываю себе руками правду. Я нервный, вспыльчивый, самолюбивый, часто бываю дерзок от вспыльчивости. Я эгоист. Я сердит иногда из-за совсем маленького пустяка. Хочется быть хорошим. У меня есть совесть. Она меня спасает. Я должен ее любить, слушаться, а между тем я часто ее заглушаю. Можно заглушить совесть навеки. Это очень легко. Но без совести человек пропал. Надо прислушиваться к ней».

22 мая 1905 года в дневник занесено следующее: «Я однажды лежал вечером в кровати и прочитал все заповеди Вет-

хого и Нового Заветов, подумал о моей жизни: могу ли я наследовать Царствие Небесное? И когда я прочитал вторую заповедь Ветхого Завета «Не сотвори себе кумира», то подумал, что верховая езда – мой кумир, я весь день думаю, будет ли верховая езда, а душу забываю. Я должен заботиться о своей душе. Я должен о ней думать и готовить к Страшному Суду. А я о ней так мало думаю. Можно думать и о верховой езде, но не надо этим злоупотреблять и забывать душу».

«Вспоминаю молитву Ефрема Сирина, – размышляет Князь Олег. – Если бы люди исполняли эту молитву! Мы молимся, чтобы Господь избавил нас от лени, а я что делаю? Лень идти на уроки и готовить их; лень скоро мыться, лень идти на отдых.

«Уныние» – сразу, как получу наказание, всегда уныние.

«Любоначалие» – всегда приятно покричать. Никогда Игоря не пускаю командовать.

«Целомудрие и смиренномудрие» – разве я целомудрен? Разве я смиренен? Разве я всегда добрый? Разве я всегда хороший? Разве я не бываю невежлив? Разве я не люблю поважничать?»

Очень близко к сердцу принимал Князь Олег события, связанные с русско-японской войной. Тогдашний воспитатель его вспоминал: «Военные неудачи русских войск с самого начала наполняли сердце Олега Константиновича такой искренней тревогой, что он временами терял свое спокойствие: не спал по ночам и бывал апатичен на занятиях. Лишь

умение владеть собой скрывало его душевное беспокойство от постороннего глаза, но тот, кто близко стоял к этому двенадцатилетнему горячему патриоту, видел, как тяжело он переживал неудачи своей дорогой Родины. «Бедный Государь, бедная Россия», – покачивая головой, говорил Его Высочество, когда дальневосточные телеграммы приносили нам известия одно печальнее другого».

«Сегодня за завтраком, – пишет в дневнике Князь Олег, – говорили, что в Порт-Артуре осталось только 10 000 войск, что Порт-Артур не выдержит. В 6 часов вечера я заперся в комнате и стал просить Всевышнего о помощи Порт-Артуру. Потом я взял молитвенник, хотел по нему прочитать молитвы и подумал: я открою, не ища, молитвы, какие попадутся, – те и прочту. Может быть, будут как раз те, которые на войну, – это воля Бога. Разворачиваю молитвенник – попадают молитвы на войну».

Князь Олег не только молился, но и собирал для солдат посылки, в которые всегда клал и собственноручно изготовленные предметы. Иногда в ответ приходили солдатские письма. Воины благодарили его, делились своими чувствами, понемногу, кто как мог, описывали свои военные дела.

Каникулы 1904 года Князь Олег провел в подмосковном имении Осташево, расположенном на берегу реки Рузы: оно было только что приобретено Великим Князем Константином Константиновичем. Там был усадебный дом с обширным парком. Из окон открывался дивный вид на леса и кре-

стьянские селения. Здесь, как и в Нижних Прысках возле Оптиной пустыни, началась для детей летняя деревенская жизнь, в которой был не только отдых, но и труд. Олег пишет матери: «Гребем, косим и возим сено. Познакомились со многими крестьянами и крестьянками. Одна баба мне сказала: «Дай Бог нам с вами лучше знать, чем все время ругаться!» В письме из Осташева Князь Олег упоминает «пастушка Павлушу», «доброго дядю Егора», «смешную тетку Анисью» и много других лиц из деревенского мира, где к нему отнеслись с большой любовью. Крестьяне видели, что у него интерес к ним не поверхностный, а глубоко сердечный.

30 июля получена была телеграмма о рождении Наследника Цесаревича Алексия (будущего святого Царственного мученика). Князь Олег со всей семьей выехал в Петергоф на крестины, которые состоялись 11 августа. Это событие происходило в очень торжественной и праздничной обстановке. В храме князь Олег стоял рядом с Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной (будущей преподобномученицей). В Петергофе Князь Олег простудился, а так как он недавно перенес воспаление легких, то его не пустили в Осташево и отправили в Крым на отдых, в царский дворец Ливадия. Пробыл он там всю зиму, живя по строгому режиму: уроки, физические упражнения, пешие прогулки в горах. Занимались с ним педагоги из ялтинской гимназии. Учился он с охотой, с обычным своим вниманием. В Крыму здоровье его укрепилось.

Был тогда один момент, когда ему стало очень тяжело. Пришло известие о падении Порт-Артура. Положив голову на обе руки, Олег горько заплакал. «Бедный, бедный Порт-Артур!» – повторял он и долго не мог успокоиться. Он записал в дневнике: «До чего мы дожили! Стессель сдал Порт-Артур. Не было возможности держаться... Да, много героев пало под Порт-Артуром. Кто во всем виноват? Русская халатность. Мы, русские, живем «на авось». Это «авось» нас делает виноватыми».

Смутная обстановка 1905 года также отразилась в дневнике князя: «В Петербурге был бунт, в Москве на окраинах города были беспорядки. 4-го убили дядю Сергея. Бедный! Мама пишет ужасные подробности и что мы в нем потеряли истинного друга... Бедный дядя! Когда же наконец люди не будут убивать друг друга, а жить дружно, мирно? Только тогда, когда любить станут Отчизну и друг друга. О, если бы это было!» Дядя – это Великий Князь Сергей Александрович, супруг Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, с 1891 года бывший московским генерал-губернатором. Он был убит в Москве террористом.

И вот снова – милая деревня. В мае 1905 года князь Олег приехал в Осташево, где уже находилась вся семья. Была здесь и «тетя Оля» – сестра Великого Князя Константина Константиновича – королева Греции. Начались пикники в лесу, поездки по Рузе в лодках, разжигание костров. Один из участников этих прогулок вспоминал: «Длинной вереницей

растянулись участники экскурсии по склону от дома к реке: у кого в руках узелок с провизией, у кого щепки, самоварная труба, различная посуда. На реке идет посадка в лодки и звонкие детские голоса говорят о переживаемом удовольствии. За спором и криком кто-нибудь угодит уже по колено в воду, другой уронит весло, третий не может найти себе места...» Этим летом среди других книг Олег читал биографический очерк Авенариуса «Юношеские годы Пушкина» и сочинения великого русской поэта. С этого времени вспыхнула в нем настоящая любовь к Пушкину. Князь Олег начал собирать все, что было написано о поэте, задумал и сам написать о нем. Подражая Пушкину, князь начал сочинять стихи.

Воспитатели юного князя в своих воспоминаниях неизменно отмечали его глубокую веру. Он любил бывать в храме, благоговейно выстаивал церковные службы и нередко принимал участие в Богослужении. «Это участие выражалось, – пишет современник, – в выносе свечи, аналоя, чтении шестопсалмия и Апостола. Его звонкий, отчетливый голос, выразительное и ясное произношение слов шестопсалмия невольно заставляли молящихся вслушиваться в эти прекрасные тексты и вдумываться в их глубокий смысл».

Князь Олег имел истинно христианскую добрую душу. Он всегда оказывал человеку посильную помощь. Был случай, когда в Павловске князь получил письмо из деревни Нижние Прыски от знакомого ему крестьянского отрока Капито-

на, который откровенно обрисовал князю бедственное положение своей семьи, полное отсутствие всяких средств и наступивший голод. Князь Олег так и встрепенулся! Стал собирать свои карманные сбережения, а некоторую сумму для этого случая отпустила ему контора Двора.

Помощь была отправлена на другой же день. Юный князь не забыл этого курносого Капитошки в картузе со сломанным козырьком. Отправив деньги и письмо, он всей душой почувствовал, что совершил настоящее богоугодное дело, и был счастлив.

Следующим летом опять была деревня, но несколько иного склада, другая. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна пригласила семью Константина Константиновича в свое подмосковное имение Ильинское. Здесь, как и в Осташеве, были и усадебный дом, и парк, а вдоль Москвы-реки вытянулось большое село. Место очень красивое. На краю села Великая Княгиня устроила на свои средства лазарет для раненых солдат, которых во множестве привозили из Маньчжурии. Княгиня сама вместе с сестрами милосердия ухаживала за ними, присутствуя в лазарете ежедневно. Князь Олег, побывав там, стал каждый раз ходить туда с Елисаветой Феодоровной. Ему не хотелось проводить в лазарете время просто так, и он предложил свои услуги по уходу за ранеными. И со временем начал помогать хирургу при наложении повязок, подаче лекарств, измерении температуры. Поначалу окровавленные тампоны приводили его в ужас, князь едва не

падал в обморок. Однако он крепился, не показывая и виду, что ему плохо. Стиснув зубы, Олег стал воспитывать себя, и скоро вид крови перестал действовать на его нервы. «Ведь я военный, – говорил он себе. – И уж чего-чего, а крови-то я не должен бояться».

Стараясь быть как можно более полезным для раненых, Князь Олег начал читать вслух рассказы и повести Гоголя, Тургенева, «Капитанскую дочку» Пушкина и другие хорошие сочинения. Часто спрашивал он солдат о сражениях, в которых они были ранены. Те не скупились на воинственные детали, описывая ад крошечный со свистом пуль и разрывами снарядов. Глаза Олега загорались, «И ты не испугался?» – спрашивал он. «Нет!» – отвечал солдат. «Молодец, брат!» – восклицал юный Князь.

В день престольного праздника, 20 июля, в Ильинском (а село так называлось по храму святого пророка Илии) устроена была традиционная ярмарка. Множество палаток, балаганов и возов выстроилось по кругу у Москвы-реки. Весело завертелись расписные карусели, раздались бодрые призывы мороженщиков и квасников, петрушечников и продавцов конфет. Всюду сновали мальчишки... Великая Княгиня пришла сюда с Князем Олегом и его братьями, чтобы обойти ярмарку и показать им все подробности. Долго пришлось им ходить, так как были остановки: хотелось и слепых гусяров послушать, и на клоунов взглянуть, и посмотреть, что продают в лавках. Елисавета Феодоровна на этих ярмарках на-

рочно обходила все лавки и в каждой что-нибудь покупала, веля отнести в барский дом.

Князь Олег удивлялся разнообразию товаров. Разговаривал с торговцами, прибывшими сюда из ближних сел, из Ростова Великого, Костромы и Ярославля и, конечно, из Москвы. Он слушал их бойкие речи, наблюдал, как они обходятся с покупателями. Сколько такта и живости проявляли они! А ведь все это были простые мужики. У книжного киоска толпился народ. Тут продавались календари, копеечные жития святых, иконки, а также такие зазорные книжки, как «Женех в чернилах, невеста во щах» – лубочные рассказы, писанные полуграмотным языком неведомо кем.

Вскоре Князю Олегу представилась возможность увидеть Россию и пошире. В июне 1908 года он со всей семьей совершил поездку по Волге от Твери до Нижнего Новгорода, а потом по железной дороге от Нижнего через Владимир и Суздаль в Москву. «Путешествие произвело на Князя Олега глубокое впечатление, – пишет современник. – Вся старая Русь глянула ему в глаза, пленив его воображение религиозностью и разнообразием. Учитель истории, сопровождавший высоких путешественников, рассказывал, что его поразила неистощимая любознательность и хорошая подготовка Князя Олега – как историческая, так и художественная. Все останавливало внимание юного путешественника: местные святыни, стенопись, резьба старинных иконостасов. Особенно тщательно был осмотрен Ростовский кремль, с его баш-

нями и длинными переходами, с его обширным музеем, и романовские палаты в костромском Ипатьевском монастыре».

О старине Князь Олег расспрашивал учителя особенно во Владимире. Когда поезд солнечным утром стоял в виду города на возвышенном месте, он, с восторгом глядя на золоченые главы соборов и высокие валы, допытывался: «С какой стороны подступили татары Батыя? Где они пробili стену? Каковы были древние укрепления Владимира?» – Вопросы так и сыпались, учитель едва успевал отвечать.

Потом осматривали Успенский собор, поднимались на хоры, где пытались спастись от татар княжеская семья и некоторые знатные граждане и где они были задушены дымом от разведенных татарами внутри храма костров. Спустившись оттуда, Олег встал на колени у гроба великокняжеского семейства и долго молился в полумраке при мерцающей лампаде. Потом он подошел к раке Великого Князя Владимирского Георгия Всеволодовича и припал головой к ней. Очевидно, события древности так живо вообразились ему, что он как бы увидел в том времени и самого себя.

В 1909 году Князь Олег с братом Игорем в сопровождении генерала Ермолинского посетили Новгород, где осмотрели древние святыни, молились в храме святой Софии, побывали в древнем Юрьевском и Хутынском монастырях. Большое впечатление произвел на Князя Олега юрьевский скит Перынь, приютившийся на живописном тихом островке... От-

сюда поехали в бывшее имение графа Аракчеева Грузино, расположенное на берегу Волхова, а затем в бывшее имение поэта Державина Званка, где, по завещанию его вдовы, был основан девичий монастырь.

Спустя месяц после этого Князь Олег и Игорь поехали с отцом на торжества, устроенные по случаю двухсотлетия Полтавского сражения. Во время этой поездки они перечитывали «Полтаву» Пушкина, выучивая отрывки наизусть. После полтавского праздника посетили Диканьку, связанную с именем любимого ими Гоголя. На обратном пути побывали в Троице-Сергиевой Лавре и Воскресенском монастыре (Новом Иерусалиме). В монастырях Князь Олег чувствовал себя монахом, старался вжиться в такое душевное состояние, когда для человека главным в жизни становится покаяние и молитва. Там он стремился по возможности уединиться, усердно молился и прикладывался к иконам и святым мощам. Отрок долго стоял на коленях у раки преподобного Сергия. Отец терпеливо ждал, не тревожа его.

В 1910 году Князь Олег закончил седьмой класс Кадетского корпуса. Для того чтобы стать офицером, надо было ехать в Полоцк и уже непосредственно в стенах корпуса проучиться еще два года. Однако Князь, с той поры как увлекся Пушкиным, мечтал о поступлении в Лицей, который раньше был в Царском Селе, а потом переместился в Петербург. Князь подал прошение Государю, но в мае должен был все же поехать в Полоцк на выпускные экзамены. Он и сдал их бле-

стояще, удивив всех преподавателей глубиной и разнообразием своих знаний, которые значительно превышали программу корпуса. К этой поездке относится одно замечательное событие, свидетелем которого стал Князь Олег. 2 мая состоялось перенесение мощей преподобной Евфросинии Полоцкой из Киева в Спасский монастырь города Полоцка. Это было грандиозное торжество, собравшее многие тысячи людей. Здесь среди богомольцев находились Великий Князь Константин Константинович и Великая Княгиня Елисавета Федоровна. Князь Олег, узнав, что по молитвам к святой Евфросинии одна тяжело больная монахиня исцелилась, бросился в Спасский монастырь искать ее, чтобы расспросить о чуде, но, к своему сожалению, ее не застал. Здесь, в Полоцке, получил он известие о том, что Государь разрешил ему поступать в Лицей и носить лицейский мундир. Юный Князь был счастлив несказанно.

Августейший лицеист

Впервые среди воспитанников Лицея появился представитель Императорского Дома, хотя в свое время это учебное заведение задумано было Императором Александром I для того, чтобы в нем учились вместе с наиболее родовитыми дворянами его младшие братья Николай (впоследствии Император Николай I) и Михаил. В силу разных причин этого не случилось, так что Князь Олег оказался первым из Царству-

ющего Дома Романовых, поступившим в гражданское училище. Перед началом учения в Лицее Князь Олег, снова с младшим братом Игорем и в сопровождении генерала Ермолинского, отправился в заграничное путешествие по маршруту: Одесса, Константинополь, София, Казанлык, гора Св. Николая, Плевна, опять София, Белград, Триест, Каттаро, Цетинье – и затем обратно в Россию через Мюнхен и Берлин. Маршрут этот говорит о многом: ведь тут в основном славянские земли и воспоминания о героической Балканской войне. И рядом с этим – православные святыни Царьграда. В этом путешествии он увидел переделанный в мечеть храм святой Софии. «Невольно переносишься в те времена величественной Византии, – пишет Князь Олег в дневнике, – когда тут шло торжественное Богослужение и пел громадный, великолепный хор... Стены варварски замазаны. Наверху, по четырем углам, висят большие зеленые щиты с золотыми надписями из Корана... направо и налево есть еще ходы с остатками фресок. Я снял с храма две фотографии. Он производит сильное впечатление». Зато никакого впечатления не оставило посещение султана, сделанное по требованию дипломатического этикета. «Кофе был отлично сварен» – вот и все, что отметил Князь Олег по этому поводу.

Далее была Болгария и места, политые русской кровью в войне за освобождение братьев-славян. Князь Олег, как всегда, много расспрашивал – и события Балканской войны оживали перед его глазами. Не все, что он встречал, ему нра-

вилось. Так, увидев в одном месте «памятник» в виде пирамиды, составленной из черепов русских воинов, носивших на себе следы турецких пуль и сабель, он побледнел и с гневом, не смущаясь присутствием болгар, сказал: «Это безобразие! Героев надо похоронить. У нас бы так не сделали».

После поездки в Цетинье, столицу Черногории, Князь Олег простудился и домой возвращался полубольным. Эта простуда имела неприятные последствия. Воспалительный процесс долго не проходил, несмотря на помощь опытных врачей. Олега огорчало, что ему до выздоровления не разрешили посещать Лицей. А ему предстояло держать там вступительные экзамены. Потом предполагалось учиться дома, в Павловске, куда, впрочем, намечалось приглашать именно лицейских профессоров. Он должен был и зиму проводить в Павловске, так как Петербург признан был врачами в данное время вредным для его легких. Ему было обещано, что, как только пропадут хрипы в легких, ему разрешат ездить из Павловска в Лицей раз или два в неделю.

И вот пришло время: юный Князь надел лицейский мундир и поехал в Лицей. Экзамены сдал легко. Любознательность его не угасала. Он начал заниматься. Ни минуты не проходило у него впустую: всегда с книгой, за выписками, за конспектированием.

С 1910 года в Павловском дворце начались «субботники» — литературно-музыкальные вечера, на которые был приглашен и Великий Князь Константин Константинович.

Участников набралось до сорока человек. Каждый что-нибудь декламировал, играл на фортепьяно или другом инструменте. Князь Олег прекрасно читал стихи Пушкина и почти профессионально играл на фортепьяно, не избегая самых сложных произведений. В одном из писем того времени он говорит: «Все, что касается музыки, народных песен, в особенности русской музыки и русской народной песни, меня очень интересует».

Один из участников «субботников» вспоминает: «Мы много говорили в тот вечер о музыке, и я убедился в том, что Князь Олег в душе – большой музыкант. Он любил в музыке не только самые звуки, вернее, последовательный ряд звуковых сочетаний; его привлекал самый процесс творчества, он искал идею того или иного произведения, и меня поразило его прекрасное знание музыкальной литературы... Как глубоко художественная натура, Князь Олег не мог позволить себе заниматься искусством кое-как, он называл такое отношение кощунством». «Когда я чувствую себя несчастным, – говорил князь Олег, – сажусь за рояль и обо всем забываю. Как жаль, что у меня столько всяких обязанностей, что я не могу отдаться музыке всецело!»

Эта художественность натуры Князя Олега выразилась и в рисовании. Он легко и быстро работал акварелью, запечатлевая то любимый осташевский или павловский пейзаж, то уголок собственного кабинета. Его учитель рисования вспоминал: «Головы, уголки зал, натюрморт были объектами его

работ, но более всего Олег Константинович любил пейзаж: восторгался золотистыми красками осени, зеленовато-фиолетовым колоритом весны или солнечным светом зимних картин; любовался с вышки дворца красивым изгибом дорожки, реки, опушкой леса, обрывом или же уходящими далами».

Что же касается наук, то лицейские профессора отмечали, что знания и работоспособность Князя Олега Константиновича были обширны. Он никогда не ограничивался программой, а требовал более широких сведений, добывал книги и справочники, до предела разворачивая каждый вопрос.

Князю Олегу приятно было учиться в пушкинском Лицее. В преддверии его столетнего юбилея (он основан был в 1811 году) Олег стал думать, какой подарок сделать этому учебному заведению. И вот пришла очень счастливая мысль – факсимильно издать рукописи Пушкина, ту их часть, что хранилась в Лицее. Издать изысканно, красиво, передать текст, а также особенности цвета и бумаги рукописей с максимальной точностью. По просьбе князя Царский Двор отпустил ему на это средства. К работе над книгой он привлек пушкинистов В. И. Саитова и П. Е. Щеголева, а также своего учителя литературы профессора Н. К. Кульмана. Была выбрана типография «Голике и Вильборг», постоянно выполнявшая дворцовые заказы.

Когда Саитов прислал Олегу Константиновичу в подарок автограф Пушкина, Князь ответил: «Не знаю как выразить

вам мою радость, восторг и самую горячую благодарность за ваш неоценимый подарок. Он удесятрит мою любовь к Пушкину».

Уже начав работу, Князь Олег решил не ограничиваться изданием только лицейских рукописей – он стал думать об издании факсимильным способом всех рукописей Пушкина. «Будь выполнен до конца этот замысел, – писал впоследствии Щеголев, – мы имели бы монументальное издание факсимиле подлинных рукописей поэта... Такой труд можно было бы сопоставить хотя бы с изданием факсимиле шекспировских рукописей или рукописей Леонардо да Винчи... Вышел только первый выпуск первой очереди – воспроизведение рукописей стихотворений Пушкина из Лицейского собрания. По этому выпуску можно судить, каким изысканно-образцовым должно было быть издание Князя Олега Константиновича. Оно удовлетворяет самым строгим требованиям и самым тонким вкусам».

7 января 1912 года Князь Олег преподнес экземпляр своего издания Государю Императору Николаю II. Около ста экземпляров было разослано членам Императорского Дома, сотрудникам и знакомым, а основная часть тиража была пожертвована Лицею.

Вскоре в печати появились положительные отзывы. Таким образом Олег Константинович выступил с успехом на издательском и редакторском поприще, да еще в таком трудном и редком случае.

В мае того же года Князь Олег вдвоем со своим учителем французского языка Бальи-Контом выехал во Францию. Это был второй приезд князя туда: семилетним ребенком он видел Париж, но мало что запомнил. Бальи-Конт показал ему «весь Париж» – магазины, антикварные лавки, публичные гуляния, сады, дворцы, памятные места и многое другое.

В Биаррице Князь Олег съехался с генералом Ермолинским, встречавшим его здесь, чтобы сопровождать в обратный путь. Это было у границ Испании. Они решили перейти Пиренеи – и вот перед ними открылась своеобразная, не похожая на Францию страна. Времени было мало, ехали быстро и поэтому лишь бегло взглянули на Севилью, Гренаду, Мадрид и Барселону. Добравшись до Португалии, осмотрели только Лиссабон. Из Испании Князь Олег пишет отцу: «У меня тоска по родине и Осташеву увеличивается с каждым днем».

14 июля он уже катил на тройке по проселочной дороге в Осташево. Это были прекрасные минуты его жизни, он испытывал настоящее блаженство, вдыхая свежий лесной воздух. В доме был у него свой уютно обставленный кабинет. В это лето он не только ходил по окрестностям, но и много сидел за письменным столом: он начал писать роман под названием «Влияния». В разных тетрадах он делал наброски, и не только к этому роману, но и к рассказам из сельской жизни и к стихам. Продолжал вести дневник. Во всех его писаниях явственно проглядывал незаурядный литературный талант.

15 ноября 1912 года в Мраморном дворце было отпраздновано совершеннолетие Князя Олега Константиновича. «День моего совершеннолетия – писал он отцу, – был одним из самых радостных дней моей жизни: твои и мамины подарки, чудный молебен, завтрак со всеми старыми и новыми служащими Мраморного и Павловского дворцов, икона, которой благословил меня митрополит Флавиан, икона от служащих, икона от прислуги, картина Шишкина, которую мне подарили братья... Телеграмма от Государя – все это меня так радовало и трогало, что и сказать трудно. Я получил много приветствий и милых поздравлений».

В связи с этим днем он пишет: «Вообще я довольно много думал, думаю и, дай Бог, всегда буду думать о том, как мне лучше достигнуть моей цели – сделать много добра Родине, не запятнать своего имени и быть во всех отношениях тем, чем должен быть русский князь. Я стараюсь всеми силами бороться со своими недостатками и их в себе подмечать».

В начале декабря Князь Олег вернулся в Осташево, куда привез множество книг и тетрадей с выписками. Он должен был здесь трудиться над выпускным лицейским сочинением «Феофан Прокопович как юрист». «Радуюсь и вместе с тем жалею, – пишет он из Осташева матери, – что вскоре оставлю Лицей, с которым так свыкся. Радуюсь потому, что пытка экзаменов и репетиций, пытка самая ужасная, пройдет. У меня все больше и больше укрепляется желание сдать государственные экзамены в Университете, только, конечно, не

в этом году, а через несколько лет. Когда я кончу Лицей, то думаю серьезно заняться юридическими науками и добиться того, чтобы экзамены в Университете для меня ничего не значили. После них надо было бы добиться магистра и профессора... Иногда, кроме того, мне кажется, что я лучше бы сделал, если бы занялся исключительно литературой, что меня гораздо больше влечет. Тогда надо было бы сдавать экзамены по филологическому факультету. Это все планы и планы... Мне очень хочется работать и работать, но что делать, какая работа – вот вопросы, которые меня часто волнуют».

В конце февраля 1913 года начались выпускные экзамены в Лицее. Князь Олег опять обложился книгами и с шести часов утра сидел за письменным столом. Где-то уже к позднему вечеру он позволял себе выйти подышать свежим воздухом. В своем довольно обширном сочинении «Сцены из моей жизни» князь так описывает эту пору: «Наступила Страстная неделя Великого поста и неделя чудных Богослужений, время говения. На дворе весело сияло весеннее солнце, обращая снег в хрупкий лед. Везде журчали ручейки, поле чернело, появилось много проталин. По утрам однообразно гудели мерные удары великопостного колокола. Я опять начал «гореть» над ожиданием предстоящей исповеди, но теперь горел ровнее, спокойнее.

Жгучие вопросы, которые когда-то волновали, поулеглись, поуспокоились. Но зато появились другие вопросы, которые заставляли меня гореть вдвое-втрое сильнее обычно-

венного. На Страстной предстояло сдать экзамен полицейского права. Сдан один из тех трудных экзаменов, которые мой друг называет «жупелами». Успею ли подготовиться?..

Выучить в три дня 556 страниц – да это почти невозможно... А тут еще пришлось говение!.. Исповедоваться буду в среду, в день экзамена».

Перед экзаменом он пришел в храм. «Трое певчих, – писал он, – откашлявшись, начинают старательно выводить: «Да исправится...» Сперва это плохо удается... Стараешься не обращать на это внимания, вникнуть в слова молитвы, к которой так давно привык и которую так любишь! Я делаю земной поклон и долго остаюсь в этом положении. Я заметил, что так легче молиться... «Яко кадило пред Тобою, – поют певчие, – воздеяние руку моею...» Отчего-то мне вдруг рисуется кадило, которое на кольцах легкой, изящной цепочки повисло в воздухе... Из кадила густым туманом несется дым ладана, все выше и выше... но хочется, чтоб и моя молитва неслась так же непорочно, так же непосредственно к Престолу Всевышнего. «Положи, Господи, хранение устом моим...» – поют певчие, уже став на колени, а мне делается отчего-то так тепло, хорошо. На глаза навертываются слезы».

Олег Константинович окончил Лицей с серебряной медалью, а за выпускное сочинение об архиепископе Феофане Прокоповиче был награжден Пушкинской медалью, что князя особенно порадовало, так как эта награда давалась за ху-

дожественные достоинства в сочинении.

Указами Государя Князь Олег Константинович был произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка и в титулярные советники, то есть получил сразу военный и гражданский чины. Но вслед за этими радостями Господь послал ему испытания. Только один раз успел он отдежурить по полку, как жестокий плеврит уложил его в постель. Он даже не смог присутствовать на лицейском торжественном акте. Князь Олег крепился изо всех сил и молился, чтобы не впасть в уныние, которое есть грех перед Господом.

Немного скрашивали его положение многочисленные поздравительные телеграммы, а также то, что Государь пожаловал ему знаки ордена святого Андрея Первозванного. В середине июня по настоянию врачей он выехал в Осташево.

В «Сценах из моей жизни» Князь Олег так описал свое приближение к Осташеву: «Ну, милые! – прикрикнул старый ямщик Иван на лошадей, и тройка понеслась... Галки, вороны, дотоле невозмутимо разгуливавшие по дороге, шумно отлетели в сторону.

Мужик, шедший навстречу, остановился, провожая глазами скачущих коней. Мелькнул направо трактир под названием «Стрельна» и еще несколько построек. За ними тянулась нарядная рощица, состоящая преимущественно из молодых берез, между стволами которых виднелась река – один из притоков Рузы. Но вот Иван стал придерживать лошадей. Он осторожно завернул влево на бревенчатый мостик –

экипаж два раза потрянуло, и вслед за этим сразу прекратилось дребезжание коляски и звон копыт: мы очутились на проселочной дороге. Наступила невозмутимая тишина. В первый раз после упорной зимней работы и треволнений последних дней я вздохнул свободно. Вся грудь дышала и наслаждалась деревенским воздухом. «Вот, наконец, – думал я, – настала желанная минута. Трамваи, автомобили, телефоны – все, чем мы болеем в городе, все осталось позади. Ни гудков, ни звонков – ничего!

Экзамены, профессора, Лицей, полк, все волнения, все, все теперь позади, никто и ничто меня не догонит. Боже, как хорошо!..» Мы въезжали в наш лес. Налево стоял пограничный столб, мой старый приятель, увидеть который после долгой разлуки всегда так приятно. Я снял фуражку и перекрестился: «Слава Богу! Дома!»... Я бросился в свою комнату и оттуда на балкон, чтобы поскорее увидеть мой любимый вид на реку. Вот она, вот она, красавица! Как тихо течет она между зелеными берегами, делая изгибы вправо и влево. А там, за ней, на холме, мирно спит деревня Жулино. Направо большой обрыв, покрытый елками, спускается к реке и как будто любит свое отражение в ней. Дальше идут заливные луга, кое-где поросшие кустами, а там, за ними, виднеется лишь узенькая полоска Рузы, но уже не голубая, а темно-синяя на фоне подернутого дымкой леса. Тихо кругом, совсем тихо!»

Жертва Богу

В июне 1914 года Князь Олег был вызван из деревни в Петербург. Императорское Православное Палестинское общество, действительным членом которого он был, решило послать его в город Бари для быстрейшего решения некоторых дел, связанных с постройкой там русского храма и при нем странноприимного дома. 29 июня Князь выехал из Петербурга вдвоем с сыном генерала Ермолинского. Задержавшись ненадолго в Риме, они 3 июля прибыли в Бари. «Несмотря на страшную жару, — пишет современник, — и утомление от дороги, он немедленно внимательно осмотрел произведенные строительные работы, выслушал доклады архитектора и подрядчиков, а вечером назначил заседание строительной комиссии. В следующие дни Князь Олег работал с таким рвением, что не успевал пообедать, а на некоторых заседаниях строительной комиссии досиживал до четырех часов утра». Все вопросы наконец были приведены в ясность. Не забывал Князь и о молитве, понимая, что не будет никакого проку от его хлопот, если не поможет Господь, если за него не помолится у Престола Божия Матерь и святитель Николай Чудотворец. По утрам, когда бывала открыта нижняя церковь храма святителя Николая, Князь Олег вместе с богомольцами молился у раки великого чудотворца.

И вот Князь со своим спутником отправился в обратную

дорогу. При проезде через Австрию они увидели картину полной мобилизации в войсках. Маршировали полки, тянулись орудия, гремела воинственная музыка. «Неужели война? – встревожился Олег. – Не с нами ли?» Скоро понял, что да – с Россией.

17 июля в Москве Олег Константинович доложил Барградскому комитету о результатах своей командировки, передал ему документы и отправился и Осташево, думая отдохнуть от путешествия, так как чувствовал большое утомление. Но не тут-то было... На следующий же день получил он телеграмму: «Мобилизация. Выезжай немедленно. Игорь».

19-го князь Олег прибыл в Петербург. Стал хлопотать о назначении в действующую армию, но его, по состоянию здоровья, не хотели оставлять в полку, который готовился в поход. И все же он добился назначения в полковой штаб. «Мы все, пять братьев, идем на войну со своими полками, – писал Олег. – Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне». «20 июля, – пишет он в дневнике, – была нам объявлена Германией война. В тот же день приказано было собраться к трем с половиною часам в Зимнем дворце... Улицы все были запружены народом, который кричал при нашем проезде «Ура!» В Ни-

колаевском зале был отслужен молебен, прочитан манифест. «Ура» стояло страшное, я так кричал, что закашлялся. Во время молебна все присутствовавшие пели «Спаси, Господи...», а потом «Боже, Царя храни...». Когда Государь подъезжал к дворцу, вся толпа стала на колени... Все мы плакали от подъема чувств».

25 июля Гусарский полк прибыл к месту военных действий. Князь Олег, прикомандированный к штабу и обязанный заниматься бумагами, находил много случаев побывать под огнем. Так, 6 августа он участвовал в большом сражении под Каушеном. Вот где помогло ему его «чрезмерное», как ему казалось, увлечение верховой ездой! «Я очень доволен», – пишет он с фронта.

В начале августа наступление русских войск остановилось. В десятых числах сентября было предпринято новое. Русские подошли к германской границе. 11 сентября Князь Олег Константинович написал родителям письмо, которое стало последним. Вот оно почти полностью: «Не знаю, как и благодарить вас, наши милые, за все, что вы для нас делаете. Вы себе не можете представить, какая радость бывает у нас, когда привозят сюда посылки с теплыми вещами и с разной едой. Все моментально делится, потому что каждому стыдно забрать больше, чем другому. Офицеры трогательны... Мы живем надеждой, что на нашем фронте немцы скоро побегут, тогда дело пойдет к концу. Так хочется их разбить в пух и со спокойной совестью вернуться к вам. А иногда к вам

очень тянет! Часто, сидя верхом, я вспоминаю вас и думаю, что вот теперь вы ужинаете, или что ты читаешь газету, или мама вышивает. Все это тут же поверяется взводному, который едет рядом. Взводный мечтает в это время о том, что Бог поможет разбить немцев, а потом скоро придет время, когда и он наконец увидит семью. Такие разговоры с солдатами происходят часто. Иногда очень хочется увидеть вас, побыть с вами! И теперь так сильно чувствую это и думаю и знаю, что вы так далеко, вспоминаете нас, стараетесь нам помочь.

Это очень нас всех ободряет... Были дни очень тяжелые. Одну ночь мы шли сплошь до утра, напролет. Солдаты засыпали на ходу. Я несколько раз совсем валился набок, но просыпался, к счастью, всегда вовремя. Самое неприятное — это дождь. Очень нужны бурки, которые греют больше, чем пальто... Все за это время сделались гораздо набожнее, чем раньше. К обедне или к всенощной ходят все. Церковь полна... Часто во время похода ложимся на землю, засыпаем минут на пять. Вдруг команда: «По коням!» Ничего не понимаешь, вскарабкиваешься на свою несчастную лошадь, которая, может быть, уже три дня не ела овса, и катишь дальше... Диана сделала подо мною около 1000 верст по Германии. Молитесь за нас! Да поможет Бог нашим войскам поскорее одержать победу!»

Несмотря на описанные трудности, Князь Олег стал и здоровее и бодрее. Это замечали его сослуживцы. Отношения у

него с офицерами сложились самые дружеские. Он многим говорил, что хотел бы покинуть штаб ради фронтовой службы, ради непосредственных столкновений с врагом. Во время наступления кавалеристов Второй гвардейской дивизии гусарский эскадрон, в котором служил Олег Константинович, вместе с другим таким же эскадром гусар был придан дивизии на помощь и находился впереди, в авангарде. Вдруг появился немецкий кавалерийский разъезд, и началась перестрелка. Князь Олег стал проситься у эскадронного командира графа Игнатьева отпустить его со взводом для захвата немцев. Разрешение было получено.

Взвод понесся в наступление. Князь Олег скакал впереди. В течение минуты вражеский разъезд был частью перестрелян, частью попал в плен, но какой-то немец успел прицелиться в Олега и выстрелить. Пуля попала в бедро. Князь упал с лошади. К нему быстро подскакали гусар граф Бобринский и два унтер-офицера. Раненого бережно перевезли в ближний хутор, перевязали.

Вскоре прибыли сюда братья Олега Князя Гавриил и Игорь. Олег обратился к Гавриилу со словами: «Перекрести меня!», что и было исполнено. Тогда его переправили в соседнее село, где был храм, вызвали священника, который и причастил раненого Святых Христовых Таин. Отсюда он доставлен был в Вильно, в военный госпиталь, где ему сделали операцию. После нее он чувствовал себя хорошо и сказал посетившему его генералу Адамовичу: «Я так счастлив, так

счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского Дома». При этом он перекрестился. Однако на следующий день состояние Князя Олега резко ухудшилось, началось заражение крови. Он стал впадать в забытие, но всеми силами бодрился. Узнав, что прибыли его родители, он обрадовался и воскликнул: «Вот хорошо! Вот хорошо!» Но когда они вошли в палату, он уже умирал. Великий Князь Константин Константинович со слезами прикрепил к рубашке сына пожалованный ему Государем Георгиевский крест, и Князь Олег успел его поцеловать. Призван был священник, который начал читать отходную. Отец стоял на коленях у постели, а мать держала холодеющие руки сына... Тут были Князь Игорь и генерал Ермолинский, – и они стояли на коленях. В 8.20 утра 29 сентября 1914 года Князь Олег Константинович скончался.

Вспомнили, что недавно покойный выражал желание в случае смерти быть похороненным в Осташеве, на высоком берегу Рузы – там, где он любил стоять, глядя на прекрасный, разворачивающийся перед ним вид... Государь на запрос по этому поводу дал согласие. Второго октября архиепископ Тихон отслужил заупокойную Литургию в Романовской церкви Вильно. По пути из Вильно в Волоколамск экстренный поезд вынужден был останавливаться: на многих станциях находилось местное духовенство, собирался народ, служились панихиды. При прохождении траурного вагона

крестьяне клали земные поклоны.

Третьего октября к 7 часам утра на Волоколамском вокзале ждали этот поезд Королева эллинов Ольга Константиновна (тетка покойного), Великая Княгиня Елисавета Федоровна, несколько Великих Князей с женами и разные депутации – военные и гражданские. Было много духовных лиц. На перроне был выстроен почетный караул.

Вокруг вокзала собралось множество простого народа. Вот наконец медленно подошел поезд. Из него вышли родители покойного. Братья Князя Олега и офицеры вынесли гроб. Началась лития. Потом под звуки гимна «Коль славен наш Господь в Сионе...», бытовавшего наряду с «Боже, Царя храни...», гроб поставили на орудийный лафет и повезли в Осташево.

Все осташевские жители и крестьяне окрестных деревень пришли на похороны. Несметное количество венков и цветов покрыло свежую могилу на высоком берегу Рузы. Позднее над могилой вырос храм-усыпальница. Анатолий Федорович Кони, известный юрист и писатель, бывавший в Осташеве при жизни Князя Олега, вспоминал: «Свидания с ним были полны особой прелести: богато одаренный от природы, он горел интересом к прошлому, отзывчивостью к настоящему, восторженной верой в будущее... Беседы наши – у меня в Петрограде и в Осташеве – часто касались нравственных начал в области правосудия, причем мнения и замечания моего юного совопросника обнаруживали не раз исключительную

тонкость понимания... В любимом им Осташеве, видевшем расцвет этой жизни, на высоком холме спит он вечным сном. Его сторожат развесистые деревья, кругом расстилаются далекие нивы, блестит в своих извилинах река и приветно высятся церковь — все, что так чтил и любил он».

Война продолжалась. Братья воевали. Не достала немецкая пуля ни одного из остальных Князей Константиновичей, но через четыре года после смерти Олега настигла их бесовская ярость безбожников. Князьям Иоанну, Константину и Игорю Господь уготовал мученическую кончину в Алапаевской шахте вместе с Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной и другими мучениками. Князь Гавриил оказался в эмиграции и там написал книгу воспоминаний «В Мраморном дворце».

Сестра Татьяна стала монахиней и многие годы была игуменьей женского православного монастыря на Елеонской горе близ Иерусалима. Сюда в 1920 году были доставлены святые мощи преподобномучениц Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и инокини Варвары.

Все они были настоящими русскими патриотами, искренними, верующими, добрыми людьми, достойными того, чтобы соотечественники ни в какие времена не забывали их служения Богу и Отчизне.

В 1915–1916 годах в Осташеве над могилой Князя Олега был построен Храм во имя благоверных князей Олега Брянского и Игоря Черниговского (преподобномученика), а

также преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Великий Князь Константин Константинович предполагал сделать этот храм усыпальницей для членов своей семьи. Но в 1915 году он скончался. Работы остановились. Храм не был ни расписан, ни освящен. В 1920 году мародеры вскрыли могилу Князя Олега, и тогда обнаружилось, что тело его осталось нетленным. Местные власти решили тайно перезахоронить его, и, по некоторым сведениям, он был похоронен на церковном кладбище деревни Жулино за рекой Рузой, впоследствии кладбище было застроено деревенскими домами. Могила Князя Олега Константиновича оказалась утраченной, место ее неизвестно. Ныне храм-усыпальница восстанавливается.

В одном из своих стихотворений Князь Олег писал:
Ручей скользит по камешкам кремнистым,
По свежим берегам, по рощицам тенистым...
Отрадно, в сырости пленительной ручья,
Мечтами унести за трелью соловья...
Гроза прошла... а вместе с ней печаль,
И сладко на душе. Гляжу я смело вдаль,
И вновь зовет к себе Отчизна дорогая...

Жизнь и смерть Князя Олега Константиновича – прекрасный пример для молодых русских людей!

Четыре стихотворения Князь Олег Константинович Романов

1.

О, дай мне, Боже, вдохновенье,
Поэта пламенную кровь.
О, дай мне кротость и смирение,
Восторги, песни и любовь.
О, дай мне смелый взгляд орлиный,
Свободных песен соловья.
О, дай полет мне лебединый,
Пророка вещие слова.
О, дай мне прежних мук забвенье
И тихий, грустный, зимний сон,
О, дай мне силу всепрощенья
И лиры струн печальный звон.
О, дай волнующую радость,
Любовь всем сердцем, всей душой...
Пошли мне ветреную младость,
Пошли мне в старости покой.

31 декабря 1908

2.

Остатки грозной Византии,
Постройки древних христиан,

Где пали гордые витии,
Где мудрый жил Юстиниан, —
Вы здесь, свидетели бывшего,
Стоите в грозной тишине
И точно хмуритесь сурово
На дряхлой греческой стене...
Воспряньте, греки и славяне!
Святыню вырвем у врагов,
И пусть царьградские христиане,
Разбив языческих богов,
Поднимут — крест Святой Софии,
И слава древней Византии
Да устрасит еретиков.

1910

3.

Гроза прошла... Как воздух свеж и чист!
Под каплей дождевой склонился скромный лист,
Не шелохнет и дремлет, упоенный,
В небесный дивный дар влюбленный.
Ручей скользит по камешкам кремнистым,
По свежим берегам, по роицам тенистым...
Отрадно, в сырости пленительной ручья,
Мечтами унести за трелью соловья...
Гроза прошла... а вместе с ней печаль,
И сладко на душе. Гляжу я смело вдаль,
И вновь зовет к себе Отчизна дорогая,
Отчизна бедная, несчастная, святая.

Готов забыть я все: страданье, горе, слезы
И страсти гадкие, любовь, и дружбу, грезы,
И самого себя. Себя ли?... Да, себя,
О, Русь, страдальца святая, для Тебя.

1911

4.

Уж ночь надвинулась. Усадьба засыпает...
Мы все вокруг стола в столовой собрались,
Смыкаются глаза, но лень нам разойтись,
А сонный пес в углу старательно зевает.
В окно открытое повеяла из сада
Ночная, нежная к нам в комнату прохлада.
Колода новых карт лежит передо мною,
Шипит таинственно горячий самовар,
И вверх седой, прозрачною волною
Ползет и вьется теплый пар.
Баюкает меня рой милых впечатлений
И сон навеяла тень сонной старины,
И вспомнился мне пушкинский Евгений
В усадьбе Лариных средь той же тишины.
Такой же точно дом, такие же каморки,
Портреты на стенах, шкапы во всех углах,
Диваны, зеркала, фарфор, игрушки, горки
И мухи сонные на белых потолках.

Домниха, 1912–1913

На закате. К. Р. в 1914–1915 ГОДАХ

1

Вот продолжение событий 3 октября 1914 года: «Приехали в Осташево часа за полтора до прибытия гроба, – пишет К. Р. – Вышли ему навстречу на село. На площади, между часовенкой и памятником Александру Освободителю, служили литию. Гроб отвязали от лафета, осташевские крестьяне подняли его на руки и понесли по липовой аллее, направо на птичий двор, мимо окон Олега в сад и направо вдоль реки. Путь в начале парка, где ведет налево дорожка на холмик, возвышающийся над заливным берегом Рузы, под деревьями расположено «Натусино место». Так мы называли этот холмик, где есть скамейка: 9 лет назад, когда заболела Натуся, мы ждали тут телеграммы с известиями. Вместо крытого берестой круглого стола со скамейкой вырыли глубокую могилу, обделав ее деревянными досками. Здесь осташевский батюшка Малинин с нарочно прибывшими духовником Олега иеромонахом Сергием и павловским диаконом Александром отслужили последнюю литию. Георгиевский крест на подушке из материи георгиевских цветов держал Георгий. Осташевский батюшка перед опусканием гроба в могилу прочел по бумажке слово; оно было не мудрое, но чтение прерыва-

лось такими искренними рыданиями батюшки, что нельзя было слушать без слез. Мы отцепили от крышки гроба защитную фуражку и шашку; кто-то из крестьян попросил поцеловать ее. Опустили гроб в могилу. Все по очереди стали сыпать горсть земли, и все было кончено».

5 октября: «Чудные октябрьские дни. С утра морозит, на траве иней, на реке сало, а днем на солнце тепло. Приехал по нашей просьбе всеми нами любимый инженер Сергей Николаевич Смирнов. Мы хотим, согласно желанию Олега, выстроить над его могилой церквушку во имя преподобных князя Олега и Серафима Саровского. Смирнов охотно за это берется». В тот же день К. Р. пишет Кони: «В тяжкие, горестные дни, последовавшие за 29-м сентября, когда не стало нашего сына Олега, «новопреставленного воина, за веру, Царя, Отечество на поле брани живот свой положившего», моя мысль не раз обращалась к вам в уверенности, что найдет вас плачущим и сочувствующим нашей незаменимой потере... Я не ошибся. По желанию, неоднократно выраженному нашим незабвенным усопшим, мы похоронили его в Осташеве... Господу угодно было взять у меня того из сыновей, который по умственному складу был наиболее мне близок. Да будет Его Господняя воля».

В декабре 1914 года К. Р. совершил свою последнюю инспекционную поездку по городам, – он был в кадетских корпусах Москвы (куда были эвакуированы также корпуса из Варшавы и Полоцка) и Орла. Время от времени появлялись

в Петрограде, во время кратких отлучек с фронта, сыновья: Игорь Константинович, штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка (флигель-адъютант), Константин – штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского (тоже флигель-адъютант); появлялись и старшие – Иоанн и Гавриил, оба кавалерийские офицеры. К. Р. встречал их с большой нежностью, – все они могли быть убиты на войне, так как постоянно находились под обстрелом и в самых тяжелых переделках. Об Иоанне, штабс-ротмистре лейб-гвардии Конного полка, видевший его на фронте игумен Серафим (Кузнецов) писал, что «он был трогательно чуток и прост к солдатам». Измайловец Князь Константин Константинович, рискуя жизнью, спас полковое знамя, за что и получил Георгиевский крест. Удивлял своей храбростью товарищей Князь Игорь Константинович.

Приезжал и муж Татьяны Константиновны Князь Константин Александрович Багратион-Мухранский (прямой потомок грузинских царей), поручик лейб-гвардии Кавалергардского Императрицы Марии Феодоровны полка, – воевал же он будучи прикомандированным к 13-му лейб-гренадерскому Эриванскому полку. Во время этих приездов Государь приглашал К. Р., и детей его, и Князя Багратиона к обеду в Царское Село, где он по большей части жил. Изредка и сам Государь приезжал в Павловск к семейному обеду К. Р.

Осенью 1914 года Н. Н. Сергиевский добился разрешения министра внутренних дел об устройстве чтений – без декораций и костюмов – «Царя Иудейского» в Императорских театрах Петрограда. Артисты Малого и Александринского театров, согласившиеся участвовать в чтениях, были перед Рождеством Христовым приглашены К. Р. делать репетиции в Мраморном дворце. Это происходило в белом колонном зале под руководством самого К. Р. Здесь была устроена красиво задрапированная обширная сцена. Режиссером этих чтений стал Н. Н. Арбатов, музыку исполнял придворный оркестр под управлением А. К. Глазунова. Сбор от этих чтений предназначался для раненых воинов, находившихся в лазаретах Петрограда. К. Р. хотел было сам читать свою любимую роль Иосифа Аримафейского, но занемог и поручил ее актеру Р. Б. Аполлонскому.

«В самый Новый год, – пишет К.Р. Анатолию Федоровичу Кони, – началось у меня удушье и затруднение дыхания... Вместо обеда я попал в кровать, в которой меня продержали дней шесть» (24.I.1915). «Удушье и перебои сердца мучили меня ночью до 4-х утра, к утру прошло... С тех пор я проводил дни сидя на большом кресле в моей приемной и никуда не ходил дальше моей уборной... Меня часто по-

сещала Императрица Мария Феодоровна. Раз посетил Государь» (2.II.1915).

Чтения «Царя Иудейского» все же не были разрешены. Тогда Н. Н. Сергиевский подготовил и устроил в Собрании Армии и Флота «Вечер поэзии К. Р.», где читались стихи К. Р. и пелись романсы на его слова, а также и романсы самого К. Р. на слова других поэтов. Вечер имел большой успех, но К. Р. не мог на нем быть. Решено было повторить всю программу для К. Р. у него во дворце. Но и с этим пришлось повременить. К. Р. пишет Кони 15 марта, что «испытал две неприятности: 6 марта потерю памяти, длившуюся целое утро, а 8 марта обморочное состояние с усиленным сердцебиением». И 25 апреля: «В ночь на 17-е у меня был сильный приступ удушья, длившийся часа три-четыре... Я глубоко верю, что и волос с головы нашей не спадет без Его воли, и, следовательно, верю, что эта всеблагая воля вовремя отрывает нас от здешних наших дел. Поэтому ходячее выражение «безвременная кончина» для меня звук пустой... Эта всеблагая воля лучше нас знает, когда должен последовать последний призыв».

В апреле К. Р. переехал из Мраморного дворца в Павловский. 30-го он пишет в дневнике: «Вчера для меня был праздник: в 4 ч. в Греческом зале состоялось повторение главнейших номеров устроенного Н. Н. Сергиевским в Собрании Армии и Флота «Вечера поэзии К. Р.» Мы пригласили двух старших царских дочек (Ольгу и Татьяну. – При-

меч. сост.), Зизи Нарышкину, Изу Буксгевден и всех наших домашних с женами и дочерьми. Всего гостей было человек 30 с небольшим. Греческую залу устроили красиво и уютно с помощью кресел, диванов, кушеток, столиков. Исполнителями были Ведринская, Тиме, Студенцов, Ходотов, Андреева-Дельмас, Райчев и др. Исполнялись мои стихи и романсы».

Настал май, самое любимое время К. Р. Когда позволяло здоровье, он выходил в парк, где наслаждался теплом и солнцем, птичьим пением, шелестом молодых листьев, запахом цветов... Один измайловский офицер, Алексей Сиверский, вспоминал: «Великий Князь Конс тан тин Константинович очень любил свой Павловский парк и в летнюю, а особенно в весеннюю, погоду любил уединяться в тишине аллеи... Рассказывают, что однажды, когда Великий Князь гулял в отдаленной части парка, он встретил простую девочку из близлежащей деревни, которая шла в Павловск с цветами для продажи. Увидев офицера, она подошла к Великому Князю и предложила ему купить небольшой букетик полевых цветов. Великий Князь Константин Константинович взял у девочки букет и дал за него рубль; девочка сперва растерялась, по потом заметила серьезно, что у нее еще нет сдачи и что букетик стоит всего десять копеек. Тогда высокий хозяин Павловска просил ее взять за букетик все, что он ей дал.

– А мне родители не позволяют брать больше, чем следует, – пролепетала девочка.

– Ты скажи им, что оттого больше взяла, что не хотела обидеть Великого Князя.

Девочка оцепенела от неожиданности, а Великий Князь Константин Константинович расспросил ее о ее семейном положении и, узнав, что родители ее бедные люди, просил ее ежедневно, пока будут цветы, носить их во дворец. Помощь Великого Князя была весьма существенна для бедной семьи...

Я несколько раз встречал покойного Великого Князя на прогулке, и меня всегда пленяло его лицо, задумчивое, строгое, но и приветливое».

В 1914 году в Царском Селе поселился в новопостроенном дворце Великий Князь Павел Александрович, которому, наконец, разрешено было Государем возвратиться вместе с супругой. В это время сын его – Князь Владимир Палей, окончивший Пажеский корпус, был произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка и в сентябре 1915 года отправился на фронт.

Весной 1915 года Владимир Палей часто бывал у К. Р., стихи которого очень любил. «Царь Иудейский» так его покорило, что он сразу после виденного им спектакля в январе 1914 года засел за перевод его на французский язык. Когда работа была окончена, он даже пожалел, что надо ставить точку, – так в этом труде горела высоким чувством душа! 10–11 апреля 1915 года он пишет стихотворение:

ПОСВЯЩАЕТСЯ К. Р.

(По окончании перевода «Царя Иудейского» на французский язык)

Труд окончен... Закрылась тетрадка,
И в руке замирает перо...
О, как было работать мне сладко
И как в сердце казалось светло!
Пролетели стихи вереницей,
Словно птицы весною в небесах,
И я слышал, склонясь над страницей,
Как поет твое сердце в стихах!
Глубока твоя вера, гуманна,
И красую небес ты пленим —
Оттого так нежна Иоанна,
Так понятно скорбит Никодим!
Я унесся с Твоим вдохновеньем,
С лучезарною грезой Твоей,
И с тревогою и с умилением
Я внимал звуку кротких речей.
Отдаваясь святому лиризму,
Я про немощь свою забывал
И на страсти смотрел я сквозь призму

Непорочных далеких начал.
Все, что лирой доселе не спето,
Все, что в сердце вкушало покой, —
Пробудил Ты рукою поэта,
Вдохновенной и мощной рукою.

О певец бесконечной природы,
О России родимой певец!
Да познают другие народы
Глубь восторженных русских сердец!
Пусть Твой стих, как виденье из рая,
Все хорошее в них воскресит,
О Поэт, и от края до края
Твоя слава как гром прогремит!

Труд окончен... Закрылась тетрадка, И в руке замирает перо... О, как было работать мне сладко И как в сердце казалось светло! Пролетели стихи вереницей, словно птицы весною в небесах, И я слышал, склоняясь над страницей, Как поет твое сердце в стихах! Глубока твоя вера, гуманна, И краю небес ты пленим – Оттого так нежна Иоанна, Так понятно скорбит Никодим! Я унесся с Твоим вдохновеньем, С лучезарною грезой Твоей, И с тревогою и с умилением Я внимал звуку кротких речей. Отдаваясь святому лиризму, Я про немошь свою забывал И на страсти смотрел я сквозь призму

Непорочных далеких начал. Все, что лирой доселе не спето, Все, что в сердце вкушало покой, – Пробудил Ты рукою поэта, Вдохновенной и мощной рукой. О певец бесконечной природы, О России родимой певец! Да познают другие народы Глубь восторженных русских сердец! Пусть Твой стих, как виденье из рая, Все хорошее в них воскресит, О Поэт, и от края до края Твоя слава как гром прогремит!

В апреле в Павловске Владимир Палей прочитал вслух

часть перевода драмы К. Р. Его слушали сам К. Р., кто-то из его сыновей, приехавших с фронта, Великий Князь Павел Александрович с супругой и несколько других лиц. Об этом чтении вспоминает матушка Тамара (напомним, что это дочь К. Р. Татьяна), не забывшая всех, кто был. «Как знаток французского языка, – пишет она, – был приглашен мосье Бальи-Конт, наш учитель, которого Отец просил внимательно отмечать недостатки. Он сидел за отдельным столиком с карандашами и с бумажками, освещенными лампочкой. Владимир Палей вдохновенно читал, сначала стесняясь, увлеченный прекрасным произведением. Все слушали, затаив дыхание. Мосье Бальи-Конт два раза что-то писал, вцепившись в свои бумажки, потом порвал все, откинулся на кресло, заслушиваясь. Когда все было прочтено, Отец спросил его: «Какие у вас замечания?»; мосье Бальи-Конт: «Я все порвал. Никакие замечания не могут устоять перед этим дословным переводом отменным французским языком». Тогда Отец обратился к переводчику своей драмы, обнял его: «Володя, я чувствую, что больше писать не буду, чувствую, что умираю. Тебе я передаю мою лиру». В своем дневнике в тот же вечер К. Р. записал: «Володя прочел 2-ю сцену III акта и весь IV. Передача мастерская... Местами я был растроган до слез»⁸.

На праздник Троицы приехал в Павловск сын К. Р. Константин с товарищем, офицером, потерявшим на войне ру-

⁸ Рукопись этого перевода хранится в ГАРФ: Ф. 614.

ку. В домовой церкви была праздничная обедня, – все стояли с цветами, К. Р. с букетом роз. Погода стояла благодатная. Они гуляли по берегу Славянки. Но вот настал Духов день. «Нездоровилось, – пишет К. Р. (это было 11 мая). – За день было несколько приступов спазматических болей в груди, действующих удручающим образом на настроение».

19 мая был убит в бою под Львовом муж дочери К. Р. Татьяны князь Константин Багратион-Мухранский. Когда тело его привезли в Петроград, Княгиня Татьяна была на костылях, так как незадолго до этого выпала из коляски и повредила ногу. Однако, после первых панихид, она в сопровождении брата Игоря поехала с телом мужа в Грузию, в древнюю Мцхету, где в патриаршем соборе Светицховели (Животворящего Столпа) была усыпальница грузинских царей с древних времен. Князь Константин, как потомок их, должен был быть похоронен здесь.

Она попрощалась с отцом. «Он перекрестил меня, – вспоминала матушка Тамара, – смотря прямо в глаза, мы оба сознавали, что больше не увидимся и что он мне дает последнее благословение».

Во Мцхете Татьяна и Игорь получили телеграмму о кончине отца. Они выехали в Петербург по Военно-Грузинской дороге...

К. Р. скончался 2 июня. Как это произошло, вспоминает дочь К. Р. Вера Константиновна, которой тогда было 9 лет. «2-го (15-го по новому стилю) июня 1915 года в Павловске,

в своем кабинете, отец сидел в кровати и раскладывал пасьянс⁹. В спальне мать примеряла летнее платье, собираясь в деревню. Я сидела в отцовском кабинете на диванчике и читала «Хитролис»¹⁰. Комната была очень большая, продолговатая, в три окна, в нижнем этаже Павловского дворца. Мы с отцом как раз поджидали его сестру Королеву эллинов Ольгу Константиновну. Тетя Оля, как мы ее называли, в эти дни развлекала отца чтением классиков. Меня же привлекали к этим чтениям, что бы приохотить к родной литературе. Время шло, но тетя Оля все не приходила из лазарета, где она работала хирургической сестрой. Вошел камердинер и доложил, что королева задерживается на операции и опоздает. Вскоре после его ухода я услышала, как отец стал задыхаться. Мне было тогда девять лет и я еще недостаточно отчетливо понимала характер болезни отца, но слышала о его припадках, а потому и поняла, в чем дело. В страхе, стремглав, бросилась я к матери, самостоятельно открыв тяжелейшую зеркальную дверь, и побежала через материнский будуар, через столовую и сени в спальню. «Папа не может дышать!» – в ужасе закричала я. Однако камердинер, видимо от испуга не понимая меня, нервно смеясь, топтался на месте и ничего не предпринимал. «Скорей, скорей, Аракчеев! – кричала

⁹ Вероятно, ошибка памяти. Бывший в Павловске незадолго до смерти К. Р. Н. Н. Сергиевский пишет: «На столе громадная складная картина-головоломка, состоящая из мелких частей, складывание которых заменяло Великому Князю пасьянс». (Н. Н. Сергиевский. Августейший поэт К. Р. Пг., 1915.)

¹⁰ Детская обработка стихотворного романа Гете «Рейнеке Фукс».

я. — Папа плох!» От волнения я прыгала на месте и топала ногами. Но было уже поздно. Все кончилось».

«В своем горе мы тогда не заметили, — заключает свои воспоминания Вера Константиновна, — как милостиво было Провидение, призвав Отца в иной, лучший мир. К великому нашему счастью, он не увидел революции со всеми ее ужасами, так трагически коснувшимися именно нашей семьи».

Траурный манифест Государя гласил: «Божиею милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем Нашим верным подданным: Всемогущему Богу угодно было отозвать к Себе любезнейшего Двоюродного Дядю Нашего Великого Князя Константина Константиновича.

Его Императорское Высочество скончался, после продолжительной и тяжелой болезни, во 2-й день июня, на 57 году от рождения. Покойный Великий Князь Константин Константинович посвятил свою жизнь отечественной науке и положил много труда и забот по высшему руководству делом военного образования юношества, давшего столь доблестный состав офицеров, геройские подвиги коих в настоящую войну навсегда запечатлеются в истории Русской Армии.

Оплакивая утрату любезнейшего Дяди нашего, Мы уверены, что все верноподданные Наши разделят скорбь, постигшую Императорский Дом Наш, и соединят молитвы свои с

Нашими об упокоении души усопшего Великого Князя.

Дан в Царском Селе во 2-й день июня, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятнадцатое, Царствования же Нашего в двадцать первое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано: *Николай*».

Государь Император пишет в своем дневнике:

«2-го июня. Вторник. В 4.20 отправился в Аничков к Мама с Ольгой и Татьяной. Вернулся в 7 час. и принял Сазонова. После доклада вошел маленький Георгий Константинович и сообщил о кончине Кости. В 9 ¼ поехали в Павловск на первую панихиду. Там были: тетя Ольга, Мавра и Митя; из взрослых сыновей никого...

3-го июня. Среда... После обеда поехали в Павловск на панихиду. 5-го июня. Пятница... После обеда поехали на панихиду в Павловск. Было все семейство.

6-го июня. Суббота... К 2 час. прибыл с Ольгой, Татьяной и Марией в Павловск к панихиде. После нее гроб был перенесен вниз и поставлен на лафет. В 4 ч. отправились в город. Мама и остальная часть семейства ожидали прихода траурного поезда, который подошел через десять минут; шествие направилось мимо собора Семеновского полка по Гороховой, по набережной Фонтанки, чрез Марсово поле на Троицкий мост. В крепость пришли в 7.10. После панихиды вернулись в Царское Село в 8 ½ час.

8-го июня. Понедельник. В 10.10 отправился с Эллой,

Ольгой, Татьяной и Марией в город прямо в Петропавловский собор. Заупокойная Литургия и отпевание продолжались два с половиной часа. Грустно было смотреть на тетю Ольгу, Мавру и в особенности на бедную Татьяну Константиновну, когда опускали тело Кости в могилу!»

Возвращавшиеся из Мцхеты Татьяна и Игорь приехали в Петроград почти к самым похоронам. Прямо с вокзала поспешили в Петропавловскую крепость. «Гроб стоял высоко, — писала она, — над несколькими ступенями, и почетный караул вокруг. Государь Император сделал замечание, почему духовенство не было в одинаковых облачениях. Старший брат Иоанн пригласил столько епископов, столько священников, всех, кого только знал, так что не хватило придворного облачения. Совершались Литургии и панихиды... Тело почившего Отца вскрывали и бальзамировали. Нашли язву в сердце. Вспомнили, что последнее время он говорил: «У меня так болит сердце, точно там рана...» Погребение в новой усыпальнице, с впечатлением холодности и неуютности. В 1911 году первой там была погребена Бабушка, Великая Княгиня Александра Иосифовна. Отец лежит рядом с ней. А Матушка, в беженстве скончавшаяся 11-го (24-го) марта 1927 года, письменно завещала, когда будет возможно, перенести ее в Россию и похоронить рядом с возлюбленным Супругом».

Война продолжалась. Сыновья К. Р. и Князь Владимир Палей были на фронте. В сборнике стихотворений Палея,

вышедшем в 1916 году (первый экземпляр книги он получил буквально под бомбами, – при налете вражеских аэропланов на русские позиции), были стихи, посвященные К. Р. – кроме цитированного выше: «На смерть К. Р.» (написано 4 июня 1915 года) и «Тень Иосифа Аримафейского. Светлой памяти К. Р.» (в феврале 1916-го). Вот это, второе из названных, стихотворение:

Настал молчанья час, и вновь мечты бегут,
И снова луч возник невидимого света —
Благослови меня на плодотворный труд,
О тень прекрасная усопшего поэта...
В моей душе давно мерцает огонек,
Я, на пути моем видения разбросив,
Мечта давно зовет – но этот путь далек:
Благослови ж меня, молящийся Иосиф...
Тебя призвал Господь, ты улетел от нас,
И чужд теперь вдвойне житейскому ты пиру,
Но ты пришел ко мне в безмолвный этот час,
Держа еще в руках свою немую лиру.
Да, ты пришел ко мне напомнить мне о том,
Что только тот поэт, кто верит в жизнь иную,
Кто, видя скорбь и смерть в сиянии золотом,
Не оскверняет злом свою тропу земную.
И ты пришел ко мне, Иосиф христианин,
Иосиф ласковый, Иосиф вдохновенный,
Сказать, что нет конца кругу земных кручин,
Но что всего сильнее поэт проникновенный.

И словно ветерок, гонящий прочь грозу,
Сомнения мои живительно рассеяв,
Сказал ты: «Примет Бог невольную слезу
Того, над кем толпа смеется фарисеев.
Ты песню не спеша dokonчи здесь свою,
И встречу я тогда тебя у райской двери...»
И я внимал тебе, и я теперь пою
Твоей правдивости, твоей глубокой вере...
О, дай мне те слова надежды и любви,
Перед которыми ничто людей страдания,
И лирою своей меня благослови,
Исчезнувший певец весны и упования.

Царское Село. Февраль. 1916

Часть вторая

Торжествующий дух

Торжествующий дух

Сказание о Царственных мучениках, брошенных большевиками в старую шахту под Алапаевском в ночь на 5/18 июля 1918 года

1. У старой шахты

В истории человечества есть много великих событий, но ни крушение, ни возникновение государств или цивилизаций, ни знаменитые битвы народов, ни революции не сравнятся никогда с тем, что принес в мир Господь наш Иисус Христос, вочеловечившийся от Духа Свята и Марии Девы, преданный, распятый, погребенный и воскресший в третий день. Крест Голгофы светом жизни пронизал все будущие века. И тотчас после этой великой Жертвы начали восходить на свои кресты святые христианские мученики.

Они являлись из мира и совершали свой подвиг ради Хри-

ста. Это были апостолы, священнослужители, были и раскаявшиеся властители, и мучители христиан, и воины, были женщины и даже дети. Их сонмы, и многие имена не открыты нам. Список мучеников двадцатого века открывается именем русского Царя Николая Александровича, расстрелянного в Екатеринбурге вместе с его семьей: Царицей Александрой Феодоровной, На след ником Царевичем Алексеем, Царевнами Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией, а также с верными им людьми. Это было в ночь на 4/17 июля 1918 года. Россия была потрясена этим злодеянием.

А 5 июля, в следующую ночь, несколько узников, содержавшихся большевиками в Алапаевске (в 180 верстах от Екатеринбурга), были внезапно разбужены. Их посадили в телеги и повезли куда-то под конвоем отряда красноармейцев. Еще накануне им объявили, что их перевезут на Верхне-Синячихинский завод, так как белые делают попытки их освободить. Да, были слышны ночью выстрелы, разрыв гранаты. Позднее обнаружилось, что это сами большевики инсценировали нападение белых: стреляли, бегали, даже убили какого-то крестьянина и труп его подбросили к школе. Сказали, что это был один из нападавших. Для чего все это делалось? Чтобы замаскировать убийство узников, завезти их подальше. И так сделать, чтобы никогда не узнали ни о чем и трупов их не нашли бы... Кто же были эти узники? Я расскажу вам о них.

Их везли по Верхотурскому тракту. Ночь была холодная,

темная. По сторонам дороги тянулся лес, в основном ели. Раздраженные и хмурые красноармейцы погоняли лошадей, но они, пробежав немного, опять переходили на шаг. Узники не ждали от этой поездки ничего хорошего и молились, каждый, кто как мог, про себя. Было очень тревожно. Верст через двенадцать свернули на лесную дорогу. Тьма стала еще гуще. Теперь уже лошадей вели под уздцы. По мрачной лесной чащобе проехали еще верст пять-шесть.

Вот наконец лес расступился, стало посветлее. Лошади остановились. Здесь были две шахтные ямы: чернели заросшие кустами бревенчатые невысокие срубы. Это был Нижне-Селимский железный рудник, давно заброшенный и отчасти затопленный водой. Красноармейцы, среди которых было несколько алапаевских рабочих, приказали узникам сойти с телег и затем, грубо толкая, поставили их кучкой возле одного из черных срубов. Четверо из конвоиров сбросили замшелые доски, и открылся квадратный черный зев, из которого жутко пахло сыростью. Над лесом бежали черные облака. Время от времени проглядывало тусклое пятно луны. Потревоженные вороны перелетали с одного дерева на другое... Все это было похоже на страшный сон.

Узники стояли молча, думая, что их сейчас будут расстреливать. Никто из них не дрогнул. Они молча пожимали друг другу руки и мысленно, а некоторые шепотом, молились, готовясь к переходу в вечность. Они, впрочем, были готовы к смерти с тех пор, как их из Екатеринбурга перевезли в Ала-

паевск и поместили под охраной в кирпичном здании школы на краю города, возле кладбища. Это были святая преподобномученица Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и ее келейница – одна из сестер Марфо-Мариинской обители в Москве преподобномученица инокиня Варвара, Великий Князь Сергей Михайлович и его секретарь Федор Ремез, Князь Владимир Палей, а также трое братьев – Князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи Романовы, сыновья Великого Князя Константина Константиновича.

Они стояли возле провала шахты, сруб которой, уходящий вниз на шестьдесят метров, сгнил, перекосясь так, что из стен торчали в разных направлениях длинные концы гнилых бревен. Дно было на несколько метров заполнено водой. Туча мошкеры набросилась на приехавших. Большевики, хлопая себя по щекам, заматерились, поспешно сворачивая и зажигая махорочные сигарки. Раздались их крики: «Скорей! Скорей!...» Лязгнули затворы: в створы винтовок вгонялись патроны. В руках у некоторых появились револьверы. Кто-то крикнул: «Рябов, где ты?.. Ну, давай!» Узники теснее сплотились. Вот сейчас раздадутся выстрелы...

Елисавета Феодоровна была в белом монашеском одеянии. (В ее московской общине насельницы одевались как сестры милосердия). Так ее и арестовали в Москве. Едва успела она попрощаться с плачущими сестрами, которым страшно было оставаться без любимой настоятельницы, как без родной матери... Рядом с ней стоит инокиня Варвара,

одетая так же, как и настоятельница. В Екатеринбурге ей предложили свободу, но она твердо заявила, что останется со своей настоятельницей и до конца разделит ее участь. Они еще не знали, что в прошедшую ночь убиты были в Екатеринбурге все члены Царской Семьи. Елисавета Феодоровна – старшая сестра Царицы. Около нее стоял Великий Князь Сергей Михайлович – двоюродный дядя расстрелянного Императора, генерал-инспектор артиллерии, молчаливый и скромный человек. Он оставался при Государе в военной ставке до тех пор, пока тот не был предан всеми своими соратниками. Секретарь, Федор, добровольно поехал с ним в ссылку и вот стоит с ним рядом у страшного остова шахты. Князь Владимир Палей – незаконный сын Великого Князя Павла Александровича, двадцатилетний офицер, участник войны, поэт, выпустивший два прижизненных сборника, находится вблизи своей тетки – Елисаветы Феодоровны. Перед арестом он много писал, очень торопился, так что его сестра, княжна Мария Павловна, упрекнула его, что он слишком спешит, не отделяет стихотворений как следует. Он ответил с печалью: «Я должен скорее высказать все то, что накопилось в моей душе, так как после двадцати одного года я уже ничего не смогу написать». Большевики предложили ему отречься от Семьи Романовых, но он резко оборвал разговор об этом. Через две недели последовал его арест.

Трое братьев Константиновичей – молодые офицеры гвардии, храбро воевавшие на германском фронте (четвер-

тый их брат, Олег, скончался в 1914 году от раны, полученной в бою; пятый – Князь Гавриил, также воевал, а потом оказался в эмиграции). Иоанну тридцать два года, Константину двадцать семь, Игорю двадцать четыре. Они взялись за руки. Князь Иоанн тихо произносил: «В руце Твои, Господи Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой. Ты же мя благовослови, Ты мя помилуй и живот вечный даруй ми! Аминь!» Он говорил это от лица всех братьев. Тогда почти никто не знал, что незадолго до ареста он был рукоположен в сан диакона.

2. Братья Константиновичи и их отец, поэт К. Р

Всего несколько коротких минут оставалось жить узникам, окруженным, словно волками, своими убийцами, но многое пронеслось в их памяти, в их сердцах из прожитого.

Так, недавно, всего четыре года назад, перед уходом на фронт, пятеро братьев в Мраморном дворце, в Петербурге, где и был их дом, стояли на коленях перед родителями. Отец, Великий Князь Константин Константинович, генерал-инспектор военно-учебных заведений России и президент Императорской Академии наук, и мать, Великая Княгиня Елисавета Маврикиевна, благословили их иконой Спасителя и напутствовали словом, чтобы они, Князья царской крови, были на войне примером для всех.

В то время была здесь и тетка их, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, в своем обычном иноческом одеянии. Всегда молчаливая, она в этот раз много говорила о войне как о крестовом походе за Русь православную.

– Все святые, в земле Российской просиявшие, будут молить Бога о даровании нам победы, – сказала она.

Эта удивительная женщина, которой Бог даровал редкую красоту, была родом из Германии. Дочь Гессен-Дармштадтского великого герцога Людвига IV и его супруги Алисы, дочери английской королевы Виктории, вышла замуж за Великого Князя Сергея Александровича, приехала в Россию, вскоре приняла Православие и всей душой полюбила свою вторую родину, которую теперь считала единственной. В 1905 году ее постигло горе – террористы убили в Кремле взрывом бомбы ее супруга. Она вела монашеский образ жизни и основала в Москве Марфо-Мариинскую обитель. Сестры обители, которых собралось более тридцати, ухаживали за больными и помогали бедным. Они бывали в самых мрачных трущобах, несли туда свет веры, надежды, тепло души, а кроме того и необходимое для жизни: пищу, одежду. Во время войны больница общины принимала раненых солдат.

После того как пятеро Константиновичей были благословлены родителями, Елисавета Феодоровна поехала с ними в Петропавловский собор (он был как раз напротив Мраморного дворца за Невой), где они причастились Святых и Животворящих Христовых Таин. Оттуда – на Смоленское клад-

бище, к часовне блаженной Ксении Петербургской. Братья, как и отец их, были глубоко верующими людьми, истинно русского склада души.

Старший из них, Князь Иоанн (дети Великих Князей получали право на титул только «князя», но не «великого»), родился в 1886 году. Оптинский старец Амвросий, прозревая его мученическую судьбу, прислал для него икону Усекновения главы святого Иоанна Предтечи, в честь которого он и получил свое имя. (Святой Предтеча по приказу царя Ирода был, как известно, обезглавлен в темнице.)

Окончив юнкерское кавалерийское училище, Князь Иоанн стал офицером. Позднее он женился на сербской королевне Елене Петровне. У них было двое детей. Служил он флигель-адъютантом Императора и штаб-ротмистром Конного лейб-гвардии полка. Он все получил от отца: теплую веру во Христа Спасителя, любовь к Родине, русскому народу, русской природе. Как и отец, он не придавал значения той роскоши, которой окружен был с детства. Он видел, как неустанно трудился его отец, имевший несколько должностей. С малых лет любил Князь Иоанн стихи отца. В них всегда звучал призыв к добру: там рисовались ярким поэтическим словом милые русскому сердцу картины северной природы, неяркой, но родной; там разлита была трепетная любовь к Богу. Он видел отца играющим на фортепьяно, и всегда что-нибудь задумчивое и прекрасное, чаще всего из пьес Чайковского, иногда и собственные сочинения. Видел

его Иоанн среди любивших его солдат, в перерыве между учениями отдыхающим на шинели, разостланной на земле. Отец беседовал с солдатами, всех знал поименно. Видел часто отца и в храме, — делающим земные поклоны, благоговейно причащающимся... Великий пример был перед Князем Иоанном, как и перед его братьями. И они восприняли от отца все доброе.

Да, К. Р. любил храм Божий. В его дневнике встречаются записи о посещении церковных служб. Например: «За обедней я очень хорошо помолился» (23.03.1880). «Начали торжественное богослужение. Христос Воскресе! Как светло и легко становится на душе при звуках этого пения! Пасхальная служба так хороша, — невольно забываются все мирские горести, хочется радоваться и ликовать. Какой у нас славный обычай — христосование, — он отлично выражает общую радость и примирение в Воскресшем Господе» (20.04.1880). «Я говею, и каждый день по два раза бываю в церкви. Стоять на правом фланге роты, молиться вместе с солдатами, заодно с ними класть поклоны и благоговейно и безмолвно следить за церковною службою мне даже приятнее, чем слушать богослужение в нашей домашней церкви. И как хорошо умеют держать себя в церкви эти простые люди! Куда лучше офицеров, из которых большая часть вовсе в церковь не ходит, а когда придут, то обыкновенно смотрят по сторонам и разговаривают. Один соблазн» (23.11.1889). Братья Константиновичи, без сомнения, многое вспомнили... Как забыть за-

веденный в семье обычай? Дети с малолетства приучались приходить в кабинет отца за благословением на ночь. В Павловском дворце, где они жили с весны до осени, это была огромная комната, необыкновенно уютная, несмотря на роскошь драпировок и старинной мебели. Всюду были шкафы с книгами, на стенах портреты, в глубоких проемах окон – вольеры для множества разных птиц. Больше всего тут было снегирей. Щебет и свист их были слышны постоянно. К. Р. трудился за большим письменным столом. Чего на нем только не было! Можно было без конца рассматривать изящные статуэтки, подсвечники, портреты в рамках, разные памятки из Святой Земли, бювары, стаканы с карандашами, стопки книг и тетрадей... Нередко пушистый сибирский кот Омка (кличка от города Омска, где кадеты подарили К. Р. котенка) проходил через весь стол, ничего не задевая. Весь угол за столом был занят иконами, перед которыми горело несколько лампад. Справа была потайная дверь в виде шкафа с книгами, который легко поворачивался и открывал вход в уютную молельню, где уже и вовсе была ангельская тишина... Там часто уединялся Великий Князь.

Как же этого не вспомнить?

Для Князя Иоанна, когда он еще лежал в люльке, К. Р. написал «Колыбельную песенку». Она очень трогательна, и в ней есть нечто приоткрывающее будущее младенца. Там есть такие строки:

В тихом безмолвии ночи, С образа, в грусти святой, Бо-

жией Матери очи Кротко следят за тобой. Сколько участия во взоре Этих печальных очей! Словно им ведомо горе Будущей жизни твоей...

К. Р. переписывался в то время с нашим великим писателем, автором романа «Обломов» Иваном Александровичем Гончаровым, который когда-то, в детстве К. Р., преподавал ему литературу. Отвечая на присланные К. Р. стихи, где была и «Колыбельная песенка», Гончаров заметил: «Чудесно, грациозно, нежно. Печальный взгляд Божией Матери, обращенный к ребенку, с предвидением жизненного горя, – чудо... Это сравнение подсказало вам ваше родительское сердце».

Здесь можно вспомнить, что К. Р. писал стихи с юности, когда еще плавал на кораблях морским офицером. Он бывал даже в Америке. В русско-турецкую войну он воевал на Дунае и за подвиг получил Георгиевский крест. В год рождения Иоанна К. Р. издал свой первый стихотворный сборник (тут впервые авторство его было обозначено двумя буквами: К. Р.).

К. Р. не дожил до большевистского переворота – он скончался в Павловске в 1915 году. Вероятно, доживи он до этого времени – убили бы и его. Убили бы или в Петропавловской крепости, где расстреляли нескольких Великих Князей, или вот здесь, в сыром и темном ночном лесу, рядом с сыновьями, да и в любом другом месте. Сегодня мы читаем в дневнике К. Р. (при жизни он его никому не показывал): «Я же-

лал бы принять мученическую смерть». Это было написано в 1880 году. Ему было всего двадцать два года тогда.

3. Еще минута... Еще воспоминания...

Алапаевск... Пустая, холодная школа. Четыре большие и две маленькие комнаты. Караульщиками были чаще всего служившие в Красной армии венгры и австрийцы, люди очень жестокие. Первое время узникам позволяли выходить, благоустраивать грязный и захламленный двор, разводить там огород. Этими трудами руководила Елисавета Федоровна. Владимир Палей удивлялся тому, как хорошо она знает садовое и огородное дело. Для вечерней молитвы узники собирались в ее комнате, правило читали она или Князь Иоанн Константинович. Иногда им позволяли посещать находившийся рядом кладбищенский храм. Простые люди, видевшие их там, выражали им глубокое сочувствие. Заметив это, большевики ужесточили режим: вдруг отобрали почти все вещи и запретили выходить за ограду. Как и все прочие, Князь Иоанн понял, что близится роковая развязка. Он написал прощальное письмо жене и спрятал его в маленький медальон. Оно сохранилось.

Князь Владимир Палей писал тогда:

Немая ночь жутка. Мгновения ползут.
Не спится узнику... Душа полна страданья;
Далеких, милых, прожитых минут

Нахлынули в нее воспоминанья...
Мысль узника в мольбе уносит высоко...
То, что гнетет кругом, так мрачно
и так низко...
Родные, близкие так жутко далеко,
А недруги так жутко близко.

Много пережил Князь Владимир за свою короткую жизнь. Его отец, Великий Князь Павел Александрович, в 1891 году овдовел: его супруга, греческая принцесса Александра, скончалась, родив дочку. Спустя несколько лет он нарушил закон, действовавший в Царской Семье (все Великие Князья со своими семьями входили в большую Царскую Семью, возглавляемую Императором): жениться можно было только на особах царского (или королевского, герцогского) достоинства. Он женился на разведенной офицерской жене. В результате он был своим братом, Императором Александром Третьим, лишен всех прав и выслан из России. Сын его Владимир родился в Париже, там учился, там с отрочества выявились его блестящие способности. Россию он увидел впервые в 1913 году, когда Великий Князь был прощен и поселился в Царском Селе. В начале 1914 года Владимир поступил в Пажеский корпус. Когда началась война, он был переведен на ускоренные офицерские курсы, окончил их и сразу отбыл на фронт. Приезжая в краткий отпуск, он общался с К. Р., который высоко ценил его поэтический талант. Владимир блестяще перевел на французский язык стихотворную

драму К. Р. о Христе «Царь Иудейский». Когда К. Р. скончался, Владимир Палей очень скорбел и написал несколько стихотворений, посвященных его памяти.

В свое время Елисавета Феодоровна, когда она была еще не вдовой, а женой Великого Князя Сергея Александровича, осудила поступок Великого Князя Павла Александровича и не признавала ни его второй жены, ни сына и не видела их никогда. Но вот настал 1905 год. Муж ее убит, разорван на части бомбой... Она одна со своим горем. Из Петербурга никто не приехал к ней с утешением кроме К. Р., а спустя некоторое время прибыл Павел Александрович из Парижа. Ему позволено было Государем приехать на похороны брата. Эти два Великих Князя разделили горе Елисаветы Феодоровны, были возле нее все дни, пока жизнь ее не вошла хотя и в другую, вдовью, колею, но все же установилась.

Князя Владимира, своего непризнанного племянника, Елисавета Феодоровна впервые увидела в Алапаевске. Господь свел их здесь. Она не упорствовала в своем непризнании и, увидев чистую христианскую душу юноши, подружилась с ним, приняла наконец как родного. Они шли теперь одним путем к гибели. Владимир льнул к ней, как к матери. Он и в Алапаевске писал стихи, но тетради его пропали.

Князь Константин Константинович младший (у него с отцом совпадали имя и отчество) был офицером лейб-гвардии Измайловского полка, в котором когда-то отец его начинал военную службу на суше после ухода из флота. Мо-

лодой Князь храбро воевал, деля с солдатами все опасности и трудности фронтовой жизни. Бывший на фронте военным священником игумен Серафим (Кузнецов) видел его в окопах и под пулями во время атаки на врага. В одном из боев, когда его часть потеряла много солдат убитыми, он дрался до последнего и спас полковое знамя, сорвав его с древка и спрятав на груди. За это он был награжден, как когда-то и его отец, Георгиевским крестом. Получив краткий отпуск, он не поехал домой, а отправился прямо в Калужскую губернию, в уже знакомую ему Оптину пустынь.

Вот запись из «Летописи Оптинского скита» от 2 апреля 1916 года: «Воскрешение Лазаря. Скит посетил князь Константин Константинович, сын почившего Великого Князя Константина Константиновича. Высокий гость уклонился от встречи и подобающего его положению приема и, бывши в монастыре, дер жал себя в полной неизвестности. Когда же это, по нынешним строгим условиям военного времени, коих обязана держаться гостиница, сделалось невозможно, то Князь убедительно просил сохранить его имя в тайне и относиться к нему так, как и ко всякому богомольцу. В скиту сделаны были все приготовления к торжественной встрече, но последняя была отменена ввиду указанных причин, и Князь был в скиту запросто: осмотрел скит, был в храме и у старцев. Смирение, благоговение, искренняя религиозность и простота – достойны удивления». Князь Константин Константинович беседовал со старцем Нектарием и был в скит-

ской церкви на службе. Таким образом, Оптина благословила его на великий подвиг мученичества ради Христа.

Самым младшим из Константиновичей, оказавшихся в Алапаевске, был Князь Игорь. Он, подобно брату Иоанну, был флигель-адъютантом у Государя и имел чин штаб-ротмистра лейб-гвардии Гусарского полка. Как и все его братья, Князь Игорь воевал не щадя своей жизни, не имея в сердце ни тени страха. Сколько он проделал тяжелых рейдов со своим полком, сколько раз ходил в атаку в общем строю кавалеристов! Между боями он встречался с братьями, был бодр и весел. Однажды Князь Игорь едва не погиб, но не от немецкой пули или сабли; пробираясь как-то со своим полком через топкие места, он попал в трясину и стал быстро погружаться в нее вместе с конем. Когда в трясине почти скрылась голова коня, он широким крестом перекрестил ее, а сам был спасен товарищами в последнюю минуту – уже только его голова и вытянутые вверх руки были видны на поверхности... Нет, он не погиб, не был и ранен ни в одном бою – Господь хранил его для славы другого рода.

Может быть, вспомнили братья у шахты своего брата Олега... Он незримо был здесь. Останься он тогда жив – стоял бы он здесь вместе с братьями, ожидая смерти. Он видел их с небес... Братья Константиновичи молились. Они стояли, возносясь душою к престолу Господню, и, еще живые, давали Ему отчет о себе: в секунды сжималась вся прошедшая жизнь каждого, чуть ли не всякий их день явился, мелькнув

перед ними во всех подробностях светлого и греховного... А те, черные, на высоте воздуха, что готовятся испытывать их на мытарствах, ёжятся и жмурятся, уже зная, что приготовленная ими клевета не пройдет, что не за что будет зацепиться им, – нет, это не дети геенны... Если и были у них какие-то грехи, покроет Господь все Своею благостью за чистоту их душ, за искренность молитв, за то, что они сораспялись Ему.

Нет для них этой тысячеверстной тьмы – они осиянны светом, невидимым для убийц. Вот и ангелы святые – в их руках блистающие драгоценные венцы: не земные – небесные. Вот и сонм святых мучеников в белоснежных одеждах. Среди них царь Николай, царица Александра, царевич Алексей, царевны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия. «Стойте крепко! – как бы слышатся их голоса. – Не бойтесь убивающих тело, но не могущих убить бессмертной души!»

4. Благоухание Оптиной пустыни

Хоть и долго это пишется на бумаге, но еще раз напомним, что бывают минуты, когда и еще больше событий из прошедшей жизни проносится в голове чуть ли не в секунды, – особенно в такие мгновения, какие переживали алапаевские узники перед смертью. Может, в сжатом виде мелькнула в сознании Константиновичей счастливая, освещенная солнцем картина лета 1901 года, когда они жили всей семьей

близ Оптиной пустыни в селе Нижние Прыски... А как протекала эта жизнь?

Еще в мае 1887 года К. Р. посетил Оптину пустынь. Он остановился в покоях настоятеля, архимандрита Исаакия. Посещал службы, беседовал в скиту со старцем Амвросием. Но второй раз он выбрался туда не скоро – в 1901 году.

К этому времени у К. Р. было уже шестеро детей. Отроки учились в кадетских корпусах, дочь Татьяна воспитывалась дома. Летнее время семья проводила чаще всего в Павловске. Прогулки дети совершали в обширном парке у реки Славянки, некогда воспетой великим русским поэтом Василием Андреевичем Жуковским в знаменитой элегии, которая так и называется – «Славянка». Среди разных предметов, которые изучались детьми под руководством педагогов, было природоведение, и они очень его любили. Учителем у них был знаменитый натуралист профессор Дмитрий Никифорович Кайгородов, автор увлекательных книг о лесах, цветах, птицах. Летом он проводил свои уроки прямо среди природы.

Вот К. Р., да и дети его, давно мечтавшие пожить не во дворце, а в русской деревне, погулять не в парке, а в настоящем лесу, получили возможность свою мечту исполнить. Осташево еще не было куплено. Было имение в Крыму (Орeанда), но туда никому не хотелось. Однажды представился случай нанять удобный барский дом близ Оптиной, в Нижних Прысках. Дом был приведен в порядок. В начале лета

выехали. Дети не уставали смотреть в окна поезда, за которыми пробегали поля и леса, деревни, села с церквями, речки... Из Козельска в Прыски ехали в конном экипаже.

Там началась жизнь, которой раньше они не видели. Им сшили ситцевые рубашки и штаны и позволили ходить босиком. Начались прогулки в лес, где они собирали грибы, разжигали костры. Они плавали на лодках по Жиздре, купались на песчаных отмелях, – вода была прозрачная... А еще катались верхом на лошадях. Почти везде детей сопровождали крестьянские отроки, с которыми они совершенно искренне подружились. Константиновичи бывали в деревенских избах, где их встречали очень радушно. Они впервые видели крестьянский быт. Тут узнали они, что сельские дети с родителями по праздникам бывают в монастырях – в Оптиной пустыни и в Шамординской обители.

Им рассказали, что в скиту при Оптиной живет прозорливый старец Иосиф, ученик старца Амвросия, а в Шамордине настоятельница – слепая игуменья Евфросиния, прозорливая старица.

Таких высоких гостей, как члены царской семьи, в монастырях принято было встречать с большой торжественностью, но К. Р. попросил настоятеля Оптиной пустыни игумена Ксенофонта не делать такой встречи, чтобы не смущать детей, которые желают здесь быть как простые паломники. Настоятель согласился, но все-таки встретил их колокольным звоном. В первый же раз побывали они в скиту, и их

принял старец Иосиф, который внимательно и ласково побеседовал с ними.

Князь Иоанн увидел в скитском храме икону Усекновения главы святого Иоанна Крестителя, точно такую же, что находилась у него дома в Петербурге. К. Р. обратил его внимание на лампаду, горевшую перед этим образом. «Вот огонек, – сказал он, – не угасающий никогда, соединяющий нас, русских богомольцев, с молитвенниками этого сурового и благодатного скита... Тебе был всего год возраста, когда я прислал эту лампаду старцам Амвросию и Анатолию, а они благословили тебя вот такой иконой Усекновения главы Предтечи».

В скитском храме Князь Иоанн внимательно прислушивался к оптинскому напеву, – а у него был хороший слух. Он любил церковное пение, сам всегда старался попасть на клирос и попеть, а потом стал и регентовать. Оптинский напев он воспроизводил со своим хором позже на службах в дворцовом храме.

Профессор Кайгородов, живший в Нижних Прысках с семьей К. Р., совершавший с детьми увлекательные походы в лес и поле, когда-то учился в военной гимназии. И вот здесь, в Оптинском скиту, он вдруг встретил одного из своих гимназических друзей – Павла Плиханкова, рясофорного инок. Они беседовали в келье отца Павла, и Кайгородову очень понравилась та обстановка, которая окружала друга-инок. Строгая, чистая, ничего лишнего. Только иконы, книги, лам-

пада...

Отец Павел (а это будущий оптинский преподобный старец Варсонофий) вел тогда скитскую летопись. Среди других событий отмечал он и все посещения монастыря семьей К. Р. Так, 10 июня в Казанском соборе происходил постриг в мантию трех иноков, и летописец отметил: «При постриге присутствовали Августейшие дети Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича».

Братья Константиновичи ездили в Оптину и Шамордино верхом, а дочь Татьяна с матерью – в экипаже. Иногда на службе в Оптиной бывало не только семейство К. Р., но и учителя детей. Много благодатных впечатлений почерпнули здесь дети К. Р., в том числе трое мучеников Константиновичей и Князь Олег.

Вскоре К. Р. купил имение Осташево в Волоколамском уезде. Как прекрасна была там жизнь – не только летняя, но часто и зимняя! Неужели все это навеки улетело и погасло с последним вздохом мучеников? Да нет – доброе не пропадает, а копится в небесной сокровищнице, – зло же низвергается в огонь неугасимый.

5. К вечной славе

Тать выходит на свой промысел ночью. Во тьме уральского леса, скрываясь от глаз простого народа, от людей, успевших полюбить царственных узников, совершили подручни-

ки чекистов свое черное дело. Но от народа не скроешься. Господь привел в этот лес одного крестьянина, шедшего издалека домой, и именно благочестивого. Он припозднился и решил заночевать в лесу близ Синячихинской дороги, у старых шахт. Помолившись, крестьянин лег на кучу ветвей, спрятав голову в сооруженный из них шалашик. Закрыв лицо от мошкары, он задремал, но вдруг услышал стук колес и голоса. Две или три повозки – он сразу не разглядел – свернули с дороги к шахте и остановились не более чем в ста метрах от него.

Осенив себя крестным знаменiem, крестьянин затаился, так как понял, что попал в опасное положение, и едва ли не смертельное. Вскоре он догадался, что большевики готовятся совершить тайный расстрел каких-то узников. Если его обнаружат, то убьют как нежелательного свидетеля.

Засветились огоньки сигарок, раздался гомон убийц, не скупившихся на матерное и черное слово. Вон и жертвы: плотной кучкой стоят, ожидая расправы. «Господи, прими дух их с миром!» – мысленно взмолился мужик, ожидая выстрелов. Но выстрелов не последовало – кроме одного. Произошло то, что могли сотворить лишь исчадия ада.

Порыв ветра пронесся по верхушкам деревьев, сухие сучья посыпались на землю. Гром прокатился по небесам, и упали крупные капли дождя... «Рябов! – истошно крикнул кто-то. – Ну, давай, давай!» Крестьянин приподнялся немного. Что это? Что они, изверги, делают?! Он услышал крики,

стоны, глухие удары, потом одиночный выстрел...

Палачи били узников прикладами, кулаками, сапогами – по чему попало... Великий Князь Сергей Михайлович бросился на защиту Елисаветы Феодоровны, схватил одного из бандитов за горло и до хруста сжал его, – тот упал... Но другой выстрелил Князю в затылок из револьвера. Елисавете Феодоровне завязали глаза, заломили руки назад. Она стала громко молиться: «Господи! Прости им, не ведают, что творят!» Ее ударили без пощады несколько раз, приподняли и с размаху бросили в темную пасть шахтной ямы. За ней стали бросать и других, избитых до полусмерти, с разбитыми головами.

Крестьянин, скрывавшийся за кустами, схватился за голову, хотел было крикнуть что-то, но вовремя зажал себе рот. Он упал лицом в колючие ветки и сотрясся в беззвучных рыданиях.

Вот все как будто стихло. Палачи стояли у ямы, запыхавшиеся, как после бега... Поработали... И вдруг слышалось явственно из-под земли: «Спаси, Господи, люди Твоя...»

– А-а-а! – взревел Рябов в ярости и страхе, схватил гранату и бросил ее вниз, выдернув чеку. Раздался глухой взрыв. Пение смолкло. Но мгновение спустя тихо и печально возобновилось: «Иже херувимы...»

Палач бросил вторую гранату. Снова ухнуло под ногами, но пение продолжалось. Было брошено еще несколько гра-

нат, но они в глубине шахты уже не взрывались. Двое из палачей упали на землю и стали кататься и кричать, как безумные... Остальные с бешеной руганью начали валить в шахту сучья, еловые лапы; как шапкой, накрыли отверстие и подожгли. Взвился столб огня, опаливая ветви соседних деревьев. Затрещало пламя. Страшные отсветы заплясали во тьме. Но вот налетел ветер, прибил тучу едкого дыма к земле. Лошади в повозках стали чихать и рваться из оглобель... Наконец быстро застучали колеса: убийцы неслись прочь, изо всех сил нахлестывая лошадей.

Огонь потрещал немного и угас. Крестьянин вышел из своей засады и сделал несколько шагов, шатаясь как пьяный. Душа его была страшно потрясена. И вдруг он услышал явственное пение, доносившееся откуда-то из-под земли: «Иже херувимы...» И тогда, не помня себя, бросился он бежать во тьму, не разбирая дороги...

Никто из узников не упал на дно и не утонул, как надеялись палачи, в грязной воде – Господь не допустил этого. Все на разной высоте попали на выступы перекосившихся стен. Из них только Великий Князь Сергей Михайлович брошен был мертвым. Его секретарь Федор Ремез погиб от взрыва первой гранаты. Остальные умирали не один день – в мучениях боли от ран и ушибов, голода и жажды...

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и Князь Иоанн Константинович упали на один выступ в пятнадцати метрах от поверхности. Преодолевая свои страдания, во тьме, слы-

ша стоны, наполнявшие мрак шахты, Елисавета Феодоровна оторвала от своей одежды лоскут и на ощупь перевязала разбитую голову князю Иоанну. Она и здесь продолжала свой христианский подвиг милосердия.

Когда Белая армия пришла в эти места, преступление большевиков было открыто. Нашли и шахту в лесу. В начале октября 1918 года начались работы по извлечению из нее тел мучеников. Восьмого числа найдено было тело Федора Ремеза; 9-го – инокини Варвары и Князя Владимира Палея; 10-го – Князей Константина и Игоря Константиновичей, а также Великого Князя Сергея Михайловича. 11-го подняли тело Князя Иоанна Константиновича и затем – Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. У нее на груди была икона Христа Спасителя, которой в 1891 году Император Александр Третий благословил ее при переходе в Православие, а в одном из карманов – крошечная шкатулка, в которой хранились палец ее супруга и прядь волос Царевича Алексея. Пальцы правой ее руки были сложены троеперстно, как и пальцы инокини Варвары и Князя Иоанна Константиновича.

«Тела мучеников, – писал очевидец, которым был игумен Серафим (Кузнецов), – были обмыты и одеты в чистое, но убогое погребальное одеяние, как бедные рабы Христовы»; затем их положили в деревянные простые гробы, внутри с футлярами из кровельного железа, и поставили в кладбищенскую церковь, где стали совершаться панихиды и неусыпное чтение Псалтири.

18 октября отслужена была заупокойная Всенощная, а 19-го – Литургия, после которой совершено было отпевание. Храм не смог вместить всех желавших присутствовать на службе, площадь перед ним была запружена народом. Потом началось прощание, и долго-долго шли люди к гробам святых мучеников, и многие плакали.

Спустя год, когда красные начали наступление на Алапавск, игумен Серафим получил от тогдашнего Верховного правителя России адмирала Колчака распоряжение вывезти гробы мучеников в Читу, куда тот и доставил их с огромными трудностями. Там с помощью русских офицеров он перенес их в женский Покровский монастырь, где поместил, как в тайнике, в одной келье под полом.

Шесть месяцев игумен жил в этой келье с гробами, а потом с еще большими трудностями по охваченной разрухой железной дороге перевез их в Китай, в Пекин. Там они были поставлены в склепе Свято-Серафимовского храма Русской Духовной миссии. Два из них – со святыми мощами преподобномучениц Елисаветы и Варвары – игумен Серафим на средства, присланные ему сестрой Великой Княгини принцессой Викторией, отвез в Иерусалим.

Они помещены были в храме святой равноапостольной Марии Магдалины на Елеонской горе, где настоятельницей была, по стечению удивительных событий, матушка Мария – дочь К. Р. Татьяна. Перед Первой мировой войной она вышла замуж за потомка грузинских царей князя Константи-

на Багратион-Мухранского. У нее родился сын, который назван был Теймуразом. А в 1914 году она овдовела – князь был убит в бою. В 1916 году она вместе со своим дядей, Великим Князем Дмитрием Константиновичем (братом К. Р.), посетила Оптину пустынь. Это было спустя две недели после того, как здесь побывал ее брат, Князь Константин Константинович. Их встретили очень тепло. Потом они поехали в Саров и в другие святые русские места, словно предчувствуя, что настанет пора с Россией расстаться.

Святые мощи преподобномучениц Елиса ве ты Феодоровны и инокини Варвары до сего дня покоятся в том же храме на Елеонской горе. Когда-то этот храм построен был в память покойной Царицы Марии Александровны, супруги Царя Александра Второго. Председателем Палестинского общества, занимавшегося обустройством русских владений в Святой Земле, был сын Александра Второго Великий Князь Сергей Александрович, которому деятельно помогала его супруга, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, будущая преподобномученица. Когда храм был построен, она выразила желание со временем, по своей кончине, упокоиться здесь... И Господь так чудесно исполнил ее желание.

А что же стало со святыми мощами братьев Константиновичей, Великого Князя Сергея Михайловича и его секретаря Федора Ремеза, а также Князя Владимира Палея? Они оставались в крипте Серафимовского храма в Пекине. В 1945 году на территории Китая, в Маньчжурии, шла война Рос-

сии с Японией, — как и во многих уголках Дальнего Востока. В Пекине все, что принадлежало Русской Духовной миссии, вместе с кладбищем и храмом, было передано советскому правительству под дипломатическое представительство. Все было уничтожено: и храм, и кладбище. Неизвестно, что стало со святыми мощами мучеников.

В службе Царственным страстотерпцам есть такая молитва: «О страстотерпице святая княгине Елисавето, егда ты живу во алапаевскую шахту ввергоша, купно со святыми мученики царския крове, яже беху князие Сергей, Иоанн, Константин, Игорь и Владимир, такожде мученица Варвара и святой мученик Феодор, изнемогающим же надолзе всем от ран, облегчала еси еле жива сущи страдания умирающих, воспевающе священные песнопения, яже слышаху мимоходящих. Сего ради молим тя, молися Христу Богу прегрешений оставление даровати празднующим любовию святую память твою».

Стихотворения

Князь Владимир Павлович Палей

1. О, свете Тихий...

О, Свете Тихий, Боже правый!
Ты ниспосли Свои лучи,
В покой таинственной оправы
Алмазы сердца заточи...
Измучен я немým страданьем,
Не знаю – чем душа полна?
Так пусть Тобой, Твоим сияньем
Навек исполнится она.
Во мне мерцает, догорая,
Недостижимая мечта, —
Возьми, возьми ее для рая,
Где все покой и красота!
И Ты, о, Пресвятая Дева!
Склонись над жизнью молодой,
И грусть чуть слышную напева
Возьми незримою рукой!
Храни ее! В ней все стремленья,
Все думы светлыя мои,
В ней дань земного умиленья,
В ней всех источников струи!

Храни ее над облаками,
В немой лазурной вышине,
И в час, когда беспечность с нами,
Отдай ее Ты снова мне!
И будет что-то неземное
Звучать с тех пор в стихе моем,
В нем все далекое, святое
Сольется с жизненным огнем.
В нем отзвук ангельской свирели
Скользнет как чистая слеза.
И буду знать я, что смотрели
Мне в сердца глубь Твои глаза.

Декабрь, 1914

2. Настроение

Как на сердце вдруг стало тихо
Среди наскучившего дня...
Наверно, кто-то помолился
Душою чистой за меня.

Наверно, кто-то незнакомый,
Далекий, старый и простой,
Мой образ вспомнил промелькнувший
Своею тихою мечтой.

Январь, 1915

3. Сестры милосердия

Сестры милосердия, ангелы земные,
Добрые и кроткие, грустные немного,
Вы, бальзам пролившие на сердца больные,
Вы, подруги светлые, данные от Бога.

Вам – благословение, сестры душ усталых,
Розаны расцветшие там, на поле битвы,
И в крестов сиянии ярко, ярко алых,
Тихо принимавшие раненых молитвы.

Крым. Июнь, 1915

4. Молитва

О, если я порой томим негодованьем
И если я порой так желчно говорю, —
Прости мне, Господи! Но скован я призываньем,
И страстью искренней я к Родине горю.
Я не могу глядеть спокойно, равнодушно,
На то, как дерзостно злорадствуют враги —
Меня терзает злость, мне тягостно, мне душно,
И в эти мне часы, о Боже, помоги.

Себе я не молю ни мира, ни блаженства —

Что бедный мой удел пред честью всей страны!
Я для нее хочу святого совершенства,
Покоя светлого и мощной тишины.
Мне не нужны теперь ни счастье,
ни отрада...
Пусть будет лишь у нас, Всевидящий Творец,
И пастырь ввек един, и ввек едино стадо —
По слову Твоему да станет наконец!

Крым. Июль, 1915

5. Блаженны плачущие (Лунная ночь в Крыму)

Ночь воистину эта – библейская ночь.
Не Енгодские ль дремлют здесь лозы?
Распростерлась вдали не Сиона ли дочь?
Кто принес мне Саронские розы?

Да! Воскресло бывшее воистину вновь,
В полумгле голубого тумана,
В моем сердце не та, не простая любовь,
Различаю хребты я Ливана...

Наконец из житейских я вырвался уз
И я знаю: сейчас предо мною
Средь немых кипарисов пройдет Иисус,

Окруженный несметной толпою.

И навек прекратятся страдания мои,
Возвратится души упование —
Да польются небесные речи Твои,
Мой Учитель. Я весь — ожиданье.

И рыдать и томиться мне доле невмочь,
Преклонил я колени в молитве —
Если ночь эта вправду — библейская ночь,
Раввуни! приготовь меня к битве!

Крым. Август, 1915

(Князь Владимир Палей в сентябре 1915 года отправился на фронт, где храбро воевал.)

6. Молитва воина

Огради меня, Боже, от вражеской пули
И дай мне быть сильным душой...
В моем сердце порывы добра не заснули,
Я так молод еще, что хочу, не хочу ли —
Но всюду, во всем я с Тобой...

И спаси меня, Боже, от раны смертельной,
Как спас от житейского зла,
Чтобы шел я дорогой смиренной и дельной,
Чтоб пленялась душа красотой беспредельной

И творческой силой жила.

Но, коль Родины верным и преданным сыном
Паду я в жестоком бою —
Дай рабу Твоему умереть христианином,
И пускай, уже чуждый страстям и кручинам,
Прославит он волю Твою...

Действующая армия, сентябрь, 1915

7. У солдатского кладбища

Мягко разостланы дёрна квадратики
Набожной чьей-то рукой...
Спите, соколики, спите, солдатики,
Вам здесь простор и покой.

Небо над вами сияет безбрежностью,
Тихо мечтают поля,
Приняла вас с материнскою нежностью
Эта сырая земля.

Русь защищая, ребята бывалые,
Долго дрались вы с врагом...
Спите, родимые, спите, усталые,
Под деревянным крестом.

Жертвы борьбы с лицемерной державою

Вы – не покинутый прах!

Вечною памятью, вечною славою

В русских вы живы сердцах!

Действующая армия, деревня Речки, сентябрь, 1915

Часть третья
Житие Царевича-
мученика Алексея
Николаевича в документах
Составители: монах Лазарь
(Афанасьев) и Сергей Лизунов

Глава 1
О рождении наследника и
о первых годах его жизни

Пасхальные торжества 1903 года в Москве надолго остались в памяти жителей города. В этом году вторую столицу, которая по праву могла называться первой в числе святынь Русской Земли, посетил с паломничеством ее Государственный Хозяин – Государь Император Николай Александрович вместе со своей супругой, Императрицей Александрой Фёдоровной, детьми – Великими Княжнами Ольгой Николаевной, Татьяной Николаевной, Марией Николаевной и Анастасией Николаевной. С умилением молилась Царская Семья в

кремлевских соборах, перед мощами святых угодников Божиих, — московских первосвященников и благоверных князей, своих предков, испрашивая благословение на труды во благо России. Оторвавшись от забот петербургской жизни, Государь и Государыня приехали в Москву, чтобы спокойно поговорить, подготовиться к Светлому Празднику. Они привезли своих детей, желая напитать их души благочестием, познакомить с русской древностью, которую сами так любили. Москвичи устроили Их Величествам восторженную встречу. В те времена среди простого народа держалось почитание Помазанника Божия, и вот, когда Он пожаловал в столицу, толпы людей с радостью вышли встречать Его. Шел последний год перед японской войной, спокойствие страны еще не было поколеблено революциями и Государственной Думой, и царская власть крепко стояла на ногах. Россия уже девять лет ждала Наследника Престола, но у Царственной четы рождались только девочки, и титул Наследника Цесаревича по-прежнему сохранялся за братом Императора, Великим Князем Михаилом Александровичем. Отличавшийся простотой и детской верой Государь не хотел, чтобы рождение Его сына произошло без молитвенных трудов и особого благословения Божия. Давно уже Царская Семья просила об этом Бога — и вот теперь Император приехал в Москву поклониться вместе со своим народом мощам святителя Алексия, митрополита Московского, почивающим в кремлевском Чудовом монастыре, попросить у печальника за Русь, каким, как

и его современник, преподобный Сергей Радонежский, был митрополит Алексей, помолиться перед престолом Божиим о даровании своей Родине и Церкви Христовой будущего заступника и покровителя. По-монашески смирялась Государыня, несла послушание в Вознесенском монастыре, – на кладбище этой обители погребали в старину Великих Княгинь. Жизнь Императорской Семьи в Кремле на Страстной седмице напоминала говение русских Царей XVII века, Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, – то же ежедневное хождение к вечерне и утрене с литургией, с обязательной исповедью у духовника и причащением в Великий четверг, скромные трапезы, в промежутках между службами поездки по храмам и монастырям. Словно в воздухе разлитое было в эти дни единство Царя со своим народом, то, которое позже, в Сарове, на прославлении преподобного Серафима потрясет Его, и Он напишет об этом в своем дневнике. Сокровенные желания своего Государя услышал народ, народ воистину Божий, ибо он тогда тоже молился о рождении Наследника. В книге А. Ильменского «Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич Алексей Николаевич» приведено множество примеров благого рвения русских людей, вымоливших России Цесаревича. С особенной силой эта ревность о благе своего Монарха показала себя в первопрестольной столице на Страстной и на Светлой седмице 1903 года. В дневнике за 1902–1903 годы Государь так рассказывает о пребывании в Москве:

28-го Марта. Пятница. [...] В 7 час. сели в поезд и отправились через Питер на Николаевскую линию. [...]

29-го Марта. Суббота. Встали рано. В 10.20 приехали в Москву. Дядя Сергей¹¹ и Элла¹² с высшим начальством встретили на станции. Москва приветствовала нас тепло и таковою же погодою. Примерно стоял народ на улицах. На внутреннем дворе Большого дворца стоял почетный караул 12-го грен[адерского] Астраханского полка. Расположились в комнатах Папá и Мамá – все так напоминает пребывание в 1900 г. Завтракали восьмером, Мария Павловна и Дмитрий¹³. Поехали в Александрию, где долго гуляли. Погода была дивная, 13° в тени. Находили голубые цветы. Москва-река прошла, и весь снег стоял. Пили чай дома. В 7 час. поехали к д. Сергею, были в их церкви у всенощной, обедали и провели вечер с ними и Эллой. Ночь стояла тоже чудная и лунная.

¹¹ Дядя Сергей – Великий Князь Сергей Александрович (1857–1905). С 1891 г. генерал-губернатор г. Москвы. Принял мученическую кончину – разорван бомбой, брошенной эсером-террористом.

¹² Элла – преподобномученица Великая Княгиня Елисавета Феодоровна (1864–1918), сестра Императрицы Александры Феодоровны, супруга Великого Князя Сергея Александровича.

¹³ Мария Павловна и Дмитрий – Великая Княгиня Мария Павловна (младшая) (1890–1958), дочь Великого Князя Павла Александровича и Александры Георгиевны (королевны греческой, дочери королевы эллинов Ольги Константиновны, сестры великого князя Константина Константиновича Романова) и ее брат Великий Князь Дмитрий Павлович (1891–1942), воспитывавшийся в Царской Семье.

30-го Марта. Воскресение. Проснулись в 8 ½ дивным теплым утром; просто удивительная погода для конца марта! Съезд к выходу начался очень рано. В 10.40 тронулись через залы – взяли Ольгу¹⁴ с собою.

Выход на Красное Крыльцо произвел, как всегда, на меня потрясающее впечатление. Теплота была летняя. Митрополит служил обедню в Успенском соборе. Поклонившись мощам, пошли в Чудов монастырь, откуда вернулись в коляске к себе к часу. Завтракали восьмером. Принял Плеве, и в 3 часа отправились в Александрию. Погуляли на славу и даже тешились игрою в мячи с детьми д. Павла. Чай пили и обедали дома. Вечером погуляли на террасе, наслаждаясь воздухом и лунным освещением.

31-го Марта. Понедельник. Такой же чудный день, но с теплым ветром. Утром читал бумаги. Погулял на террасе. В 11 ½ пошли с детьми к преждеосвященной обедне в церковь Рождества Богородицы. Завтракали одни. Смотрели вещи из Строгановского училища, сделанные учениками. Затем отправились пешком в Архангельский собор, который подробно осмотрели, обойдя все гробницы Великих Князей. Вернулись обратно чрез Благовещенский собор, заходили в его ризницу, кот. осматривали еще три года назад, и поднялись на террасу. Погуляв там немного, спустились к себе. В 7 час.

¹⁴ Речь идет о Великой Княжне Ольге Николаевне (1895–1918).

пошли к вечерне в маленькую церковь Воздвижения Креста. Обедали и провели вечер вчетвером.

1-го Апреля. Вторник. Утро было полуясное, но очень теплое. Днем пошел дождь. Принимал до 11 час. Ходили к обедне с детьми. В 2 ½ ч. поехали за Чудов монастырь, где осмотрели церковь во имя «чуда Архистратига Михаила» и спускались под нее. В подземелье видны еще следы двух существовавших церквей. После этого с интересом рассматривали богатую ризницу Чудова мон. Митрополит водил нас по своим помещениям. Поехали в Нескучное. Погулял под проливным дождем. Вернувшись домой, усиленно занялся бумагами, привезенными фельдъегерем. Ходили в ту же маленькую церковь (шитый Спас) и обедали вчетвером.

2-го Апреля. Среда. Погода стояла хорошая, в 5 час. начался дождь. Утром дочитывал дела и окончил все. В 11 ½ пошли к обедне со всеми детьми, чтобы приучить маленьких к обстановке и виду причастия. Завтракали одни. В 3 ¼ отправились с Эллой, Марией и Дмитрием по Кремлевской стене и обошли всю кругом. Прогулка вышла хорошая в 2 версты. Толпа народа все время сопровождала нас снаружи вдоль стены. Пришли домой к чаю. В 7 час. были у вечерни с Ольгой; до того она исповедалась в первый раз. Обедал в 8 час. и затем сами исповедовались в спальне. Пили чай с

3-го Апреля. Четверток Великий. Утром сподобились причаститься Св. Таин Христовых в церкви Рождества Богородицы – все наличное семейство и многие из господ. К сожалению, после не был свободен так, как хотелось. Принимал: Драгомирова, Фредерикса¹⁶ и после завтрака гр. Шувалова. Читал много бумаг из Питера.

Погода стояла дождливая и прохладная. Погуляли в саду под Кремлем и зашли в церкви: Благовещения (Нечаянной Радости) и св. Константина и Елены. Вернувшись наверх, осмотрели Спаса на Бору с двумя верхними его приделами и церковь Лазаря, под теремами.

В 7 ч. пошли к 12 Евангелиям в ц. Спаса за золотую решеткою.

4-го Апреля. Пяток Великий. Хороший теплый день. Как всегда, утром читал много. Полез на крышу дворца под штандарт и любовался необыкновенно красивым видом на всю Москву. В 12 ч. пошли к выносу плащаницы в ц. Рожд[ества] Богор[одицы]. После завтрака начал разбор фарфоровых яиц. Поехали в Нескучное, где отлично погуляли с

¹⁵ *О. Иоанн Янышев* (1826–1910) – протопресвитер, протоиерей придворных соборов, духовник Императора Николая II.

¹⁶ *Драгомиров М. И.* (1830–1905) – генерал-адъютант, начальник Николаевской академии Генерального штаба, член Государственного совета, писатель. *Фредерикс В. Б.* (1838–1927) – министр Императорского Двора.

детьми. В 7 час. в ту же церковь. Д. Сергей, Тесес, Олсуфьев и я несли плащаницу. Вечером Аликс и Элла вышивали вместе с монахинями Вознесенского монастыря.

5-го Апреля. Великая Суббота. Занимался до 2 ½. В 3 часа утра пошли с д. Сергеем и Эллой в Успенский собор – патриаршим ходом. Митрополит служил утреню.

Вскоре после крестного хода с плащаницею вернулись к себе в 4 ¼. Ночь была тихая, теплая, заря только начиналась. Выпив чаю, легли в 5 ч. Встал в 9 ½. Погода начала хмуриться, и днем полил дождь. В 2 ½ поехали в Вознесенский женский монастырь поклониться плащанице. Осмотрели гробницы цариц и Великих Княгинь. Оттуда поехали к д. Сергею, где дети красили яйца. Читал внизу бумаги. Возвратились к себе в 5 ½ ч.

Д. Сергей и Элла обедали у нас. В 11 ¾ начался выход к Спасу за Золотою решеткою.

6-го Апреля. Светлое Христово Воскресение. Заутреня кончилась скоро. Там же, перед церковью, христосовался с генералами, военными и гражданскими чинами и дворцовыми гренадерами. Вернулись в Зеленую гостиную в 2 часа, где разгавливались.

Спали до 10 ч. Митрополит пришел с соборянами и викариями «славить». Затем наверху христосовались со всеми нашими людьми. Завтракали в час с детьми – приятно бы-

ло не есть постного. Отвечал на телеграммы. В 3 ч. поехали в Александрию, где долго и хорошо прогуливались. Погода стояла дивная, при сильном южном ветре было 15° в тени. В 7 ½ поехали к д. Сергею и Элле к вечерне. После обеда вышли на балкон, громадная толпа занимала всю площадь перед домом. Она целый вечер стояла там и все время кричала ура! Трогательно. Приехали домой по Никитской, т. к. по Тверской проезда не было.

7-го Апреля. Понедельник. К удивлению, проснулись сырой дождливой погодой. В 10 час. пошли к обедне. После службы приехал Миша¹⁷. В 11 ¼ час. началось христосование: с начальниками в Андреевской зале, с пажами и юнкерами воен. училищ в Александровской и с нижними чинами в Георгиевской зале. Обе мои роты Екатеринославского и Астраханского полков и пасхальные караулы Перловского и Сумского полков. Там же христосовался со старообрядцами, волостными старшинами Москов. губ. и рабочими – представителями касс взаимопомощи различных фабрик.

Завтракали в 12 ½. В Андреевской зале Аликс¹⁸ принимала поздравление дам, при кот. мы все присутствовали. Пого-

¹⁷ *Миша* – Михаил Александрович, Великий Князь, брат Императора Николая II (1878–1918).

¹⁸ *Аликс* – так Император Николай II называл свою супругу, Императрицу Александру Феодоровну.

да поправилась. Посетили митрополита Владимира¹⁹.

8-го Апреля. Вторник. Утро было очень дождливое. Читал. Ходили к Мише, осматривали его комнаты – бывшие мои. Принял кн. А. Н. Долгорукого и П. В. Жуковского²⁰. Последний завтракал с нами. В 3 ч. поехали с Мишей в Александрию. Погода прояснилась и сделалась отличною. После чая принял Плеве и Фредерикса. Обедали в 7 час. все вместе. Поехали в Большой театр на сборный спектакль в пользу Иверской общины сестер милосердия. Давали акт из «Евг. Онег.», две картины из бал. «Конек-горбунок» и маленькую оперу Кюи «Сын мандарина». Вернулись домой в 11 ³/₄.

9-го Апреля. Среда. Погода стояла отличная. Аликс, Миша и я прогулялись на крыше дворца. Принимал представляющих новых придворных. Читал. В час дня поехали в Благородное собрание на завтрак Московского дворянства. Вся обстановка напоминала такое же пиршество три года тому назад. По окончании завтрака слушали пение некоторых певиц и Собинова.

Вернулись домой в 4 часа.

¹⁹ Владимир (Богоявленский) – митрополит Московский и Коломенский в 1898–1915 гг. Первый из новомучеников России (1918).

²⁰ Павел Васильевич Жуковский – сын поэта В. А. Жуковского, художник и скульптор.

10-го Апреля. Четверг. Стояла отличная теплая погода. Погулял на террасе. От 11 ч. до времени завтрака принимал доклад Куропаткина²¹. В 12 ½ предводители и депутаты Московского дворянства собрались, чтобы благодарить за посещение их собрания вчера.

В 3 ¼ отправились все в Алексеевский женский монастырь по направлению к Сокольникам. Заехали в приют детей, родители которых пострадали на Ходынке. Пили чай у Юсуповых в их красивом доме и вернулись к себе в 5 ¾.

11-го Апреля. Пятница. Чудный летний день. В 11 час. поехали на театральную площадь, на кот. были собраны все войска московского гарнизона. Назначил Мишу шефом 2-го грен. Ростовского полка и д. Сергея шефом 5 гренадер. Киевского полка. Войска представились отлично, и я остался весьма доволен видом людей и лошадей. Вернулись к себе в 12 ½ час.

Завтракали с начальством и разговаривали на балконе, где солнце здорово пекло. Отправились в Александрию, где было идеально хорошо. Пили чай на балконе. Вернулись в 6 ч.

12-го Апреля. Суббота. Жаркий день с сильнейшим вет-

²¹ Куропаткин А. Н. (1848–1925) – генерал-адъютант, командующий русскими вооруженными силами в русско-японскую войну.

ром. Принял Куропаткина и простился с ним по случаю отъезда его на Дальний Восток. В 12 час. отправились по новой Виндаво-Рыбинской жел. дор. в Новый Иерусалим. Поехали большим обществом и завтракали в вагоне. Подробно и долго осматривали холодный собор, построенный патриархом Никоном.

Входили в пещеру гроба Господня.

На меня, не бывавшего в Иерусалиме, вид ее произвел глубокое впечатление. Обойдя все в соборе, пошли в так называемый дворец, в кот. прежде останавливались императрицы. Оттуда прошли в очень полную библиотеку и музей. Вернулись на жел. дор. в 4 ½ ч., а в 6 ½ были в Кремле. Обедали и провели вечер у д. Сергея и Эллы.

13-го Апреля. Воскресение. Чудный летний день. В 11 час. пошли к обедне к Спасу за золотой решеткой. Пел Синодальный хор. Завтракали со всеми в Зеленой гостинной. Читал бумаги из Питера и к вечеру окончил все. В 2 ½ часа поехали в Александрию, где я отлично прогулялся. Зелень быстро увеличивается; цветов масса всюду. Пили чай на балконе. В первый раз на прогулку надел китель. Обедали вдвоем. В 9 ½ поехали к д. Сергею и Элле на концерт. Было очень хорошо. Ужинали и вернулись в 1 ½.

14-го Апреля. Понедельник. В 10 ½ ч. пошел с д. Сергеем в казармы 1-го и 2-го батальонов Екатеринославского полка.

Осмотрев помещения рот, кухни, хлебопекарню и арестантскую, зашел в офицерское собрание. Вернувшись домой, переделся и поехал в Спасские казармы, где расположены Ростовский полк и 1-й баталион Астраханского полка. Обошел все помещение последнего и нашел его расположение ниже всякой критики. Остальные баталионы Астраханцев разбросаны еще в трех частях города. Какое неудобство в строевом и хозяйственном отношениях? Второй раз выпил чаю в их офицерском собрании. Перед отъездом снялся группой с офицерами и вернулся домой в 1 ½. Завтракали вчетвером с детьми. Погода стояла теплая, но изменчивая, было несколько ливней. В 3 часа поехали в дворянский пансион-приют.

Здание его совершенно новое. Воспитательное начало в нем в связи с физическим образованием поставлено образцово. Выпив чашку чая от дворянства, поехали в тоже новое промышленное училище, построенное городом в память 25-летия царствования Анпапá²². Оборудовано оно великолепно самыми новыми техническими средствами и обширными лабораториями. Осмотрели также построенное рядом городское училище и видели около 5 тысяч детей других начальных школ. Посетил с д. Сергеем гр. П. А. Шувалова, у которого пил чай, окруженный его семейством. Приехал домой в 6 ч.

15-го Апреля. Вторник. В 10 ½ час. поехал с д. Сергеем в

²² *Анпапа* – Император Александр II (1818–1881).

Московское военное училище. Попал прямо к завтраку юнкеров. Очень был доволен их прекрасной выправкой. Послушал пение и игру на балалайках. Оттуда поехал в 1-й Московский кадетский корпус. В этом красивом здании (бывший Екатерининский дворец) были собраны и остальные корпуса – 2-й и 3-й. Вернулся домой в 12 ½ час. Принял депутацию артистов Малого театра, кот. поднесла чудный образ. Завтракали одни с детьми.

На пути в Александрию заехали поклониться чудотворной иконе Свят. Николая, что на Песках.

Хорошо погуляли, нарвали массу цветов. Погода стояла чудная, жаркая. Пили чай там на балконе. Вернулись домой в 5 ½. Читал. В 7 час. был большой обед наверху московским властям. Разговаривали до 9 ¾. Провели вечер у себя с д. Сергеем и Эллой.

16-го Апреля. Среда. Дивный жаркий день. В 10 ½ отправились вчетвером в Синодальную типографию, бывший Государев печатный двор. Осмотрели библиотеку и все мастерские. Затем посетили Василия Блаженного и обошли все девять находящихся в нем церквей. Удивительно странная архитектура с разными переходами и галереями. Оттуда поехали в Ново-Спасский монастырь, знакомый нам по 1900 году. Спустились в склеп первых бояр Романовых, кот. теперь украшен новою церковью и вообще содержится в значительно лучшем виде, чем прежде. Зашли и в собор, где рассмотре-

ли ризницу. Вернулись в Кремль к часу.

Е. П. Ермолова завтракала с нами. В 3 час. напоследок поехали в Страстной женский монастырь. Выпили чаю у настоятельницы. Заметил много красивых монахинь. Заехали к д. Сергею и пили чай. В 5 ч. вернулись домой. Все уже было уложено. Очень, очень грустно покидать милую Москву после тех отрадных дней, кот. Господь привел нас провести с ней. Все сады зеленеют, и ранняя весна вполне напоминает лето; тем досаднее уезжать. В 6 ½ покинули дворец. На дворе стояли училища, далее кадетские корпуса и затем войска шпалерами с одной стороны улиц до вокзала. Приложились к иконе Иверской Божией Матери, где митрополит благословил обоих образом. Сердечно провожала нас Москва. Простившись со всеми на станции в 7 час., тронулись в обратный путь. Дядя Сергей и Элла проводили нас до Клина. Обедали вместе с ними и спутниками нашими. Весь вечер читал бумаги. Ночь стояла тихая и теплая.

17-го Апреля. Четверг. В 10 ч. утра чудной погодой приехали в Царское Село [...] Зашли поклониться Знаменской Божией Матери. [...]

Дневник Государя Императора Николая Александровича. 1903 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 245²³.

²³ В дальнейшем ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Ф. – номер фонда, Оп. – номер описи, Ед. хр. – номер единицы хранения.

29 января 1903 года Святейшим Синодом объявлено о прославлении преподобного Серафима, Саровского чудотворца... Духовное торжество открытия честных мощей угодника Божия назначено было на 19 июля 1903 года. Сам Государь с Государыней и членами Царствующего Дома своего совершил благоговейное путешествие на это великое духовное торжество, собравшее сотни тысяч православного русского народа. Я сам был на этом торжестве, видел, как Государь пешком, благоговейным паломником ходил к целебному источнику и в дальнюю пустыньку старца Серафима, на своих царственных плечах нес гроб с честными останками новоявленного чудотворца и причащался вместе с супругою своею Св. Таин Христовых. Они исповедывались у смиренного старца иеросхимонаха Симеона и причащались 18 июля за ранней обедней, которую служил архимандрит Андрей (впоследствии епископ Уфимский), как простые смертные паломники, вместе с народом. Я сам среди этих паломников приобщался и видел, с каким благоговением царственные богомольцы приступали к Святому Таинству. Простота и религиозность их сильно повлияли на меня еще тогда... Государь на свои средства соорудил серебряную художественную раку для мощей преподобного Серафима, а Царица собственноручно вышила покров на гробницу и коврик с дорожками... Из Сарова царственные паломники выехали 20 июля в Дивеевский женский монастырь, это духовное детище пре подобно Серафима. Здесь они навестили стари-

цу подвижницу Прасковью Ивановну, которая предсказала Царице рождение сына. Это посещение прозорливицы, совместно с пережитым в Сарове, произвело сильное духовное впечатление на Императрицу, усердно молившуюся в Сарове о даровании ей сына.

Игумен Серафим (Кузнецов). Православный Царь Мученик. Пекин, 1920.

15-го Июля. Вторник. В 7 ¼ тронулись в путь на богомолье в Саровскую пустынь. Едем с Мамá, Ольгой и Петей²⁴. Впереди нас едут Николаша, Петюша, Милица, Стана и Юрий²⁵.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. 1903 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 246.

16-го Июля. Среда. Утром в Москве к нам сели в поезд д. Сергей и Элла.

Там же.

17-го Июля. Четверг. В 6 час. въехали в Саровскую обитель. Ощущалось какое-то особое чувство при входе в

²⁴ Мамá – вдовствующая Императрица Мария Феодоровна (1847–1928). *Ольга* – Великая Княгиня Ольга Александровна (1882–1961), сестра Императора. *Петя* – ее муж, Петр Александрович, принц Ольденбургский (1868–1924).

²⁵ *Николаша* – Николай Николаевич (младший), Великий Князь (1856–1929). *Петюша, Милица, Стана и Юрий* – родственники Государя, члены Императорской Фамилии.

Успенский собор и затем в церковь св. Зосимы и Савватия, где мы удостоились при

Там же.

18-го Июля. Пятница. Встали в 5 ½ и пошли к ранней обедне с Мама́. Причастились Св. Христовых Таин. Обедня окончилась в 7 час.

От 9 до 10 ½ час. осматривали церкви и спускались в пещеры под горою. В 11 ¼ пошли в Успенский собор к последней торжественной панихиде по старце Серафиме. В самый жар д. Сергей, Николаша, Петюша, Юрий и я отправились пешком в пустыньки вдоль Саровки, Мама, Аликс и другие поехали в экипажах. Дорога, идущая лесом, замечательно красива. Вернулись домой пешком; народ был трогателен и держался в удивительном порядке. В 6 ½ началась всенощная. Во время крестного хода при изнесении мощей из церкви св. Зосимы и Савватия мы несли гроб на носилках. Впечатление было потрясающее видеть, как народ и в особенности больные, калеки и несчастные относились к крестному ходу. Очень торжественная минута была, когда началось прославление и затем прикладывание к мощам. Ушли из собора после этого, простояв три часа за всенощной. [...]

Там же.

19-го Июля. Суббота. Встали в 7 ½ и через час пошли к Мама и затем к обедне, которая длилась вместе с молебном с

9 час. до 12 ½ час. Так же умилителен, как вчера, был крестный ход с гробом, но с открытыми мощами; подъем духа громадный и от торжественности события, и от поразительного настроения народа. [...] В 7 ½ обедали у Мама.

Затем по 2 и по 3 пошли к источнику, где с особым чувством выкупались из-под крана студеной воды. Вернулись благополучно, никто в темноте не узнавал. Слыхали о многих исцелениях сегодня и вчера. В Соборе во время обнесения св. мощей вокруг алтаря случилось также одно. Дивен Бог во святых Его. Велика неизреченная милость Его дорогой России, невыразимо утешительна очевидность нового проявления благодати Господней ко всем нам.

На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся во веки. Аминь!²⁶

Там же.

20-го Июля. Воскресение. В 8 час. вышли из своего дома и пошли к молебну в Успенский собор, где приложились к мощам Святого Серафима. С грустью покинули Саратовскую пустынь и отправились в городок, где построены бараки для богомольцев. В часовне еписк. Иннокентий отслужил краткий молебен, и мы поехали дальше лесом. Погода была жар-

²⁶ Завершающий стих торжественной песни «Тебе Бога хвалим», составленной св. Амвросием Медиоланским по одержании православными победы над арианами ок. 386 г. В настоящее время эта песнь включена в последование новогоднего и благодарственного молебна, а также молебна в день Рождества Христова. Поется после сугубой ектеньи и следующей за ней молитвы перед отпустом.

кая, и дул сильнейший попутный ветер, гнавший пыль с поля. В 10 ½ приехали в Дивеевский женский монастырь. В домово́й церкви настоятельницы матери Марии отслушали обедню. Затем все сели завтракать, а Аликс и я отправились к Прасковье Ивановне (блаженной). Любопытное было свидание с нею. Затем мы оба поели, а Мама с другими посетили ее. Осмотрели церковь Преображения, где сохраняются вещи св. Серафима, его келию, типографию и живописную школу сестер. В 3 часа собрались в дальнейший путь. Жара была сильная. Ехали отлично и в 7 ч. ровно прибыли в Арзамас, сели в поезд и поехали обратно.

Там же.

Монахиня Дивеевской пустыни матушка Серафима (Булгакова, 1903–1991) писала о прибытии Государя в Дивеево 20 июля 1903 г.: «[...] поехали к Елене Ивановне Мотовиловой (†1910. – *Сост.*). Государю было известно, что она хранила переданное ей Н. А. Мотовиловым (1808–1879, «служка» прославляемого святого. – *Сост.*) письмо, написанное преподобным Серафимом и адресованное Государю Императору Николаю II. Это письмо преподобный Серафим написал, запечатал мягким хлебом, передал Николаю Александровичу Мотовилову со словами:

– Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся Царская Фамилия и Царь придет к ней. Пусть она Ему передаст [...]. Рассказывала Наталья Леонидовна

Чичагова, дочь владыки Серафима Чичагова, написавшего «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» (М., 1896. — *Сост.*), что Государь принял письмо, с благоговением положил его в грудной карман, сказав, что будет читать письмо после. [...] Когда Государь прочитал письмо, уже вернувшись в игуменский корпус, Он горько заплакал. Придворные утешали Его, говоря, что хотя батюшка Серафим и святой, но может ошибаться, но Государь плакал безутешно. Содержание письма осталось никому не известно».

Протоиерей Стефан Ляшевский (†1986), из рукописной «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» (ч.2, 1903–1927), составленной по благо словению митрополита Серафима (Чичагова, 1856–1937), написанной в 1978-м:

«Во время прославления в Дивееве жила знаменитая на всю Россию Христа ради юродивая блаженная Паша Саровская. Государь был осведомлен не только о Дивееве, но и о Паше Саровской. Государь со всеми Великими Князьями и тремя митрополитами проследовали из Сарова в Дивеево.

В экипаже они все подъехали к келии блаженной Паши. Матушка игуменья, конечно, знала об этом предполагавшемся визите и приказала вынести из келии все стулья и постелить большой ковер. Их Величества, все князья и митрополиты едва смогли войти в эту келию. Параскева Ивановна сидела, как почти всегда, на кровати, смотрела на Государя, а потом сказала: «Пусть только Царь с Царицей останутся». Государь извиняюще посмотрел на всех и попросил

оставить его и Государыню одних, – видимо, предстоял какой-то очень серьезный разговор.

Все вышли и сели в свои экипажи, ожидая выхода Их Величеств. Матушка игуменья выходила из келии последняя, но послушница оставалась. И вдруг матушка игуменья слышит, как Параскева Ивановна, обращаясь к Царствующим Особам, сказала: «Садитесь». Государь оглянулся и, увидев, что негде сесть, смутился, а блаженная говорит им: «Садитесь на пол». Вспомним, что Государь был арестован на станции Дно! Великое смирение – Государь и Государыня опустились на ковер, иначе бы они не устояли от ужаса, который им говорила Параскева Ивановна.

Она им сказала все, что потом исполнилось, т. е. гибель России, Династии, разгром Церкви и море крови. Беседа продолжалась очень долго, Их Величества ужасались, Государыня была близка к обмороку, наконец она сказала: «Я вам не верю, это не может быть!» Это ведь было за год до рождения Наследника, и они очень хотели иметь Наследника, и Параскева Ивановна достала с кровати кусок красной материи и говорит: «Это твоему сынишке на штанишки, и когда он родится, тогда поверишь тому, о чем я говорила вам».

С этого момента Государь начал считать себя обреченным на эти крестные муки и позже говорил не раз: «Нет такой жертвы, которую я бы не принес, чтобы спасти Россию».

[...] Со всеми серьезными вопросами Государь обращался к Парасковье Ивановне, посылал к ней Великих Князей.

Евдокия Ивановна (келейница блаженной. – *Сост.*) говорила, что, не успевал один уехать, другой приезжал.

Пророчества Дому Романовых // Литературная учеба. 1993. Кн. 1. С. 106–108.

Вечером 26 января (8 февраля) 1904 г. Япония, без официального объявления войны, начала под Порт-Артуром²⁷ военные действия. [...]

Русско-японская война была – после перерыва в несколько десятков лет – первой большой войной с применением современного оружия – и дальнобойной артиллерии, броненосцев, минного флота. [...] Известие о начале войны поразило, всколыхнуло Россию. Почти никто ее не ждал; огромное большинство русских людей имели самое смутное представление о Маньчжурии. Но всюду почувствовали: на Россию напали. В первый период войны это настроение преобладало: на Россию напали, и надо дать отпор врагу.

Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая

²⁷ *Порт-Артур* – имеется в виду город, незамерзающий порт и военно-морская база Китая на юго-западе Ляодунского полуострова, у входа в заливы Ляодунский и Бохайвань. Китайское название Люйшунь. Порт и крепость построены в 80-х годах XIX века на месте деревни. В ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг. взят японскими войсками, отошел к Японии по Симонсекскому договору. В 1898 г. был передан в аренду России на 25 лет. В 1903 г. вошел в состав России. В ходе русско-японской войны после 11-месячной обороны был сдан противнику 20 декабря 1904 г. Арендные права на Порт-Артур перешли к Японии. В 1945 г. освобожден советскими войсками. По распоряжению Н. С. Хрущева город в 1955 г. передан Китаю.

26 января. Понедельник. [1904 г.] Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим. [...]

Вернувшись домой, получил от Алексеева телеграмму с известием, что этою ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде «Цесаревич», «Ретвизан» и «Палладу»²⁸ и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Господь да будет нам в помощь!

Дневники Императора Николая II. М. ORBITA, 1991. С. 192–193.

30 июля. Пятница. [1904 г.] Незабвенный, великий для нас день, в кот[орый] так явно посетила нас милость Божья. В 1 ¼ дня у Аликс родился сын, кот. при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро – для меня по крайней мере. Утром побывал, как всегда, у Мама, за-

²⁸ «Цесаревич» – русский эскадренный броненосец, флагманский корабль 1-й Тихоокеанской эскадры. Построен в САСШ, обладал четырьмя 12-дюймовыми орудиями и скоростью хода до 22 узлов. В ходе морского боя 14/28 июля 1904 г. вел русскую эскадру; получив значительные повреждения, вынужден был отойти в нейтральный порт Циндао, где был разоружен и интернирован до конца войны. «Ретвизан» – эскадренный броненосец, построен во Франции. Один из наиболее мощных кораблей эскадры. После боя 28 июля вернулся в Порт-Артур, где был захвачен японцами после взятия ими крепости и порта. «Паллада» – крейсер 1-го ранга. Участвовал в морском сражении 28 июля, по окончании которого вернулся в Порт-Артур, где был впоследствии также захвачен японцами.

тем принял доклад Коковцова и раненного при Вафангоу арт[иллерийского] офицера Клепикова и пошел к Аликс, чтобы завтракать. Она уже была наверху, и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний! [...]

Там же. С. 222.

Ее Величество Государыня Императрица Александра Федоровна сего 30-го Июля, в 1 ч. 15 м. дня, благополучно разрешилась от бремени Сыном, Наследником Цесаревичем и Великим Князем, нареченным при св. молитве *Алексеем*. Состояние здоровья Ее Императорского Величества и Высоковорожденного вполне удовлетворительно.

Подписали: Лейб-акушер проф. Дм[итрий] От, лейб-хирург Его Величества Гириш. Петергоф. 30 Июля 1904 г.

Газетная вырезка, вложенная в текст дневника Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп.

1. Ед. хр. 53.

1904 г. 30 Июля. Пятница. Св. апост. Силы, Силуана, Крискента, Епенета и Андроника. Свящ. – муч. Валентина еписк.; Прокула, Ефива и Аполлония. Св. Иоанна Воина. Муч. Полихрония, еписк. Вавилонск., Пармения и друг. Храмовый праздник 8 гренадерского Московского и 110 пе-

ХОТНОГО ПОЛКОВ.

Листок из календаря, вложенный в дневник Великого Князя Константина Константиновича. // Там же.

В тяжелую годину русско-японской войны пронеслась по русской земле радостная весть о милости Божией к русскому народу и его Державному вождю.

30-го июля 1904 г. в 2 часа 30 мин. пополудни в Новом Дворце, в Александрии, у Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны родился сын-первенец, нареченный в святой молитве Алексеем. В тот же день, в 5 час. дня, в церкви Собственной Ее Величества дачи «Александрия»²⁹, был отслужен благодарственный молебен, к которому изволил приехать Его Императорское Величество Государь Император с Августейшими Дочерьми, сюда же прибыли все члены Императорской Фамилии, находящиеся в Петербурге и его окрестностях, около церкви собралась Государева Свита и чины охраны, которые принесли Его Величеству поздравления с Новорожденным Сыном-Наследником.

О рождении долгожданного и желанного Царского Сына было возвещено России в Высочайшем Манифесте... В самый день рождения Цесаревича Его Императорское Величество соизволил назначить Его шефом лейб-гвардии Фин-

²⁹ *Александрия* – местность в окрестностях Петергофа, под Петербургом.

ляндского полка, о чем полк, находившийся в то время на маневрах под Красным Селом, был извещен Высочайшей телеграммой. 31 июля Государь Император телеграммой на имя генерал-адъютанта Куропаткина изволил сообщить радостное событие действующей армии, причем Наследник Цесаревич назначался шефом 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. С великою радостью приняла русская армия весть о рождении надежды русского престола. Повсюду известие о рождении Цесаревича было встречено с восторгом. Всеподданнейшие поздравления со всех концов России неслись к царскому трону. [...]

Явившись на свет светлым лучом в тяжелые для нашей Родины дни, Цесаревич сразу привлек к себе сердца миллионов подданных Своего Отца-Царя, каждый Его шаг, всякое событие или известие, касающееся Его, вызывали всеобщее нежное внимание.

Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич. СПб., 1911. С. 11–14, 18.

Пятница. 30 Июля. Приезжал в Мраморный³⁰ греческий Ники и завтракал с Олей, женой³¹ и мною в Красной столо-

³⁰ *Мраморный дворец* – петербургская резиденция Великого Князя Константина Константиновича Романова (1858–1915), двоюродного дяди Императора Николая II.

³¹ *Греческий Ники.* – Имеется в виду греческий принц Николай, сын Великой Княгини Ольги Константиновны и греческого короля Георга I. Оля – Великая

вой. Он приехал, чтобы повидать бабушку³², и Мама приняла его очень ласково. В 2 ч. Павел Егорович³³ сообщил великую радость: из Александрии дали знать, что Их Величествам Бог дал сына! Какое счастье! Десятый год ждала Россия Наследника и вот дождалась. Скоро стали с крепости палить из пушек, – салют в 301 выстрел.

Палиголик предупредил Мама о радостной вести. Она пришла в восторг, сильно заволновалась, плакала счастливыми слезами, громко кричала ура, поднимала руки к небу, крестилась, молилась, хотела ехать к Государю. Мы с трудом ее успокаивали. Решили с Олей ехать на молебен в Александрию. Жене надо очень остерегаться утомления и передвижений, она осталась в Мраморном. Город уже расцветился флагами. На вокзале говорили, что Наследник назван Алексеем. В Стрельне оделся в мундир, захватил Иоаннчика³⁴ и поехали с Олей в Александрию.

Молебен только что отошел, когда мы подъехали к готической церкви; нельзя было поспеть ранее. Царь вышел из

Княгиня Ольга Константиновна, сестра Великого Князя Константина Константиновича (1851–1926), греческая королева. *Жена*. – Имеется в виду Великая Княгиня Елисавета Маврикиевна (1865–1927).

³² *Бабушка* – Великая Княгиня Александра Иосифовна, мать Великого Князя Константина Константиновича (1830–1911).

³³ *Павел Егорович* – Кеппен П. Е. (*Палиголик*) – воспитатель и секретарь Великого Князя Константина Константиновича.

³⁴ *Иоанчик*. – Имеется в виду Иоанн Константинович (1886–1918) – Князь, сын Великого Князя Константина Константиновича, принял мученическую смерть в 1918 году, вместе с Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной.

церкви и вместе с матерью и тремя старшими дочками, Ольгой, Татьяной и Марией обходил присутствовавших и принимал поздравления. Тут были вся семья, самые приближенные из придворных и Гл[авной] квартиры и офицеры Сводно-Гвардейского баталиона и собственного Его Величества Конвоя. Грюнвальда Государь поздравил генерал-адъютантом, а Порецкого – свиты генералмайором. Говорили, что роды продолжались только два часа и обошлись вполне благополучно, что младенец ростом 58 сантим. и весом 11 ф[унтов]. Заезжали в cotage³⁵ к Императрице Матери и пили у нее чай; там были еще Владимир с женой и Ники с Еленой³⁶. В 7 ч. вернулся с Олей и Иоанчиком в Стрельну, а после обеда отвез Олю на железную дорогу, где ожидали ее [...] Пав. Пав. Толстой, с которым она уехала в город [...]

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. 1904 г. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 53.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

Божиею Милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая

³⁵ *Cottage (фр.)* – коттедж, летняя резиденция Императрицы Марии Феодоровны.

³⁶ *Владимир* – Великий Князь Владимир Александрович (1847–1909), дядя Императора Николая II. *Елена* – Елена Владимировна (1882–1938), Великая Княгиня.

объявляем всем верным Нашим подданным.

В 30-й день сего июля Любезнейшая Супруга Наша, Государыня Императрица Александра Феодоровна благополучно разрешилась от бремени рождением Нам Сына, нареченного Алексеем.

Приемля сие радостное событие, как знаменование благодати Божией, на Нас и Империю Нашу изливаемой, возносим вместе с верными Нашими подданными горячие молитвы ко Всевышнему о благополучном возрастании и преуспевании Нашего Первородного Сына, призываемого быть Наследником Богом врученной Нам Державы и великого Нашего служения.

Манифестом от 28-го июня 1899 года произвели Мы любезнейшего Брата Нашего Великого Князя Михаила Александровича к наследованию нам до рождения у Нас Сына.

Отныне в силу Основных Государственных Законов Империи³⁷, Сыну Нашему Алексею принадлежит высокое звание и титул Наследника Цесаревича со всеми сопряженными с ним правами.

Дан в Петергофе в 30-й день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четвертое, Царствования же Нашего десятое.

³⁷ Основные Государственные Законы Российской Империи – свод законоположений, касавшихся общих начал государственного строя императорской России. Впервые кодифицированы под руководством М. М. Сперанского в 1832 г. Пересмотрены в 1906 г. в связи с опубликованием Манифеста 17 октября 1905 г.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ

По случаю благополучного разрешения от бремени Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны Его Императорским Высочеством Наследником Цесаревичем и Великим Князем Алексеем Николаевичем в субботу, 31-го Июля, в Казанском соборе будет совершено благодарственное Господу Богу молебствие, к которому назначено съезжаться к 11-ти часам утра. Его Императорское Высочество Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа приказал: на Богослужении в соборе присутствовать генералам, штаб- и обер-офицерам, С-Петербургского гарнизона и от Красносельского лагерного сбора³⁸ всем начальникам отдельных частей, высшим над ними начальствующим лицам, штаб- и обер-офицерам в следующем числе: от полков по 10, от артиллерийской бригады и отдельного батальона по 5. Во всех частях войск отслужить в этот день молебствие. Форма одежды для не участвующих в лагерных сборах – парадная и для участвующих в лагерных сборах – обыкновенная; генералам – в лентах.

³⁸ *Красносельский лагерный сбор* – ежегодные летние учения и маневры Гвардии под Красным Селом, недалеко от Петергофа. Государь часто посещал эти учения.

**Газетная вырезка, вложенная в дневник Великого
Князя Констан тина Константиновича. 1904 г. // ГАРФ.
Ф. 660. Оп. 1.**

Ед. хр. 53.

***Дополнение к Высочайшему приказу,
отданному Июля 30-го дня 1904 года***

Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич назначается Шефом: лейб-гвардии Финлянд ского, 51-го пехотного Литовского и 12го Восточно-Сибирского стрелкового полков, последним двум именоваться впредь полками Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича.

Вместе с тем Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич зачисляется во все полки и отдельные части гвардии, в коих Его Императорское Величество Государь Император изволит состоять Шефом, в Кавалергардский Ее Величества Государыни Марии Феодоровны, лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны, лейб-гвардии Уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны и 13-й лейб-гренадерский Эриванский Его Величества полки...

Подписал: Военный Министр генерал-адъютант Сахаров.

Там же.

Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич назначается Атаманом всех казачьих войск.[...]

Там же.

31 июля. Суббота. Аликс спала немного, но она и маленький чувствовали себя хорошо. [...]

Дневники Императора Николая II. М. ОРБИТА, 1991. С. 222.

Воскресенье. 1 августа. К 5-ти часам ездили с женой к Императрице Матери и пили у нее чай. Она, такая радостная по случаю рождения Цесаревича, опять была озабочена и огорчена известиями о нашем флоте. Застали у нее Владимира, Михень³⁹, греческого Ники. [...] Был и отставной наследник Миша; он сияет от счастья, что больше не наследник. [...] Объезд был назначен на 8-е, парад и производство на 9-е. Крестины 11-го.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. 1904 г. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 53.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

Божиею Милостию, Мы, Николай Второй, Импе-

³⁹ *Михень* – Великая Княгиня Мария Павловна (старшая) (1854–1923), супруга Великого Князя Владимира Александровича.

ратор и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая

в неуклонном попечении об охранении и утверждении спокойствия и благоденствия государства, Всевышним Промыслом Нам вверенного, следуя примеру Незабвенных Предшественников Наших, блаженные памяти Императоров Николая I-го, Александра II-го и Александра III-го, признали Мы Священною обязанностию Нашею озаботиться пред указанием мер, имеющих быть принятыми в случаях необыкновенных. Ввиду сего и, приняв в уважение малолетство Наследника Нашего, Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, Мы положили на основании коренных законов Империи и учреждения об Императорской Фамилии постановить и объявить во всеобщее сведение следующее:

1-е. На случай кончины Нашей прежде достижения Любезнейшим Сыном и Наследником Нашим определенного законом возраста для совершеннолетия Императоров, Правителем Государства и нераздельных с оным Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, до совершеннолетия Его, назначается Нами Любезнейший Брат Наш Великий Князь Михаил Александрович.

2-е. В указанном случае опека над первородным Сыном и над прочими детьми Нашими, до совершеннолетия каждого из них, во всей той силе и пространстве, кои определены за-

коном, должна принадлежать Любезнейшей Супруге Нашей Государыне Императрице Александре Феодоровне.

Постановлением и обнародованием таковой воли Нашей относительно управления Государством во время малолетства Наследника Нашего, Мы, в благоговейном уважении к законам Нашего Отечества, устраняя заранее всякое по сему предмету сомнение, молим Всевышнего, да благословит Нас в непрестанном попечении Нашем о вящем благоустройстве, могуществе и счастии Державы, от Бога Нам врученной.

Дан в Петергофе в 1-й день Августа, в лето от Рождества Христова 1904, Царствования же Нашего десятое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ

Манифесты Николая II, указы, церемониалы и сопроводительные отношения к ним, собранные Великим Князем Борисом Владимировичем. 1900–1913 гг. // ГАРФ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 22.

3-го августа. Вторник. Погода была теплая. Аликс себя чувствовала очень хорошо, маленький Алексей тоже. Удивительно спокойный ребенок, почти никогда не плачет. [...]

Дневники Императора Николая II. М. ORBITA, 1991. С. 222.

Среди грозы военной непогоды и бранных тревог светлым лучом всенародной радости пришла весть о рождении давножданного Наследника Царского престола. Радость Царя – наша радость; и опять здесь для нас побуждение к молитве, – к молитве хвалы и благодарения Господу за сохранение Царского рода, за преемственность Царского престола, за охрану спокойствия нашей Родины в будущем. Но не эта одна молитва просится в душу. Благоговеть должно пред каждым рождением в мире человека, как пред великим и непостижимым таинством жизни; и пред каждым новорожденным стоит тревожный вопрос близких и родных: «Что убо отроча сие будет?» (Лк.1, 66. – *Сост.*). Но здесь близкие и родные – вся многомиллионная Россия; здесь с жизнью Первородного Царского Сына столько может быть связано для нас в будущем интересов, столько событий самых важных, самых глубоких и жизненных! [...]

О, молись, Россия! Молись, чтоб эта радость, пришедшая к тебе во дни печали, разгоралась все ярче и ярче. Молись, чтоб этот новый отпрыск жизни в Царственной Семье, родившийся посреди ужасов и вестей о смерти, знаменовал бы собою жизнь для России и, воистину, принес бы ей в будущем жизнь полную, бодрую, достойную, блестящую всеми красами бытия и всеми силами и дарами духа!

Ведь он, этот Царственный Младенец, и сам как бы повит молитвою от дней зачатия и рождения. Два года назад, ровно два года, в памятные дни месяца июля Государю Импе-

ратору угодно было вспомнить молитвы и труды великого и чтимого всероссийского молитвенника старца Серафима Саровского; по Царскому благочестивому желанию было доведено до конца начатое в Святейшем Синоде дело о прославлении преподобного. Прошел после того год, и в июле же месяце прошлого года в Сарове сотни тысяч православных торжествовали прославление праведника, а с ними и во главе их Царь с Царицею.

Мы знаем, как принято было это событие в народе и как истолковано: народ верил и говорил единогласно и не сомневался в том, что Царь с Царицею прибегли к молитвам преподобного и просили себе сына [...] И могло ли быть иначе при виде великого подъема народной веры, при виде многочисленных чудес у мощей угодника? Прошел и еще год, только что минуло торжество годовщины открытия мощей преподобного Серафима, на которое опять Царь наш отозвался чутким сердцем и одушевленным словом, — и вот, в исходе июля, как новый Самуил, «выпрошенный и вымоленный у Бога», в осенении молитв преподобного угодника, как дар веры и молитвы Царственной Четы, рождается ей первородный Сын, надежда и опора Царя и Царства. Воистину, от всех этих совпадений веет духом и образами Библии, и сердце загорается высоким религиозным настроением, и чудится перст Божьего Промысла, и на уста просится молитва [...]

Сам Царь наш ныне призывает нас вместе с Ним вознести молитвы к Богу об Его первородном Сыне Наследнике.

Возлюбленные братие и соотечественники! В торжественный сей час *Господу помолимся!* Помолимся, да возрастает и крепнет Царственный Младенец, «исполняяся премудрости», в любви у Бога и человеков! (Лк. 2: 40. – *Сост.*). Да будет Он, новый Самуил, истинным Самуилом нашей Родины, обтекая грады и веси ее судиею мира, благоволения и молитвы! Рожденный во дни испытания России, да возрастет Он в царственной красе и крепости, мужая с летами, и да воспрянет оживить надежды великого нашего народа! Аминь.

Слово новомученика протоиерея Иоанна Восторгова, сказанное в августе 1904 г. на молебне по прочтении

Высочайшего манифеста о рождении Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. // Прот. Иоанн Восторгов. Собр. соч.: в 5 т. М., 1914. Т. 2. С. 408–410.

Авгус[та] 6. [...] Сегодня в монастыре пред поздней Литургией было совершено благодарственное молебствие по случаю дарования Государю Императору сына – Наследника Престола Великого Князя Алексея Николаевича.

Летопись Скита Оптиной Пустыни. //ОР РГБ⁴⁰. Ф. 213. Оп. 1.

Ед. хр. 396.

⁴⁰ В дальнейшем ОР РГБ – Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки.

Сердечно поздравляю вас с рождением Государя Наследника. Вчера отслужил торжественный молебен при стечении народа.

Письмо преподобного Варсонофия, старца Оптинского из Маньчжурии, со станции Муллин. Военный госпиталь. Авг. 1904. // ОР РГБ. Ф. 213. Оп. 1.

Император Николай II разделял предпочтение своих предков к очаровательному местечку, каким является Петергоф. Каждое лето он приезжал сюда со своими и поселялся на маленькой даче – Александрии, окруженной тенистым парком, который охраняет ее от нескромных взоров. [...] Несмотря на ливрейного кучера, карету с придворными гербами и приказания, которые, наверное, были отданы на мой счет, я на своем опыте узнал, что в резиденцию Их Величеств нельзя проникнуть без затруднений. Я был остановлен у ограды парка, и потребовалось несколько минут переговоров, прежде чем мне разрешили въезд. На повороте аллеи я тотчас же заметил две небольшие кирпичные постройки, соединенные крытым мостом. Они были такие простые на вид, что я принял их за дворцовые службы. Только когда карета остановилась, я понял, что прибыл по назначению.

П. Жильяр⁴¹. Император Николай II и его семья. Ве-

⁴¹ Жильяр Пьер (Петр Андреевич) (р. 1879) – швейцарский гражданин, преподавал французский язык в Петербурге, с 1905 г. давал уроки Царским дочерям,

на, 1921.

11-го августа. Среда. Знаменательный день крещения нашего сына. Утро было ясное и теплое. До 9 ½ перед домом по дороге у моря стали золотые кареты и по взводу Конвоя, Гусар и Атаманцев. Без пяти 10 шествие тронулось. [...] Крестины начались в 11 час. Потом узнал, что маленький Алексей вел себя очень спокойно.

Дневники Императора Николая II. М. ORBITA, 1991. С. 224.

30 июля во время обеда [в 5 ч. дня] была [в Осташеве под Москвой] получена из Стрельны телеграмма Великого Князя о рождении Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. От радости Князя⁴² не могли продолжать обеда. Давно жданное известие быстро разнеслось по усадьбе и деревне. То там, то здесь слышались крики «ура». На площадке перед парадным подъездом осташевского дома скоро собралась толпа служащих и местных жителей, обсуждавших важность события и ожидавших, видимо, подтверждения его. Тогда Князя вышли на крыльцо, и Князь Константин Константинович громко прочитал телеграмму. Едва смолк его

с 1913 г. — Наследнику, его воспитатель.

⁴² Князя — сыновья Великого Князя Константина Константиновича: Князя Иоанн (1886–1918), Константин (1890–1918), Игорь (1894–1918), принявшие мученическую кончину в Алапаевской шахте, а также Гавриил (Ганя) (1887–1939) и Олег (1892–1914)».

голос, как раздалось общее ликующее «ура».

Низшие служащие при Князьях, как бы желая подчеркнуть важность переживаемой минуты, содействовали подъему чувств кто чем мог: двое из них открыли стрельбу из охотничьих ружей, другие двое заиграли на охотничьих рожках.

Быстро промелькнули несколько дней, проведенных в повышенном настроении, и утром 9 августа Князь Олег вместе со своими братьями выехал в Стрельну, чтобы присутствовать на крестинах Наследника Цесаревича. Вот как описывает это событие сам Князь Олег в дневнике 13 августа 1904 года: «Нас всех вызвали из Осташева на крестины Алексея. Крестины должны были быть 11 августа. Мы приехали 10-го, на рождение Папа. Переночевав в Стрельне и надев сшитые в одну ночь мундиры, мы отправились в Петергоф. Иоанн, Ганя и Таня⁴³ участвовали в шествии. А. М[аксимов], Костя, Игорь и я пошли по комнатам дворца в церковь. Приходилось идти большими залами, наполненными народом. Там было много графов, графинь и т. д.

Прошли мимо караула, отдавшего нам честь, и, наконец, вошли в церковь. Тут я увидел впервые генерала Сахарова. Вдруг все смолкло. Входит шествие. Впереди Государь с Императрицей Марией Феодоровной. Мы выстроились: Костя,

⁴³ *Таня* – Татьяна Константиновна, Княжна (1890–1970), старшая дочь Великого Князя Константина Константиновича. В эмиграции приняла постриг с именем Тамара. Игуменья Елеонской обители в Иерусалиме.

я, Игорь; А. М. – позади. Государь улыбнулся и поздоровался. Все было очень интересно. Наконец, – Княгиня Голицына с подвязанной к шее подушкой, а на подушке – Алексей. Началось богослужение. Сослужили: митрополит Антоний [Вадковский], отец Янышев и отец Иоанн Кронштадтский, были еще два архимандрита, два диакона и два псаломщика, все в золотых ризах. Государь был в форме атаманцев. Другие были в парадных мундирах. Все дамы в русских платьях. Татиана также в русском платье из розовой парчи, с розовыми сапожками. У Татианы, В. К. Марии Павловны, В. К. Елисаветы Феодоровны и у меня закружилась голова, и я стоял за решеткой. Потом вышел. Когда я был за решеткой, то сидел у Наследника Алексея Николаевича. Он очень миленький: все время играл пальцами. После крестин шествие пошло в покой Государя. Нам, т. е. Иоаннчику, Гаврилушке, Косте, Игорю и мне пришлось проходить по большой галерее, наполненной генералами. Идти было очень трудно из-за множества народа. [...] Второй раз мы увидели, как везли Наследника. Через несколько времени поехали домой. Все было очень весело и интересно.

Князь Олег. Петроград., 1915; Репринт: Казань, 1995.

11 августа в церкви Большого Петергофского дворца совершилось крещение Новорожденного Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича. Восприемни-

ками Августейшего новорожденного были: Государыня Императрица Мария Феодоровна, Император Германский, Король Великобританский, Король Датский, Великий Герцог Гессенский, Принцесса Виктория Великобританская, Великий Князь Алексей Александрович, Великая Княгиня Александра Иосифовна и Великий Князь Михаил Николаевич...

Армия и флот удостоились исключительной царской милости. В телеграмме Государя Императора генерал-адъютанту Куропаткину было выражено: «Сегодня, во время совершения Таинства Святого Крещения Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича, Ее Величество и Я, в душевном попечении о Наших доблестных войсках и морях на Дальнем Востоке, в сердце молитвенно призывали их быть восприемниками Новокрещеного Цесаревича, да сохранится у Него на всю жизнь особая духовная связь со всеми теми дорогими для нас и для всей России воинами, от высоких начальников до солдат и матросов, которые свою горячую любовь к Родине и Государю выразили самоотверженным подвигом, посреди лишений, страданий и смертельных опасностей».

Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич. СПб., 1911. С. 18.

Государь пожелал, дабы все войска действующей на поле брани армии были тоже в числе восприемников новорожден-

ного Цесаревича, о чем и было дано знать на фронт. Во время крещения с младенцем произошел замечательный случай, обративший на себя внимание всех присутствующих. Когда новорожденного Цесаревича помазывали святым миром, он поднял свою ручку и простер свои пальчики, как бы благословляя присутствующих. В этом случае видели не простое совпадение, а что-то вещательное, объясняя всякий по-своему. Одни видели в этом хорошее предзнаменование, а другие наоборот. Государыня особенно была рада, что наконец-то Бог услышал ее молитву, даровал ей сына, приписывая эту милость Божию молитвам преподобного Серафима Саровского. [...]

Царица отдалась всецело воспитанию детей, особенно воспитанию милого сына... В Царском Селе, Петергофе, на императорской яхте, царица всегда при сыне, как преданная рядовая няня.

Игумен Серафим (Кузнецов). Православный Царь Мученик. Пекин, 1920.

Мой возлюбленный милый Ангел, снова ты покидаешь свою старую женушку, но на этот раз с любимым маленьким сыном на руках, который утешит ее печальное сердце. О, Господь действительно благ, посылая нам этот солнечный луч сейчас, когда он так нужен всем, – только бы Он дал нам силы благополучно воспитать ребенка – и чтобы он был настоящим помощником и другом тебе, когда станет взрослым.

[...]

Авг. 1904 г. Петергоф

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Государю Императору Николаю Александровичу: Перевод с английского // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1148.

Крошечный Солнечный луч пришел в 9 ч. пить, поспал у меня на руках и пил опять в 11, и сейчас с женщиной в 1 ½.

Я уверена, тебе не хватает дорогого Baby, он такой милый, дей ствительно понимаешь, почему Бог послал нам его именно в этом году, и он пришел как настоящий Солнечный луч, умирить все сердца, поддержать дух – у Бога никто не забыт, воистину так. И теперь он есть у тебя, чтобы воспитать его, привить ему твои взгляды на жизнь, чтобы он смог тебе помогать, когда станет большим мальчиком.

Уверяю тебя, он растет на глазах каждый день.

15-го Авг. 1904 г. Петергоф

Там же.

8-го сентября. Среда. Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины. Пришлось выписать Коровина и хирурга Федорова; около 7 час. они наложили повязку. Маленький был удивительно спокоен и весел! Как тяжело переживать такие минуты беспокойства! [...]

9-го сентября. Четверг. Утром опять на повязке была кровь; с 12 час. до вечера ничего не было. Маленький спокойно провел день, почти не плакал и успокаивал нас своим здоровым видом! [...]

Там же.

10-го сентября. Пятница. Сегодня целый день у Алексея не показывалась кровь; на сердце так и отлегла щемящая забота. [...]

Там же.

11-го сентября. Суббота. Слава Богу, у дорогого Алексея кончилось кровотечение уже двое суток. Так и просветлело на душе! [...]

Там же.

Зима 1903 года была очень веселая. Особенно памятни мне в этом году знаменитые балы при Дворе в костюмах времен Алексея Михайловича; первый бал был в Эрмитаже, второй в концертном зале Зимнего Дворца и третий у графа Шереметьева.

[...] Следующую зиму началась Японская война. [...] По инициативе Государыни в залах Зимнего Дворца открыт был

склад белья для раненых. [...] Императрица почти ежедневно приходила в склад; обойдя длинный ряд зал, где за бесчисленными столами трудились дамы, она садилась где-нибудь работать.

Императрица была в ожидании Наследника. Помню ее высокую фигуру в темном бархатном платье, опушенном мехом, скрадывавшем ее полноту, и длинном жемчужном ожерелье. [...]

Следующим летом родился Наследник. Государыня потом мне рассказывала, что это из всех ее детей были самые легкие роды. Императрица едва успела подняться из маленького кабинета по витой лестнице к себе в спальню, как родился Наследник. Сколько было радости, несмотря на всю тяжесть войны, кажется, не было того, чего Государь не сделал бы в память этого дорогого дня. Но почти с первых же дней родители заметили, что Алексей Николаевич унаследовал ужасную болезнь, гемофилию, которой страдали многие в семье Государыни; женщина не страдает этой болезнью, но она может передаваться от матери к сыну. Вся жизнь маленького Наследника, красивого, ласкового ребенка, была одним сплошным страданием, но вдвойне страдали родители, в особенности Государыня, которая не знала более покоя. Здоровье ее сильно пошатнулось, после всех переживаний войны, и у нее начались сильные сердечные припадки. Она бесконечно страдала, сознавая, что была невольной виновницей болезни сына. Дядя ее, сын королевы Виктории, Лео-

польд – болел той же болезнью, – маленький брат ее умер от нее же и также все сыновья ее сестры, Принцессы Прусской, страдали с детства кровоизлияниями.

Естественно, все, что доступно медицине, было сделано для Алексея Николаевича. Государыня кормила Его с помощью кормилицы (так как сама не имела довольно молока, как кормила она и всех своих детей). У Императрицы при детях была сперва няня-англичанка и три русские няни, ее помощницы. С появлением Наследника она рассталась с англичанкой и назначила его няней вторую няню, М. И. Вишнякову. Императрица ежедневно сама купала Наследника и так много времени уделяла детской, что при Дворе стали говорить, что Императрица не Царица, а только мать. Конечно, сначала не знали и не понимали серьезности положения Наследника. Человек всегда надеется на лучшее будущее, Их Величества скрывали болезнь Алексея Николаевича от всех, кроме самых близких родственников и друзей, закрывая глаза на возрастающую непопулярность Государыни. Она бесконечно страдала и была больна, а о ней говорили, что она холодна, горда и неприветлива. Таковой она осталась в глазах придворных и петербургского света даже тогда, когда узнали о ее горе.

Танеева А. А. (Вырубова)⁴⁴. Страницы из моей жиз-

⁴⁴ *Вырубова А. А.* (1884–1964) – близкий друг Царской Семьи, дочь обергофмейстера А. С. Танеева. В 1917 и в 1918 гг. арестовывалась Временным правительством и большевиками. С 1920 г. в Финляндии. Приняла монашеский постриг в Ново-Валаамском монастыре с именем Мария.

ни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись: издание «Русского Очага» в Париже. Париж, 1922. Кн. 4. С. 18–20.

К Наследнику была назначена русская няня Мария Ивановна Вишнякова (бывшая при нем до исполнения ему 7 лет), а через год, во время путешествия Царской Семьи на «Полярной Звезде», к нему был приставлен в качестве дядьки боцман Деревенько, который научил его ходить, а затем был взят и к нему во дворец. В помощь Деревенько были назначены матросы: в качестве второго дядьки – Нагорный и лакей – Седнев. Простые русские люди были, таким образом, ближайшими спутниками Наследника Престола в его детском мире. [...]

Савченко П. Светлый Отрок. // Светлый Отрок: сборник статей о Царевиче-Мученике Алексее и других Царственных Мучениках. Репринтное издание. М.: «Диалог», 1990. С. 6.

Еда чуть не застряла в горле, но я проглотила ее ради него, и ради него же я буду бодрой, я не должна давать ему плохое молоко и делать его беспокойным.

Ботиночек и перчатка дорогого Baby согреют твоё сердце, когда ты ложишься спать. Он отправляется на катанье.

15-го Сент. 1904 г. Петергоф

Письмо Государыни Императрицы Александры Фе-

**одо-ровны Государю Императору Николаю Александ-
ровичу: Перевод с английского. // ГАРФ. Ф. 601. Оп.
1. Ед. хр. 1148.**

Мое любимое солнышко! Какую радость доставило мне
твое письмо!

Мой старик положил его на стол в моей каюте, где я и на-
шел его после завтрака. И вечером, перед тем, как ложить-
ся спать, какой милый сюрприз получить кое-что от нашего
маленького!

Крошечный ботиночек и перчатка так приятно им пахли;
и фотография, которую я никогда не видел, очаровательна.
[...]

Я бесконечно благодарю тебя, любимая, за такую преду-
смотрительность, которой я был очень тронут. Только у Же-
нушки могла возникнуть такая мысль, доставить удоволь-
ствие Ники, когда его нет дома.

Очень тяжело было вчера уезжать, я должен был собрать
всю свою волю, чтобы не разрыдаться. То, что ты показала
нашего малыша Максимовичу, произвело огромное впечат-
ление не только на него, но и на тех, кого он видел после
этого... Фредерикса, Мосолова и т. д.

Теперь прощай, и да благословит тебя Бог, моя Радость и
Любовь, и наших милых детей. Поцелуй моего Сына очень
нежно за меня.

Сент. 16-ое 1904. В поезде

Письмо Государя Императора Николая Александровича Государыне Императрице Александре Фёдоровне: Перевод с английского. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 106.

Любимый, дорогой Ники, пишу тебе карандашом, потому что я все еще в постели, милый Baby лежит у меня на коленях, проснулся и слушает свою музыкальную шкатулку – он спал этой ночью очень долго после моего кормления; я счастлива видеть – когда он кушал перед этим, он улыбался и ворковал. [...]

Сент. 18-ое 1904. Петергоф

Письмо Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Государю Императору Николаю Александровичу: Перевод с английского. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1148.

С тех пор, что я Тебе послал первое письмо, мы переехали в Царское 25-го и в тот же вечер поехали в Ревель⁴⁵ с маленьким «сокровищем». Понятно, что Аликс не хотела оставлять его тут... Прибыли в Ревель в 9 ч. утра в Воскресение и по-

⁴⁵ *Ревель* – официальное название города Таллина в 1219–1917 гг. Государь и Государыня посетили Ревель, чтобы проститься со II-ой Тихоокеанской эскадрой, сформированной из кораблей Балтийского флота и уходящей на соединение с Порт-Артурской эскадрой для совместных действий против японского флота. После 7-месячного похода через Атлантический и Индийский океаны потерпела поражение в Цусимском морском сражении 14–15/27–28 мая 1905 г.

сле встречи прямо на «Штандарте»⁴⁶, который внутри порта у самой набережной. [...] После обедни и завтрака на яхте я отправился на большие броненосцы. [...] На другой день я начал объезжать миноносцы с 9 час. утра, Сисой Великий и Светлану⁴⁷. [...] После раннего завтрака Аликс поехала со мною на «Суворова» и «Александра III»⁴⁸. С него она возвратилась на яхту, а я продолжал посещать суда и прощаться с офицерами и командами. [...] Объехал все суда эскадры, кроме пароходов-транспортов. Их команды были собра-

⁴⁶ «Штандарт» – императорская яхта. Построена по заказу Императора Александра III в Дании в 1893–1894 гг. Водоизмещение 6000 тонн, скорость хода до 22,5 узла, размерами превосходила небольшой крейсер. Командовал судном с 1905 г. адмирал К. Д. Ниллов в качестве флаг-капитана Государя Императора. Непосредственно командовал яхтой с 1906 г. капитан 1-го ранга И. И. Чагин, а с 1913 г. капитан 1-го ранга Р.Д. Зеленецкий. Старшим флаг-офицером с 1911 г. был Н. В. Саблин.

⁴⁷ «Сисой Великий» – русский эскадренный броненосец. К началу русскояпонской войны устарел. Погиб в Цусимском морском бою. «Светлана» – русский легкий крейсер, переделан из яхты Великого Князя, генерал-адмирала Алексея Александровича.

⁴⁸ «Суворов». – Имеется в виду русский эскадренный броненосец. Построен на отечественных верфях в начале 1900-х г. Обладал 4-мя 12-дюймовыми и 12-ю 6-дюймовыми орудиями, располагавшимися в башнях. Флагманский корабль II Тихоокеанской эскадры. Был головным кораблем эскадры в начале Цусимского боя, однако вскоре вышел из строя, загорелся и впоследствии затонул. На «Князе Суворове» располагался штаб командующего эскадрой вице-адмирала З. П. Рожественского. «Александр III», русский эскадренный броненосец, однотипный с «Князем Суворовым». После выхода последнего из строя вел эскадру. Получив значительные пробоины, перевернулся и затонул. Из 900 членов экипажа не удалось спастись никому.

ны около Штандарта на берегу – сейчас же после этого поехали вдвоем в город и посетили собор и Domkirche⁴⁹. Затем пили чай и провели последние часы на яхте. [...] В 8 ч. уехали из Ревеля и на следующее утро приехали в Царское.

29-го Сентября 1904 г. Царское Село

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2327.

В октябре 1904 года в Чудовом монастыре у мощей святителя Алексия была освящена икона с изображением святителя Алексия митрополита и святого Иоанна Воина. Образ был доставлен в известную кутузовскую избу и поставлен там в ознаменование рождения Цесаревича. 5 октября, в день тезоименитства Наследника, на хуторе Московского Никитского монастыря у станции Лобня был заложен храм преподобного Серафима Саровского при школе имени Цесаревича. Освящение этого первого подмосковного храма во имя преподобного Серафима состоялось 20 мая 1905 года. А первая в Москве Серафимовская церковь была освящена через несколько недель на Старой Божedomке попечительством о бедных. Она тоже стала зримым знаком радости москвичей по случаю рождения Цесаревича Алексея.

Рождение Наследника стало и причиной появления в

⁴⁹ Domkirche (нем.) – кафедральный собор, главный католический храм города Ревеля.

Москве нового братства святителя Московского Алексия. В ноябре 1904 года в здании Саввинского подворья на Тверской была освящена школа. Цели Алексеевского братства были самыми благородными: «призрение и воспитание беспризорных и нравственно покинутых детей». Председателем братства стал епископ Можайский Серафим.

Козлов В. Ф. Москва Государя Николая II // Дворянское Собрание: историко-публицистический и литературно-художественный альманах. М.: Российское дворянское собрание, 1996. № 4. С. 53.

Вымолил русский народ Наследника Престола, а вот сохранить его – не сохранил! 30-го июля Православная Церковь чтит память св. мученика Иоанна Воина; в Евангелии, на этот день, читаем: «все, чего ни попросите в молитве с верою, получите». (Мф. 21: 22. – *Сост.*) Своими тяжкими грехами мы прогневали Господа, и Он наказал нас наказательно: на тот же день в I-м послании апостола Павла к Коринфянам, гл. 15-й, ст. 34-м читаем: «Отрезвитесь, как должно, и не грешите; ибо, к стыду вашему скажу: некоторые из вас не знают Бога». Да – забыли мы Бога. Уже на следующий после рождения Цесаревича год – 1905-й началась русская смута, завершившаяся революцией 1917 года.

Ходнев Д. Император Николай II – Державный Вождь Российской Армии: из воспоминаний рядового-офицера. // Государь Император Николай II Алек-

сандрович: сборник памяти 100-летия со дня рождения. Нью-Йорк, 1968. С. 138.

Ко времени моего возвращения во дворец Наследнику было около шести месяцев. Рождение Наследника было очень счастливым событием и на время наполнило все сердца, несмотря на разочарования в связи с русско-японской войной.

Маленький Наследник занимает особое место в моих воспоминаниях. Вначале он был хорошеньким, хорошо физически развитым мальчиком, и мать с гордостью говорила, что и родила его легко. [...] Болезнь Наследника была ужасным ударом для Государя и Государыни. Я не преувеличу, если скажу, что горе надорвало здоровье Императрицы, она никогда не могла избавиться от чувства ответственности за болезнь сына. Сам Государь за год состарился на много лет, и близко его наблюдавшие не могли не заметить, что тревожные мысли никогда не покидали его.

Я вспоминаю красивого, похожего на херувима ребенка с золотистыми волосами и прелестными разумными глазами, но при малейшем ушибе его тело покрывалось синяками. Наследника оберегали как только могли, что далеко не всегда помогало; ребенок был подвижный, и после каждого ушиба он горько плакал ночи напролет.

Помню, как волновалась Государыня, когда ожидали какого-либо видного иностранного гостя, и как она старалась,

чтобы Наследник выглядел здоровым. Вначале болезнь держали в секрете – все надеялись на выздоровление.

Однажды, накануне приезда кайзера, не помогли никакие предосторожности. Мальчик упал, и на лбу его появился большой синяк. Кайзер, конечно, сейчас же понял, что с ребенком, так как два или три сына его брата, принца Генриха, страдали тем же недугом.

Мы, приближенные Государыни, были погружены в глубокую печаль, наблюдая ее возраставшую грусть. И раньше она была застенчивой и сдержанной, даже казалось порою – несчастной. Теперь же все эти черты ее характера выступили еще ярче. Война с Японией и все ее мрачные последствия не могли облегчить забот Государыни. Ее здоровье ухудшалось, она постоянно чувствовала себя усталой и больной, и только огромным усилием воли ей удавалось скрывать свои недуги целые годы, чтобы о них не узнали в дворцовых кругах.

Первый год Императрица скрывала болезнь сына даже от меня. Я случайно узнала о ней. Однажды – это было в Царском Селе, мы с Государыней играли в четыре руки. Наследник сидел возле нас на складном стуле со столиком, какие обычно бывают у маленьких детей. Неожиданно кто-то пришел, и Императрица оставила меня с мальчиком. Я встала, чтобы взять его на руки, но он сначала расплакался, а потом стал кричать, как раненый зверек. Государыня прибежала с криком: «Оставьте его, оставьте, его нога застряла в стуле!» Я не могла понять, в чем дело. «Я сейчас объясню вам», –

сказала Государыня. Понемногу ей удалось успокоить сына, но я заметила, что ножка Наследника посинела и опухла. Царица в слезах рассказала мне об ужасной болезни.

Неопубликованные воспоминания А. А. Вырубовой // Новый журнал. Нью-Йорк, 1978. Кн. 130. С. 116–118.

31 янв. [1905 г.] [...] 6 месяцев и 7 дней, прорезался первый зуб, без всяких признаков.

Записная книжка с записями режима дня Великого Князя Алексея Николаевича. 1904–1905 гг. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 2.

В конце февраля 1905 года моя мать получила телеграмму от Светлейшей Княгини Голицыной, гофмейстерины Государыни, которая просила отпустить меня на дежурство – заменить больную свитскую фрейлину, Княжну Орбелиани. Я сейчас же отправилась с матерью в Царское Село. [...] Государыню я видела только раз, когда она позвала меня кататься с собою, о чем мне сообщил скороход по телефону. [...] Первые впечатления ярко остаются в памяти, и я помню все вопросы Государыни о моих родных, – и ее рассказы о своих детях, в особенности о Наследнике, которому было тогда 7 месяцев.

Был пост, и по средам и пятницам в походной церкви Александровского дворца служили Преждеосвященные Ли-

тургии для Государыни. [...] Подошла Страстная неделя, и мне объявили, что дежурство мое кончено. Императрица вызвала меня в детскую проститься. Застала я ее в угловой игровой комнате, окруженную детьми, на руках у нее был Наследник. Я была поражена его красотой – [...] огромные синие глаза, белое кружевное платье. Императрица дала мне его подержать на руки и тут же подарила мне медальон (серый камень в виде сердца, окруженный бриллиантами) на память о моем первом дежурстве и простилась со мной.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне. // Русская Летопись: издание «Русского Очага» в Париже. Кн. 4. Париж, 1922. С. 21–23.

Летом, когда Дума закончила свое короткое существование, мы снова ушли в шхеры на 2 месяца на любимой яхте Их Величеств «Штандарт». Государь ежедневно гулял на берегу, два раза в неделю приезжал фельдъегерь с бумагами, и тогда он занимался весь день. Государыня съезжала также на берег и гуляла в лесу. Мы постоянно были вместе, читали, сидя на палубе, наблюдали, как резвились и играли дети, к каждому из них был приставлен матрос из команды дядькой.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне. // Русская Летопись: издание «Русского Очага» в Париже. Кн. 4. Париж, 1922. С. 29.

Отеческая любовь Николая II была исключительной нежности. Он жил своими детьми и гордился ими. Никогда не забуду того, как Царь впервые показал мне своего Наследника: Цесаревичу было тогда всего лишь несколько месяцев.

Их Величества плавали в финских шхерах. Дверь каюты Наследника выходила прямо на палубу. Я шел мимо в тот момент, когда выходил Государь.

– Вы, кажется, еще не видели Цесаревича во всей его красе? Пойдемте, я вам его покажу. Мы вошли. Наследник полоскался в ванночке. Государь заметил:

– Пора ему кончать ванну. Увидим, оскандалится он или нет. Пожалуй, при вас кричать не будет.

Мальчика вынули из ванны и без особых затруднений обтерли. Тогда Царь снял с него простынку, поставил ножками на руку, другою держа его под мышками, и показал мне его во весь рост. Действительно, это был чудно сложенный ребенок. Затем Государь накинул на него простыню и отдал няне.

Мы вышли. Царь говорил со мною еще несколько минут о своем красавце сыне, спрашивая, заметил ли я пропорциональность ног и туловища и так называемые браслетки, то есть как бы ниткою обвязанные конечности – признак хорошего питания.

На следующий день Государь сказал Императрице в моем присутствии:

– А мы вчера с Мосоловым делали смотрины Цесаревичу.

Александра Федоровна ничего не ответила, но я видел, что она осталась недовольна этою экспансивностью мужа.

Мосолов А. А., генерал. При дворе последнего Императора: записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 78–79.

Моя милая, дорогая Мама.[...] Мысль о том, чтобы уехать на несколько дней, переменить обстановку и дать отдохнуть самому себе – давно меня занимала. Теперь, слава Богу, эта мысль осуществилась, и мы уже четвертый день на милой яхте, в знакомой Тебе обстановке, в Транзунде⁵⁰.

Мы хотели уйти из Петергофа в субботу, но отложили уход из-за бури. В воскресенье погода поправилась, и мы воспользовались этим, чтобы проскочить в Транзунд. С нами пришла Стрела, Украина, Войсковая, Трухменец, Абрек⁵¹ и 4 миноносца. Застали здесь: брон. Слава, Александр II, Память Азова и Адм. Корнилов⁵², так что рейд очень оживился. Погода побаловала нас удивительным образом – дни стояли положительно летние, но, конечно, с холодными лунными ночами. Спутники наши: старшая Танеева и Шнейдер, Фредерикс, Алсуфьев, Бенкендорф, [...] Гейден, Чагин, Ни-

⁵⁰ *Транзунд* – название рейда в Финском заливе.

⁵¹ «*Стрела*», «*Украина*», «*Войсковая*», «*Трухменец*», «*Абрек*» — канонерские лодки и корабли, входившие в отряд охраны Государя Императора.

⁵² «*Слава*», «*Александр II*», «*Память Азова*», «*Адмирал Корнилов*» — основные броненосцы и крейсера Балтийского флота.

лов и Соллогуб.

Занятия – по утрам прогулка на островах или посещение судов – днем маленькие облавы на островах с матросами или рыбная ловля. Дети и мы наслаждаемся страшно. Ты не узнала бы нас всех, так мы загорели и поправились в несколько дней. Я счастлив, как малое дитя, этой свободе и отдыху, а в особенности жизни на воде. Я живу в каюте Папа, Аликс в моей старой, Ольга и Татьяна в каютах Ксении и Миши, а маленький в средней. Твой внук очень в духе, и, видно, все ему нравится; надеюсь, и он будет любить море. Он весьма дружен с гр. Толстым.

Хочется продлить еще на несколько дней пребывание на яхте. Прощай, моя дорогая Мама. Мы все Тебя нежно обнимаем. Христос с Тобой! Всем сердцем Твой Ники.

7-го сентября 1905 г. «Полярная Звезда»

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2328.

Милая, дорогая Мама, на этой неделе случилась драма в семействе по поводу несчастной свадьбы Кирилла⁵³. Ты, наверное, помнишь о моих разговорах с ним, а также о тех последствиях, которым он должен был подвергнуться, если он

⁵³ Имеется в виду Великий Князь Кирилл Владимирович, сочетавшийся морганатическим браком с Викторией-Мелиттой, принцессой Саксен-Кобург-Готской.

женится: 1) исключение из службы, 2) запрещение приезда в Россию, 3) лишение всех удельных денег и 4) потеря звания Великого Князя.

На прошлой неделе я узнал от Ники, что он женился 25 сентября в Gegemsee. В пятницу на охоте Ники мне сказал, что К. приезжает на следующий день!

Желая предупредить возможность появления Кирилла в нашем доме, я послал за Фредериксом и поручил ему отправиться в Царское и объявить Кириллу те 4 пункта и кроме того мое негодование за его приезд и приказание сейчас же выехать за границу.[...] Я имел с бедным отцом очень неприятный разговор. Как он ни заступался за своего сына, я стоял на своем, и мы расстались на том, что он попросит уйти со службы. В конце концов я на это согласился. Кирилл уехал в воскресенье, предварительно побывав в кают-компании гвардейского экипажа, как говорят, чтобы проститься с товарищами. [...]

2) Морской приказ уже был, дни проходили, а бумага о лишении его титула Великого Князя все переделывалась, т. к. это был первый случай.

Вместе с тем меня брало сомнение, хорошо ли наказывать человека публично несколько раз подряд и в теперешнее время, когда вообще к семейству относятся недоброжелательно. После долгих размышлений [...] я решил воспользоваться именинами Твоего маленького внука и телеграфировал дяде Владимиру, что я возвращаю Кириллу утрачен-

ное им звание. Само собой разумеется, все остальные виды наказания остаются в силе. Надеюсь, милая Мама, что Ты оправдываешь мой поступок и не находишь, что я действовал мягко. Сегодня, по-моему, был именно для оказания милости настоящий день.

5-го Октября 1905 г. Петергоф

Там же.

Маленький отлично ходит, но почти не говорит. Фотографии еще не снимали.[...]

1-го Декабря 1905 г. Царское Село

Там же.

3-го был очередной смотр Преображенцам. Погода была теплая, и Аликс взяла с собой маленького, кот. смотрел на парад со ступенек подъезда перед дворцом. Полк был очень рад видеть его.

8-го Дек. 1905 г. Царское Село

Там же.

3-го декабря, во время смотра лейб-гвардии Преображенскому полку, Царь обратился к полку со следующими словами:

«В память того, что сегодня Сын Мой Наследник Цесаревич присутствовал в первый раз на смотре преображенцев, зачисляю Его Императорское Высочество Главнокомандую-

щего Великого Князя Николая Николаевича в списки полка.

Господа офицеры, благодарю вас сердечно за вашу доблестную и примерную службу.

Преображенцы всегда были мне утешением, а в особенности в эти трудные дни.

И вам, братцы, сердечное спасибо за вашу славную, верную и преданную России и Мне службу.

Уверен, что и молодые преображенцы, когда они вступят в ряды полка, будут служить так же верно, как служили их деды и отцы.

Спасибо вам, братцы».

Правит[ельственный] Вестник. 1905 № 262. // Полное собрание речей Императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 65.

12-го декабря, на параде в Царском Селе, Царь осчастливил лейб-гвардии Финляндский полк следующими милостивыми словами:

«Верою и правдою почти сто лет служит лейб-гвардии Финляндский полк своим Царям и Родине.

Спасибо Вам, братцы, за вашу славную, преданную службу Мне и России.

Сегодня вы видели своего Шефа. Уверен, что будущие финляндцы будут так же верно служить Ему, как вы служили и служите теперь Мне.

Господа офицеры, сердечно благодарю вас также за вашу

верную, примерную и трудную службу.

Еще раз спасибо вам всем, братцы».

Там же. № 269. С. 66.

23 декабря в Царскосельском дворце состоялся прием комиссии от Союза Русского Народа, состоявшей из 23 лиц. Председатель Дубровин прочел адрес, выслушав который, Государь просил передать царское спасибо подписавшим адрес. Затем Дубровин поднес Царю два знака Союза для него и для Наследника.

«Хорошо, – отвечал Государь, – благодарю вас».

Моск[овские] Вед[омости]. 1906 г. № 12. // Там же.

14-го января состоялся смотр лейб-гвардии Атаманскому Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полку. После обхода Государь Император передал Наследника Цесаревича командиру полка, ген. – майору Вершинину, который отнес Августейшего Шефа Государыне Императрице Александре Феодоровне. Вслед за тем Государю Императору благоугодно было обратиться к полку со следующими высокомиловидными словами:

«Вот, братцы, ваш Шеф и Атаман. С этого дня я желаю, чтобы первая сотня именовалась сотнею Его Высочества. Господа офицеры, искренне благодарю вас за блестящий вид, в котором полк Мне сегодня представился, а также за вашу верную и славную службу.

И вам, казаки, сердечное спасибо за вашу постоянную тяжелую и преданную службу Родине и Мне. Убежден, что полк будет так же верно служить и Ему, как служит Мне и прежде служил своим Царям. Уверен, что молодые казаки проникнутся славными заветами донских казаков.

Еще раз спасибо вам, братцы. В вашем лице вместе с лейб-казаками благодарю все войско донское.

В память сегодняшнего отличного смотра, которым вы Меня сильно порадовали, зачисляю вашего командира в Свою Свиту и назначаю полкового адъютанта флигель-адъютантом».

Правит[ельственный] Вестник 1906 № 12,13. // Полное собрание речей Императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 69.

Царская Семья проводила обыкновенно зиму в Царском Селе, красивом городке.[...] В парке, прорезанном маленькими искусственными озерами, возвышается полускрытая деревьями постройка [...] Александровский дворец. Император Николай II сделал из него свою обычную резиденцию после трагических событий января 1905 года. Император и Императрица жили в одном из дворцовых флигелей, внизу, а их дети в следующем этаже, над ними. В среднем корпусе помещались парадные покои, а противоположный флигель был занят некоторыми лицами свиты. В этих рамках, которые вполне отвечали ее скромным вкусам, жила Царская Се-

мья.

Там, в феврале 1906 года, я увидел в первый раз Цесаревича Алексея Николаевича, которому было тогда полтора года. Вот при каких обстоятельствах это произошло. В этот день я, по обыкновению, прибыл в Александровский дворец, куда мои обязанности призывали меня несколько раз в неделю. Я уже готовился кончить свой урок с Ольгой Николаевной, когда вошла Императрица с Великим Князем Наследником на руках. Она шла к нам с очевидным намерением показать мне сына, которого я еще не знал. На лице ее сияла радость матери, которая увидела, наконец, осуществление самой заветной своей мечты.

Чувствовалось, что она горда и счастлива красотой своего ребенка. И на самом деле, Цесаревич был в то время самым дивным ребенком, о каком только можно мечтать, с своими чудными белокурыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, отененными длинными загнутыми ресницами. У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребенка, и, когда он улыбался, на его круглых щечках вырисовывались две ямочки. Когда я подошел к нему, он посмотрел на меня серьезно и застенчиво и лишь с большим трудом решился протянуть мне свою маленькую ручку.

П. Жильяр. Император Николай II и его семья. Вена, 1921.

Царский комфорт как бы отсутствовал в семье. Царица во

всем старалась [...] устранить роскошь. Последнее особенно сказывалось в костюмах. И Царица, и дочери одевались чрезвычайно скромно. Носили платья из самой простой ткани, старались донашивать их. Бывший военный министр генерал А. Ф. Редигер (умер в 1920 г.) сообщает в своих записках (они не были изданы, не знаю, уцелели ли) интересные факты. В один из его докладов Государю ему пришлось ожидать, так как Государь задержался на прогулке. Сидя в Александровском дворце в Царском Селе у окна, выходявшего в парк, и поджидая Государя, ген. Редигер наконец увидел возвращающегося пешком Государя с пятью девочками. В четырех ген. Редигер сразу узнал царских дочерей, но никак не мог догадаться, откуда же взялась пятая – меньшая. Когда вошел Государь и со свойственной ему любезностью извинился, что, увлекшись прогулкой с детьми, задержал министра, ген. Редигер не удержался, чтобы не спросить: что это за маленькая девочка, которую Государь вел за руку. – Ах, это Алексей Николаевич (Наследник), – смеясь, сказал Государь. – Он донашивает платья своих сестер, вот Вы и приняли его за девочку.

Шавельский о. Георгий. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 56.

Всегда и везде чарующе прост, добр и ласков был ко всем нам Государь Император!..

Могу ли я забыть совершенно неожиданное посещение нашего лагеря Государем, ночью с 25-го на 26-ое июня 1906 года. Его Величество возвращался от принца П. А. Ольденбургского, командира стрелков Императорской Фамилии. Царский открытый автомобиль, медленно шедший, был окружен толпою наших офицеров и солдат. Солдаты, выскочившие из палаток, были в шинелях, накинутых прямо на белье! Это было необычайное посещение нас Государем. Особой близостью, задушевностью веяло от этого ночного Его приезда; была какая-то особая интимность в этом неожиданном Его появлении, в Его задушевной с нами беседе и ласке!..

А 19-ое июля того же года, когда весь наш полк – и офицеры и солдаты, – были в «Александрии», в гостях у Царской Семьи, – «запросто», – как изволил сказать тогда Государь... Разве можно забыть слова Царя, обращенные к нам: «Я рад, господа офицеры, принять вас у себя – запросто; поблагодарить вас за вашу неизменно-ревностную и верную службу. Я уверен, что и впредь лейбгвардии Финляндский полк будет так же доблестно служить Мне и Родине. Еще раз, господа офицеры, сердечно благодарю вас! Спасибо и вам, братцы.»... Разве можно забыть, как Государыня Императрица изволила сама разливать чай и как офицеры были осчастливлены получить из рук Ее Величества чашку чая... Разве можно забыть, с какой нежностью и любовью смотрел Государь на Своего Сына – Наследника, нашего Шефа, когда

Он резвился и бегал с Великими Княжнами, Своими сестрами...

И следующие слова Государя: «Алексей ищет в оркестре свой любимый музыкальный инструмент, «бум-бум», – турецкий барабан!» Увы, в нашем «егерском» – легком полку – его не было.

Как необычайно счастливы были солдаты, которым было дано царское угощение, которых обходил Государь и мило-стиво обращался к ним с разными вопросами.[...]

Ходнев Д. Император Николай II Державный Вождь Российской Армии (из воспоминаний рядового-офицера). В кн.: Государь Император Николай II Александрович. Сборник памяти 100-летия со дня рождения. Нью-Йорк, 1968. С. 144.

Воскресенье. 13 августа 1906 г. Ездили с женой, Татяной, Костей, Олегом и Игорем отдать визит сестре Императрицы, Виктории Баттенбергской, которая, побывав у Эллы в Ильинском⁵⁴, вторую неделю гостит у Их Величеств в прибрежном дворце. Пока мы сидели у Виктории, всех нас позвали пить чай к Их Величествам. Туда в столовую пришли все четыре дочери, и тоже – к великой радости наших детей – и двухлетний Цесаревич. Обойдя кругом чайный стол и со всеми поздоровавшись, он забрался на колени к матери;

⁵⁴ *Ильинское* – подмосковная резиденция Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

подле нее сидел Игорь, и маленький Наследник охотно перешел к нему на колени, называя его как незнакомого «Новый». Потом мои мальчишки и царские девочки весело с ним возились на полу. [...] Наши были в восторге.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 56.

Император Александр III часто ходил в плавание в шхеры и подолгу имел пребывание как на «Царевне», так и на «Полярной Звезде»⁵⁵. Государь же Николай II до 1905 г. не ходил в шхеры и вообще в продолжительные плавания, так как дети были маленькие, и к тому же была война. Только осенью 1905 г. было известное свидание в финских шхерах Государя с Германским Императором. Свидание было на «Полярной Звезде», так как «Штандарт» менял как раз котлы. В том же году Государь пошел на той же «Полярной Звезде» и в плавание, уже со всей семьей. Про это первое довольно продолжительное плавание я могу сказать только со слов других. Но оно послужило как бы началом последующих ежегодных плаваний на «Штандарте», и вот, может быть, почему:

Государыня Александра Феодоровна до этого времени не знала Финляндии и ее шхер. И тихая красота, пустынные лесистые островки, прекрасная осенняя погода, оригинальная красочная расцветка природы – этих полей с травой, этих

⁵⁵ «Царевна» – яхта, принадлежавшая Императору Александру III. «Полярная Звезда» – яхта, на которой плавала Императрица Мария Феодоровна.

камней с пушистым и мягким мхом, смесь сосен и елей с березами, столь нежными и филигранными – все это, очевидно, произвело особое впечатление на Ее Величество, так как гармонировало с характером Государыни, любившей тихую скромную жизнь, имевшей чуткую поэтическую и художественную натуру и оценившей сразу всю особую прелесть шхер, их покой, тишину и отрезанность от нашего бурного и порой несносного мира.[...]

Государь же знал шхеры по плаваниям со своим отцом, с которым всегда плавала вся семья, хотя из остальных детей Александра III шхеры любила и ценила только Великая Княгиня Ольга Александровна, впрочем, тоже художественная и артистическая натура.

Вот, по-видимому, это первое плавание на «Полярной Звезде», после тяжелого года войны, рождения страстно ожидавшегося Наследника, и вселило в Государыню ту любовь, с которой Царская Семья в течение многих последующих годов проводила свой отдых в шхерах на «Штандарте».[...]

В пять часов вечера 26 августа 1906 г. императорская яхта «Александрия» пришла под брейд-вымпелом Его Величества из Петергофа на малый Кронштадтский рейд с Их Величествами и августейшими детьми.

Для встречи Государя на яхте при приближении играли «встречу», какой-либо марш.[...] «Штандарт»[...] – наибольшая яхта в мире, если не считать пассажирских парохо-

дов, превращенных в яхты. Судно, кроме верхней, имело две палубы – царскую и жилую. Царская палуба начиналась брашпильным отделением, где была машина для подъема якорей. И широкая белая переборка, отделявшая хронометрическую каюту. Затем начиналось офицерское отделение.[...]

Котельные кожухи выходили к машинному люку, кругом коего было свободное пространство.[...] Тут же, в конце машинного люка, собиралась походная судовая церковь. В этом месте помещалась судовая икона, подарок Государыни Императрицы, прекрасный образ «Хождение по водам Спасителя», копия коего была также и в командной палубе.[...]

Затем шли царские каюты. Начинались они вестибюлем с широкой лестницей с верхней палубы, из которого был вход в личную гостиную Их Величеств, довольно большую каюту с пианино, круглым диваном посредине и подвижной мебелью по бокам. В этом помещении Великие Княжны занимались уроками и игрой на фортепиано.[...] Вся отделка яхты была выдержана в строго английском вкусе, никакой позолоты, украшений или лепной работы, но эта простота, этот хороший вкус были и выглядели гораздо богаче всякой роскоши и блеска.[...]

Из этой гостиной по правому борту были двери в кабинет Ее Величества и, рядом, в кабинет Государя. Кабинет Ее Величества был обтянут обыкновенным блестящим чинсом-коленкором в цветах. Мебель палисандрового дерева была обита той же материей. У полупортика был письмен-

ный стол, по бокам диваны и трельяжи. На стенах висели семейные группы и картины, но ничего примечательного. Рядом с кабинетом была спальня Ее Величества, так как Государь имел отдельную, рядом со своим кабинетом.

В спальне была кровать берегового образца с вензелями Ее Величества, всем известными «А. Ф». Каюта была обита тоже чинсом в светлых тонах.

У полупортика был туалет, в другом углу зеркальный шкаф. Все изголовье кровати было увешано иконами, кои всегда оставались на яхте. Больше всего было изображений Божией Матери с младенцем и Серафима Саровского. На отделке парового отопления при плаваниях раскладывали еще массу образков и икон, и всегда горела лампада.

Далее была уборная и ванна. [...] Из уборной узкий трап вел вниз, в каюты августейших детей, где они помещались, на свитской палубе, до 1912 года, когда каждая Великая Княжна получила отдельную каюту на царской палубе. До этого же года Княжны помещались по две.

Кабинет Его Величества был темно-зеленой кожи, а стены покрыты линолеумом или пергамидом серого цвета. Между двумя полупортиками помещался очень большой письменный стол, а рядом книжный шкаф-библиотека.[...] На стенах были картины русских морских сражений, и в последнее время это были находки-подношения кап. 2 ранга И. А. Виноградского (бывшего адъютанта генерал-адмирала Алексея Александровича), которого Государь очень любил за острый

ум и как отличного морского офицера. Спальня Его Величества была в темных цветах, мебель красного дерева, а кровать тоже берегового образца, с вензелями, как Государев шифр.[...]

Из гостиной на корму шел коридор, в который выходили две каюты по правому борту, и сперва в них помещались фрейлины, а потом их переделали под каюты Великих Княжон Марии и Анастасии Николаевен.[...]

Из вестибюля по левому борту была дверь в нижнюю личную столовую Их Величеств, коей они никогда не пользовались, и скоро эту столовую разделили на две каюты для Великих Княжон Ольги и Татианы Николаевен.

Из гостиной по левому борту дверь вела в две каюты Наследника Алексея Николаевича. Первая была игровой комнатой в Его младенческие годы, а потом классной. Это была большая каюта, обитая чинсом в очень крупных цветах – хризантемах, и лишняя мебель была вынесена, чтобы дать место игрушкам, а впоследствии учебным пособиям. Рядом была спальня с кроватью, тоже берегового образца, но вензеля были Государыни Марии Феодоровны. Однако Государыня Мария Феодоровна ни разу не плавала на «Штандарте», любя и предпочитая свою «Полярную Звезду». Наследник же спал на походной кроватке, сперва обыкновенной детской с высокими никелированными сетками и потом обыкновенной палаточной. Точно так же и Великие Княжны – сперва спали на походных кроватях, пока не получи-

ли каждая отдельную каюту. На большой же кровати спала сперва няня М. И. Вишнякова, а потом боцман Деревенко, когда Наследник бывал болен и часто доктор Деревенко, а впоследствии воспитатель швейцарец г-н Жильяр. За спаль-ной была уборная и ванна. [...] За этими каютами шли две каюты Великого Князя Михаила Александровича, бывшего Наследника, но, так как он никогда на яхте не плавал, ее за-нимала либо статс-дама Е. А. Нарышкина, или одна из фрей-лин. Точно так же в ней помещалась при плаваниях сестра Государя Великая Княгиня Ольга Александровна. Все каю-ты были скорее очень скромно обставлены. Никакой роско-ши, особого убранства, но очень уютно. [...] Широкий трап из царской палубы вел в нижний коридор, в который выхо-дили свитские каюты. По правому борту первые три каюты занимались в первые годы плаваний Великими Княжнами с состоящими при них девушками. Это были обыкновенные каюты, для Княжон довольно бедные, с ваннами в них же, что было одним из недостатков и промахов при постройке. Тут же были столики для туалетов и гардеробы, в общем это были не подходящие для августейших детей помещения, но Их Величества находили, что пока Княжны маленькие, им хорошо и тут. Впрочем, Княжны чрезвычайно любили свои каютки в эти годы их первых плаваний. Воспитание Кня-жон, несмотря на нежнейшую любовь родителей, было стро-гое.[...]

Верхняя палуба «Штандарта» была очень открыта и не за-

громождена надстройками. С бака, с самого носа, и до юта открывалась отличная покатая перспектива, покрытая идеально пригнанными и, конечно, содержащимися в чистоте палубными досками американского производства, которые между собой были залиты обыкновенным судовым варом – составом смолы с канифолью.[...] Командный мостик был построен над небольшой рубкой, за фок-мачтой, в которой была каюта для ведения вахтенного журнала на якоре и походная каюта командира, состоявшая из небольшого кабинета и спальни. На командном мостике была ходовая рубка, состоявшая из штурвального отделения и штурманской рубки. Здесь же находились ящики с сигнальными флагами, а крылья этого мостика заканчивались так называемыми «фонарями», как бы прикрытием из трех переборок с зеркальными стеклами, с диванчиками, что являлось прекрасной защитой от ветра и непогоды. Эти фонари были любимым местопребыванием Их Величеств на ходу и особенно августейших детей. Над этим мостиком был еще очень легкий и ажурный мостик, специально для управления при входах на рейды и в гавани, и на нем же стоял вахтенный начальник на ходу, и был штурвал, соединявшийся с главным в штурвальной рубке.[...] Машинный люк был очень больших размеров, великолепной работы. Он был покрыт целой массой никелированных решеток, прикрытий зеркальных стекол и содержался в идеальной чистоте, что было гордостью наших инженеров и машинной команды. Таковыми же решетками

были прикрыты и прочие все световые люки на яхте.

Дальше, на шканцах, почетном месте всякого военного судна, стояла царская рубка-столовая, которая также служила приемной в торжественных случаях. Передняя часть рубки состояла из двух помещений – маленького салона, из которого широкий трап вел в царскую палубу, в переднюю перед нижней гостиной, и приемного кабинета Государя. Впрочем, Государь в нем никогда не принимал, спускаясь с министрами и докладчиками для докладов в свой нижний кабинет. [...] Остальная часть царской рубки была столовая на 70 человек. На поперечной переборке при входе в нее было громадное зеркало с жардиньерками для цветов, в котором отражалась вся эта длинная столовая с громадным столом посередине и проходившей через нее бизань-мачтой. На мачте был большой образ св. Георгия Победоносца и электрические часы. Мачта проходила через закусочный стол, который можно было присоединять к большому столу в случае больших и парадных обедов. В конце рубки стояло пианино. Стены рубки были обшиты панелями из белого клена, с голубым линолеумом, а между окон были жардиньерки для цветов. Рубка кроме окон имела верхний фонарь, или световой люк, во всю свою длину, дававший массу света и воздуха. [...] По бокам рубки стояли диваны, а кругом стола – стулья обыкновенного берегового фасона, обитые синим шагренем. [...] На стенках рубки висели картины исключительно судов русского флота. [...] Можно сказать, что таковой рубки мы не

встречали ни на одной яхте других монархов, и она, по своему великолепию и простоте в то же время, была исключительна. [...] Снаружи рубки расстановливалась плетеная мебель, и был всегда растянута двойная палатка.[...] Здесь по бокам рубки, смотря по ветру и солнцу, всегда сидели Их Величества и дети, а также свита.

Ют был больших размеров, царская рубка кончалась навесом, под которым помещались диваны, и стояла плетеная мебель. На этом юте постоянно играл в разные игры Наследник. Тут же находился кормовой шпиль для швартовки. Его можно было приспособлять как карусель: в него вставлялись четыре коромысла с плетеными креслами – это был подарок столярного цеха Балтийского судостроительного завода.[...]

Судно при постройке имело следующие шлюпки: с носу, по правому борту: капитанская гичка, шестерка, паровой катер № 3, 6-ти весельная баржа, царский паровой катер № 1 и 14-ти весельный офицерский катер № 1. По левому борту – вельбот двойка – любимая прогулочная шлюпка Государя, паровой катер № 4, 6-ти весельная баржа № 2, царский паровой катер № 2 и 14-ти весельный офицерский катер № 2. Офицерские 14-ти весельные катера бывали спасательными на ходу, то есть не заваливались вовнутрь. Но вскоре были заведены моторы, царский с закрытой рубкой, с 14-ти узловым ходом в 70 сил постройки Макса Орца в Киле и два [...] открытых мотора, однотипных, весьма быстроходных и поместительных.

Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». Посвящается священной памяти незабвенных хозяев // Морские Записки: ежемесячный журнал, издаваемый обществом Русских Морских Офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1947. Т. V. № 1. С. 31–32; № 2. С. 31; № 1. С. 6–24.

Среда, 6 декабря 1906 г. В 4 ч. было назначено депутации от Алексеевского училища явиться к Их Величествам и Шефу в Александровском дворце. Их Величества приняли ее; был тут и очаровательный маленький Наследник. Ему особенно понравился фельдфебель Сопов.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 56.

Суббота. 9 декабря 1906 г. Художнику Кустодиеву.[...] Финляндским полком заказана картина, изображающая прошлогодний церковный парад в полку в Царскосельском манеже, когда Государь, обойдя строй, нес на руках Шефа полка, маленького Цесаревича. В толпе идущих с Государем находился и я.[...]

Там же.

Государь, как и вся Семья, был глубоко верующим. Он был Русским Православным Царем. Молитвою начинался, молитвою и кончался Его трудовой день. Перед каждым се-

рьезным делом Он не спеша истово осенял себя крестным знамением, призывая себе в помощь Господа Бога. Смирение перед Господней волей было отличительной чертой глубоко верующего Царя. «Да будет воля Твоя», – с этой молитвой прошел Он весь свой крестный путь вплоть до мученической кончины. Помню, солдаты наши неоднократно обращали свое внимание на то, как усердно и истово молился Государь... Я вспоминаю обедню в воскресенье 10-го декабря 1906 года в церкви Царскосельского дворца, когда я впервые увидел Государя молящимся. Я был поражен благочестием, смирением и усердием, с коими молился Царь. Было видно и чувствовалось, что Он действительно молится, забывая обо всем постороннем и как бы уходя от всего окружающего в мир иной... В последние годы Царская Семья почти не пропускала богослужений в Государевом Феодоровском соборе, где молилась постоянно, начиная с первого дня, как был отстроен и освящен этот удивительно красивый и так располагавший к молитве храм.

Прикладываясь ко св. кресту или принимая благословение пастыря, Государь и вся Семья постоянно со смирением лобызали священнику руку, хотя бы это был самый простой деревенский батюшка.

Все православные церковные правила и обычаи строго выполнялись Царской Семьей, – посты, исповедь, св. Причастие, христосование.

На Пасху Государю приходилось христосоваться со мно-

жеством православных людей всех рангов. Дворцовые карачулы, несшие наряд в Светлую ночь, имели счастье в полном своем составе христосоваться с Государем, получая из Его рук пасхальные яйца.

Ходнев Д. Император Николай II Державный Вождь Российской Армии (из воспоминаний рядового-офицера). В кн. Государь Император Николай II Александрович. Сборник памяти 100-летия со дня рождения. Нью-Йорк, 1968. С. 134–135.

Понедельник, 11 Декабря. Царское Село. [...] В большом Царскосельском дворце в картинной зале была прибавка знамен полков л. – гв. Финляндского и Волынского по случаю наступающего 12 декабря их столетних юбилеев. Государь и Императрица Александра Феодоровна привезли и маленького Цесаревича. Он был завит и одет в белую русскую, шитую серебром рубашечку и шароварчики, оставлявшие колени голыми. Маленький совсем не стеснялся и свободно расхаживал вокруг стола, на котором лежали знамена. Прибавив первый гвоздь знамени Финляндского полка, Государь взял на руки Наследника, дал ему молоток, и малютка тоже вбивал гвоздь.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 56.

Вторник, 12 Декабря. Поехали с женой в Царское, в ма-

неж на парад по случаю праздника и 100-летнего юбилея полков лейбгвардии Финляндского и Волынского... Несмотря на 15-градусный мороз, маленького Цесаревича привезли в манеж, и Государь нес его на руках, идя за о. Желобовским, кропившим строй св. водой.

Там же.

В январе 1907 года л. – гв. Атаманскому полку, все лето простоявшему на усмирении бунта латышей в Лифляндской губернии, был назначен Высочайший смотр в Царском Селе. Последние две недели перед смотром мы постоянно учились в Михайловском манеже, готовя полк к параду в конном строю. Лошади были прекрасно подобраны, вычищены, все заново подкованы, шинели прямо из полковой швальни.

Накануне смотра полк выступил походом из Петербурга и пришел на площадку перед Большим дворцом, где и сделал репетицию. Полк ходил идеально.

Вечером офицеры полка были приглашены к высочайшему столу. В одиннадцатом часу ночи, когда Государь, удостоивший милостивой беседы офицеров, уехал из дворца, Великий Князь Николай Николаевич, провожавший Государя, вернулся и передал командиру:

«Государь Император хочет показать полку Его Шефа, Наследника Цесаревича. Так как погода ненадежна, Его Величество приказал смотр произвести в пешем строю, в гарнизонном манеже».

Парада в пешем строю мы не репетировали, во всяком случае, готовясь к конному строю, мы потеряли «ногу». За-ведующий хозяйством из экономии, чтобы не мять, поддел под шинели старые голубые мундиры и шаровары второго срока...

И вот с последним поездом сотенные каптенармусы и по 10 человек от каждой сотни помчались в Петербург, всю ночь грузили мундиры и в 4 часа утра с экстренным поездом отправили в Царское Село. В 4 часа люди были подняты, накормлены, и мы занялись пригонкой обмундирования для нашего парада. В семь часов утра мы были в Манеже и в сумраке зимнего дня репетировали, добиваясь «ноги».

В одиннадцать часов длинной голубой лентой вытянулся полк вдоль манежа.

Чисто вымытые, с завитыми кудрями, лица казаков были свежи и румяны. Первое возбуждение скрадывало усталость бессонной ночи. Наконец, распахнулись ворота.

Командир полка скомандовал: «...шай! На караул!»

Дрогнули шашки, вытянулись вперед, взметнулись малиновые кожаные темляки и замерли. Трубаچی заиграли полковой марш. Государь взял на руки Наследника и медленно пошел с Ним вдоль фронта казаков.

Я стоял вдоль фланга своей 3-й сотни и оттуда заметил, что шашки в руках казаков 1-й и 2-й сотен качались. Досада сжала сердце: «Неужели устали? Этакие бабы!.. разморились». Государь подошел к флангу моей сотни и поздоровал-

ся с ней. Я пошел за Государем и смотрел в глаза казакам, наблюдая, чтобы у меня-то, в моей «штандартной» вымуштрованной сотне, не было шатания шашек.

Нагнулся наш серебряный штандарт с черным двуглавым орлом, и по лицу бородача, старообрядца красавца вахмистра, потекли произвольные слезы.

И по мере того, как Государь шел с Наследником вдоль фронта, плакали казаки и качались шашки в грубых, мозолистых руках, и остановить это качание я не мог и не хотел.

Краснов П. Н.⁵⁶ Памяти Императорской Русской Армии // Русская Летопись: издание «Русского Очага» в Париже. Париж, 1923. Кн. 5. С. 26–28.

Суббота, 17 Февраля. Павловск. 18 Февраля 1907 г. Царское Село. Настала 175-я годовщина открытия 1-го кадетского корпуса. [...] В царской ложе увидали обеих Императриц и малютку Цесаревича. Итак, корпусу было оказано самое полное внимание.[...] Перед тем, как идти за о. Желобовским, кропившим строй, Государь вошел в ложу, взял на руки Цесаревича и пронес его вдоль фронта. Я наблюдал за лицами офицеров и кадет; на многих выражались радость, восторг, растроганность.[...]

Дневник Великого Князя Константина Константи-

⁵⁶ Краснов П. Н. (1869–1947) – генерал-лейтенант, известный русский писатель, автор произведений, посвященных истории казачества. В 1918 г. атаман Войска Донского, командующий казачьей армией. С 1913 г. эмигрант. После Второй мировой войны выдан Советскому правительству и повешен.

новича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 57.

Вчера праздновали 100-летний юбилей Константиновского артил. училища. Был отличный парад в манеже, затем обед юнкерам в большом зале, как прошлый раз 1-му кадетскому корпусу.

Мы завтракали с начальством и бывшими воспитанниками. Твой внук был тоже на параде.

15 Марта 1907 г. Царское Село

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2330.

Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу.

Верую и веруем, что радость наша Цесаревич вырастет на радость Державных Родителей и всей земли Русской. Спаси Тебя и сохрани силы Небесных Воинств. Любящий Тебя грешн. ар[химандрит] Варнава.

Письмо архимандрита Варнавы (Накропина) Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 77.

Суббота, 17 Марта 1907 г. Переночевав в Мраморном, с 9-ти часовым поездом поехал в Царское Село на Высочайший смотр кадетским корпусам Николаевскому и Александра II. [...] Императрица с Наследником и няней сидели

в ложе. Кадеты оглушительно кричали ура.[...]

Их Величества собирались уезжать из манежа, а маленький Цесаревич вырвался от няни и вбежал из задней комнаты в ложу; завидев его, кадеты Александровского корпуса, стоявшие как раз против самой ложи, опять крикнули ура.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 57.

Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Алексею Николаевичу.

Будущей отраде и Надежде Русского Народа, духом благословляю будущего Царя.

Христос Воскресе, Дорогой Наш Цесаревич. Храни Вас Господь и умудри. Простите меня за просьбу, т. к. беру смелость просить Вас попросить Ваших царственных сестер простить меня за позднее послание, но до Вознесения еще далеко, т. что вр[емя] Христосывания не прошло.

Грешн. ар. Варнава.

Письмо архимандрита Варнавы (Накропина) Цесаревичу.// ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 77.

12-го Апреля. Четверг. В 10 ½ отправились втроем с Алексеем ко дворцу на смотр молодых матросов Гвардейского экипажа. Они были сведены в четыре роты и представились отлично, в особенности 4-я рота.

Дневник Государя Императора Николая Алексан-

дровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 252.

Суббота, 14 Апреля 1907 г. Павловск. В Царскосельском манеже Высочайший смотр 2-му кадетскому корпусу... После прохождения церемониальным маршем Государь взял на руки Цесаревича и пронес его вдоль фронта.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 57.

В первый раз в своей жизни я видел Государя в 1907 году в мае месяце... Это было во время второй Государственной Думы. [...]

Нас было сравнительно немного тогда, членов Государственной Думы умеренных воззрений. Отбор был сделан в первый же день провокационным с нашей стороны способом. Когда Голубев читал Указ об открытии Думы, при словах: «по указу Его Императорского Величества» – все «порядочные» люди встали. Все «мерзавцы» остались сидеть. Порядочных оказалось, кажется, 101, и сто первым был П. Б. Струве.

Сто человек удостоились Высочайшего приема, причем мы были приняты небольшими группами в три раза. Это был чудный весенний день, и все было так внове. И специальный поезд, поданный для членов Государственной Думы из Царского Села, и придворные экипажи и лакеи, более важные, чем самые могущественные вельможи, и товарищи по Ду-

ме во фраках, разряженные как на бал, и вообще вся эта атмосфера, которую испытывают, так сказать, монархисты по крови, – да еще провинциальные, когда они приближаются к Тому, Кому после Бога одному повинуются.[...]

Это было в одном из небольших флигелей дворца. В небольшом зале мы стояли овальным полукругом. Поставили нас какие-то придворные чины.[...] Прием был назначен на два часа. Ровно в два, соблюдая французскую поговорку «l'exactitude c'est la politesse des rois»⁵⁷, кто-то вошел в зал, сказав:

– Государь Император...

Полуовальный кружок затих, и в зал вошел офицер средних лет, в котором нельзя было не узнать Государя (в форме стрелков – малино вая шелковая рубашка у ворота), и дама высокого роста – вся в белом, в большой белой шляпе, которая держала за руку прелестного мальчика, совершенно такого, каким мы знали его по последним портретам – в белой рубашечке и большой белой папаше. Государыню узнать было труднее. Она не похожа была на свои портреты. [...]

Государь начал обход.[...] Рядом со мной стоял профессор Г. Е. Рейн, а потом – Пуришкевич.[...] Государь подвинулся к нему – так как он имел, видимо, привычку это делать, так сказать, скользя вбок, по паркету. [...] Государь перешел к следующему – профессору Г. Е. Рейну и говорил с ним некоторое время. Георгий Ермолаевич отвечал браво,

⁵⁷ Точность – вежливость королей.

весело и как-то приятно. После этого Государь подошел ко мне.

Наследник в это время рассматривал фуражку Г. Е. Рейна, которую он держал на опущенной руке как раз на высоте глаз ребенка. Он, видимо, сравнивал ее со своей белой папкой. Рейн наклонился, что-то объясняя ему. Государыня просветлела и улыбнулась, как улыбаются матери.[...] Обойдя всех, Государь вышел на середину полукруга и сказал краткую речь. [...] Государь говорил негромко, но очень явно и четко. Голос у него был низкий, довольно густой, а выговор чуть-чуть с налетом иностранных языков. Он мало выговаривал букву «ять», почему последнее слово звучало не как «крѣпла», а почти как – «крепла».[...]

Этот гвардейский акцент – единственное, что показалось мне, провинциалу, чужим. А остальное было близкое, но не величественное, а, наоборот, симпатичное своей застенчивостью.[...]

Странно, что и Государыня производила то же впечатление застенчивости. В ней чувствовалось, что за долгие годы Она все же не привыкла к этим «приемам». И неуверенность Ее была бóльшая, чем робость Ее собеседников.

Но кто был совершенно в себе уверен и в ком одном было больше «величественности», чем в его обоих царственных родителях, – это был маленький мальчик – Цесаревич. В белой рубашечке с белой папкой в руках ребенок был необычайно красив.

Шульгин В. В. Дни. Белград, 1925. С. 244–250.

2 Мая. Суббота. Около 11 час. отправился верхом в морском сюртуке на Дворцовую площадку, Аликс с Алексеем в шарабане. Произвел смотр молодым матросам Балтийского флота в числе 2200 чел. После церем[ониального] марша сделал одной роте учение. Люди имели отличный вид и обучены хорошо.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 252.

23-го Мая. Среда. Встал в 8 ¼. Алексей ворвался в это время и заставил меня поторопиться с мытьем и одеванием.

Там же.

31-го Мая. Вознесение. В день полкового праздника Орлов привез маленький мундир Уланского полка для Алексея.

Там же.

12-го Июня. Вторник. Покатались в море – Аликс со мною в одной шлюпке, Мари и Алексей с Деревенько [...] в другой.

Там же.

13-го Июня. Среда. После прогулки представились у Фермы 5 каза ков при конвое Наместника в малиновых черкесах и белых бешметах. Алексей тоже смотрел их со мною.

Там же.

30-го Июля. Понедельник. По случаю своего рождения Алексей назначен шефом 43-го драгунского Тверского полка и 262-го резервного Сальянского п[олка] и зачислен в списки 13-го драг[унского] Алек сандрийского полка. Приняли депутацию Самарского дворянства. – Она поднесла ему красивый складень. [...] Мама прибыла из Гатчины через $\frac{3}{4}$ часа. В 4 $\frac{1}{2}$ начался объезд прямо из дворца. Алексей ехал с Мамой, сидя на коленях Аликс.

Там же.

Свадьба моя была 30 апреля 1907 г. в церкви Большого Царскосельского дворца.[...] В августе Их Величества пригласили нас сопровождать их на «Штандарте» во время путешествия по финским шхерам. Тут случилось несчастье, трудно объяснимое, так как на «Штандарте» всегда находились лоцмана. Был чудный солнечный день. В 4 часа все собрались в верхней рубке к дневному чаю, как вдруг мы почувствовали два сильных толчка; чайный сервиз задребезжал и посыпался со стола. Императрица вскрикнула. Мы все вскочили. Яхту начало кренить на правый борт; в одну минуту вся команда собралась на левый борт и стали заботиться об Их Величествах и детях. Государь успокаивал всех, говоря, что мы просто сели на камень. Матрос Деревенько кинулся с Наследником на нос корабля, боясь разрыва котлов, что

легко могло случиться. Моментально у правого борта стали миноносцы, конвоирующие яхту, и детей с их няньками перевели на финский корабль. Государыня и я бросились в каюты и с поспешностью стали связывать все вещи в простыни, мы съехали с яхты последние, перейдя на транспортное судно «Азия». Детей уложили в большую каюту, Императрица с Наследником поместилась рядом, а Государь и свита в каютах наверху. Всюду была невероятная грязь. Помню, как Государь принес Императрице и мне таз с водой, чтобы помыть руки... На следующий день пришла яхта «Александрия», на которую мы и перешли и жили две недели очень тесно, пока не пришла «Полярная Звезда». На яхте «Александрия» Государь спал в рубке на диване, дети в большой каюте, кроме Алексея Николаевича. Напротив – Государыня, около нее – Наследник с М. И. Вишняковой. Я спала рядом на диване. Наверху в двух маленьких каютах помещались княжна Оболенская и адмирал Нилов. Свита, в том числе и мой муж, остались на финском корабле. Бедный «Штандарт» лежал на боку. День и ночь работали машины, чтобы снять его со скалы.

Танеева АЛ. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Кн. 4. Париж, 1922. С. 30–32.

Так отрадно было провести день именин Алексея на яхте

среди моряков. [...] Нилов с офицерами ему подарили мундирчик Гвардейского экипажа, который он надел на минуту после завтрака, но ни за что не хотел взять даже в руки треугольную шляпу.

10-го Окт. 1907 г. Петергоф

Письмо Государя Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2330.

Так как живете во славе и питаете славу Великого Самодержавца нашего Алексея Николаевича. Ах! Какое глубокое слово и неоцененная цифра. Не глубокий ли это привет о таком юноше. Показывай ему маленькие примеры Божьего назидания, во всех детских игрушках ищи назидания. Резвиться ему побольше давай: пускай резвится на все – как видел он невестой украшенной Божью славу и Твой пример глубоко, глубоко останется в душе его Духовного назидания, п[аче] ч[аяния] из дивных дивный, премудрый мудрец сей юноша. Наша мать слава есть на небесах. Наш отец – в вышнем чертоге. Будем надеяться, что там наслаждение без усталости и радость неописанная и за все это есть благо главное любви, а во-вторых храм и причащение. Коли бы во всем полюбить, не возгордиться, и будем здесь в славе, и на небесах в радости. Конечно, враг лезет, что мы у высоких и высоки, но это его коварность.[...]

12 ноября 1907 г.

Приветливое Царское Село все сияет под лучами зимнего солнца. Весь городок в снегу, а над ним ласково плывут низкие облака, и он точно смеется и радуется чему-то.[...] Меня ведут к большому дому с белыми колоннами, стоящему за высокой оградой. Вокруг него столпились замороженные зимой деревья. Этот белоснежный дом так велик и прекрасен, что я не могу на него наглядеться. Мне говорят, что это дворец, что в нем живет Царь нашей Русской земли и что сейчас я Его увижу. Мое сердце начинает биться быстро, быстро, до боли... Руки совсем заledenели в маленькой теплой муфте, нога делаются тяжелыми и словно прирастают к земле. Все мое маленькое существо дрожит при мысли, что исполнится самая заветная детская мечта: я увижу нашего Царя. Это волнение никем не внушено, оно само по себе волшебнo рождается в детской душе, в которой уже родилась любовь к родине. Вот ворота широко раскрываются, и в них въезжает тройка, запряженная вороными конями, длинные волнистые хвосты лошадей почти касаются снежной дороги. Ими правит широкий кучер, одетый в синий казакин; у него длинная русская борода и много медалей на могучей груди. Сани пусты. Они подъезжают к дворцу и останавливаются у подъезда. Я напряженно жду... в висках стучат два молоточка, они отбивают секунды, которым нет конца... Вот на

широких длинных ступенях показываются два лакея и останавливаются по бокам дверей, а третий спускается к саням. Еще минута, и в дверях показывается невысокая фигура казака, позади него идет маленький мальчик, одетый в морскую форму. Сердце сильно ударяется и замирает... Прежде чем мне сказали, кто этот казак, одетый в синюю черкеску с золотым позументом, я уже знаю, что это «Он» и что мальчик, спускающийся быстро по ступенькам, – наш Наследник. Вот Они сели в сани, вот Их покрыли синей полостью, вот лошади медленно едут к воротам; коренная гордо поднимает голову, пристяжные идут, танцую, с выгнутыми вбок лебедиными шеями, под дугой звенит русский колокольчик свой свежий прозрачный звон; могучие статные фигуры полицейских, одетых в серое, вытягиваются, все руки одновременно прикладываются к козырьку и застывают. Тройка выехала за ворота и медленно проезжает мимо меня. Она проезжает так близко, что мое лицо опускается снегом от ее полостей. Я вижу два лица: одно грустное и утомленное, другое – детское, смеющееся и розовое. Быстро промелькнули эти лица, но я охватила их очертания так четко, так ясно, что они на всю жизнь запечатлеваются в моей памяти. И сейчас мне светит тот же взгляд добрых синих глаз Царя, та же грустная улыбка, с которой Государь ответил мне на низкий поклон... Мне смеется то же прелестное личико Цесаревича, искрятся тем же детским любопытством большие лучистые глаза, и маленькая пухленькая ручка чинно прикладывается к мат-

росской шапочке, на которой золотыми буквами написано: «Штандарт».

Офросимова С. Я. Царская Семья: из детских воспоминаний // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Париж, 1925. Кн. 7. С. 227–229.

Дорогой мой маленький Алексей, Мама тебя крепко и нежно целует. Ужасно хочу тебя видеть. Твоя старая собственная Мама.

31 декабря 1907 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 51.

2/15. Среда. Январь. Царское Село. [1908 г.] Сидела дома и играла со всеми и Алексеем с его шлюпкой, которая называется «Морячок».

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 18.

3-го января. Четверг. У бедного Алексея ночью заболело ухо – и он почти не спал. Днем боль унялась, и к вечеру он себя чувствовал бодрым и был весел.[...]

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 252.

5-го Января. Суббота. После чая долго сидел у Алексея,

кот. был в отличном настроении духа.

Там же.

6-го Января. Крещение Господне. После чая долго сидел у Алексея.[...]

Там же.

6-го января 1908 года мы с Иоанчиком присягали в церкви Большого дворца в Петергофе.[...] Государь поздравил меня и Иоанчика флигель-адъютантами.[...] На следующий день мы с Иоанчиком[...] поехали к Государю – явиться по случаю назначения флигель-адъютантами.[...] Свита Государя была настолько велика, что дежурство каждого при особе Государя бывало не чаще, чем один раз в месяц.[...] Перед обедом [...] приходил скороход и приглашал меня от имени Их Величеств к обеду. Обед бывал в будуаре у Императрицы. Бедная Государыня обыкновенно плохо себя чувствовала и обедала полулежа. Она бывала очень красиво одета в вечерний халат с кружевами и в чудесных жемчугах. [...] Наследник в первые годы моих дежурств обедал у себя в детской и затем приходил вниз, к Императрице, в голубом халатике, он был очень мил и красив. Из его комнат к Императрице был проведен домашний телефон, по которому он иной раз говорил с Императрицей во время нашего обеда.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце.
СПб. – Дюссельдорф., 1993. С. 55–59.

13-го Февраля. Среда. [...] В 2 ½ поехали в Большой дворец с Алексеем на прием 308 членов Государственной Думы. Сказал им несколько слов, затем вошла Аликс с Алексеем, и втроем мы обошли их. Они стояли группами по губерниям. В 3 часа уехали домой.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 252.

Бедный Алексей, играя с сестрами, неделю тому назад упал и ударился лицом об ножку стола. У него вскочила шишка под глазом и сделался огромный черный синяк, который теперь, к счастью, проходит.[...]

6-го марта 1908 г. Царское Село

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2330.

15-го Марта. Суббота. Долго работал с Алексеем и Деревенько у «сопки».

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 252.

Почти каждую субботу и воскресенье я ходила в церковь Сводного полка. Это была временная церковь, устроенная в небольшом зале, пока строился Феодоровский собор. Сюда приходила молиться только Царская Семья и некоторые при-

ближенные лица, остальное место занимали солдаты Сводного Стрелкового и Конвойного Его Величества полков. Перед иконостасом находилось небольшое возвышение, на нем во время службы стояла вся Царская Семья. Вдоль стен висели старинные иконы древнерусского письма. Из темных и золотых окладов величаво вырисовывались лики святых. Церковь почти всегда находилась в полумраке, лишь у иконостаса ярко горели свечи, озаряя Царскую Семью. Вся церковь имела строгий, но приветливый лик. Нигде не молились так искренно и глубоко, как здесь, ни в какой иной церкви не охватывало душу такое светлое умиротворенное чувство. В эти молитвенные тихие часы Государь был особенно дорог и близок моей душе. Особенно памятна мне одна всенощная. Я стою в церкви впервые после перенесенной тяжелой болезни. Прислонившись к стене от слабости, я напряженно ожидаю приезда Государя. Голова кружится все сильнее, а время тянется все медленнее, и мне горько до слез, что в этот вечер, когда мне так сильно хочется видеть Царскую Семью, Она не придет. Вдруг скрипнула боковая дверь и широко распахнулась... Струя свежего морозного воздуха ворвалась в церковь, поколебался свет лампад и свечей, на мгновение передо мной в раскрытую дверь мелькнула снежная дорога. По маленьким ступенькам быстро вошел Государь с Великой Княжной Ольгой Николаевной. Они проходят так близко от меня, что Государь задевает меня малиновым рукавом своей стрелковой рубашки. Он становится

на своем обычном месте. Сегодня Он бледнее обыкновенного, на лице тревога, но через несколько минут сосредоточенной молитвы тревога исчезает, покоем и просветлением дышат умиротворенные черты Его лица.[...] В церкви становится все жарче, кафельный дым вьется клубами под низкими сводами. Крупные капли пота выступают на бледном лице Государя. Он подзывает к себе адъютанта и тихо просит открыть боковую дверь. Снова видна снежная дорога, на которую падают быстро кружащиеся снежинки. Морозный воздух охватывает меня, пронизывает насквозь ослабевшее после болезни тело. Моя мать, напуганная моей болезнью, с тревогой накидывает на меня шубку и озабоченно спрашивает: «не холодно ли мне». Государь оборачивается на мой кашель и замечает, как моя мать меня укутывает. Его глаза с лаской и участием останавливаются на мне, затем Он снова подзывает адъютанта, и я слышу тихо, но четко сказанные им слова: «Закройте дверь, этой девочке холодно». Его приказание исполняется. Мы стоим несколько минут, взволнованные и растроганные, и затем уходим из церкви, чтобы дать возможность Государю снова открыть дверь, дышать морозными притоками свежего воздуха и горячо молиться до конца долгой службы.

Офросимова С. Я. Царская Семья (из детских воспоминаний) // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Париж, 1925. Кн. 7. С. 230–232.

Ты спрашиваешь про маленького Алексея, слава Богу, шишки и синяки у него прошли без следа. Он весел и здоров, как и его сестры. Я с ними постоянно работаю в саду, мы очищаем дороги от последних остатков снега.[...] 25-го был отличный парад Конной Гвардии; все дети присутствовали с Аликс.

27-го Марта 1908 г. Ц[арское]С[ело]

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2330.

Пятница, 28 Марта. (В Павловске, 29 Марта). Являлся Государю. Он принял меня в малиновой стрелковой рубашке, расспрашивал о моей болезни, выразил удовольствие меня видеть. Я доложил, что при зачислении Цесаревича в списки воинских частей, в коих Государь изволит состоять Шефом, были обойдены почему-то военные училища Павловское и Александровское и 1-й кад[етский] корпус. Он пожелал, чтобы зачисление Наследника в списки обоих училищ было объявлено к Пасхе.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 59.

31 Марта. Понедельник. В 10 час. отправились на Дворцовую площадку – я верхом, Аликс с Алексеем в коляске, на смотр 2500 новобранцев Кронштадтского порта и учеб-

ной команды строевых квартирмейстеров. Вызвал 3 роты и учебную команду, проделавшие ротное учение очень хорошо. Церемон[иальным] маршем все проходили отлично. Остался очень доволен видом молодых матросов. Вернулись домой в 11 ½ ч.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 252.

Цесаревич был вначале здоровым и жизнерадостным ребенком. Его страшная наследственная болезнь, гемофилия, проявилась лишь впоследствии. Мне хорошо помнится, как он, 3—4 лет, приходил к столу, когда подавали десерт, и, поболтав около родителей, подбегал к гостям и непринужденно с ними разговаривал, не проявляя застенчивости. Бывало, часто залезая под стол, Цесаревич хватал сидящих за ноги и был в восторге, когда эти лица пугались. Раз даже он стащил у одной из фрейлин башмак, с которым явился около Отца. Государь Его выбранил и приказал тотчас же вернуть обувь, что Цесаревич исполнил, но опять-таки под столом... вдруг фрейлина вскрикнула... Оказалось, что ребенок положил ей в башмак землянику. Конечно, холодное и мокрое прикосновение к ноге ее испугало. Наследника отправили в свои апартаменты и долгое время, когда бывали гости, не пускали в столовую, на что он очень жаловался. Больше под стол он не подлезал.[...]

Другой случай детской радости касается ручного соболя.

Я сидел у себя в канцелярии, изготавливая спешный доклад о придворных пожалованиях, и приказал никого не принимать. Входит старый курьер и докладывает:

– Осмелюсь доложить вашему превосходительству, что тут пришли старичок со старушкой прямо из Сибири, принесли в виде подношения Государю живого ручного соболя. Очень уж просят доложить, говорят, что не на что будет переночевать.

– А тебе жаль их стало?

– Точно так.

– Ну, давай их сюда.

Вошли весьма симпатичные на вид старичок со старушкой, и он говорит мне:

– По ремеслу я охотник, и удалось мне взять живым молодого соболя, приручив его; со старушкой и решили поднести его Царю. Соболю-то вышел редкостный. Собрали все, что было, денег: говорили мне, что хватит до Питера и обратно. Вот и поехали.

Показывает мне соболя, который тут же вскочил на мой письменный стол и стал обнюхивать представления к придворным чинам. Старик как-то свистнул, соболю – прыг прямо ему на руки, залез за пазуху и оттуда выглядывает. Я спросил, как они ко мне попали.

– Денег у нас хватило только до Москвы. Оттуда решили идти пешком, да какой-то добрый барин, дай Бог ему здоровья, купил нам билеты до Петербурга. Утром приехали и

прямо пошли в Зимний дворец. Внутрь меня не пустили, а отправили к начальнику охраны. Тот велел отвести к вам. Ни копейки не осталось, а видеть Царя вот как хочется.

Я решил, что живой соболю может доставить большое удовольствие малым еще тогда Княжнам. Старик у дал немного денег и поручил парочку добросердечному курьеру.

Пред тем я спросил старика, кто его в Сибири знает.

— Ходил к губернатору перед отъездом, да он говорит: «Иди, вряд ли тебя допустят. А писать мне о тебе не приходится».

Я послал телеграмму губернатору, чтобы проверить слова старика и узнать, надежен ли он. В те времена нужно было быть весьма осторожным. Через день получился удовлетворительный ответ, и я телефонировал княжне Орбелиани, рассказав ей о соболе. Час спустя узнаю, что Императрица приказала прислать обоих стариков в Зимний дворец, и поскорее, так как дети с нетерпением ждут соболя. Все с тем же курьером я приказал их отвести, а после представления вернуться ко мне.

Ждал я их долго. Оказывается, что они более часа оставались у детей, и все время была при этом Государыня. Долго рассказывали старик и старуха, как милостива была к ним Царица. Старик предложил было взять соболя с собою, пока для него не устроят клеточку, но дети отпускать зверя не хотели, и наконец Императрица приказала его оставить. Старик мечтал видеть Царя, без чего, сказал он, не может вер-

нуться в Сибирь. Ответили, что дадут знать, когда он может видеть Государя.

– Боюсь только, как бы соболек мой не нашкодил во дворце: он ведь к хоромам не привык.

На другой день с утра я получил приказание прислать во дворец сибиряков к 6 часам вечера. Вернулись они с соболем после восьми. Вот рассказ старика:

– Так было. Соболек мой много нашкодил, поломал и погрыз. Когда я пришел, так он сразу ко мне за пазуху спрятался. Вошел Царь. Я со старухой Ему в ноги бросился. Соболек-то вылез и тоже, видно, понял, что пред Государем. Притаился и смотрит. Пошли мы с Царями в детскую, где приказали мне выпустить соболька. Дети стали с ним играть: при нас он не дичится. Царь приказал нам со старухой сесть на стулья и говорит:

– Ну, теперь расскажи все: как задумал сюда ехать, как ехал и как наконец к Царице попал? Я рассказал, а Царь все спрашивает о Сибири, об охоте там, о нашем житье-бытье. Затем Царица сказала, что детям пора обедать. Тогда Царь спрашивает, как обходиться с соболем. Когда я указал, Он порешил, что в комнатах у детей его оставить нельзя. Надо будет отдать его в охотничью слободку в Гатчине.

– Царь-батюшка, ведь его, Кормилец мой, жаль отдавать на руки незнакомому охотнику. Позарится на шкурку, да еще зарежет, а скажет, что околел. Знаю я охотников. Мало у них любви к зверю. Лишь бы шкурку получить.

– Нет, брат, я бы выбрал хорошего. Но, пожалуй, лучше будет тебе его отдать. Вези его домой, ходи за ним, пока жив будет, и считай, что исполняешь мое повеление. Смотри за ним как следует, так как это уже мой соболь. Теперь иди, скажи Мосолову, чтоб министр дал приказание, как тебя награждать за подарок. Смотри же, хорошо гляди за Моим сободем. С Богом и доброго пути!

На другой день был у Фредерикса всеподданнейший доклад, и Государь, не ожидая вопроса, сказал министру, что провел 2 часа в беседе со стариками и что это было для Него праздником: так интересно было Ему узнать быт сибирских охотников и сибирского крестьянства вообще. Приказал дать старику часы с императорским гербом, а старухе брошку, несколько сот рублей за соболя и широко оплатить дорогу назад в Сибирь.

Мосолов А. А., генерал. При дворе последнего Императора. Записки начальника канцелярии министра двора. Спб., 1992. С. 109, 111–113.

18-го Мая. Воскресение. В 2 ½ вышел гулять, затем долго катался с Алексеем в «Гатчинке»⁵⁸ и учил его гребле.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 252.

22-го Мая. Вознесение. В 11 час. поехал с Ольгой и Алек-

⁵⁸ «Гатчинка» – лодка, на которой любил кататься Император.

сеem на парад конно-гренадер и учение на заднем плацу: полки представились в блестящем виде.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 252.

Их Императорскому Высочеству, всем царевнам во главе с Цесаревичем. Моя просьба передать мой земной поклон державным Вашим Родителям от батюшки грешного архим[андрита] Варнавы.

Июня 27. 1908 г.

Письмо архимандрита Варнавы (Накропина) Цесаревичу.// ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 77.

4-го Июля. Пятница. В 2 ½ поехали с Алексеем в Красное Село. На платформе был почетный караул от Уланского Ее Величества полка.[...] В 4 ½ начался объезд по улице от дома Николаши. Вернулись домой в 6 ¼.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 252.

9-го Июля. Среда. Депутация 14-го Туркестанского стр[елкового] бат[алиона] поднесла Алексею великолепного тигра, убитого охотниками баталиона в окрестностях Термеза.

Там же.

Ты совершенно прав, что славные детки, с которыми я здесь живу, меня очень утешают. Как только мы снова вступили на «Штандарт», Ан[астасия] Н[иколаев]на меня спросила: «А вы опять будете играть в булль⁵⁹?» – «Непременно», – говорю. «Вы не можете жить без булля?» – «Нет, – отвечаю я, – я и в Петергофе брал кольцо от салфетки и бросал на квадраты паркета», – продолжаю я. «Вам булль помогает жить?» – тогда серьезно спросила Ан. Н-на. Премилая она девочка...

Брат Ее обворожителен, как всегда; вчера я поцеловал Его в шейку сзади, а он улыбается и говорит: «Какую Вы гадость поцеловали», – и показывает на свою шейку, нежную и белую. Вчера Дрентельн видит, что Он идет со своим деревянным ружьем, и спрашивает: «Вы на какой пост идете?» – «К денежному ящику». – «А я на Великий пост», – шутит Дрентельн. «А я на Петровку», – отвечает Ал[ексей] Н[иколаевич]. На судах, которые часто переговариваются между собой флагами, есть один – красный с белым кружком, который означает «ясно вижу». Вот играет раз Деревенько с Ал. Н-чем и прячется от него за дверь, а тот увидел его и кричит ему: «Ясно вижу».

17. VII.1908.

Письмо Е. С. Боткина⁶⁰ своим сыновьям. // Т. Мель-

⁵⁹ Булль – игра, которая заключается в бросании колец на воткнутые в землю стержни.

⁶⁰ Боткин Е. С. (1865–1918) – лейб-медик, доктор медицины. Домашний врач

ник (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской Семье. М., 1993. С. 108–109.

14 Июля. Понедельник. В 9 ½ отправился с Алексеем на все 5 боль ших судна и обошел офицеров, гардемарин и команды с ним на руках.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 252.

30-го Июля. Среда. Дорогому Алексею минуло 4 года. Утром явились депутации от Финляндского и Атаманского полков и несколько боевых генералов – его крестных отцов! В 10.20 поехал с Ольгой в церковь 1-й дивизии, куда вскоре приехала Аликс с Алексеем. Погода была очень жаркая с теплым ветром. Вернулись к себе в 11 ½. Мама и все семейство прибыло. В саду, в палатке закусили. Был большой завтрак с начальством. В 2 ½ уехали в Петергоф. Алексей спал всю дорогу в моторе. Гулял и купался в море – 17°. Читал и возился с телеграммами. Обедали вдвоем на балконе.

Там же.

Великий Самодержавный Государь!

Мы посланы к Тебе от Петергофского Отдела Союза Русского Народа, для которого Вера, Царь и Отечество составляют самое священное и дорогое в жизни.

Императора Николая II. Принял мученическую смерть вместе с Царской Семьей.

Пославшие нас поручили нам передать Тебе, Государь, что они хранят в своем сердце Твои слова: «объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас» и до конца дней своих будут стоять за те святыни, кои завещала нам родная история.

Тебя, Помазанник Божий, они почитают, как Отца сто-миллионного русского народа, и, как дети, будут служить Тебе верой и правдой до готовности отдать за Тебя свою жизнь.

Не отринь же, *Государь*, просьбы Твоих детей и верноподданных слуг: соизволь принять икону св. Алексия, митрополита Московского, для Твоего *Наследника* в память дорогого для России дня Его рождения в нашем городе Петергофе.

И да хранит Бог по молитвам святителя Алексия Тебя, *Государь*, *Государынь Императриц*, *Наследника Цесаревича* и весь *Царствующий Дом* на многие лета и да поможет он Тебе в Твоих *Царственных* трудах ко благу Русской земли.

Верноподданные Уполномоченные Петергофского отдела Союза Русского Народа:

Председатель отдела священник Алексей Ливанский. Почетный член архимандрит Михаил. Товарищи Председателя: Действительный статский советник Константин Панафидин. Купец Василий Комендантов. Член совета коллежский советник Николай Залевский. Член учредитель купец Михаил Уткин. Член отдела, ремесленник Дмитрий Кузьмин. Июля. 30 дня 1908 г. Город Петергоф. Адрес Петергофского отдела Союза Русского Народа

Государю Императору Николаю Александровичу в день рождения Цесаревича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Ед. хр. 9.

17-го Августа. Воскресение. В 10½ поехали с Алексеем на церковный парад лейб-егерей. Во время молебна сильно по-лило. Проходил полк великолепно. Нога замечательно твердая. Остался очень доволен.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 253.

31 Августа. Воскресение. В 10 час. пошли к обедне. Кроме команд с других судов, к службе были позваны 12 гардемарин, плавающих на миноносцах. Аликс сняла их группой с Алексеем, потом их кормили в кают-компании.

Там же.

5-го Октября. Воскресение. По случаю именин Алексея назначил Нилова генерал-адъютантом. В 10 час. была обедня, затем обход команды и поздравления. Завтрак был большой—67 чел. Погода стояла тихая, но очень прохладная. Днем происходила гребля гондол и шлюпок отряда, кончая тузиками⁶¹. Пили чай в кают-компании и видели кинематограф.[...] До 7 час. была красивая иллюминация и фейерверк с Тухольма. Ночью дошло до градуса мороза.

⁶¹ Тузик – двухвесельная шлюпка

Там же.

Царское Село. Павловск. 26 Ноября 1908 г. Наши маленькие были позваны пить чай к Государевым детям. Ездил и Игорь.

Маленькая Анастасия была от него в восторге, не отходила от него, называла миленьким мальчиком и на прощанье подарила цветы. Наследник, который годом моложе Георгия⁶², весело с ним играл, обнявшись спускался с деревянной горы и, узнав, что Георгий собирается, когда будет большой, стать шофером, попросился к нему в помощники.[...] Дети вернулись очень довольные.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 60.

21-го Декабря. Воскресение. Депутация пермских [...] заводов поднесла Алексею великолепную модель 1/10 величины 6 дюйм[ового] орудия Канэ.[...]

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 253.

Царское Село. 1 Января 1909. Четверг. В Новый год в Царском у Их Величеств была обедня в церкви Большого двор-

⁶² *Георгий* – имеется в виду Георгий Константинович (р. 1903), Князь, младший сын Великого Князя Константина Константиновича.

ца. [...] Младшие были на хорах. Не знаю, был ли там с ними Наследник: у него болит нога, поговаривают, что это воспаление коленного сустава, но наверно не знаю.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 60.

3/16. Суббота. Январь. После завтрака мы 5 взяли от мандарина зерно и сунули в горшок с землей и надеемся, что вырастет, как у Тети Ольги, маленькое дерево.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. // ГАРФ. Ф. 651. Оп.1. Ед. хр. 19.

12-го Января. Понедельник. После завтрака принял самоеда из Печорского края – он поднес модель юрты Алексею.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 253.

31-го Января. Суббота. В 2 ½ принял с Алексеем большую депутацию от Волынской губернии.

Там же.

Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Алексею Николаевичу.

Ваше Императорское Высочество, Отрада и утешение Державных Родителей. Надежда Русского Народа. Духом осеняю Вас знаменiem св. креста. Присылаю Вам коломен-

скую пастилу, прося не отказать передать Державным Родителям. Храни Вас Господь. Молюсь о Вас. Грешный архим. Варнава.

Господи, суд Твой Цареви (даждь) и правду Твою Сыну Цареву.

Февраля. 9. 1909.

Письмо архимандрита Варнавы (Накропина) Цесаревичу.// ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 77.

17-го Февраля. Вторник. В 2 ½ принял с Алексеем калмыков Астраханской губернии. Гулял и работал с ним на катке.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 253.

28-го Февраля. Суббота. В 2 ½ к нам пришли Григорий⁶³, которого приняли со всеми детьми. Было так хорошо слушать его всею семьею. Около 4 час. он ушел наверх в детскую.

Там же.

Миленькие детки мои. Благословляю вас четками и молитесь по три поклона в день, а когда больше вырастите, то больше молитесь, когда и порезвитесь и подеретесь, но не сердитесь. Боженька так любит. Кому друг Бог, а кого Ангел хранит, а ведь Микола чудеса творит и три Святителя годят-

⁶³ Так Император называл Г. Е. Распутина.

ся. Они тоже чудотворцы.

Февраль 1909 г.

Телеграмма Г. Е. Распутина царским детям // Град Китеж. 1993. № 1 (13). С. 43.

5-го Марта. Четверг. Принял с Алексеем депутацию от Заамурского округа пограничной стражи, которая поднесла ему икону.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 253.

14 Марта. Суббота. Завтракали пораньше и в 2 часа отправились втроем с Алексеем на дворцовую площадку. [...] На смотре представился баталион молодых матросов дивизии эскадренных миноносцев из Либавы и рота из Свеаборга. После церемониального марша было два ротных учения и несколько семафорщиков показали свое искусство. Остался очень доволен видом и выправкою молодых.

Там же.

Павловск. Вербное Воскресение. 22 Марта. Являлся в Царском Государю. [...] Он остался доволен смотром 1-му кадетскому корпусу 19 Марта. Говорил, что Наследник с нетерпением ждет кадетского мундира, который поднесет корпус, и особенно ружья. [...]

Дневник Великого Князя Константина Константи-

новича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 60.

Заутреню мы решили иметь у нас в походной церкви только с домашними, так как для Аликс было бы трудно выдерживать длинную службу в Большом дворце.

26-го Марта 1909 г. Царское Село.

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2327.

Пасха праздновалась торжественно. Перед войной в Зимнем дворце бывала церковная служба, после которой устраивался торжественный прием. Когда царская семья находилась в Царском Селе или в Крыму, служба бывала в дворцовой церкви. Государь с Семей начинали поститься за 6 недель до Пасхи. На Пасхальном столе были куличи, сырная пасха и, конечно, много крашеных яиц.

Неопубликованные воспоминания А. Вырубовой. // С. 136.

4 Апреля. Суббота. В 10 ½ отправился верхом с Мишей и Дмитрием на дворцовую площадку; Аликс с Ольгой и Алексеем в шарабане. Благовещенский парад Конной гвардии состоялся сегодня и прошел блестяще.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 253.

На громадной широкой площади у Екатерининского дворца длинные шпалеры войск стоят неподвижно, все головы обращены в одну и ту же сторону: к высоким дворцовым воротам. Вдоль дворца стоит много народу, с каждой минутой толпа растет; конная и пешая полиция еле сдерживает ее натиск. Но вот разом сабли вытягиваются наголо и ярко загораются на солнце. В воротах показываются два экипажа и медленно приближаются к войскам. Из тысячей грудей разом раздается «ура». Оно гремит с такою силой, что становится жутко; душу охватывает восторг перед этой боевой музыкой, перед силой русского «ура» и перед тем, кто сейчас медленно пройдет вдоль строя.

«Ура» гремит и затихает в одной части, но уже растет в другой и переливается, как по волнам, от одной роты к другой. Один из экипажей останавливается, из него выходит Государь и Наследник Цесаревич. Они медленно идут вдоль неподвижной линии войск. Иногда Государь останавливается и что-то говорит солдатам. Цесаревич тоже что-то спрашивает, но, не теряя времени даром, усиленно месит маленькими ножками по лужице, оставшейся после дождя. Ему очень нравится, что Государь не следит за ним и не замечает, с какою радостью Он топчется в этой весенней лужице, отражающей голубое небо. Но вот они снова медленно идут вдоль линии войск. Сзади них едут две кареты; в одной из них сидит Государыня, скорбная, как всегда.[...] За

Государыней едут Княжны; они одеты во все белое и лишь на шляпах словно только сейчас распустились нежные розы. Княжны с нескрываемым любопытством следят за всем, что происходит вокруг них, наклоняясь друг к другу, о чем-то быстро шепчутся, наверное, поверяют друг другу свои впечатления. Наконец, Государь кончает обход и идет к дворцу на большие белые ступени. Он становится у бронзовых гигантов, поддерживающих верхушки высоких колонн. Цесаревич рядом с ним. Государыня и Великие Княжны выходят из экипажей и останавливаются около Государя и Цесаревича. «Ура» разом замирает. Звучит новый марш, стена войск разом по команде поворачивается и разделяется на колонны. Начинается блестящий церемониальный марш. На всю картину мирно марширующих солдат, на блестящих офицеров, на красивую свиту Государя, на Великих Княжон, стоящих в белоснежных одеждах, на пеструю толпу, на всю Царскую Семью ярко светит веселое весеннее солнце.

Офросимова С.Я. Царская Семья (из детских воспоминаний) // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Париж, 1925. Кн. 7. С. 232–233.

Павловск. Фомино Воскресение. 5 апреля. Я со всеми детьми, кроме Иоанчика, кот. дежурит по полку, ездил в Царское к Государевым детям. У них в Александровском дворце большие светлые комнаты. В самой большой у каждого из 4-х детей по своему письменному столику; везде боль-

шой порядок. Девочки миленькие, приветливые, а Наследник превеселый, бойкий шалун.[...] Наследник прелестно играл с моей Верой⁶⁴.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 60.

14-го Апреля. Вторник. После завтрака поехали с Алексеем на дворцовую площадку, где я произвел смотр учебной команде стр[оевых] квартирм[ейстеров] и молодым матросам 1-го Балтийского флотского экипажа.[...] Работал с Алексеем и Татьяной на льду.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 253.

Пятница. 17 Апреля. Павловск. В 3-м часу в Павловске мы с женой и Митей встречали гостей, съезжавшихся на детский спектакль [...] приехали Государь и Императрица со всеми своими детьми. Кажется, для нас сделали исключение: никогда еще царских деток нигде не показывали в обществе.[...] Когда все было готово, Императрица с герцогом, Государь с женой и все мы – семья, направились в большую залу и заняли места в первом ряду. Наследник и его сестры влево от Императрицы. Началось очаровательное представ-

⁶⁴ *Вера* – Княжна Вера Константиновна (1906–2001) – младшая дочь Великого Князя Константина Константиновича, герцогиня Вюртембергская. После революции эмигрировала в США.

ление «Свадьбы солнца и весны» Поликс[ены] Соловьевой (Allegro)⁶⁵. [...] 52 человека детей приняли участие в представлении.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 60.

28-го Апреля. Вторник. Принял с Алексеем депутацию 1-го кадетского корпуса, которая поднесла ему мундирчик, фуражку и шинель кадета. Он был очень доволен и за чаем надел его и все ходил по комнатам.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 254.

Вот дождались мы той радости веселого дня. Были и раньше проявления радости о рождении свыше. Весть была о рождении Спасителя, т[о] е[сть] было торжество, и теперь напоминает тем же словом: родился у нас на Руси Самодержец и Помазанник Христов.

Оля (Алексей) будет торжествовать у них, потому что Оля будет очень следить за примером, пот[ому] что не от сего создания, как не было такого Царя и не будет.

Взгляд его похож на Петра Великого, хотя и была премудрость у Петра, но дела его были плохие – сказать самые низкие. Сам Господь сказал: «Много вложу и много взыщу» –

⁶⁵ Соловьева П. С. (псевдоним Allegro) (1867–1924) – русская писательница, сестра философа В. С. Соловьева.

премудрость Его – познаем мы, а за дела судить будет Сам Бог. А ваш Оля не допускает до себя никаких разных смущений, если ему не покажешь пример. Вот мои конфеты, как знаете, так и кушайте. Алексея очень в душе имею, дай ему рости, кедр ливанский, и принести плод, чтобы вся Россия этой смокве радовалась. Как добрый хозяин, насладились одним его взглядом взора из конца в конец.

6-го мая 1909 г.

Телеграмма Г. Е. Распутина в день рождения Государя Императора Николая Александровича // Град Китеж, 1993. № 1(13). С. 43.

30-го Июля. Четверг. Дорогому Алексею минуло 5 лет, благослови его, Господи, здоровьем и крепостию душевною! Во время чая он получил от нас подарки. В 10½ поехали к обедне, причастили Алексея. Вернулись к себе и около 12 час. отправились на моторах в Красное. Был общий завтрак начальству. Отписывался от массы телеграмм. В 6 час. на военном поле происходил смотр гимнастики всем гвардейским учебным командам, Конно-Гренадерскому и С.-Петербургскому полкам.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 254.

16 Августа. Воскресение. В 2 часа повез Алексея в Красное Село. На военном поле вдоль шоссе были выстроены: 3-

я гв[ардейская] Кон[ная] батарея, 3-й дивизион л. гв. 3-й арт[иллерийской] бриг[ады] и л. гв. Кексгольмский полк. Дальше у Тану перед своим лагерем стоял л. гв. Петербургский полк. Простился с ними перед их возвращением в Варшаву. На возвратном пути прошел также по фронту Финляндского полка; кот. давно не видал своего шефа.

Там же.

17 Августа. Понедельник. В 11 час. поехал с Алексеем на парад Егерского полка.[...] После отнosa знамени Алексей был отвезен домой.[...] Разговаривал с офицерами на балконе. Принял доклад Воеводского. Покатался с Алексеем в Гатчинке вокруг «Работника». В 6 час. принял Кривошеина⁶⁶. Вечером снова имели утешение видеть Григория.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 254.

25-го Августа. Вторник. Последний день в Петергофе простоял чудный, совершенно летний. Утром покатался в байдарке. Принял Су хомлинова⁶⁷ и нескольких представляющих. После завтрака в Большом дворце принял 188 капитанов Офицерской стр[елковой] школы. Вернулся домой в 4 ч. Поехал с Алексеем в Гатчинке и посетил «Работник».

⁶⁶ *Кривошеин А. В.* (1858–1923) – статс-секретарь, член Государственного совета, главноуправляющий земледелием.

⁶⁷ *Сухомлинов В. А.* (1848–1926) – член Государственного совета, военный министр в 1909–1915 гг.

Осмотрел его и пил чай в кают-компании. В 6 час. в нижней столовой был отслужен напутственный молебен. Затем принял Сазонова⁶⁸. Уложил последние вещи. В 10 ½ простились с Петергофом и отправились на юг.

Там же.

26-го Августа. Среда. В Клину Элла села в поезд и проехала с нами до вечера, почти до Орла. В час дня были в Москве, принял власти и депутации. В Туле также. Перешли пешком мост через Оку. Днем жара доходила до 20° в вагонах.

Там же.

27-го Августа. Четверг. [...] В 10 час. прибыли в Спасов скит⁶⁹. Спустился с детьми к собору и слушал с ними молебствие. Принял много депутатий и должностных лиц Харькова. Около 4 ч. на станции Лихачево принял депутации и власти Екатеринославской губернии. Проехав гор. Александровск, остановились и погуляли полчаса вдоль полотна, около Днепровских плавен. Жара продолжала быть изрядною.

Там же.

⁶⁸ Сазонов С. Д. (1860–1927) – министр иностранных дел в 1910–1916 гг.

⁶⁹ Спасов Скит при Святогорской Успенской пустыни устроен близ места крушения Царского поезда, бывшего 17 октября 1888 г. При этом чудесно спаслась вся Семья Императора Александра III, в том числе и будущий Государь-мученик Николай II.

28-го Августа. Пятница. Стояли ночью пять часов на ст. Альма. Спал скверно из-за духоты. В 8 час. тронулись с горы и приехали в Севастополь в 10 час. Знакомый красивый вид и эффектный салют эскадры и крепости. На пристани почетный караул от 49-го Брестского полка и все начальство. Солнце палило во всю. С радостью прибыли на «Штандарт». После вагонов в каютах казалась благодать. Сандро⁷⁰ встретил нас. Завтракали в час – без Аликс. В 4 часа начался смотр Черноморскому флоту. Отправился на гребном катере на крейс. «Память Меркурия», где подняли Штандарт. После осмотра его поехал на брон[еносец] «Ростислав» и «Синоп». Обошел остальные суда эскадры на паровом катере. Вернулся в 6 ч. к спуску флага. В 8 час. был обед военному и морскому начальству. Суда были хорошо иллюминированы, с фортов пущали фейерверк. [...]

Там же.

29-го Августа. Суббота. День простоял серый. В 10 час. съехал на северную сторону и поехал на Братское кладбище. По всей дороге стояли части 13-й пехотной див., 13-й арт. бриг. и Севастопольской креп[остной] арт[иллерии] и креп[остного] полка. После панихиды спустился и пропустил войска церем. маршем. Проходили молодцами. В это время

⁷⁰ Сандро – Великий Князь Александр Михайлович (1866–1933), был женат на Великой Княгине Ксении Александровне, сестре Императора.

пошел живительный дождь. Заехал в церковь и школу под покровительством комитета Сандро. Вернулся на Яхту в 12 ½ час. Дети съезжали днем на берег. [...] В 7 ч. пошли ко всенощной на юте. [...]

Там же.

30-го Августа. Воскресение. [...] В 10 ¾ пошел с детьми к обедне. Аликс пришла потом. Завтракал после обхода команды и пробы.

В 2 часа началась гонка на веслах со всей эскадры. Команды, взявшие призы, прибыли на яхту и я роздал унт. офицерам серебр. часы, а гребцам по серебр. рублю. Все остальные шлюпки собрались у правого борта и долго кричали ура! [...]

Там же.

1-го Сентября. Вторник. Проснулся чудным утром и в 9 час. отправился на крейс. «Память Меркурия». Снялся с якоря и пошел всем отрядом в море. Броненосцы шли впереди и открыли огонь по пункту, начиная с 60 кабельт[овых] и кончая 40 кабельтовыми. Сзади было хорошо видно, как ложились снаряды. После стрельбы прошли мимо пунктов и вернулись на рейд в 11 ½ час.[...] Завтракали высшие морские чины. В 3 часа поехал на отряд подводного плавания и подробно осмотрел лодку «Карп». [...]

Там же.

3 Сентября. Четверг. В 9 час. отправились на новом эскад[ренном] мин[оносце] «Лейтенант Шестаков» к Херсонесу. Два дивизиона миноносцев ставили на ходу мины заграждения. Затем на 18-ти узл[овом] ходу они стреляли минами на контргалсах по пункту на буксире. Погода стояла идеальной, и море было тихое. Вернулся на рейд в 11 ³/₄.

Там же.

4-го Сентября. Пятница. В 10 час. съехал на Графскую пристань с Дмитрием, Фредериксом и Дедюлиным⁷¹, сел в мотор и отправился на 4-й баст[ион]. Осмотрел там памятники, возобновленные на месте каждой батареи, люнета и опорного пункта. Прошел до здания панорамы, где в настоящее время находится картина Рубо – взятие Ахульго⁷². Видел также памятник гр. Тотлебену – недавно освященный. Вернулся на Яхту в 16 ¹/₄. Посетил с Алексеем крейсер «Память Меркурия». После завтрака роздал часы и сереб. рубли кондукторам, комендорам и минным унт. оф. за стрельбы в моем присутствии, также и гребцам моего катера. В 5 час. съехал на нем с Ольгой и Татьяной к морскому госпиталю, кот. обошел в подробности. Немного опоздал к заходу солнца. Спуск флага был из-за этого задержан. Окончил фельдъ-

⁷¹ Дедюлин В. А. (1858–1913) – генерал-адъютант, с 1906 по 1913 г. дворцовый комендант.

⁷² Ахульго – аварский аул, резиденция Шамиля во время Кавказской войны. Взят русскими войсками в 1839 г.

егеря. Обедало высшее начальство Севастополя.

Там же.

5-го Сентября. Суббота. [...] Ровно в 11 час. снялись с (якоря) бочки и пошли в море при общем салюте с судов и батарей и радушном «ура» войск и массы народа, собравшихся на берегу. Конвоирами пошли «Алмаз», «Память Меркурия», «Кагул» и три миноносца. Сели завтракать, когда проходили Георгиевский монастырь. Освещение гор было очень красивое, над морем стояла мгла от жары. В 2 $\frac{3}{4}$ подошли к молу в Ялте, где была обычная встреча. Георгий⁷³, Сандро и Эмир Бухарский перешли на яхту. Обойдя встречавших, вернулся на «Штандарт» и вместе с Аликс и Алексеем сошел на берег. Сели втроем в коляску и отправились по многолюдной набережной Ялты в Ливадию, куда прибыли в 4 часа. Ксения ожидала нас в доме. Пошел с детьми к молебну в нашу маленькую церковь.[...]

Там же.

Когда я с воспитательницей в апреле 1909 года приехал на лето к матери в Ялту [...], было получено известие, что [...] Их Величества с Семей после семилетнего отсутствия намерены поселиться на лето в Ливадии, где шла большая подго-

⁷³ *Георгий* – Великий Князь Георгий Михайлович (1863–1919) – генерал-адъютант, был женат на Великой Княгине Марии Георгиевне, рожденной принцессе греческой. Расстрелян в Петропавловской крепости.

товка к приему высоких гостей.[...] Тихо покачиваясь, стояли на рейде изящные светло-зеленые миноносцы, расцвеченные флагами. Белые фигурки матросов бегали по палубе, лихорадочно натирая до умопомрачительного блеска последние медные части. Набережная и весь прибрежный район были запружены бесконечной толпой народа. Белые туалеты дам смешивались со скромными нарядами семейных обывателей, элегантные штатские терялись в толпе татар в их золотом расшитых национальных костюмах. Всеобщее внимание привлекали татарки, закрытые вуалями, в маленьких шапочках, красные фески турок яркими пятнами алели на фоне пестрой толпы, которая шумела и волновалась.

По набережной то и дело проносились автомобили и вереницами ехали бесчисленные ландо, фаэтоны и экипажи. На молу зеленой полоской виднелись войска. Золотые орлы на Царской беседке ярко блестели под лучами южного солнца.

– Идет! Идет! – пронеслось в толпе.

И глаза всех устремились в безбрежную голубую даль. На высоте Тодорского маяка появился дым, и в море можно было различить Императорскую яхту «Штандарт» и за ней в кильватерной колонне два крейсера. [...]

Красавец «Штандарт» медленно подходил к молу. Все затихло в напряженном ожидании. С молниеносной быстротой был спущен покрытый красной дорожкой трап.

Начальствующие лица поднялись наверх с рапортами.

Но вот, вот...

Государь в белом морском кителе, за ним Государыня в белом

платье, Наследник в матросском костюме и Великие Княжны Ольга, Татьяна и Анастасия медленно сходят с трапа. За ними следуют лица свиты.

– Смирно!

– Слушай, на караул! Слышится команда, щелкнули винтовки. Музыка заиграла: «Боже, Царя храни!» Громовое «ура» раздалось по молу и волнами стало передаваться по всей набережной. [...]

Под звуки церемониального марша рота молодцевато проходит перед Государем. Их Величества садятся в экипаж, который медленно трогается в гору. За ним следует экипаж Великих Княжон и экипажи свиты.

Кортеж открывают, очищая дорогу, несколько конных татар в расшитых золотом куртках на великолепных конях. [...] Толпа вплотную идет с царскими экипажами. Нигде на пути всего следования не видно ни одного городского, ни одного полицейского чина. Здесь этого не нужно. Государь у себя дома.

Путь следования кортежа засыпается цветами. Величественное пение нашего родного гимна тысячной толпой сливается в один гул с перезвоном колоколов церквей. На всех лицах написано невыразимое счастье. А кортеж все удаляется. [...]

И вскоре на высоком флагштоке в Ливадии взвился

огромный императорский желтый штандарт, с черным орлом посредине. Их Величества въехали в свое имение Так в 1909-ом году Ялта встречала своего духовного повелителя и своего любимого Царя.

Марков С. В. Покинутая Царская Семья. Вена, 1928. С. 11–14.

6-го Сентября. Воскресение. [...] В 11 час. пошел с детьми к обедне. Завтракал внизу со всеми. Играла отлично музыка Виленского полка. Сидел с Аликс на балконе до 3 час. Сделал с Дмитрием хорошую прогулку и берегом моря дошел до купальни. Выкупались в море с наслаждением, вода была совсем теплая и порядочные волны. Вернулись пешком домой в 5 ¼. После чая принял Фредерикса. Обедали втроем; читал вслух.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 254.

10-го Сентября. Четверг. В 9 ½ прямо спустился с Дмитрием к морю, чтобы посмотреть, как Алексей купается с Деревенько. После этого сами выкупались с наслаждением.

Там же.

1) [...] Во время путешествия от Москвы до Севастополя мы сильно страдали от духоты в вагонах – было 28 градусов с пылью. Спать было трудно. Это, конечно, утомило бедную

Аликс, которая и без того была слаба. Жизнь на «Штандарте» и отличный сухой воздух Севастополя ей начали помогать; поэтому мы решили остаться там 9 дней. Благодаря такому долгому пребыванию я успел сделать многое в Севастополе. Кроме смотра Черноморскому флоту и войскам гарнизона, я 2 раза ходил в море.[...] Меня трогало ура! которое команды судов кричали при всяком переезде с яхты, куда бы то ни было и в особенности когда они видели Алексея с сестрами, едущими погулять на даче главного командира. Его катер всегда проходил мимо всей эскадры, и он сам здоровался громко с каждым судном.[...]

В моторе ездил смотреть памятники обороны, отлично устроенные комитетом Сандро, а также очень красивую панораму Рубо – эпизод из старой кавказской войны – взятие нашими войсками аула Ахульго. Мы посылали туда и детей; на них это произвело тоже сильно впечатление.[...]

Каждое утро я купаюсь с детьми в море.

Такое наслаждение, в воде до сих пор 19° R.[...]

2) В эту минуту вошел Алексей после своей ванны и потребовал, чтобы я написал Тебе, что он крепко целует Бабушку! Он сильно загорел, как, впрочем, и сестры, и я тоже.

1-го Сентября 1909. Ливадия

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2327.

13-го Сентября. Воскресение. Утром сбежали вниз и купались чудесно – в воде было 18°. Вернулись по обыкновению с Алексеем на моторе. Был у обедни с детьми.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 254.

Осенью 1909 г. в первый раз была в Ливадии, любимом месте пребывания Их Величеств на берегу Черного моря.

Дворец в 1909 г. имел вид большого деревянного здания с навесными балконами, так что в комнатах было всегда темно и сыро, особенно же сыро было внизу, в бывших покоях Императрицы Марии Александровны, со старинной шелковой мебелью и разными безделушками. Государь и дети ежедневно завтракали со свитой внизу, в большой белой столовой, единственной светлой комнате; Государыня завтракала наверху одна или с Алексеем Николаевичем.

Жизнь в Ливадии была простая. Мы гуляли, ездили верхом, купались в море. Государь обожал природу, совсем перерождался; часами мы гуляли в горах в лесу, брали с собой чай и на костре жарили собранные нами грибы. Государь ездил верхом и ежедневно играл в теннис.[...]

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Кн. 4. Париж, 1922. С. 33.

5-го Октября. Понедельник. До обедни, по случаю именин Алексея, у дворца делал парад частям, квартирующим здесь. У обедни и завтрака было много народа.[...]. В 2 часа приехал поздравить добрый Эмир Бухарский.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 254.

20-го октября, в день кончины Императора Александра III была панихида в комнате, где он почил, в его маленьком дворце, все стояли вокруг его кресла, покрытого черным сукном.

Мы прожили до середины декабря; стало холодно, в горах выпал снег. Государь уехал в Италию, в Ракониджи к королю итальянскому. Это была первая при мне разлука Их Величеств. Простившись с Государем, Ее Величество целый вечер плакала, замкнув свою комнату. Никто, даже дети, не входили к ней. Но зато радости свидания не было границ. «К сожалению, нам всегда приходится расставаться и встречаться при других, – говорила она, – при свите и публике».

Осенью заболел Наследник. Все в дворце были подавлены страданиями бедного мальчика. Ничто не помогало ему, кроме ухода и забот его матери. Окружающие молились в маленькой дворцовой церкви. Иногда мы пели во время всенощной и обедни; Ее Величество, старшие Великие Княжны, я и двое певчих из придворной капеллы. Фрейлина Тютчева читала шестопсалмие.[...] Среди горестных пережива-

ний болезни Алексея Николаевича приезжал с докладом дорогой отец.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Кн. 4. Париж, 1922. С. 34–36.

Baby был со мной, но его забрали в 4, т. к. он проснулся.[...] Он хотел остаться со мною, чтобы мне не было так одиноко, он подполз совсем близко ко мне и был такой ласковый. Встала после завтрака и отправилась с Алексеем и Аней кататься по ферме.[...] Они вышли и рвали цветы. Baby был такой милый, и ему это нравилось, хотя он прихрамывал, потому что у него с некоторых пор побаливает нога.

Окт. 7-ое.[1909 г.]

Письмо Государыни Императрицы Александры Феодоровны Государю Императору Николаю Александровичу: пер. с англ. ГАРФ. // Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1148.

Сейчас надо идти, делать для всех чай. – Дети пели и читали, Baby старался выучить АВС, чтобы написать тебе завтра письмо.

Окт. 10-ое 1909.

Там же.

Baby не написал, но просил меня сказать, что он тебя це-

лует, хочет знать, когда ты возвращаешься и что делаешь.

Окт. 11-ое 1909.

Там же.

22-го Октября отпраздновали 100-летний юбилей Литовского пехотного полка Алексея.

Был отличный парад в Орианде на площадке перед руинами и потом завтрак у нас.[...]

По случаю моего благополучного возвращения из путешествия, а также в память 15-летия перехода Аликс в Православие, мы говели 3 дня и 21-го Окт. причастились Св. Таин со всеми детьми! Так отраднo было это сделать в домашней обстановке, без петербургской суеты.

31-го Октября 1909 г. Ливадия

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2327.

Глава 2

Детство и отрочество

15-го Января. Пятница. Принял с Алексеем депутацию Сибирской полусотни л. гв. Сводно-Казачьего полка, от имени Сибирского войска поднесшие уменьшенные: 3 лин[ейную] винтовку, шашку и пику.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 255.⁷⁴

Вторник 26.1910 (Павловск, 29 Янв.). 26-го был назначен Государем в Царскосельском Александровском дворце прием deputаций от 1-го кадетского корпуса для поднесения Цесаревичу маленькой магазинной винтовки. Я телеграфировал Государю, испрашивая, могу ли прибыть вместе с депутацией и предупреждая, что ввиду ветряной оспы, уже проходящей у Кости, с которым я не виделся уже 5 дней, явлюсь только в случае разрешения по телефону. В ответ меня пригласили к завтраку. Государь вышел к завтраку в малиновой стрелковой рубашке с 4-мя дочерьми. Он сел между Татяной и Марией и указал мне место между последней и Ольгой, подле которой села Анастасия. Девочки не принимали уча-

⁷⁴ В дальнейшем ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации, Ф. – номер фонда, Оп. – номер описи, Ед. хр. – номер единицы хранения.

ствия в нашем разговоре, а перешептывались между собою. Государь говорил, что на днях возобновил посещения военно-учебных заведений, начав с 1-го корпуса, и хочет, чтобы никого не принаряжали, а при отъезде не провожали бегом до экипажей во избежание несчастных случаев. 6 лет прошло с тех пор, как он в последний раз приезжал в мои заведения. В смутные годы приездов в Петербург по возможности избегали. Депутация состояла из директора корпуса Григорьева, командиров рот Его Величества и 4-й, вице-фельдфебеля Череп-Спиридовича и 11-летнего, но крохотного ростом кадетика 1-го класса Фомичева. Он оказался совершенно одинакового роста с Цесаревичем[...].

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 62.

29-го Января. Пятница. Депутация 89-го пех[отного] Беломорского полка поднесла Алексею маленькую винтовку, мундир рядового, палатку и полное походное снаряжение уменьшенного размера.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 255.

16-го Февраля. Вторник. После завтрака смотрели в портретной зале, как итальянский скульптор Canonica лепит бюст Алексея.

Там же.

17-го Февраля. Среда. В 11 час. поехал с Алексеем в экзерциргауз на парад 1-му кадетскому корпусу по случаю его праздника. Алексей был в форме кадета. Корпус представился молодецки.

Там же.

22-го Февраля. Понедельник. Приняли вместе депутацию монарх[ической] нар[одной] партии Вятской губернии, кот[орая] поднесла Алексею много предметов кустарного производства.

Там же.

Вернувшись в Павловск к завтраку, в 3-м часу был в Царском в Александровском дворце, где Государю представлялась депутация от Новочеркасского казачьего юнкерского училища для поднесения Наследнику-Атаману альбома с видами училища. Перед приемом депутации, состоявшей из начальника училища Гусновского, сотенного командира Фарафанова и вахмистра Воротина, я был позван в кабинет к Государю. Он только что делал смотр молодым матросам и был во флотской форме, в больших сапогах, и Наследник, одетый на прогулку в темный суконный, опушенный серой мерлушкой тулуп.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 62.

13-го Марта. Суббота. Принял с Алексеем депутацию ЛейбЭриванцев и московских монархических партий.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 255.

26-го Марта. Пятница. Поработал недолго с Алексеем на льду.

Там же.

12-го Апреля. Понедельник. Гулял и катался с Алексеем на прудах почти три часа.

Там же.

14-го Апреля. Среда. Катался с Алексеем в «Гатчинке» и на велосипеде.

Там же.

15-го Апреля. Великий Четверток. В 6 ½ пошли к службе 12 Евангелий, на первой половине которой пожелал присутствовать Алексей.

Там же.

16-го Апреля. Великая Пятница. В 12 час. пошли к выносу Плащаницы. С этого дня Алексей начал завтракать с нами. Катался с ним на пруде.

Там же.

1-го Мая. Суббота. Катался с Алексеем на прудах до 5 час.

Сегодня хорошо отпраздновали 100-летний юбилей Гвардейского Экипажа.

В 11 час. поехали с Алексеем к большому дворцу. Вся церемония освящения знамени, присяга и самый церемониальный марш прошли гладко и торжественно.

Там же.

21-го Мая. Пятница. Около 10 час. отправился верхом на Софийский плац чудным летним утром. Алексей и Деревенько на велосипеде сопровождали меня до ворот парка.

Там же.

30-го Июля. Пятница. Нашему дорогому Алексею минуло 6 лет. В 10 ½ крестные его отцы здешнего округа и депутация его полков поздравляли с днем рождения. За обедней Алексей приобщился Св. Таин. На Ферме представились еще депутации от л. гв. Волынского и моего Московского полков; первая поднесла мундир и все снаряжение рядового, учебн. образца.

Там же.

12-го Августа. Четверг. В 2 ½ приняли в саду депута-

цию от 1-й Забайкальской Каз[ачьей] батареи; она поднесла Алексею мундир и строевую лошадь с снаряжением.

Там же.

Государь очень хорошо плавал и любил купаться. После продолжительной гребли на двойке в финских шхерах мы причаливали к какому-нибудь островку и купались. В этих редких, случайных встречах Государь проявлял необыкновенную простоту в обращении. Когда мы были в воде, Наследник Цесаревич, резвившийся на берегу, (он не купался) сбил мои вещи, аккуратно сложенные на скамейке, в песок. Я начал было выходить из воды, желая подобрать вещи, так как был ветер и их разбросало; Его Величество, обращаясь ко мне, сказал: «Оставьте эти вещи, Алексей их уронил, он и должен их собрать», и, обращаясь к Наследнику, заставил Его поднять мои вещи.

Помню также один совершенно исключительный случай, показывающий о необычайной деликатности Государя. Накануне я стоял «Собаку», то есть вахту от 12 до 4 час. ночи, и Его Величество, выйдя в 1-м часу на палубу, пожелал мне спокойной вахты. Утром Он обратился к вахтенному начальнику, прося его вызвать меня для прогулки на двойке, но потом, вспомнив, что я стоял «Собаку», сказал, что не надо меня будить. По возвращении с прогулки все сопровождавшие Государя приглашались к чаю – подавались чудная простокваша, молоко и фрукты.

Государь Сам обращал внимание на то, кто что ест, и приказывал Великим Княжнам угощать нас и Сам же нередко рассказывал с большим юмором воспоминания о своих посещениях, когда Он был еще Наследником, иностранных государств. [...]

В обращении с матросами и нижними чинами чувствовалась Его неподдельная, искренняя любовь к простому русскому человеку. Это был поистине Отец своего народа.

Выписка из воспоминаний Н. Д. Семенова Тянь-Шанского (офицера Гвардейского Экипажа.) // Государь Император Николай II Александрович. Сборник памяти 100-летия со дня рождения. Нью-Йорк, 1968. С. 220.

15-го Августа. Воскресение. В 11 час. поехали к обедне. Завтракали в последний раз на ферме. В 1 $\frac{3}{4}$ пошел с Ольгой и Татьяной проводить Мама на «Александрии» до Кронштадта. Посидели вдвоем на «Полярной Звезде» в каюте и затем простились. Мама ушла в Данию в 5 час., а мы вернулись в Петергоф к 4 $\frac{1}{2}$. Укладывался и читал. В 7 $\frac{1}{2}$ простились со всеми провожающими и тронулись в заграничный путь. [...]

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 255.

16-го Августа. Понедельник. В 10 $\frac{3}{4}$ принял с Ольгой де-

путацию от ее Елисаветградского гус[арского] полка в Ландворове. В 2 ½ пересели в заграничный поезд в Вержболове и покинули с грустью дорогую родину. Погода была ясная и теплая. Много читал Аликс вслух. В Пруссии везли спокойно и без толчков на станциях. [...]

Там же.

17-го Августа. Вторник. День простоял чудный. В вагонах было порядочно жарко. Проезжали красивыми местами мимо Касселя. В 3 ½ прибыли в Фридберг⁷⁵ и были встречены Ерни и Онор⁷⁶. Проехали в экипажах чрез местечко в замок. Место очень понравилось мне; чудный вид на все стороны. Наугейм⁷⁷ совсем близко. Пили чай в тенистом саду, кот. разведен по обе стороны рва. Отлично устроились в нижнем этаже. Обедал в 8 час. со всеми. Аликс с Ольгой и Татьяной у себя. Разошлись рано.

Там же.

Днем в хорошую погоду мы отправляемся большим обществом с дамами и господами на 4 или 5 моторах на дальние прогулки. Окрестности здесь очень красивые и замков очень

⁷⁵ *Фридберг* – Замок в герцогстве Гессен-Дармштадт, в Германии.

⁷⁶ *Ерни и Онор* – Эрнст-Людвиг, великий герцог Гессенский и его супруга Элеонора, великая герцогиня Гессенская, родственники Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

⁷⁷ *Наугейм* – Точнее Бад-Наугейм, курорт вблизи Франкфурта-на-Майне в герцогстве Гессен-Дармштадт.

много; в некоторых живут родственники Опог. Если мы не успеваем возвратиться домой к чаю – обыкновенно мы оста-навливаемся в каком-нибудь городке или деревне и пьем ко-фе в саду перед рестораном. Дети очевидно радуются. Они также очень любят ездить в Наугейм и бегать по магазинам. Алексею это тоже нравится; он ездит туда на велосипеде с Деревенько и ест яблоки по дороге, крестьяне, работающие в поле, знают его и приходят к нему с фруктами и картофе-лем. Он подарил мне запонки из простых аметистов, кот. сам купил и любит, чтобы я их носил.[...]

8 сентября 1910 г. Burg Friedberg

Письмо Государя Императора Николая Алексан-дровича Матери, вдовствующей Императрице Марии Феодоровне.// ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2331.

5-го Октября. Вторник. День именин дорогого Алексея. Да возрастит его Господь молитвами угодника его святителя Алексия! Странно было проводить этот день здесь, на чуж-бине. Утром он получил от нас подарки.[...] В 12 час. был отслужен молебен в гостинной внизу. После завтрака поехали в Наугейм, где хорошо поиграли в теннис до 5 час. Погода была отличная, теплая. Окончил чтение и все ответы на те-леграммы.

Дневник Государя Императора Николая Алексан-дровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 256.

11-го Октября. Понедельник. Последнее утро в Фридберге прошло в сборах к переезду и в большом волнении детей. Погулял в саду с Алексеем. В 10 $\frac{3}{4}$ сели в наш поезд и через час остановились в Эгельбахе, где выгрузили всех детей и ручной багаж. В это время мы завтракали. Затем поехали дальше и вышли в Дармштадте. Сели в наш мотор и отправились в Rosenhohe. Осмотрели новый красивый мавзолей, устроенный Ерни для его родителей, брата и сестры, гробы кот. мы перенесли туда. Кроме нас были одни старые люди, служившие его отцу. Приехали прямо в Вольфсгартен в 2 $\frac{1}{2}$ часа. Погода стояла прямо райская. Мы с детьми помещены в нашем прежнем домике. Я живо привел свои две комнатки в порядок и пошел с Ерни осматривать все старое и новое. После чая читал. Обедали в большой столовой, Аликс у себя из-за усталости.

Там же.

21-го Октября. Четверг. Холодным утром в 9 час. Аликс, Элла, дети и я поехали в Дармштадт к обедне. Они обе причастились Св. Таин. [...] В 10 час. простился с моей душкой женой и отправился на ст[анцию] Langen с Ерни. Лил сильный дождь. Отправился в путь в 10.10. За Франкфуртом пошел снег. Пил чай с моими спутниками.

Там же.

22-го Октября. Пятница. Проснулся с тихой прохладной

погодой. На ст. Магдебург был выстроен мой кирасирский Бранденбургский полк. Ровно в 10 ч. прибыл в Потсдам. Вильгельм⁷⁸ с сыновьями встретил на станции.[...] Сидел у Вильгельма до 6 ч. и пил чай. В 8 час. был большой обед и долгие разговоры.

Там же.

Дорогой Папа. Прости, что я грязно пишу. Надеюсь, что ты скоро приедешь. Я тебя крепко очень целую. Алексей.

Октября 22. 1910.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

24-го Октября. Воскресение. Прибыл в Egelsbach в 10.20 утра. Все дети встретили меня, с ними приехал в Вольфсгартен, с великою радостью обнял Аликс.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 256.

1-го Ноября. Понедельник. Настала отличная теплая погода. Влез за Ерни на водокачку в лесу, с кот. чудный вид. Писал Мама. После завтрака все снялись общей группой на лестнице во дворе. В 3 ½ покинули Вольфсгартен, простились со всеми в Egelsbach и тронулись в путь на родину. Еха-

⁷⁸ Вильгельм – имеется в виду Император Германии Вильгельм II.

ли долго с открытыми окнами. Пили чай после Франкфурта. Читал много и вслух Аликс, и для себя. Спал с открытым окном.

Там же.

2-го Ноября. Вторник. Поезд шел хорошо, без тряски. С полдня в полях был виден снег и стало гораздо холоднее, приближаясь к России. Целый день читал. Переехали границу в 5 час. по нашему времени и перешли в Вержболове в большой поезд. [...] Большая была радость снова попасть на дорогую родину. Фельдъегерь повез массу бумаг. Кончил почти все после обеда.

Там же.

3-го Ноября. Среда. Сегодня дорогой Ольге исполнилось 15 лет. Она получила подарки вчера вечером в пути. В 11 час. утра при катили в Царское Село. Миша, Николаша и Андрей встретили нас, также и все начальство и придворные. По дороге стояли казаки и ниж. чины Сводн[ого] полка. Сейчас по приезде пошли в поход[ную] церковь к молебну.[...]

Там же.

8-го Ноября. Понедельник. В 11 час. поехал с Алексеем в эзерциргауз на парад л. гв. Московского полка. Назначил Алексея шефом. Видно – радость была большая. Отвез его

домой и затем завтракал с офицерами в Больш. дворце.

Там же.

Мне впервые пришлось видеть Цесаревича 8 декабря 1910 года, шестилетним ребенком, в Александровском Царскосельском дворце.[...] Во время этой аудиенции я благословил Цесаревича святым нательным серебряным крестиком, который по воле Государя надел на него. Этот крестик был мною получен 23 апреля в Иерусалиме, и в нем были вложены частицы св. мощей Иоанна Крестителя и великомученика Георгия Победоносца, а также частица от св. животворящего древа Креста Господня. Без благоговейного чувства не могу вспомнить этот момент, когда приходилось видеть его детский душевный восторг при получении этого священного подарка и как он, милый ребенок, сияющим побежал к своей маме поделиться своей радостью. Цесаревич этот св. крестик имел всегда при себе до самой своей мученической кончины, в скорби узничества находя в этой великой святине утешение. Как мне передавали, Цесаревич попросил маму рассказать ему о жизни св. Иоанна Крестителя и великомученика Георгия, особенно почитая их память.[...]

Были мною привезены с священного Востока св. иконки в благословение и Великим Княжнам, и они приняли их с благоговейным чувством радостного умиления. Сколько было у них чистой, святой радости. Они благоговели пред ними,

держа в детских своих комнатах, лично зажигая пред ними неугасимые лампы, молясь пред ними и ежедневно лобызая их утром и вечером. Когда мне стало известно, что Великие Княжны высказывали желание тоже иметь при себе помимо иконок по частице какой-либо святыни, то я соорудил всем, а также и Алексею Николаевичу небольшие дорожные иконки с изображением Ангела Хранителя и тех святых, имя которых носили, вложивши в каждую иконку по частице св. мощей, дарованных мне Вселенским Патриархом Иоакимом III. В иконки были вложены следующие святыни: Ольге Николаевне частица св. мощей великомученика Георгия, Татьяне Николаевне частица св. мощей великомученика Мины (память 11 ноября), Марии Николаевне частица св. мощей равноапостольной Марии Магдалины, Анастасии Николаевне частица св. мощей преподобномученицы Анастасии (память 22 декабря), Алексею Николаевичу – святителя Алексея, московского чудотворца.[...]

Цесаревич Алексей Николаевич был мальчиком редких дарований. Он более всех детей походил на отца, даже все обычаи и привычки унаследовал от него.[...]

Цесаревич всех радовал своим не по годам остроумием и смышленостью. Однажды, будучи еще ребенком, он играл со своим одногодком мальчиком, и ему нужно было его провести мимо часового, который не мог его пропустить по долгу службы. Тогда Цесаревич задумался в своем детском соображении, как бы это сделать. Наконец, после долгого размыш-

ления, подходит к часовому, приказывает ему внимательно посмотреть на вершину высокого дерева до тех пор, пока он ему не даст своего приказа. Часовой, не поняв цели приказания, послушаться не мог. В это время Алексей Николаевич провел стоявшего за углом мальчика мимо караульного поста, подошел к часовому и спросил, не заметил ли он кого на дереве, поблагодарил за точно выполненное приказание и был доволен, что достиг своей цели.

Игумен Серафим (Кузнецов). Православный Царь Мученик. Пекин, 1920.

25-го Декабря. Рождество Христово. Были у обедни и затем смотрели новую сложную, но интересную игрушку, присланную Вильгельмом – Алексею – электрическую железную дорогу.

В 2 часа поехал с ним и тремя старшими в манеж на елку Конвоя и Сводного полка. Вернулись домой в 3 ¼.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 256.

Суббота. 8 Января 1911 г. Павловск. Государь пожаловал 1 корпусу портрет Наследника во весь рост, масляными красками, в кадетском мундире.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 63.

23-го Марта. Среда. Принял с Алексеем депутацию Константиновского артил. училища, кот. поднесла ему мундир юнкера в красивом шкапчике. В 11 час. поехал со всеми детьми в манеж на парад Сводному пех. полку. Представился молодежи.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 256.

7-го Апреля. Четверток Великий. Сподобились причаститься Св. Таин всей семьей.[...]

Там же.

Страстная Суббота. 9-го Апреля. В 11 $\frac{3}{4}$ все собрались в комнате рядом с походной церковью и пошли к заутрене.[...]

Там же.

В 9 часов, в открытом платье с бриллиантами, которые Государыня всегда одевала к обеду, она подымалась наверх помолиться с Наследником.

Заботы о воспитании детей и мелкие домашние дразги Императрица несла одна: «ведь Государь должен заботиться о целом государстве», – говорила она мне. Заботы о здоровье Алексея Николаевича они несли вместе. Дети буквально боготворили родителей. Одно из самых светлых воспоминаний – это уютные вечера, когда Государь бывал меньше занят и приходил читать вслух Толстого, Тургенева, Чехова и т. д.

Любимым его автором был Гоголь. Государь читал необычайно хорошо, внятно, не торопясь, и это очень любил. Последние годы его забавляли рассказы Аверченко и Теффи, отвлекая на несколько минут его воображение от злободневных забот.[...]

Жизнь Их Величеств была безоблачным счастьем взаимной безграничной любви. За двенадцать лет я никогда не слыхала ни одного громкого слова между ними, ни разу не видела их даже сколько-нибудь раздраженными друг против друга. Государь называл Ее Величество «Sunny»(Солнышко). Приходя в Ее комнату, Он отдыхал и, Боже сохрани, какие-нибудь разговоры о политике или о делах.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Кн. 4. Париж, 1922. С. 43–44.

3-го Июня. Пятница. Отправился на кадетский плац с Ольгой, Татьяной и Алексеем – на смотр гимнастики некоторых гимназий и реальных училищ Харьковского уч[ебно-го] округа. Результаты весьма удовлетворительные. Там продувало, и от ворот Александрии вернулся с Алексеем пешком. В ковш перед домом был приведен маленький моторный катер для Алексея «Орленок». Прошелся на нем немного с ним.

Дневник Государя Императора Николая Алексан-

6-го Июня. Понедельник. Осматривал все новые переделки на Яхте. Завтракали в 12 ½. Только Алексей съезжал на свой остров с юнгами.

Там же.

[...] Я еще немного поиграл по приглашению очаровательного А[лексея] Н[иколаевича] в жмурки с ним, двумя юнгами и Деревенькой на юте. А. Н. очень веселился, раскраснелся и, уходя, ужасно мило спрашивал юнгов, что «правда, очень веселая игра?»

6. VI. 1911. «Штандарт»

Отрывок из письма Е.С. Боткина своим сыновьям. В кн. Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской Семье. М., 1993. С. 106.

Все были так добры к нашим маленьким, что я просто расстроган. Государь подал им руку, Императрица поцеловала их смиренные головки, а о Великих Княжнах они Вам сами напишут.

Бесподобно было свидание Алексея Николаевича с Глебом⁷⁹. Сперва он и Тане⁸⁰, и Глебу говорил «Вы» но скоро

⁷⁹ Глеб – Глеб Евгеньевич Боткин, сын Е. С. Боткина. После революции в эмиграции. Автор книги «The Real Romanovs». New-York; Revell, 1931.

⁸⁰ Таня – Татьяна Евгеньевна Боткина, в замужестве Мельник, дочь Е. С. Бот-

перешел на «ты». Одним из первых вопросов к Глебу был: «Как называется это отверстие?» – «Не знаю», – смущенно ответил Глеб. «А ты знаешь?» – обратился А. Н. к Тане. «Знаю, – полупортик». Дальше опять вопросы Глебу: «Чей это костыль?» – «Папулин», – тихо отвечает Глеб. «Чей?» – удивленный вопрос. «Папулин», – повторяет окончательно смущенный Глеб. Тогда я объяснил, что значит это странное слово. А. Н. еще несколько раз потом, среди другого разговора, повторял свой вопрос, заинтересованный забавным ответом и, вероятно, смущением Глеба, но тот уже отвечал смело. Сегодня очаровательный А. Н. опять заходил ко мне и опять спрашивал про костыль. Ответ: «мой» – мало заинтересовал его, он снова спросил, и я уже ответил «папулин». Вчера, когда я днем лежал одиноко и грустил об уехавших детках, вдруг в обычное время пришла развлекать меня Анастасия Николаевна и захотела все делать для меня, что делали мои детки, например, дать вымыть руки. Пришла и Мария Николаевна, и мы с ней играли в нулики и крестики, а сейчас забегала Ольга Николаевна, право, точно Ангел, залетом. Добрая Татьяна Николаевна навещает меня каждый день. Вообще меня все страшно балуют. [...]

Отрывок из письма Е. С. Боткина. В кн. Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской Семье. М., 1993. С. 108–109.

кина. После революции эмигрировала. Автор книги «Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции». Белград, 1921.

30-го Июля. Суббота. Сегодня дорогому Алексею минуло 7 лет. Да благословит его Господь здоровьем и силою духа! День стоял жаркий, лучезарный. В 10 час. поехал с Алексеем в моторе к Большому дворцу и принял с ним депутации: Московского, Финляндского и 4-го стр[елкового] И[мператорской] Ф[амилии] полков, поднесшие ему офицерские мундиры, и затем депутации от войска Донского и калмыков, подарившие ему двух лошадей. Вернулся домой около 11 ч. и сейчас же поехал к обедне с Мишей и детьми. Завтракали дома. В 2 часа принял депутацию от Павлоградских гусар.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 257.

Наследник Цесаревич имел очень мягкое и доброе сердце. Он был горячо привязан не только к близким ему лицам, но и к окружающим Его простым служащим. Никто из них не видел от Него заносчивости и резкого обращения. Он особенно скоро и горячо привязывался именно к простым людям. Любовь Его к дядьке Деревеньке была нежной, горячей и трогательной. Одним из самых больших Его удовольствий было играть с детьми дядьки и быть среди простых солдат. С интересом и глубоким вниманием вглядывался Он в жизнь простых людей, и часто у Него вырывалось восклицание: «Когда я буду Царем, не будет бедных и несчастных,

я хочу, чтобы все были счастливы».

Все Его учителя говорили мне о выдающихся способностях Цесаревича; о его большом пытливом уме и о трудных вопросах, им задаваемых. Все восхищались благородством Его характера, добротою и отзывчивостью сердца. Один из самых близких к Нему учителей говорил мне в интимной искренней беседе: «В душе этого ребенка не заложено ни одной скверной или порочной черты; душа Его – самая добрая почва для всех добрых семян, если сумеешь их посадить и возрастить, то русская земля получит не только прекрасного и умного Государя, но и прекрасного человека».

На одной из станций, мимо которой проезжал царский поезд, возвращавшийся из Ливадии, к Государю подошел с просьбой один из железнодорожных чиновников. Он был обременен слишком большою семьею, и жалованья его не хватало на ее прокормление. Государь ласково выслушал его и сказал: «с этого дня ты будешь получать от меня еще тридцать рублей в месяц». Маленький Цесаревич, стоявший подле Государя и внимательно слушавший чиновника, положил свою пухленькую ручку на его рукав и сказал: «а от меня будешь получать сорок».

Любимой пищею Цесаревича были «щи и каша и черный хлеб, который едят все Мои солдаты», как Он всегда говорил. Ему каждый день приносили пробу щей и каши из солдатской кухни Сводного полка; Цесаревич съедал все и еще облизывал ложку. Сияя от удовольствия, Он говорил: «Вот

это вкусно, не то, что наш обед». Иногда, почти ничего не кушая за царским столом, Он тихонько пробирался со своею собакой к зданиям царской кухни и, постучав в стекло окон, просил у поваров ломоть черного хлеба и втихомолку делил его со своей кудрявой любимицей.

Цесаревич не был гордым ребенком, хотя мысль, что Он будущий Царь, наполняла все Его существо сознанием своего высшего предназначения. Когда Он бывал в обществе знатных и приближенных к Государю лиц, у него появлялось сознание своей царственности.

Однажды Цесаревич вошел в кабинет Государя, который в это время беседовал с министром. При входе Наследника собеседник Государя не нашел нужным встать, а, лишь приподнявшись со стула, подал Цесаревичу руку. Наследник, оскорбленный, остановился перед ним и молча заложил руки за спину; этот жест не придавал Ему заносчивости, а лишь царственную выжидающую позу. Министр невольно встал и выпрямился во весь рост перед Цесаревичем. На это Цесаревич ответил вежливым пожатием руки. Сказав Государю что-то о своей прогулке, Он медленно вышел из кабинета. Государь долго глядел ему вслед и наконец с грустью и гордостью сказал: «Да, с Ним вам не так легко будет справиться, как со Мною».

Цесаревич, русский всей душой, любил русские сказки. Но у него не было Пушкинской няни, которая зимними вечерами рассказывала бы Ему сокровища русской народной

поэзии... У Цесаревича было много книг и учителей. Он мог на блестяще изданных страницах прочесть об Иванушке-Дурачке, о Бабе-Яге, о Жар-Птице, о Коньке-Горбунке; Он мог бы учителей своих заставить рассказать себе, как темной ночью серый волк мчался с Аленушкой по дремучим лесам, как витязи за правдой-матушкой собирались в дальние края; но не учителей спросил Цесаревич об этом сказочном и правдивом царстве, созданном нашим народом, а обратился Он к незатейливым рассказчикам, у них захотел Он узнать родные сказки. С большими трудностями и волнениями, при помощи своего дядьки приводил Он вечерами в свою комнату солдат-сказочников из Сводного или Конвойного полков.

О них сообщали Цесаревичу Его простые друзья солдаты, всегда готовые столпиться вокруг сказочников послушать, как они «сказки сказывают». Солдата этого приводили, когда Цесаревич уже ложился спать, после того, как Государь и Государыня благословят Его на тихий спокойный сон; солдата вводили в Его опочивальню и из предосторожности сажали под кровать Цесаревича, так как в спальню каждую минуту могла войти Государыня, чтобы взглянуть тревожным и любящим взглядом на сына. Для Цесаревича в этих случаях было достаточно одной секунды, чтобы накрыться одеялом и притвориться крепко спящим. Целые часы проводил Он, свесившись головой с кровати, из-под которой Он узнал все русские сказки во всем их богатстве и глубине. Государыня узнала об этих ночных рассказах случайно, войдя в комнату,

когда Цесаревич так увлекся приключениями Бовы-Королевича, что не слышал Ее тихих шагов и все дальше и дальше сползал с постели к голове сказочника.

Офросимова С.Я. Царская Семья (из детских воспоминаний) // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Париж, 1925. Кн. 7. С. 233–236.

7-го Августа. Воскресение. В 10 час. отправились хорошим утром с Ольгой, Татьяной и Алексеем в Красное село на празднование 100-летнего юбилея Московского и Литовского полков. Это происходило впереди лагеря 2-й дивизии.

Алексей в первый раз надел офицерский мундир. Все прошло в полном порядке, парад был отличный, в зимней форме. В 12 ½ вернулся в свой дом, откуда отправил детей в Петергоф.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 257.

21-го Августа отпраздновали первую свадьбу – Иоанчика и Елены Сербской. [...] Мы взяли Алексея на эту свадьбу, он был доволен присутствовать в офицерской форме стрелков Императорской Фамилии, в которой он был похож на фигурку, сделанную Фаберже. Он шел с Анастасией сейчас за мною и нисколько не стеснялся непривычною обстановкою и присутствием стольких людей. [...]

Сандро провел здесь 2 недели на ферме. Он с двумя ма-

ленькими всегда завтракал с нами.

Алексей проводил целые дни с ними и очень подружился с обоими.

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери, вдовствующей Императрице Марии Феодоровне.// ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2331.

21-го Августа. Воскресение. Был с детьми у обедни. В 2 ½ отправились во Дворец. Все 4 дочери в кокошниках, Алексей в офицерском мундире 4-го стр. Имп. Фам. полка. Присутствовали при одевании невесты. Ровно в 3 часа шествие тронулось в Церковь. Аликс просидела во время свадьбы Иоанчика и Елены в китайской комнате. Вернулись в белую залу в 4 ¼. Простились с молодыми и уехали к себе.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 257.

Воскресение. 21 Августа. Петергоф. Свадьба была назначена в 3 ч. [...] Голову невесты убирали перед золотым туалетом Анны Иоанновны в комнате между белой залой и Петровской. При этом присутствовали Их Величества. При туалете были еще мы с женой, Оля, Татиана; Наследник в форме подпоручика стрелков Импер. Фамилии при цепи с красной лентой – точно очаровательная игрушка – царские четыре дочери.

Дневник Великого Князя Константина Константи-

новича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 63.

Суббота. 27 Августа. (28 Августа). Александрия. Императрица видимо чувствовала себя лучше, сама разливала всем чай и была оч[ень] приветлива. За чаем были три старшие дочери, а Анастасия и Алексей только присутствовали, не садясь.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 63.

Общий порядок дня Его Высочества распределяется так: утром Цесаревич совершает 2-х часовую прогулку, затем идет к Августейшим Родителям завтракать и спит, затем вновь следует прогулка пешком или в экипаже. После прогулки Его Высочество отправляется к Родителям, остальное время, до и после обеда, посвящается играм. Во время пребывания в Петергофе вдовствующей Государыни Императрицы Марии Феодоровны Цесаревич во время прогулок часто посещает свою Августейшую Бабку в Коттедже, где Ее Величество имеет пребывание.

Зимою Цесаревич иногда ездит на прогулку в русских пошевнях, а иногда прогулки совершаются верхом, на маленькой лошадке. На прогулке Его Высочество сопровождают няня, а также дядька Андрей Деревенько. Любимые игры Цесаревича – военные. С необыкновенною серьезностью он продельывает ружейные приемы. Ружье поднесено Его Высо-

честву Тульским оружейным заводом. В душе будущего Державного Вождя русской армии уже зреет любовь к солдату: с большим удовольствием Он сопровождает Государя-Родителя на парады. [...]

Так растет и развивается юный Цесаревич, окруженный заботами Царственных Родителей и хранимый Богом, по молитвам Своего Небесного Покровителя, св. митрополита Алексия, и многих миллионов простых русских людей. Его рождение было исполнением горячего желания Царя и России. Он вырастает к великому подвигу царского служения, в Нем надежды на будущее России. По воле Их Величеств Цесаревич носит имя святого, имевшего великое значение в былых судьбах нашей Родины. Св. митрополит Московский Алексий был не только великим святителем русской Церкви, но и одним из больших людей в русской истории. Мудрый опекун и советник Великого Князя Московского Дмитрия Донского, «строитель» Государства Московского, страдалец за землю русскую в тяжелые дни татарщины, св. Алексий принадлежит к числу людей, на костях которых воздвиглось могущество России.[...]

Наследнику Цесаревичу исполнилось 7 лет, наступает пора учения и приготовления к великому служению. Простые русские люди, няня Вишнякова и матрос Андрей Деревенько уступят первое место наставникам, игры все больше будут сменяться учением. Да поможет же Царственному Отроку Его Небесный Покровитель своими молитвами у Престо-

ла Божия, да поможет, чтобы в Цесаревиче воспитались те великие силы духа и разума, которыми Он Сам при жизни послужил Св. Руси. Об этом и мы должны непрестанно возносить молитвы Всевышнему.

Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич. СПб., 1911. С. 18–30.

29-го Августа. Понедельник. Холодным серым утром в 11 часов приехали в Киев. На станции в числе встречавших были Андрей и Сергей⁸¹; почетный караул от 129-го Бессарабского полка. На улицах встреча была самая сердечная и порядок полный. Стояли шпалерами войска и дети учеб. заведений. Мы ехали с Ольгой и Алексеем, остальные с Е. А. Нарышкиным. В Софийском соборе был краткий молебен, после кот. приехали во Дворец около 12 час. На дворе стали: почет[ный] кар[аул] от 130-го Херсонского п[олка], высшее военное начальство и соединенная депутация от монархических организаций. Завтракали одни с детьми.[...] Поехали, как утром, в Печерскую Лавру. Осмотрели новую трапезную и спустились к ближним пещерам, кот. я обошел с детьми. Затем осмотрели самую древнюю церковь Спаса на Бересте и вернулись домой в 4 $\frac{3}{4}$.

Дневник Государя Императора Николая Алексан-

⁸¹ Андрей и Сергей – Великие Князья Андрей Владимирович и Сергей Михайлович

30-го Августа. Вторник. В 10 ½ отправился с Ольгой, Татьяной и Мари в Михайловский монастырь, откуда по окончании обедни пошел за крестным ходом к памятнику Анпапа⁸². После освящения его войска прошли церемон. маршем. К этому прибыла Аликс с Анастасией и Алексеем. Вернулись домой ровно в час.

Там же.

Милая дорогая Мама!

Наконец нахожу время написать тебе о нашем путешествии, которое было наполнено самыми разнообразными впечатлениями, и радостными, и грустными.

Начну по порядку. Последние недели в Петергофе были переполнены: встречи, официальные приемы, две свадьбы и маневры – все это проходило, как кинематограф. Тебе, наверное, писали и описали обе свадьбы⁸³ – в Петергофе и в Павловске. Потом в Царском Селе я осматривал почти четыре часа подряд выставку в память 200-летия Царского, устроенную в парке около Большого дворца и вокруг озера. Наконец, в самый день нашего отъезда я был в Петербурге на

⁸² *Анпапа* – дедушка (*фр.*). – Имеется в виду Император Александр II, Освободитель.

⁸³ Свадьба Князя Иоанна Константиновича и Елены, принцессы Сербской, и свадьба Княжны Татьяны Константиновны, дочери Великого Князя Константина Константиновича, с князем Багратионом-Мухранским.

спуске «Петропавловска»⁸⁴, который был чрезвычайно эффектным и привел меня в такое умиление, что я чуть-чуть не разрыдался, как дитя.

В тот же вечер, 27 августа, мы поехали в Киев, куда прибыли 29-го утром. Встреча там была трогательная, порядок отличный. Сейчас же начались у меня приемы. Из Болгарии был прислан Борис для возложения венка от отца и народа на памятник Анпапа. Освящение состоялось 30 августа при хорошей погоде: мы приехали с холодом и дождем. [...] Я порядочно уставал, но все шло так гладко, подъем духа поддерживал бодрость, как 1-го вечером в театре произошло пакостное покушение на Столыпина. Ольга и Татьяна были со мною тогда, и мы только что вышли из ложи во время второго антракта, так как в театре было очень жарко. В это время мы слышали два звука, похожие на стук падающего предмета; я подумал, что сверху кому-нибудь свалился бинокль на голову, и вбежал в ложу.

Вправо от ложи я увидел кучу офицеров и людей, которые тащили кого-то, несколько дам кричало, а прямо против меня в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и благословил воздух левой рукой.

Тут только я заметил, что он побледнел и что у него на кителе и на правой руке кровь. Он тихо сел в кресло и начал расстегивать китель. Фредерикс и профессор Рейн помогали ему.

⁸⁴ «Петропавловск» – русский линейный корабль.

Ольга и Татьяна вошли за мною в ложу и увидели все, что произошло. Пока Столыпину помогали выйти из театра, в коридоре рядом с нашей комнатой происходил шум, там хотели покончить с убийцей; по-моему, к сожалению, полиция отбила его от публики и увела его в отдельное помещение для первого допроса. Все-таки он был сильно помят и с двумя выбитыми зубами. Потом театр опять наполнился, был гимн, и я уехал с дочками в 11 час. Ты можешь себе представить, с какими чувствами.

Аликс ничего не знала, и я ей рассказал о случившемся. [...] На Татьяну оно произвело сильное впечатление, она много плакала, и обе плохо спали.

Бедный Столыпин сильно страдал в эту ночь, и ему часто впрыскивали морфий. [...]

Вернулся в Киев 3 сентября, вечером, заехал в лечебницу, где лежал Столыпин, видел его жену, которая меня к нему не пустила. 4 сентября поехал в 1-ю Киевскую гимназию – она праздновала свой 100-летний юбилей. Осматривал с дочерьми военно-исторический и кустарный музей, а вечером пошел на пароходе «Головачев» в Чернигов. В реке было мало воды, ночью сидели на мели минут 10 и впоследствии всего этого пришли в Чернигов на полтора часа позже. Это небольшой городок, но так же красиво расположенный, как Киев. В нем два очень древних собора. Сделал смотр пехотному полку и 2000 потешных, был в дворянском собрании, осмотрел музей и обошел крестьян всей губернии. Пospел на пароход

к заходу солнца и поплыл вниз по течению.

6 сентября в 9 час. утра вернулся в Киев. Тут на пристани узнал от Коковцова о кончине Столыпина. Поехал прямо туда, при мне была отслужена панихида. Бедная вдова стояла как истукан и не могла плакать; братья ее и Веселкина находились при ней.[...]

Приехали сюда 7 сентября.[...]

На следующий день, 8 сентября, сделал смотр Черноморскому флоту и посетил корабли: «Пантелеймон», «Иоанн Златоуст» и «Евстафий». Последние два совсем новые. Действительно, блестящий вид судов и веселые, молодцеватые лица команд привели меня в восторг, такая разница с тем, что было недавно. Слава Богу!

Всего на рейде стоит: 6 броненосцев, 2 крейсера, 20 больших миноносцев и 2 транспорта. В этом составе эскадра обошла все Черное море и также заграничные порты.[...]

Утром ездил с детьми к обедне на братское кладбище, которое теперь приведено в большой порядок благодаря комитету севастопольской обороны Сандро и его помощника ген. Зайончковского. [...]

Я нахожусь в переписке с Коковцовым относительно будущего министерства внутренних дел. Надо, чтобы вновь назначаемый знал хорошо полицию, которая сейчас в ужасном состоянии. Этому условию отвечает государственный секретарь Макаров; он был товарищем при Столыпине и год тому назад составил законопроект о полиции. Я еще думаю о Хво-

стве, бывшем вологодским губернатором, теперь он в Нижнем. Не знаю, на ком остановиться. Теперь пора кончать.

Христос с тобою! Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама. Поклон всем.

Сердечно тебя любящий твой Ники. 10 сентября 1911 г.
Севастополь

Письмо Государя Императора Николая Александровича матери, вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 81–83.

13-го Сентября. Вторник. Севастополь. В 10 час. на яхту были привезены мальчики приюта-корабля имени Алексея; они проделали ружейные приемы, повороты и гимнастику. Одеты они как матросы и выглядят крепышами, так хорошо кормлены.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 257.

14-го Сентября. Среда. Севастополь. Отправился на паров. катере «Кит» с Татьяной, Мари, Анастасией и Алексеем в море. Зашли в Карантинную бухту, подошли к Бельбеку и затем прошли в глубину Северной бухты мимо всей эскадры. После отличной прогулки вернулись в 4 ¼ на яхту.

Там же.

17-го Сентября. Суббота. Начали готовиться к съемке с якоря и в 1 ¼ вышли из Севастополя при громе салюта с батарей. Сели завтракать в 12 час. после Херсонеса. Из-за каждого мыса ветер становился сильнее и от Ай-Тодора волна пошла крупная. В 3 ¼ подошли великолепно к молу. Обойдя всех, вернулся на яхту, мол опустел, и нас повернули носом к морю. Прогулялся на нем с детьми и офицерами. Волны были очень большие, но яхта совсем не двигались. Остались жить на ней в Ялте несколько дней.

Там же.

20-го Сентября. Вторник. В два часа простились со всеми на «Штандарте» и торжественно проехали через Ялту в Ливадию. Странное чувство было увидеть на старом знакомом месте новый белый дом. Чудная рота Эриванского полка стояла в почет[ном] карауле. У подъезда встретили служащие Ливадии с хлебом-солью и Краснов⁸⁵ со своими помощниками и десятниками по постройке дворца. Прошли в церковь к молебну и затем начали осмотр комнат. [...] Сделал небольшую прогулку с Алексеем.

Там же.

В следующий раз, когда мы вернулись в Ливадию (1911), старый дворец уже не существовал, а на его месте был по-

⁸⁵ Краснов Н. П. – архитектор, построивший новый Ливадийский дворец в 1910–1911 гг.

строен новый дворец архитектором Красновым, тем самым, который выстроил дома в имениях Великого Князя Георгия Михайловича и Великого Князя Николая Николаевича. В самом деле, построить в два года не только дворец, который был одним из самых красивых на южном берегу Крыма, но вместе с тем огромный свитский дом и службы – целый город, было почти волшебством. Отправляясь в Крым, Их Величества радовались увидеть новый дворец. [...]

Когда мы проехали виноградники, глазам нашим представился новый дворец – белое здание в итальянском стиле – окруженный цветущими кустами на фоне синего моря. Их Величества прошли прямо в дворцовую церковь, где был отслужен молебен, и вслед за духовенством, которое кропило здания, последовали в свои помещения. Первые дни были посвящены устройству комнат и размещению оставшихся и привезенных вещей. Я много помогала Императрице развешивать образа, акварели, расставлять фотографии и т. д. Спальня Их Величеств выходила на большой балкон с видом на море: налево в угловой комнате был кабинет Императрицы, уютный, с окнами на Ялту, с светлой мебелью и массой цветов; направо от спальни находился кабинет Государя с зеленой кожаной мебелью и большим письменным столом посреди комнаты. Наверху находились также семейная столовая, комнаты Великих Княжон и Наследника и их нянь и большая белая зала. Внизу были приемная, гостиная, комнаты для гостей и огромная столовая, выходящая на маври-

танский дворик, где вокруг колодца были посажены розаны.

Императрица организовала четыре больших базара в пользу туберкулезных в 1911, 1912, 1913 и 1914 гг.; они принесли массу денег. Она сама работала, рисовала и вышивала для базара, и, несмотря на свое некрепкое здоровье, весь день стояла у киоска, окруженная огромной толпой народа. Полиции было приказано пропускать всех, и люди давили друг друга, чтобы получить что-нибудь из рук Государыни или дотронуться до ее платья. Она не уставала продавать вещи, которые буквально вырывали из ее рук. Маленький Алексей Николаевич стоял возле нее на прилавке, протягивая ручки с вещами восторженной толпе. Императрица отправлялась в Ялту в шарабанчике с корзинами белых цветов, дети сопровождали ее пешком. Восторгу населения не было предела. Народ, в то время не тронутый революционной пропагандой, обожал Их Величества, и это никогда нельзя забыть.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Кн. 4, Париж, 1922. С. 38.

20-го Октября. Четверг. Исповедывались в разное время, младшие сначала, – Алексей в первый раз.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 257.

21-го Октября. Пятница. В 9 ½ всею семьею пошли к обеду и причастились Св. Таин.

Там же.

Жизнь Алексея Николаевича была одна из самых трагич-ных в истории царских детей. Он был прелестный, ласковый мальчик, самый красивый из всех детей. Родители и его ня-ня, Мария Вишнякова, в раннем детстве его очень баловали, исполняя его малейшие капризы. Это понятно, так как ви-деть постоянные страдания маленького было очень тяжело: ударится ли он головой или рукой о мебель, сейчас же по-являлась огромная сильная опухоль, показывающая на внут-реннее кровоизлияние, причинявшее ему страшные страда-ния. Пятишести лет он перешел в мужские руки, к дядьке Деревеньке. Этот его не так баловал, хотя был очень предан и обладал большим терпением. Слышу голосок Алексея Ни-колаевича во время его заболевания: «Подними мне руку», или «Поверни ногу», или «Согрей мне ручки», и часто Де-ревенько успокаивал его. Когда он стал подрастать, родите-ли объяснили Алексею Николаевичу его болезнь, прося быть осторожным. Но Наследник был очень живой, любил игры и забавы мальчиков, и часто бывало невозможно его удержать. «Подари мне велосипед», – просил он мать. «Алексей, ты знаешь, что тебе нельзя». – «Я хочу учиться играть в теннис, как сестры!»

— «Ты знаешь, что ты не смеешь играть». Иногда Алексей Николаевич плакал, повторяя: «Зачем я не такой, как все мальчишки?» Частые страдания и невольное самопожертвование развили в характере Алексея Николаевича жалость и сострадание ко всем, кто был болен, а также удивительное уважение к матери и всем старшим.

Наследник принимал горячее участие, если и у прислуги стрясется какое-нибудь горе. Его Величество был тоже сострадателен, но деятельно это не выражал, тогда как Алексей Николаевич не успокаивался, пока сразу не поможет. Помню случай с поваренком, которому почему-то отказали от должности. Алексей Николаевич как-то узнал об этом и приставал весь день к родителям, пока они не приказали поваренка взять обратно. Он защищал и горой стоял за всех своих.

Алексей Николаевич отличался большими способностями, учился вроде Ольги Николаевны, любимой его игрой были солдатики, которых у него было огромное количество, он часами расставлял их на большом столе, устраивая войны, маневры и парады. Деревенько, или «Дина», как называл его Наследник, принимал участие во всех этих играх, равно как его сыновья, два маленьких мальчика, и сын доктора Деревенко, Коля. Последние годы приезжали маленькие кадеты играть с Наследником. Всем им объясняли осторожно обращаться с Алексеем Николаевичем. Императрица боялась за него и редко приглашала к нему его двоюродных братьев, резвых и грубых мальчиков. Конечно, на это сердились род-

ные.

Вся царская семья любила животных.[...] У Алексея Николаевича был «спаниель-рой» и большой кот, подаренный генералом Воейковым. Кот этот спал на его кровати. У Татьяны Николаевны был маленький буль «Ортипо» и «Джимми» – кинг-чарлс, которого я ей подарила и которого нашли убитым в Екатеринбургском доме, где были заключены Их Величества.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Кн. 4. Париж, 1922. С. 52–54.

29-го Октября. Суббота. В 11 час. поехал в моторе с детьми в Ореанду на парад Виленскому полку по случаю освящения нового знамени и 100-летнего юбилея. Полк представился образцово. Сели завтракать около часа; все поместились в большой столовой – 140 приборов. После завтрака и разговоров снялся с Алексеем группой с офицерами.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 257.

Милая Бабушка!

Поздравляю Тебя с днем Твоего рождения. Я уже начал учиться. Читаю и пишу каждый день. Складываю буквы, как Ты знаешь. У нас была гроза. Любящий Тебя внук Алексей.

9 ноября 1911 г. Ливадия

Письмо Цесаревича вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ОПИ ГИМ⁸⁶. Ф. 180. Оп. 1. Ед. хр. 361.

Во время пребывания Царской Семьи в Крыму, что обычно бывало осенью, офицеры Черноморского флота приглашались по очереди в Ливадию к Высочайшему завтраку.

В один из таких завтраков мой отец получил тоже приглашение. Приглашенные рассаживались за столом согласно заранее разложенным карточкам с указанием чина и фамилии.

Наследник Цесаревич, которому в то время (1911 г.) исполнилось 7 лет и который, как известно, обладал живым и игривым характером, увидя на приборе моего отца карточку с надписью: «Капитан II ранга», попросил у моего отца карандаш и зачеркнул им цифру II, заменив ее цифрой III (ранга), и подписал: «Алексей».

Эту милую шалость заметил Государь, который подошел к моему отцу и так же мило сказал: «Алексей, вероятно, хотел произвести Вас в следующий чин, а на самом деле вышло наоборот!»

К сожалению, эту историческую карточку не удалось сохранить и вывезти из Сов. России, и она очевидно пропала.

Записано со слов дочери капитана II ранга П.А.Геринга,

⁸⁶ ОПИ ГИМ – отдел письменных источников Государственного исторического музея.

А.П.Аладыной. В кн.: Государь Император Николай II Александрович.

Сборник памяти 100-летия со дня рождения. Нью-Йорк, 1968. С. 207–208.

28-го Ноября. Понедельник. В 2 ½ пошли на игру. Алексей тоже учился играть в теннис во время отдыха партий.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 257.

Тысячами народ и после 4 сентября, до самой поздней осени 1911 года, посещал Белгород для поклонения новопрославленному святому⁸⁷. Завершением же всего этого всенародного паломничества и светлых дней сентябрьского торжества было посещение Белгорода и поклонение мощам святителя и чудотворца Иоасафа Государя Императора и Государыни Императрицы со всеми их Августейшими Детьми. Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем Алексеем Николаевичем и Их Императорскими Высочествами Государынями и Великими Княжнами: Ольгою Николаевной, Татианой Николаевной, Марией Николаевной и Анастасией Николаевной⁸⁸. 16-го де-

⁸⁷ Имеется в виду святитель Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский и Обоянский (1705–1754), был причислен к лику святых в 1911 году.

⁸⁸ Вещественным памятником этого Высочайшего посещения остается лист с Царскими автографами... и книга с чернильницею и пером, которыми подписывала свои имена вся Царская Семья. Художественной работы папка, книги для

кабря 1911 г. в 5 час. вечера в Белгородском женском монастыре высокопреосвященнейшим Стефаном, архиепископом Курским и Обоянским, в присутствии военных и гражданских властей, по случаю выезда Царской Фамилии с юга, был отслужен молебен о благополучном путешествии Их Императорских Величеств и Высочеств; за молебном прекрасно, художественно и с глубоким сердечным чувством пел хор монахинь. С этого моления весь Белгород, можно сказать, исключительно отдался светлым ожиданиям. Утром 17-го декабря в Знаменской Церкви мужского Белгородского монастыря, преосвященным Иоанникием была отслужена Божественная Литургия, за которою на сугубой ектении, после прошений о путешествующих, была прочтена, за царскою обычною молитвою, и молитва о благополучном шествовании Их Величеств. С утренних часов многочисленные толпы народа уже стояли по улицам города, и с каждым часом эти толпы все более и более увеличивались. Среди народа также стали учащиеся в духовных и светских учебных заведениях г. Белгорода. У пяти храмов, находившихся на пути Высочайшего следования, стояло духовенство с причтами в облачениях. Город разукрасился флагами. Торжественный благовест возвестил прибытие царского поезда, в 2 часа 40 минут по местному времени. По прибытии императорского поезда, Их Величества с Августейшими Детями прошли в

почетных гостей и чернильница были исполнены в Москве по инициативе кн. Н. Д. Жевахова на средства обители.

вокзал первого класса, где Их Величествам представлялись собравшиеся там депутации, которые и были приняты милостиво; так же милостиво были приняты от игумении Белгородского Троицкого монастыря Леониды иконы и различные подношения работы монахинь, вызывавшие при том общее восхищение тонкостью своего исполнения. По приеме депутатий дворян, Союза Русского Народа, земства и др. Их Величества в двух открытых экипажах отправились в монастырь. При следовании Августейших Особ народ везде восторженно встречал самодержавного своего Государя и Его Семейство могучим криком «ура!» и пением «Боже, Царя храни». На всех колокольнях был праздничный трезвон, тысячепудовый монастырский колокол величественно покрывал все другие колокола, лил море звуков. Когда Государь и Государыня и Дети Их проезжали мимо храмов, священники осеняли Их крестом, диакона кадили; а прочий клир и народ воодушевленно пели: «Спаси, Господи, люди Твоя». Их Величества благоговейно осеняли себя крестным знамением.

Особенный восторг народа и у многих слезы умиления вызывались тем, что вместе с Его Августейшим родителем снимал шапочку и осенял Себя крестным знамением Государь Наследник. Много молитвенно-пламенных благожеланий и благословений воссылалось в эти минуты на юную главу Царственного Отрока! На площадке, против колокольни мужского монастыря, Высочайших паломников уже ожидали: высокопреосвященнейший архиепископ Стефан с кре-

стом в руках, и преосвященные викарии Иоанникий и Никодим, и многочисленный сонм духовенства и братии монастыря; из белого духовенства во встрече участвовали: смотритель Белгородского училища и семинарских классов протоиерей П. Смольский, благочинный протоиерей В. Платонов, председатель отдела училищного совета прот. В. Солодовников и инспектор классов епархиального училища, священник протоиерей В. Лимаров; ключарь священник В. Одинцов из Курска и курский протодиакон В. Попов; пел стройно хор Белгородского мужского монастыря. Как только остановились экипажи и Их Величества изволили выйти, звон на монастырской колокольне прекратился. Архиепископ Стефан осенил Их Величества и Их Высочества крестом, и духовенство во главе с архипастырями, все в золотых облачениях, двинулись в храм с пением тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя», вместе с священнослужителями пела братия монастыря, стоявшая в мантиях с двух сторон прохода, устланного цветным сукном; впереди шли священники, за ними преосвященный викарий, потом в предшестве примикирия⁸⁹ и диаконов с дикириями и трикириями, архиепископ с крестом в руках и Их Величества с Их Высочествами. В храме пение тропаря было повторено певчими, стоявшими на левом клиросе. Когда Их Величества и Их Высоче-

⁸⁹ *Примикирий* – (от *греч.*) – начальник первой роты, капитан. В церковном клире так называли начальствующего над певчими, головщика. Также название церков нослужителя, несущего свечу при шествии архиерея в храм и во время малого и великого входа на Литургии.

ства сняли теплую одежду и прошли на средину храма, архиепископ при ветствовал следующей речью: «Ваши Величества. Благодетельнейший Самодержавнейший Государь, Благодетельнейшая Государыня! Великое Отечество наше, Святая Русь, по глубокому верованию русского народа, строится, кроме царственных трудов и забот своих самодержцев, молитвами св. угодников Божиих. Святые братии наши хотя и достигли в обителях Отца Небесного упокоения от всех треволнений житейского моря, однако не остаются равнодушными к нашим земным нуждам и интересам. Как глава Церкви, Господь наш Иисус Христос, пережив во дни плоти Своей все искушения, кроме греха, отзывается теперь Своею всеильною помощью на все наши искушения, бедствия и страдания, так и члены Небесной Церкви, болевшие во дни земной жизни своей человеческими нуждами и скорбями, представляют теперь пред Ним, как за личные нужды с верою к Нему обращающихся, так тем более за нужды всего любезного им земного их Отечества, испрашивая ему благословения Отца Небесного, отвращая от него праведно движимый гнев Божий. За Твое царствование, благодетельнейший Государь, Господь воздвиг на свещник такового молитвенного предстательства пред Ним святых Своих угодников: Феодосия, архиепископа Черниговского, Серафима Саровского и благоверную княгиню Анну Кашинскую. Теперь вновь Господь воздвиг усердного предстателя за Землю Русскую, за царствующий Дом в ней и за всех православ-

ных христиан – святителя Иоасафа, епископа Белгородского, здесь нетленно почивающего. А в знамение того, что его молитвы угодны Господу, Господь запечатлел их многочисленными чудесными исцелениями, в таких случаях, где совершенно бессильны были врачебная наука и врачи. Среди неусыпных царственных Твоих забот и трудов, одушевляемый общею с врученным Тебе православным народом глубокою верою в предстательство св. угодников Божиих, Ты, благочестивейший Государь, прибыл сюда, дабы возглавить собой тот великий сонм верующих людей, который притекал и притекает сюда, к многоцелебным мощам святителя Иоасафа, возглавить весь многомиллионный сонм великого православного русского народа, который в день прославления угодника Божия единым сердцем прославлял Бога за дарование нового Отечеству нашему предстателя и молитвенника на Небесах. Сердца этих многих миллионов православного народа теперь сливаются с сердцем Царским в общенародном подвиге благочестия. Подкрепляемые верою и благочестием Помазанника Божия, они забьются теперь новыми усердными молитвами к угоднику Божию, о Тебе, Царе своем, возлюбленном Отце Отечества, о Царице нашей – Матери Отечества, и о всем Твоем Царственном Семействе. Гряди же, благочестивейший Государь, и со смирением припади к священной раке новоявленного угодника Божия, и раскрой пред ним свое царственное сердце в усердной молитве за Себя, Свое Семейство и за врученное Тебе от Бога вели-

кое Отечество наше». После приветствия Их Величества Их Высочества приложились к св. кресту и приняли окропление св. водой, а затем все прошли к раке святителя и чудотворца Иоасафа, где среди множества теплившихся лампад находилась и лампада – дар Его Величества от всей Царской Семьи. Их Величества и Их Высочества, приложившись к святым мощам, изволили встать недалеко от головной части сени. Архиепископ встал в изголовие святых мощей, а преосвященные Иоанникий и Никодим слева – вдоль раки; за ними, у ступени, разместилось остальное духовенство. Был совершен молебен святителю и чудотворцу Иоасафу. Молитва святителю была прослушана всеми коленопреклоненно. Их Величества и Их Высочества молились коленопреклоненно во время молебна и после него снова приложились к святым мощам. После поклонения святым мощам Их Величествам и Их Высочествам были поднесены святые иконы святителя Иоасафа и просфоры. Государю Императору и Государыням Великим Княжнам святые иконы поднес архиепископ Стефан, а Государыне Императрице и Государю Наследнику преосвященный Иоанникий. При поднесении иконы Государю Императору архиепископ сказал следующую краткую речь: «В благословение Ваших царственных трудов и забот благоволите, Ваше Величество, принять сию икону святителя Иоасафа, освященную на его честных мощах. Молитвами святителя да благословит Господь царственные труды Ваши во славу Вашего Величества, к миру и благодению

Церкви и Отечества». При поднесении св. иконы Великой Княжне Ольге Николаевне было сказано: «В благословение Вашего жизненного пути примите, Ваше Высочество, святую икону святителя Иоасафа, освященную на его честных мощах. Молитвами святителя да управит Господь жизненный путь Ваш в здравии, счастии и благоденствии на многие лета!» То же приблизительно говорил архиепископ прочим Великим Княжнам при благословении их иконами. При поднесении иконы Ее Величеству Преосвященный Иоанникий сказал следующее: «Ваше Императорское Величество, Благодетельнейшая Государыня! Теплится у раки драгоценная лампада, усердный дар Царской Семьи. А на небе возносит святитель и чудотворец Иоасаф молитву Богу, Который апостолам Своим заповедал сохранять во всех путях – венценосных Царя, Царицу и дорогих Детей Их. Радуюсь о посещении Царской Семьей места Божией славы, Белгородская Троицкая обитель всепреданнейше подносит Вашему Императорскому Величеству святой образ великого молитвенника святителя Иоасафа. Милосердый Господь по молитвенному предстательству его да благословит, укрепит и сохранит Вас на многие и многие лета!» При поднесении же святой иконы Его Высочеству: «Ваше Императорское Высочество! Премудрый Господь по молитвам великого угодника святителя и чудотворца Иоасафа призрит на всех на Вас с небесной высоты, благословит Вас и ниспошлет Вам Свою благодатную помощь для преуспевания и всестороннего развития,

для восхождения от силы в силу, от славы в славу. Радуюсь о посещении Вами места Божия величия, Белгородская Троицкая обитель всепреданно подносит Вам образ святителя и чудотворца Иоасафа, освященный на честных мощах его 4 сентября истекающего года, в день светлого торжества Русской Церкви и дорогого нашего Отечества». Затем Их Величества с Августейшими Детьми спускались в сопровождении архиепископа и преосвященного Иоанникия в пещеру святителя. Преосвященный Никодим и духовенство прошли к шкафу с облачениями угодника.

Их Величества и Их Высочества в пещерке осматривали гроб святителя, в котором почивало его тело до прославления, и колено преклоненно молились пред Владимирскою иконою Божией Матери – келейною угодника Христова. Отсюда они прошествовали к облачениям, которые и рассматривали особенно внимательно. Как в пещерке, так и у облачений и в храме вообще объяснения давал преосвященный настоятель обители епископ Иоанникий. Их Величества милостиво расспрашивали о времени построения собора, придела над пещеркою, самой пещерки и т. д. По обозрении облачений преосвященный Никодим, председатель братства, испросил у Его Величества соизволения на поднесение памятных изданий братства о святителе Иоасафе и, по получении милостивого согласия, поднес от Знаменского Богородичного братства его новейшие труды: третий том «Документов и дел святителя Иоасафа» – труд членов братства

– членов его церковно-археологической комиссии и «Сказание о жизни, подвигах и чудесах св. Иоасафа» – труд самого преосвященного (Их Величествам и Их Высочествам; Государю Императору, Государыне Императрице и Государю Наследнику оба эти издания, а Их Высочествам, Государыням Великим Княжнам «Сказание» о жизни святителя) – все в изящных кожаных и бархатных переплетах. По милостивом принятии этого подношения Их Величества с Августейшими Детьми, одевшись, тем же порядком вышли из собора, пробыв в храме около часу. При этом для членов братства особенно трогательно было видеть, как Государь Наследник, когда Его Родители и Сестры уже отдали книги свите, все еще до самого выхода из храма шел, держа в руке братские издания. В предшестве духовенства и архиереями августейшие паломники прошествовали под колокольною к экипажам. Владыка и преосвященные викарии проводжали Их до самых экипажей, где Их Величества и Их Высочества поочередно милостиво распростились с архиереями и сели: Государь Император и Государыня Императрица с Государем Наследником и Великой Княжной Ольгой Николаевной в один экипаж; а три Великие Княжны: Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна в другой. Его высокопреосвященство осенял святым крестом след отбывших, пока они не скрылись из виду. Снова повторились народные приветствия, на которые Их Величества и Высочества милостиво отвечали. По отбытии Их Величеств

с Августейшими Детями архипастыри возвратились в храм и совершили, при множестве умиленного народа и успевшем вернуться с вокзала г[осподине] командующем военного округа Н. И. Иванове, молебствие о благополучном путешествии Их Величеств и всего Августейшего Семейства. На другой день – 18 декабря, в воскресенье, было совершенно три архиерейских Литургии. Архиепископ служил в Белгородской Николаевской церкви при епархиальном училище, преосвященный Иоанникий в обители – у святителя Иоасафа, с молениями о благополучном окончании путешествия Царской Семьи. Преосвященный же Никодим Литургию совершил в Знаменском соборе Курского Знаменского монастыря, причем после Литургии молебен, с прошениями на ектении и молитвами о благополучном путешествии Их Величеств, был совершен Божией Матери пред чудотворною Ее иконою Знамения – Курскою. Этим Высочайшим посещением Их Величеств, поклонением святым мощам святителя Иоасафа как бы завершились великие дни белгородских торжеств.[...] Под сенью, в виде старинных русских церковных шатровых куполов, в литой серебристой раке, почивают благоуханные нетленные мощи святителя Иоасафа. Тихо теплится пред ними царская лампада, окруженная лампадою Ее Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и множеством других – этими приношениями лиц, которые пламенеют любовью и теплою верой к угоднику Христову, но не имеют возможности, как связанные узами плоти, про-

странства и времени, постоянно быть у святителя и в замену этого своего присутствия принесли такие лампы; эти лампы светом своего елеса служат отображением постоянного духовного пламенения их устроителей любовью к угоднику Христову! [...] И, как эти рака, сени и лампада, из рода в род будет переходить и сказание о царственном паломничестве к мощам новоявленного угодника Христова Их Императорских Величеств и Их Императорских Высочеств, которое и является по отношению к сентябрьским великим дням прославления святителя и чудотворца Иоасафа как бы завершением, царственным венцем их.

**Никодим (Кононов), епископ Белогородский и Обо-
янский. Святитель и чудотворец Иоасаф, епископ Бе-
логородский и Обоянский, и его причтение к лику свя-
тых Православной Русской Церкви. Харьков, 1916. С.
265–274. [Книга подарена Цесаревичу митрополитом
Питиримом (Окновым), о чем свидетельствует вло-
женный в нее листок].**

18-го Декабря. Воскресение. Приехали в Царское Село в 6.10.

**Дневник Государя Императора Николая Алексан-
дровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 257.**

25-го Декабря. Рождество Христово. [...] Были у обедни и молебна по случаю изгнания галлов и дванадесяти язык.

В 2 часа с Ольгой и всеми детьми отправился в Манеж на елку Конвоя и Сводного полка. По обыкновению были песни и балалаечники.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 257.

При Алексее Николаевиче состояли тогда няня Мария Ивановна Вишнякова и дядька боцман Деревенько, но няня была скоро сменена, и на ее месте появился гувернер-швейцарец м-сье Жильяр, образованный и удивительно милый человек, которого сразу все полюбили, а Алексей Николаевич завязал с ним тесную дружбу и вскоре заговорил по-французски лучше своих сестер.

Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской Семье. М., 1993.

Четверг. 5 Января. Павловск. 1912 г. Который раз приезжали играть с Георгием и Верой маленький Наследник, Мария и Анастасия Николаевны. После чаю у Веры они приходят в мой кабинет и играют у нас. Мы с женой опасались, что им это скучно, что на приход к нам смотрят, как на скучную обязанность. Но оказывается, они это очень любят. Милейшие дети.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 63.

Вербное Воскресенье. 18 Марта. (Страстн. Понедельник.)[...]

Недавно, 14-го, жена завтракала у Их Величеств и возмущалась поведением Наследника, который однако почти на 2 года старше Веры: он сидел развалившись, плохо ел, облизывал тарелки, дергал других. Государь часто отворачивался, может быть, чтобы не иметь необходимости выговаривать, а Императрица журила старшую дочь Ольгу за то, что она, сидя рядом с братом, не унимала его. А Ольга не может с ним сладить.

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 63.

Я не стану говорить о тех условиях, среди которых росла Императрица, о тех влияниях, которыми определилось Ее развитие и которые повлияли на формирование Ее характера. Все это теперь достаточно известно. Своего будущего супруга Она увидела впервые среди блеска русского Двора, когда Ей было всего 14 лет, и нет никакого преувеличения сказать, что Она полюбила Его всеми силами своей резко определенной души, не знавшей компромиссов, и сохранила это чувство неприкосновенным до самого последнего своего вздоха. От своего окружения в Дармштадте Она никогда не скрывала своего юношеского увлечения и гордилась им и теми первыми лучами истинного счастья, которые заблистали в Дармштадте в первое свидание Ее с будущим Ее же-

нихом перед помолвкой с ним. А в свою зрелую пору, уже на русском престоле, Она знала только одно это увлечение – своим мужем, как знала Она и безграничную любовь только к своим детям, которым Она отдавала всю свою нежность и все свои заботы. Это была в лучшем смысле слова безупречная жена и мать, показавшая редкий в наше время пример высочайшей добродетели.

Она вступила окончательно в русскую среду и впервые увидела ближе русскую жизнь среди глубоко трагических условий. Умирал в Ливадии в Крыму осенью 1894 г. Император Александр III. Она должна была по Его вызову срочно прибыть из Дармштадта для того, чтобы из Его рук получить благословение на брак с Наследником русского престола и принять от него два завета – любить своего мужа и свою новую родину. И Она свято выполнила эти заветы так, как Она понимала их. [...] Она выработала себе три основных начала, которыми была проникнута вся Ее жизнь в России с октября 1894 года и до самого рокового дня 17 июля 1918 года, то есть в течение 24 лет. Она приняла православную веру со всею своею непосредственностью и со всею глубиною, свойственной Ее природе, и стала православною в самом законченном и абсолютном смысле слова.

Ее новое религиозное настроение, охватившее всю Ее душу, влекло Ее ко всему, что имело прямое или косвенное отношение к Церкви. Ее интересовало все, и в особенности исторические судьбы Православной Церкви. Она изучала во

всех подробностях жизнь наиболее прославленных Церковью русских людей, их подвиги, их связь с наиболее известными моментами в жизни самой России, их участие в борьбе за русское национальное достоинство, за величие страны, среди выпавших на ее долю тяжелых условий пройденного ею исторического пути. Она близко изучила жизнь главных русских церковных центров – монастырей, которые были в Ее понимании не только местами единения верующих, но центрами тяготения к ним, как очагам просвещения и культуры русских людей, устремлявшихся к ним из самых отдаленных уголков необъятной страны. Она не упускала случая лично посещать наиболее известные церковные святыни, входила там в общение с духовенством, но, в особенности, Ее влекло к себе проявление такого же молитвенного настроения, которое росло и крепло в ней самой, не столько в людях из интеллигентной среды, сколько в среде простого народа, который Она считала ближе к Богу и к истинному пониманию Его, нежели людей, затронутых культурой.

Это настроение Императрицы постепенно стало известным и в кругах населения, далеких от жизни двора.

Ей стали присылать старые иконы и различные предметы церковного обихода. Она все больше окружала себя ими и стала уделять еще больше времени изучению жизни русских церковных людей. По ее инициативе, на жертвуемые Ей суммы был выстроен в Царском Селе вблизи дворца, но в сто-

роне от исторических дворцовых построек елизаветинского и екатерининского времени великолепный Феодоровский храм, сооруженный в чисто русском стиле, и оборудованный, и украшенный Ее личными заботами и исключительно по Ее прямому выбору... В нем Она устроила себе уединенную комнату, скрытую от взоров молящихся, но дававшую Ей возможность следить за всем ходом богослужения.

Туда и приходила Она чаще всего одна, в часы богослужения, а иногда и вне их, и там предавалась Она своему действительному молитвенному настроению вне всякого общения с внешним миром. Там крепла Ее вера во все чудесное, и туда удалялась Она каждый раз, когда Ею овладевали всякого рода сомнения или заботы и осложнения жизни западали в Ее душу. Близкие к Императрице часто говорили, что Она выходила из Ее уединения в молельне Феодоровского храма совершенно переродившеюся и даже какую-то просветленною, и не раз они слышали от нее, что Она испытывала в своем уединении какое-то необъяснимое для нее самой разрешение всех Ее сомнений, и самая жгучая печаль сменялась такою легкостью жить, что Она боялась только одного, как бы какое-нибудь неосторожное слово, сказанное даже самыми близкими и дорогими для нее людьми, не вернуло Ее к повседневной жизни с ее злобой и неправдой⁹⁰.

⁹⁰ К этому можно добавить, что Императрица серьезно и практически занималась чтением творений святых отцов. В ГАРФ хранится несколько тетрадей Государыни (Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 301, 303, 319, 320) с Ее выписками из сочинений св. Иоанна Златоустого, Варсануфия Великого и Иоанна Пророка, из Доброто-

Мне приходилось на эту тему не раз разговаривать с одним из самых близких к Императрице людей – Ее фрейлиной, графиней Анастасией Васильевной Гендриковой и при том именно между половиной февраля 1912 года и декабрем 1913 года.[...]

Продолжая эту беседу, графиня Гендрикова каждый раз переходила на другую тему – на то религиозное, мистическое настроение, которое все глубже и глубже проникает все существо Императрицы. По ее словам, излюбленной темой всех интимных разговоров, которые происходят в присутствии Великих Княжон, когда нет никого посторонних, служит всегда область молитвы и самые разнообразные проявления того отношения человека к Богу, которое должно быть положено в основание всей жизни человека, если только он понимает свое призвание жить, как Она всегда выражалась, в Боге и слепом повиновении Его воле.

У Императрицы, по словам Ее фрейлины, было несколько положений, к которым Она постоянно возвращалась и которые составляли, так сказать, символ Ее веры. Она всегда и при каждом случае говорила:

«Для Бога нет ничего невозможного. Я верю в то, что, кто чист своею душою, тот будет всегда услышан и тому не страшны никакие трудности и опасности жизни, так как они непреодолимы только для тех, кто мало и неглубоко верует». «Никто из нас не может знать, как и когда проявится к нам

милость Божия, так же как и то, через кого будет проявлена она». «Мы мало знаем о необъятном количестве чудес, которое всегда, на каждом шагу, оказывается человеку Высшею силою, но мы должны искать и ждать ее чудес везде и всюду и принимать с кротостью и смирением всякое их проявление».

Я умышленно остановился на том, что передавала мне гр[афиня] Гендрикова, потому что едва ли кто-либо из непосредственного окружения Императрицы был так глубоко Ей предан, как это кроткое и в полном смысле слова прекрасное существо. Она мало выдвигалась на внешнюю близость к Императрице, но Она была одной из немногих близких Императрице и Ее детям, которая доказала это своим жертвенным подвигом, о котором, быть может, не все знают. [...]

Второю особенностью мировоззрения Императрицы Александры Феодоровны, которую Она усвоила себе рядом с религиозностью и постепенно восприняла как чисто политический догмат, была Ее вера в незыблемость, несокрушимость и неизменность русского самодержавия, каким оно выросло на пространстве своего трехвекового существования. Она верила в то, что оно несокруσιμο, потому что оно вошло в плоть и кровь народного сознания и неотделимо от самого существования России. Народ, по Ее убеждению, настолько соединен прочными узами со своим царем, что ему даже нет надобности проявлять чем-либо свое единение с царской властью, и это положение непонятно только тем, кто сам не проникнут святостью этого принципа. В незыблемой

вере в народную любовь к Себе русский Государь должен черпать всю свою силу и все свое спокойствие, и сомневаться в верности народа своему Государю могут только те, кто не знает народа, кто стоит далеко от него или не видит очевидных на каждом шагу проявлений его преданности исконным началам монархии.

Коковцов В. Н.⁹¹ Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Книга 2. М., 1992. С. 283–285, 290.

18-го Марта. Вербное Воскресение. Простились с яхтой в 5 час. и проехали в Ливадию в коляске с Алексеем и Ольгой.[...] После чая пошел с Алексеем к морю и вернулся в темноте, он следовал молодцом!

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

24-го Марта. Суббота. В 11 ½ пошли к последней великопостной службе, кот. окончилась в час дня. После завтрака раскладывал фарфоровые и каменные яйца внизу в своем кабинете. Аликс с детьми и офицерами яхты красили яйца наверху.

Там же.

⁹¹ *Коковцов В. Н.* (1853–1943) – граф, министр финансов Российской империи в 1904–1914 гг. (с перерывом в 1905–1906 гг.), председатель Совета Министров в 1911–1914 гг. После революции в эмиграции.

Май 14/27. Ливадия. «Штандарт». День Св. Духа. [...] От 1 до 7 был базар, было очень и очень весело. Утром в 9 ч. Ольга и я поехали на мол, устраивать вещи для базара. Офицеры с яхты также помогали. Потом была в церкви на яхте.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны.
1912 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 21.

18-го Мая. Пятница. Сделал отличную прогулку и показатся в двойке с Алексеем. С ним же принял в 12 ¼ Изъединова со всеми уездными предводит[елями] дворян[ства] Курской губ[ернии], кот. поднесли ему складень.[...]

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

28-го Мая. Понедельник. [...] В 2 часа приехали в Москву. [...]

Там же.

29-го Мая. Вторник. В 11 час. начался выход в Успенский собор, как всегда в Москве с особенностями – речи в залах и поднесение икон и хлеб-соли. После молебствия пошли в Чудов мон[астырь] и из Николаевского дворца вернулись к себе, где был семейный завтрак.[...]

Там же.

30-го Мая. Среда. В 10.40. поехал с Мишей к памятни-

ку дорогого Папа⁹²; обошел войска и приблизился к Храму Спасителя, когда Мама подъехала. Вышли из него крестным ходом к палатке, куда Аликс прибыла с Алексеем. По окончании освящения памятника войска внизу прошли мимо церем. марш. Погода была отличная, жаркая и с ветерком, и вся церемония вышла очень торжественная и красивая. Вернулись домой в 12 ¼.[...]

В 2 часа вышел на двор Спаса на Бору с Алексеем к обеду волостным старшинам. Там же московское дворянство поднесло ему большой образ. Принял с детьми болгарскую и сербскую депутации и поехал с детьми в Марфо-Мариинскую обитель Эллы, кот. она подробно показала мне.

После чая у нее вернулись домой в 5 ¼.

Там же.

31-го Мая. Четверг. При большой жаре начал принимать с 10 час. внизу отдельных лиц и наверху массу депутатий с Алексеем вместе.[...]

Там же.

1-го Июня. Пятница. В 11 час. вышел к Киевскому гренадерскому полку, выстроенному фронтом к окнам наших комнат, и назначил Алексея шефом его вместо Эллы. [...]

Там же.

⁹² Памятник Государю Императору Александру III в Москве.

Июнь 1/14. Пятница. Москва. Поезд.[...] Был парад гренад. Киевскому полку. Т[етя] Элла была раньше шефом, а сегодня Папа назначил Алексея. Потом поехали на станцию и уехали в Троицкую Сергиевскую Лавру. Завтракали в поезде. Т. Элла с нами. Там в монаст[ыре] был молебен. Потом у митрополита⁹³ пили чай. Вернулись в поезд и поехали в Царское Село.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1912 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 21.

2-го Июня. Суббота.[...] Поезд пришел в Царское Село в 5 ½ утра. [...]

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

7-го Июня. Четверг. Принял с Алексеем армянского католикоса Кеворка и выпуск правоведов. Покатался с Алексеем на прудах.

Там же.

Летом 1912 г. Их Величества ездили на два месяца в шхеры. Этим летом приезжала туда Императрица Мария Феодоровна. [...] Помню, как вечером, проходя мимо двери Алек-

⁹³ ...у митрополита. – Имеется в виду сщмч. Владимир (Богоявленский), в 1898–1915 гг. митрополит Московский и Коломенский. С 1915 г. митрополит Киевский. Принял мученическую кончину в 1918 г. Причислен к лику святых Русской Православной Церкви в 1992 г.

сея Николаевича, я увидела Императрицу-Мать, сидящую на его кровати. Она бережно чистила ему яблоко, и они весело болтали.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Кн. 4. Париж, 1922. С. 54–55.

В течение девяти дней, проведенных в балтийском порту, погода все время была прекрасная, что очень помогло удаче пребывания Императора Вильгельма. Он оставался три дня, и все прошло вполне удачно и просто.[...]

Мы обедали у него на яхте раз; он дал хорошие подарки детям и Алексею много игр в миниатюре.

30 Июня 1912 г. «Штандарт»

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2332.

20-го Июля. Пятница. Во время завтрака пришел кр[ейсер] «Аврора» с Григоровичем⁹⁴. В 2 ч. отправился осмотреть «Аврору», кот. 17-го вернулась из дальнего плавания. Нашел все в отличном виде, также и команду. Вернулся с Алексеем в 2 ½ на яхту.

⁹⁴ Григорович И. К. (1858–1930) – русский адмирал, морской министр в 1911–1917 гг. В эмиграции с 1923 г.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

28-го Июля. Суббота. В 3 ¼ стали на бочку в Кронштадте. Грустно было покидать милый «Штандарт». В 5 ½ пришли в Петергоф на «Александрии» без встречи.

Там же.

Вскоре по окончании лагеря я дежурил у Государя в Петергофе. Как всегда, я завтракал и обедал у Их Величеств в Александрии, в их небольшом, скромно обставленном дворце, на самом берегу Финского залива. Вечером, около восьми часов, я ждал в самой столовой выхода Государя и Государыни; пришел маленький восьмилетний Наследник Алексей Николаевич, одетый в белую матросскую голландку. Он стал шалить и говорить глупости, сел на пол и почему-то снял свой башмак. Помнится, я его за это укорял. Алексей обратился к стоявшему в столовой лакею и, указав на меня, сказал: «Выведи его!» Мне послышалось, что идет Государь, и я сказал Алексею: «Папа идет!» Алексей испугался и стал проворно надевать башмак. Наследник был большой шалун. Государь его подтягивал и строго говорил ему: «Алексей!» Наследник его побаивался и слушался.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб: Дюссельдорф, 1993. С. 111.

30-го Июля. Понедельник. Сегодня дорогому Алексею минуло 8 лет, да возрастит его Господь крепким духом и телом. В 9 час. он получил от нас подарки, и затем я отправился в Красное Село на военное поле. В общем параде принял участие 50 тыс. человек. Приятно было видеть полки по 2500 чел. Запасные вовсе не портили строя и не сбивались с ноги. Пуанкаре⁹⁵, франц[узские] морские офицеры и три командира прусских кавал[ерийских] полков присутствовали на параде. [...]

После чая поехали втроем с Алексеем на Ферму, где приняли его крестных отцов из Красного Села и много полковых депутатов. Назначил Алексея шефом 14-го гренадерского Грузинского полка. [...]

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

30 Июля.

... А чувство, брошенное скрытно
Залогом жизни в нашу грудь,—
Всегда одно и первобытно,
Чем было, тем оно и будь.

К. Вяземский.

⁹⁵ Пуанкаре Раймон (1860–1934) – президент Франции в 1913–1920 гг., премьер-министр в 1912–1913 гг., 1922–1924 и в 1926–1929 гг. Находился с визитом в России в июле – августе 1912 г., а также в июле 1914 г.

Стоим мы слепо пред судьбою.
Не нам сорвать с нее покров.

Тютчев.

Алексей. 1912. [Подпись.]

Дума за думой. Памятная книга на каждый день.
СПб., 1885.// ОР РГБ. Ф. 492. Оп. 1. Ед. хр. 23. С. 265⁹⁶.

Представилась полусотня маленьких казаков Семиреченского войска, которые сделали поход из своих станиц до г. Верного⁹⁷ и от него до железной дороги около Ташкента — 1500 верст, причем ни один не заболел, и ни одна лошадь не захромала.

Вчера они пришли сюда, чтобы Аликс и дети их видели.

Они подарили одну лошадку Алексею. Прodelав небольшое учение, они джигитовали совсем как большие. Весь Петергоф собрался, чтобы посмотреть на них.

8-го Августа 1912 г.

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2332.

⁹⁶ Книга принадлежала Великой Княжне Анастасии Николаевне и представляет собой художественно оформленный дневник с напечатанными стихотворениями, под которыми стоят подписи, сделанные разными лицами. Издание хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

⁹⁷ *Верный* – название города Алма-Ата до 1921 г.

16-го Августа. Четверг. В 2 ¼ отправились с Ольгой, Татьяной и Алексеем к Красному в расположение Уланского Ее Вел[ичества] полка. Тут произвели закладку новой лагерной церкви взамен сгоревшей от молнии этим летом.[...]

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

В конце августа Государь, Государыня с детьми и все лица Императорской Фамилии ездили в Бородино и Москву на торжества по случаю столетия Отечественной войны.[...]

25 августа прибыли на станцию Бородино Государь и Государыня с детьми.[...] Сразу же после приезда Государя мы все поехали на Бородинское поле сражения, на котором были выстроены войска, то есть представители частей, участвовавших в Бородинском сражении. Их было очень много.

Государь сел на лошадь и стал объезжать войска. Он был в форме Конной гвардии: Конная гвардия отличилась под Бородиным.[...] В тот же день был крестный ход, в котором несли чудотворный образ Смоленской Божьей Матери.[...] Государь со свитой шел за иконой, которую проносили перед войсками. Ее несли солдаты, меняясь по дороге, так как образ был очень тяжелый. Это та самая чудотворная икона, перед которой служили молебен накануне Бородинского сражения в 1812 году в присутствии Кутузова. На Бородинском поле был отслужен молебен, после которого Государю пред-

ставляли столетних стариков-крестьян, современников Бородинского сражения. [...]

26 августа, в самый день Бородинского сражения, состоялся большой парад войскам, прибывшим на торжество. После парада у Государя был семейный завтрак в маленьком доме, который назывался дворцом. [...]

После завтрака мы снова сели на лошадей и поехали с Государем объезжать Бородинское поле. Очень многие воинские части поставили памятники своим предкам на тех местах, на которых они сражались в 1812 году. Представители этих частей стояли возле своих памятников.[...]

Французы тоже поставили на Бородинском поле памятник. Государь и мы остановились перед ним и, сойдя с лошадей, расписались в памятной книге.[...]

Объезд Бородинского поля продолжался несколько часов. Он закончился у царского поезда, стоявшего в лесу на насыпи. [...] В тот же день вечером мы приехали в Москву.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб.: Дюссельдорф. 1993. С. 112–113.

Дорогая моя Мама! Давно хотел я написать Тебе, но времени все не хватало. Сколько впечатлений пережито, и таких светлых, что становится трудно описать их. Конечно, самыми приятными днями было 25 и 26 августа в Бородине. Там все мы прониклись общим чувством благоговения к нашим предкам. Никакие описания сражений не дают той силы впе-

чатления, которая проникает в сердце, когда сам находишься на этой земле, окрашенной кровью 58 тысяч наших героев, убитых и раненых в эти два дня Бородинского сражения. Некоторые старые редуты и батареи восстановлены совершенно точно саперами, Шевардино и Семеновские флешы. Присутствие на панихиде и торжественном молебствии знаменитой иконы Божией Матери Одигитрии, той самой, что была в сражении, и обнесение ее вдоль фронта войск – это такие минуты, которые редко переживаются в наши дни! В довершение всего удалось привезти несколько стариков, помнящих пришествие французов, но самое главное – между ними находился один участник сражения, бывший фельдфебель Войтинюк 122 лет.

Подумать только, говорить с человеком, который все помнит и рассказывает всякие подробности боя, показывает место, где был тогда ранен и т. д. Я им сказал стоять рядом с нами у палатки во время молебна и следовать за нами. Они все становились на колени сами и с помощью палок и сами вставали!

Французская делегация, прибывшая на торжества, тоже чрезвычайно заинтересовалась ветеранами и расспрашивала главного старика через одного из наших.

Парад в Бородине был очень оригинален потому, что на нем были представлены все части нашей армии и Гвардейский экипаж – участники боя – по роте или взводу с полка и батареи. Многие полки уже поставили, а другие ставят па-

мятники своим предкам приблизительно на тех местах, на которых сражались и оказали отличие их собственные части.

Днем 26-го я объезжал все полки верхом и видел эти памятники – все это еще лучше восполняет сильное впечатление всего виденного и всего слышанного. Все мы покинули с грустью Бородино рано 27 августа и переехали в Москву, чтобы выполнить конец программы торжества. Все прошло также хорошо и в полном порядке, но было утомительно и менее интересно. Я уверен, что Тебе уже писали о пребывании в Москве, и поэтому ограничусь вкратце тем, что я там делал. 27-го, в день приезда, был обычный выход в Успенский собор; а в 4 часа дня нас принимало дворянство в доме Благородного собрания, где Самарин от имени всего русского дворянства поднес красивый старинного образца стяг (вроде хоругви).

28-го был большой парад на Ходынском поле, в котором приняло участие четыре армейских корпуса – 75000 человек. Тут случился невероятный случай – во время объезда из строя вышел солдат Софийского полка с прошением ко мне. Разные генералы ловили его, но он пробрался ко мне и остановился только, когда я крикнул на него. Я очень рассердился, и всему московскому военному начальству досталось от меня сильно.

Днем мы посетили городскую думу, а вечером дали обед всем военным. 29-го в храме Спасителя была отслужена архиерейская обедня и затем панихида по Императору Алек-

сандру Павловичу и всем сподвижникам его.

На площади в Кремле был смотр всем воспитанникам московских средних и низших учебных заведений, а кругом стояло около 25000 мальчиков и девочек сельских школ.

Затем я посетил с детьми интересную выставку 1812 года в Историческом музее, где Софа Щербатова любезно предложила нам чаю. Отсюда поехали смотреть красивую и удачную панораму Рубо – Бородинское сражение.

30 августа, последний день в Москве. Пошли в Успенский собор к концу обедни и вышли за большим крестным ходом на Красную площадь, где был прочитан манифест и отслужен торжественный молебен. Толпа на площади была громадная, целое море голов – тишина и спокойствие полные.

Днем с детьми посетили дом губернского земства, где была устроена весьма интересная выставка кустарных изделий. Добрые люди поднесли столько вещей, что их привезли в Кремль на двух автомобилях. Вечером был обед всем должностным лицам Москвы и потомкам участников Отечественной войны, после чего мы уехали около 12 часов ночи.

На следующий день, 31 августа, приехали в Смоленск, где провели 4 приятных часа. Город хорошо расположен и имеет красивые гористые окрестности. Мы объехали все главные улицы, посетили древний Успенский собор, новый бульвар вдоль старых городских стен, исторический музей, устроенный княгиней Тенишевой, и дворянское собрание.

1 сентября мы поехали в Беловеж; в тот же вечер мне при-

шлось уехать на маневры недалеко от Варшавы. Я как раз приехал на последний день общего маневра и 3 сентября, на следующий день, сделал парад войскам, которых собралось 62000. Своим видом и великолепным состоянием варшавские войска привели меня в восторг. В тот же день я был к обеду дома.[...]

1 °Сентября 1912 г. Беловеж

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2332.

2-го Сентября 1912 г. Утром Наследник Цесаревич играли с ружьями и барабаном. В 11 ч. утром к обедне с Ее Императорским Величеством. В 12 ¼ возвратился. В 2 ч. дня ездили на моторах в лес беловежский и видели 20 ш[тук] зубров и 1-го дикого кабана, и мотор застрял в болоте, возврат[ились в] 4 ½ дня.[...]

Дневник А. Е. Деревенько. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 327.

Сентябрь 4/17. Вторник. Днем катались с Мама и Алексеем по лесу и собирали грибы.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1912 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 21.

7-го Сентября. Пятница. [...] Бедный Алексей целый

день промучился с ногой.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

8-го Сентября. Рождество Пресвятой Богородицы. [...]
У Алексея нога продолжала болеть; он пролежал целый день в нашей кровати.

Там же.

Сентябрь 12/25. Среда. Сидела у Мама в комнате и читала Алексею до обеда. У него уже несколько дней болит нога.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1912 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 21.

15-го Сентября 1912 г. Наследник Цесаревич утром играли в солдаты, темпер[атура] 37.2, вечером тем[пература] 37,3. [...]

Дневник А. Е. Деревенько. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 327.

17-го Сентября. Понедельник. В 10 ½ прибыли на ст. Олень. Нас встретили: Скалон, два губернатора и две крестьянские депутации. В моторе приехали в Спалу⁹⁸ чудным утром. Приятно было войти в уютный дом и в заново отде-

⁹⁸ *Спала* – место древней охоты польских королей, имение Государя Императора.

ланные комнаты. Теперь с детьми мы занимаем весь верхний этаж.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

17-го Сентября 1912 г. Наследник Цесаревич утром встал в поезде... Температ. ут. 36,5. Приехали в 10 ч. 30 м. утр. на ст. Олень. Прибыли во Дворец в 11 ч. дня и писали азбуку. Днем гуляли на лошадке маленькой с 2-х до 4 ¼ веч. В 6 ч. урок русский с Петровым 30 м. [...]

Дневник А. Е. Деревенько. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 327.

18-го Сентября 1912 г. Наследник Цесаревич утром гулял в экипаже маленьком с 10 ч. ут. до 12 ч. дн. Днем с 2 ч. катался в экипаже. Были у гриба⁹⁹. Вернулся в 4 ½ дня. Температ. утром 36,5. Вечером 36,2. [...]

Там же.

21 Сентября 1912 г. Утром шел дождик. Гулять не ходили. Дома играли. Урок, Зак[он] Божий. [...] В 6 ч. урок русский.

Там же.

22-го Сентября 1912. Утром кататься с 10 ч. до 12 –

⁹⁹ Так называлась скамейка с навесом в виде гриба.

завтр[ак] у Ее Величества. После 2-х кататься к Грибу. Картошку пекли. Вернулся в 4 ч. ¼. Урок был в 6 ч.

Там же.

24-го Сентября 1912. Утром сидели дома, завтрак у Ее В[еличества], в 3 ч. ездил кататься на 35 м. с Ее Величеством, в 6 ч. Урок русский и с 10 до 11 Зак. Божий. [...]

Там же.

Августейший имянинник, Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич со всею Августейшею Семьею проводит нынешнюю осень в имении Его Величества – Спале, Петроковской губернии. С октября пошел уже второй год, как Его Высочество приступил к правильным учебным занятиям, под руководством Августейшей Матери, Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Ее Величество все свои досуги посвящает делу духовно-нравственного воспитания своего Августейшего Сына. Ближайшими исполнителями предначертанного Императрицей собственно в деле обучения избраны Ее Величеством три лица из числа преподавателей Августейших Дочерей Их Величеств: законоучитель – настоятель церкви при Крестовоздвиженской общине сестер милосердия, протоиерей о. Александр Васильев, преподаватель отечественного языка – бывший преподаватель Паж[еского] [корпуса] и тайный сов[етник] П. В. Петров и пре подава-

тель французского языка – П. А. Жильяр, бывший гувернер Его Императорского Высочества, Герцога Сергея Георгиевича Лейхтенбергского. Английский язык под личным руководством Государыни Императрицы.

Избранные Ее Величеством законоучитель и наставники сопровождают своего Августейшего ученика во всех почти путешествиях, совершаемых Августейшею Семьею весною и осенью, и только летние месяцы – июнь и июль – Наследник Цесаревич пользуется каникулярным отдыхом.

Начиная с ноября месяца учебные занятия обыкновенно ведутся в Царском Селе, весною – частью в Петергофе, частью в Крыму – в Ливадии. Осень 1911 года была проведена также в Крыму.

Где бы ни проводил время Его Высочество, везде по указаниям Ее Величества имеются оборудованные классные помещения и необходимые классные пособия.

Занятия Наследника ведутся по особо составленному расписанию¹⁰⁰, которое утверждается Императрицею. По такому же расписанию распределяется и весь день Августейшего ученика, причем большое внимание уделяется и физическим упражнениям, преимущественно на свежем воздухе. За делами физического воспитания изволит следить и Августейший

¹⁰⁰ Уроки начинаются обыкновенно в 9 ч. утра. Иногда, особенно при благоприятной погоде, день начинается физическими упражнениями, а учебные занятия переносятся на время после завтрака. Число уроков по учебным предметам на первых порах не превышает трех.

стейший родитель – Государь Император¹⁰¹.

Его Высочество, проявляя живой интерес к занятиям, относится к ним с живым вниманием, постоянно задает вопросы, очень быстро соображает и особенно любит, когда Ему читают вслух или рассказывают¹⁰². Обладая прекрасною памятью, Наследник Цесаревич быстро заучивает наизусть стихи и, что встречается не особенно часто, запоминает их на в[есьма] продолжительное время.

Игры и забавы

Будучи от природы очень живым и подвижным, Его Высочество с увлечением занимается упражнениями по сокольской системе и основательно изучил военно-подготовительные упражнения в пределах, положенных при обучении «потешных». Все ружейные приемы, упражнения с ружьем, рассыпной строй, основы службы разведывательной уже усвоены и производятся отчетливо и лихо. Для учебных заня-

¹⁰¹ За физическим развитием и состоянием здоровья Его Высочества следят преимущественно два врача – Е. С. Боткин и поч[етный] лейб-медик С. А. Острогорский.

¹⁰² С напряженным вниманием Наследник Цесаревич слушает рассказ законоучителя о жизни и страданиях Спасителя, и пр[очие?], жития святых Православной Русской Церкви. Житие преп. Серафима Саровского вызывает в Царственном отроке живейший интерес. С не меньшим интересом Наследник Цесаревич внимает рассказам учителя о минувшей судьбе России и подвигах былинных богатырей.

тий у Его Императорского Высочества нет сверстников. Для военно-подготовительных – имеются «потешные» из числа сыновей нижних чинов. Во время пребывания в Крыму Наследник Цесаревич три раза в неделю, а иногда и чаще, отправлялся в Массандру, где на особо устроенной площадке происходят гимнастические и военно-подготовительные упражнения взвода «потешных», в котором Его Высочество по ранжиру занимает 1-е место во втором полувзводе¹⁰³.

Играм и забавам Его Высочество выделяет свободное время. Летом катание на шлюпке, купание и гребля сменяются более или менее дальними прогулками, собиранием ягод и грибов, зимою катанье с гор, игра в снежки, лепка снеговых баб, устройство украшений из снега – обычные забавы Его Высочества. В неблагоприятную погоду игры проводятся во дворце: Его Императорское Высочество играет «в солдаты» [нрзб.], построики из кубиков и плашек и др. Бессменными участниками всех игр и забав Наследника Цесаревича бывают состоящие при Нем няня – Мария Ив. Вишнякова и дядька А. Е. Деревенько (Еремеич). Правильная смена учебных занятий и физических упражнений благотворно действуют на царственного] отрока, который развивается и крепнет на утешение и радость своим Августейшим родителям, заботливо охраняющим золотое детство своего единственного сына.

¹⁰³ С своими потешными Н[аследник] Ц[есаревич] поет песни, принятые во всех потешных организациях. (Все примечания содержатся в документе.)

Представить Ее Величеству 26 Сентября 1912 г. Спала.

Отчет П. В. Петрова о ходе занятий и воспитании Наследника Цесаревича. // ГАРФ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 6.

29-го Сентября 1912 г. Утром Наследник Цес[аревич] ездил кататься в 9 ½ утр[а] на шоссе[йной] дороге до 11 ½ ч. С 11 ч. 30 м. Закон Божий до 12.30. С 2-х ч. дня кататься в маленьк[ом] экипаже к Грибу. Картошку печь, присутствовал Мусью Жильяр. Крепость копали в 4 ч. Вверху коз диких видели. Князь Туманов участвовал.

Дневник А. Е. Деревенько. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 327.

Октябрь 2/15. Воскресенье. У Алексея все время с Бело-вежа болит нога, а сегодня в особенности худо, плачет все время, так жалко маленького ангела.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1912 г. // ГАРФ. Ф.651. Оп. 1. Ед. хр. 21.

Октябрь 4/17. Четверг. Утром был урок. После был молебен перед Свитским домом, т. к. праздник Конвоя. У Алексея нога все еще болит, но он сегодня такой же.

Дай Бог, чтобы скорее было лучше.

Там же.

В начале сентября 1912 года Царская Семья отправилась в Беловежскую Пущу, где она пробыла две недели, потом в Спалу, в Польшу, для более продолжительного пребывания. Туда я приехал в конце сентября.[...] Немного спустя после моего приезда Императрица изъявила мне желание, чтобы я начал занятия с Алексеем Николаевичем. Я дал ему первый урок 2 октября в присутствии его матери. Ребенок, которому было в то время восемь с половиной лет, не знал ни слова по-французски, и я наткнулся вначале на серьезные трудности.

Моя преподавательская деятельность вскоре прервалась, потому что Алексей Николаевич, который с самого начала показался мне недомогающим, должен был лечь в постель. Когда мы приехали с моим коллегой, мы оба были поражены бледностью ребенка, а также тем, что его носили, как будто он не способен был ходить.[...]

Несколько дней спустя стали шепотом говорить, что его состояние внушает живейшее беспокойство и что из Петербурга вызваны профессора Раухфус и Федоров. Жизнь, однако, продолжалась по-прежнему; одна охота следовала за другой, и приглашенных было больше, чем когда-либо. [...] Однажды вечером, после обеда, Великие Княжны Мария и Анастасия Николаевны разыграли в столовой, в присутствии Их Величеств, свиты и нескольких приглашенных, две небольшие сцены из пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве». Исполняя обязанности суфлера, я спрятался за ширмы, заменявшие кулисы. Немного наклонившись, я мог на-

блюдать в первом ряду зрителей Императрицу оживленную и улыбающуюся в разговоре с своими соседями.

Когда представление кончилось, я вышел внутренней дверью в коридор перед комнатой Алексея Николаевича. До моего слуха ясно доносились его стоны. Внезапно я увидел перед собою Императрицу, которая приближалась бегом, придерживая в спешке обеими руками длинное платье, которое ей мешало. Я прижался к стене, она прошла рядом со мной, не заметив меня. Лицо ее было взволновано и отражало острое беспокойство. Я вернулся в залу; там царило оживление, лакеи в ливреях обносили блюда с прохладительными угощениями; все смеялись, шутили, вечер был в разгаре. Через несколько минут Императрица вернулась; она снова надела свою маску и старалась улыбаться тем, кто толпился перед нею.[...]

17 октября [по нов. ст.] прибыл наконец из Петербурга профессор Федоров... На следующий день были именины Алексея Николаевича. Этот день отмечен был только богослужением.[...]

П. Жильяр. Император Николай II и его семья. Вена, 1921.

5-го Октября. Пятница. Невеселые именины провели мы сегодня, бедный Алексей уже несколько дней страдает вторично от внутреннего кровоизлияния. Первый раз это случилось в Беловеже. Проф. Федоров вчера приехал. Слава Бо-

гу, сегодня он нашел известное улучшение. Была обедня и завтрак с домашними.[...] За обедом играли Гродненцы – балалаечники. Вечером поиграли в домино.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

6-го Октября. Суббота. Ходил ко всенощной. [...] С Алексеем перемен нет – только сон стал спокойнее.[...]

Там же.

7-го Октября. Воскресение. Состояние Алексея без перемен, но в общем он был спокойнее и спал много днем.[...]

Там же.

8-го Октября. Понедельник. После чая часто заходил к Алексею, кот. провел день спокойно; только к вечеру жар дошел до 39,4°. Он много бредил и долго не мог заснуть.

Там же.

19 октября [по нов. ст.] жар еще усилился: 38,7° утром, 39° вечером. Императрица вызвала профессора Федорова среди обеда. В воскресенье, 20 октября, положение еще ухудшилось.[...] Наконец, на следующий день, когда температура дошла до 39,6° и сердце стало очень слабо, граф Фредерикс испросил разрешения Государя опубликовать бюллетени о здоровье: первый бюллетень был в тот же вечер по-

слан в Петербург.[...]

П. Жильяр. Император Николай II и его семья. Вена, 1921.

Бюллетень

2-го Октября у Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича после случайного ушиба в левой подвздошной области появилось кровоизлияние, вследствие которого стала подниматься температура, достигшая 6-го числа следующих цифр: утром – 38,8, днем – 38,9, вечером – 39,0; вчера 7-го она была утром – 38,4, днем – 38,8, вечером – 38,8; сегодня 8-го утром – 38,4, днем – 38,5, вечером – 39,4, Пульс все время был хорошего наполнения и колебался соответственно температуре между 130 и 140; сегодня вечером пульс 144 удовлетворительного наполнения. Дыхание нормально.

Подписали: почетный лейб-хирург профессор Федоров, лейб-медик Его Величества Е. Боткин, почетный лейб-медик С. Острогорский. 8-го Октября 1912 года. Спала.

ГАРФ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 92.

В «Вечерн[ем] Времени» появился бюллетень о заболевании Цесаревича. Он единственный сын у Государя. Сохрани его Бог!

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 64.

Первое время Алексей Николаевич был на ногах, хотя жаловался на боли то в животе, то в спине. Он очень изменился, но доктор не мог точно определить, где произошло кровоизлияние. Как-то раз Государыня взяла его с собой кататься, я тоже была с ними. Во время прогулки Алексей Николаевич все время жаловался на внутреннюю боль, каждый толчок его мучил, лицо вытягивалось и бледнело. Государыня, испуганная, велела повернуть домой. Когда мы подъехали к дворцу, его уже вынесли почти без чувств. Последующие три недели он находился между жизнью и смертью, день и ночь кричал от боли, окружающим было тяжело слышать его постоянные стоны, так что иногда, проходя его комнату, мы затыкали уши. Государыня все это время не раздевалась и не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживая у кровати своего маленького больного сына, который лежал на бочку с поднятой ножкой – без сознания. Ногу эту Алексей Николаевич потом долго не мог выпрямить. Крошечное восковое лицо с заостренным носиком было похоже на покойника, взгляд огромных глаз был бессмысленный и грустный. Как-то раз, войдя в комнату сына и услышав его отчаянные стоны, Государь выбежал из комнаты и, запершись у себя в кабинете, расплакался. Как-то раз Алексей Николаевич сказал своим родителям: «Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник».

На консультации они [врачи] объявили состояние здоровья Наследника безнадежным. Министр Двора уговорил Их

Величества выпускать в газетах бюллетени о состоянии здоровья Наследника. Доктора очень опасались, что вследствие кровоизлияния начнет образовываться внутренний нарыв. Раз, сидя за завтраком, Государь получил записку от Государыни. Побледнев, Он знаком показал врачам встать из-за стола: Императрица писала, что страдания маленького Алексея Николаевича настолько сильны, что можно ожидать самого худшего.

Как-то вечером после обеда, когда мы поднялись наверх в гостиную Государыни, неожиданно в дверях появилась принцесса Ирина Прусская, приехавшая помочь и утешить сестру. Бледная и взволнованная, она попросила нас разойтись, так как состояние Алексея Николаевича было безнадежно. Я вернулась обратно во дворец в 11 ч. вечера; вошли Их Величества в полном отчаянии. Государыня повторяла, что Ей не верится, чтобы Господь их оставил. Они приказали мне послать телеграмму Распутину. Он ответил: «Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора Его не мучают». [...]

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Фео-доровне //Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Кн. 4. Париж, 1922. С. 57–60.

Сегодня особенно часто вспоминаю Вас и ясно представляю, что должны Вы были почувствовать, увидав в газетах мое имя под бюллетенем о состоянии здоровья нашего нена-

глядного Алексея Николаевича... Я не в силах передать Вам, что я переживаю... Я ничего не в состоянии делать, кроме как ходить около Него... Ни о чем не в состоянии думать, кроме как о Нем, о его Родителях... Молитесь, мои детки... молитесь ежедневно, горячо за нашего драгоценного Наследника...

9. X.1912. Спала

Письмо Е. С. Боткина своим детям. //Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской Семье. М., 1993. С. 109–110.

9-го Октября. Вторник. Оставался в комнате Алексея до 2 ч., когда он начал успокаиваться и засыпать – день провел в общем хорошо и часто спал, темп. опять 39,5. Утром недолго погулял с дочерьми.[...] Сидел у Алексея попеременно с Аликс.[...]

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

10-го Октября. Среда. Сегодня, слава Богу, наступило улучшение состояния здоровья дорогого Алексея, темп. опустилась до 38.2. После обедни, отслуженной законоучителем детей о. Васильевым, он принес Св. Дары к Алексею и причастил его. Такое было утешение для нас. После этого Алексей провел день совсем спокойно и бодро. Все воспряли духом. [...] После чая отвечал на много сочувственных телеграмм.

Там же.

В Спале не было церкви, службы проходили в саду, в большой палатке, где ставили походный алтарь. Служил вновь избранный духовник Их Величеств отец Александр Васильев. После слов: «Со страхом Божиим и верою приступите» он пошел со Святыми Дарами во дворец к Наследнику; за ним последовали Их Величества и кто хотел из свиты. Служба о. Александра очень нравилась Их Величествам. К сожалению, во время революции о. Александр боялся служить во дворце, когда его вызывали Их Величества. Несчастный все же был расстрелян большевиками.

Выздоровление Алексея Николаевича шло очень медленно. Няня Его, Мария Вишнякова, сильно переутомилась. Сама Государыня так устала, что еле двигалась. Часто за выздоравливавшим мальчиком ухаживали Его сестры, им помогал г. Жильяр, который часами читал Ему и Его забавлял.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Кн. 4. Париж, 1922. С. 57–60.

Утром 22 октября [по нов. ст.] температура у ребенка была 39,1°. Однако к полудню боли понемногу утихли, и доктора могли приступить к более полному обследованию больного, который до тех пор не позволял этого, вследствие невы-

носимых страданий, которые он претерпевал.

В три часа дня был отслужен молебен в лесу; на нем присутствовало множество соседних крестьян. С кануна этого дня стали служить по два раза в день молебны об исцелении Великого Князя Наследника. Так как в Спале не было храма, то с начала нашего пребывания в парке поставили палатку – походную церковь. Там теперь и утром и вечером служил священник.

Прошло еще несколько дней, в течение которых острая тревога сжимала все сердца. Наконец, наступил кризис и ребенок начал выздоравливать, но это выздоровление было медленное и, несмотря на все, чувствовалось, что беспокойство еще продолжается. Так как состояние больного требовало постоянного и очень опытного наблюдения, профессор Федоров выписал из Петербурга одного из своих молодых ассистентов, хирурга Владимира Деревенько (он носил ту же фамилию, что и боцман Деревенько)¹⁰⁴, который с этого времени остался состоять при ребенке.[...]

П. Жильяр. Император Николай II и его семья. Вена, 1921.

12-го Октября. Пятница. Благодарение Богу, дорогому Алексею стало гораздо лучше, темп[ература] днем спустилась до 37,9 – его перенесли на диван, на кот. он отлично поспал. [...] Отвечал на телеграммы и сидел с Алексеем.[...]

¹⁰⁴ Его точная фамилия была В. Н. Деревенко.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

13–15 Октября. Павловск. Известия о Наследнике получше, – но все еще не совсем хороши и вызывают тревогу. Не выживи он, сан Наследника переходит к Мише и, если он не вступит в соответствующий брак, – Кириллу.[...]

Дневник Великого Князя Константина Константиновича. // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 64.

Октябрь.[...]/14. После обедни был молебен о здравии Государя Наследника Цесаревича Алексия Николаевича. Его Высочество опасно болен.

Летопись Скита Оптиной Пустыни. 1912 г. // ОР РГБ. Ф.

214. Оп. 1. Ед. хр. 396.

Ему лучше, нашему бесценному больному. Бог услышал горячие молитвы, столькими к Нему возносимые, и Наследнику положительно стало получше, слава Тебе, Господи. Но что это были за дни... Как годы легли они на душу... И сейчас она еще не может вполне расправиться, – как долго бедному Наследнику еще нужно будет поправляться и столько еще случайностей может быть на пути.[...]

Спала. 14.X. 1912.

Письмо Е. С. Боткина своим детям. В кн. Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской Се-

мье. VI., 1993. С. 109–110.

19-го Октября. Пятница. Алексей много спал днем и был в веселом настроении. В 6 ½ был у всенощной.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

Нашему драгоценному больному, слава Богу, значительно лучше... Но писать я все-таки еще не успеваю: целый день около Него. По ночам тоже еще дежури́м.[...]

Спала. 19.X.1912.

Письмо Е. С. Боткина своим детям. В кн. Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской Семье. М., 1993. С. 109–110.

20-го Октября. Суббота. Вечером исповедались у нашего прекрасного законоучителя детей о. Александра Васильева.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

21-го Октября. Воскресение. В 9 час. пошли к обедне и причастились Св. Таин с многими из свиты, казаков и солдат. После службы батюшка принес Св. Дары к Алексею и приобщил его. Такая отрада для нас.

Там же.

Сообщение Министра Императорского Двора

Острый и тяжелый период болезни Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича миновал, и ныне является возможность дать общую картину заболевания Его Императорского Высочества по нижеследующим данным пользующих Августейшего больного врачей.

За время этого периода болезни со всех концов России продолжали и продолжают ныне поступать на Высочайшее Имя Их Величеств обращения, в которых различные слои общества в самых сердечных выражениях сообщают о молитвах, вознесенных ими о выздоровлении Наследника Цесаревича.

Это всеобщее проявление верноподданнических чувств любви и преданности глубоко тронуло Их Величества.

Государю Императору и Государыне Императрице Александре Феодоровне благоугодно было соизволить выразить от имени Их Величеств сердечную их благодарность всем, выказавшим душевное свое участие по случаю болезни Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича.

Министр Императорское Двора генерал-адъютант барон Фредерикс, 21-го Октября 1912 года. Спала.

В первых числах истекшего сентября месяца, на первых днях пребывания в Беловеже, Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич, прыгая в лодку, сделал очень

широкий шаг.

Первое время после этого не наблюдалось никаких ни болезненных явлений, ни сколько-нибудь болезненных изменений в общем состоянии Его Высочества.

Этому случаю, однако, пришлось со всею вероятностию приписать появившуюся у Наследника Цесаревича, в ночь на 7-е Сентября, в левой подвздошной впадине боль и опухоль, которая и была тотчас же определена как забрюшинное кровеизлияние.

При необходимом покое и соответствующем лечении крове излияние это стало через три недели настолько незначительным, что почти вовсе не прощупывалось, и больной уже начал делать попытки становиться на ноги.

28-го сентября, желая сделать несколько самостоятельных шагов, Наследник Цесаревич, несмотря на самый бдительный надзор, вследствие неловкого движения, упал, чем, нужно думать, и объясняется новое кровеизлияние в ту же область, проявившееся в ночь на 2-е октября. На этот раз оно заняло гораздо большее пространство, а именно: всю левую подвздошную область и всю поясничную той же стороны, причем внутренняя граница его заходила несколько за среднюю линию живота.

Подобные забрюшинные кровеизлияния в виде последствия даже не очень сильной травмы встречаются, как видно из специальной литературы, чрезвычайно редко и представляют собою совершенно определенную, крайне тяже-

люю, клиническую форму (haematoma retroperitoneale). Частью под влиянием всасывания излившейся крови, частью вследствие развивающегося вокруг нее реактивного воспалительного процесса, такие гематомы, т. е. кровяные опухоли могут сопровождаться очень возвышенной температурой, каковая и наблюдалась у Его Высочества.

Естественным последствием таких обширных кровеизлияний является значительное малокровие, требующее иногда не малого времени для полного его излечения, а также может быть весьма длительное затруднение в свободном пользовании той ногой, со стороны которой была гематома, как вследствие бывшего пропитывания кровью сгибающей бедро мышцы (musculus ileopsoas) и окружающей клетчатки, так и от продолжительного давления опухоли на соответствующий нерв.

Подписали: лейб-педиатр Раухфус, почетный лейб-хирург профессор Федоров, лейб-медик Его Величества Ев. Боткин, почетный медик С.Острогорский. Октября 20-го дня 1912 года. Спала.

Сообщение Министра Императорского Двора о состоянии здоровья Наследника Цесаревича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2145.

Милая дорогая Мама, пишу Тебе с сердцем, преисполненным благодарностью Господу Богу за милость Его к нам всем, дарованную началом выздоровления бедного дорого-

го Алексея! После моего последнего письма из Беловежа у него там несколько дней болела нога, как мы потом узнали, вследствие сильного и неловкого движения, сделанного им при вскакивании в шлюпку. Боткин тогда обнаружил у него кровоподтек и небольшую опухоль под животом у самого начала левой ноги. Так как опухоль в неделю рассосалась и Алексей себя чувствовал хорошо по приезде сюда – я тебе ничего не написал об этом. 2-го октября он начал жаловаться на сильную боль в том же месте и температура у него начала подниматься с каждым днем больше. Боткин объявил, что у него случилось серьезное кровоизлияние с левой стороны и что для Алексея нужен полный покой. Выписали сейчас же прекрасного хирурга Федорова, кот. мы давно уже знаем и который специально изучал такого рода случаи, и затем доброго Раухфуса. [...] Кроме них раньше еще приехал наш детский доктор Острогорский. Должен сказать, что видеть сразу столько врачей всегда невесело, но все они показали себя такими хорошими, добрыми и трогательными по отношению к Алексею, что я буду всегда с благодарностью вспоминать о них.

Дни от 6-го до 10-го окт. были самые тяжелые. Несчастный маленький страдал ужасно, боли охватывали его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой темп[ературы] он бредил и днем, и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль.

Спать он почти не мог; плакать тоже, только стонал и гово-

рил: «Господи, помилуй». Я с трудом оставался в комнате, но должен был сменить Аликс при нем, потому что она, понятно, уставала, проводя целые дни у его кровати. Она лучше меня выдерживала это испытание, пока Алексею было плохо, но зато теперь, когда, Слава Богу, опасность миновала, она чувствует последствия пережитого и на бедном сердце ее это сказалось.

Все-таки она бережет себя больше и проводит целые дни на кушетке в комнате Алексея.

10-го окт. мы решились причастить его утром, и сейчас же ему сделалось лучше, темп[ература] спала с 39,5 до 38,2, боли почти прошли, и он заснул первым спокойным сном.

Присутствие Irene¹⁰⁵ было благотворно для нас обоих: она такая сердечная, рассудительная и ровная во всех обстоятельствах.

Все наши люди, казаки, солдаты и др. были такие трогательные; с первых же дней болезни Алексея они попросили священника Александра Васильева Крестовоздвиж[енской] общины, законоучителя наших детей, отслужить молебен о его здравии на открытом воздухе. Они просили его служить каждый день, пока Алексею не стало лучше.[...]

Приходила масса поляков-крестьян, и все плакали в то время, что он говорил им проповедь!

¹⁰⁵ Irene – Ирина-Луиза-Мария, Ирена (1866–1954), старшая сестра Императрицы Александры Феодоровны, рожденная принцесса Гессенская, супруга принца Генриха Прусского, брата Императора Вильгельма II.

Сколько мы получили телеграмм, писем, образков с пожеланиями скорого выздоровления маленькому. А мне по-прежнему два раза в неделю привозили бумаги, да хотелось посидеть у его кровати – вот все мое время и уходило, и писать Тебе, дорогая Мама, совершенно не мог.[...]

От всего любящего Тебя сердца благодарю Тебя за Твои милые телеграммы и письмо; каждое слово Твоего участия проникало глубоко в мою душу. Должен предупредить Тебя со слов докторов, что выздоровление Алексея будет медленное, он все еще ощущает боль в левом колене, кот. до сих пор не может разогнуть и лежит с подушками под этой ногой. Но это их не беспокоит, главное, чтобы внутреннее рассасывание продолжалось, а для этого нужен покой. Цвет лица у Него теперь хороший, а раньше был совсем как воск, и руки и нога также. Похудел он страшно, но зато и начали его питать доктора. [...]

Спала, 21 Октября.

Сейчас все мы, многие из свиты, казаки и люди сподобились причаститься Св. Таин Христовых в походной церкви. После этого батюшка принес Св. Дары к Алексею и приобщил его. Сделалось такое душевное спокойствие! Слава Богу.

Вчера снег шел весь день, но за ночь почти стаял. В церкви стоять довольно холодно – все же это пустяки, когда сердце ликует и душа радуется! [...] Алексей очень целует «милую Бабушку».

20–21 Октября 1912 г. Спала.

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2332.

Нашему драгоценному Наследнику, правда, и несомненно значительно лучше, но Он еще требует большого ухода, и я целый день около Него, за очень малыми исключениями (трапезы и т. п.), и каждую ночь дежурил – ту или другую половину. Теперь мне будут давать через две ночи в третью отдых. Сегодня дежурил первую половину, иззяб, как всегда, и совершенно не в силах был писать, а, благо, наш золотой больной спал, сам уселся в кресло и вздремнул...

Спала. 22.X. 1912.

Письмо Е. С. Боткина своим детям. В кн. Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о Царской Семье. М., 1993. С. 109–110.

22-го Октября. Понедельник. Был у обедни с детьми.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

30-го Октября. Вторник. Сидел с Алексеем, ел с ним пробу из Конвоя и читал ему вслух.

Там же.

Распутин появился при дворе вскоре после тяжкого заболевания гемофилией Наследника, во время пребывания Царской Семьи в Спале.[...]

Наследник был при смерти. Выздоровление казалось невозможным. Вся царская семья собиралась вместе и молилась о здравии болящего. Умилительно служил священник о. Александр.[...]

Императрице, которая была в большом горе, посоветовали просить помолиться некоего Распутина. Императрица послала ему телеграмму.[...] Действительно, день спустя здоровье Наследника стало улучшаться. Вскоре после этого Распутин получил доступ к Императрице. Это произошло в Царском Селе. О Распутине Государыне доложила Мар. Иван. Вишнякова, служившая во дворце няней. При ее посредстве Распутин и был допущен во дворец. Посещения его не были такими частыми, как об этом говорят: так, за 3 месяца моего бессменного дежурства при Императрице, я видел у нее Распутина только дважды, причем посещение его продолжалось не более десяти минут.

Волков А. А.¹⁰⁶ Около царской семьи. Париж, 1928. С. 45.

С первого же раза, когда Распутин появился у постели больного Наследника, облегчение последовало немедленно. Всем приближенным Царской Семьи хорошо известен слу-

¹⁰⁶ Волков А. А. – камердинер Государя Императора.

чай в Спале, когда доктора не находили способа помочь сильно страдавшему и стонавшему от болей Алексею Николаевичу. Как только, по совету Вырубовой, была послана телеграмма Распутину и был получен на нее ответ, боли стали утихать, температура стала падать, и в скором времени Наследник поправился.

Воейков В. Н. С Царем и без Царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II. М. 1994.

2-го Ноября. Пятница. Алексея перенесли к Аликс, где он провел несколько часов, чему он был очень рад.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

4-го Ноября. Воскресение. Был у обедни. В 1 ½ Аликс отвезла Алексея с д-м Федоровым в моторе на станцию. Покинул Спалу через ¼ часа с дочками. По всей дороге стояли знакомые части, пришедшие из окрестных деревень. Алексей был очень доволен попасть в поезд и распевал песни. Поехали на Ивангород, Седлец.[...]

Там же.

Наконец, врачи решили перевезти Цесаревича в Царское Село[...], по желанию Их Величеств я поехала с ними. Дивный царский поезд, в котором теперь катаются Троцкий и

Ленин, скорее был похож на уютный дом, чем на поезд. Помещение Государя, обшитое светлым ситцем, с кушетками, креслами, письменным столом, книгами и фотографиями на рамках, отделялось от кабинета Государя ванной. В кабинете Государя, обитом зеленой кожей, помещался большой письменный стол. Их Величества вешали иконы над диванами, где спали, что придавало чувство уюта. Вагон Алексея Николаевича был также обставлен всевозможными удобствами, фрейлины и я помещались в этом вагоне.[...] Только что отъехали от Спалы, Их Величества, посетив Алексея Николаевича, постучались ко мне и просидели целый час со мной.[...] Государыне обед подавали в ее помещении или у Алексея Николаевича. Он лежал слабенький, но веселый, играя и болтая с окружающими.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается Возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Париж, 1922. Кн. 4. С. 60.

5-го Ноября. Понедельник. Все спали хорошо, кроме Алекс. Сидел у Алексея. Приехали в Царское Село в 7.10. Несмотря на оттепель, поехал домой в санях с дочками, Алекс с Алексеем в моторе за нами. В угловой гостиной был отслужен молебен.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

Состояние здоровья Алексея Николаевича требовало постоянного и очень специального медицинского ухода. Болезнь в Спале вызвала временное омертвление нервов левой ноги, которая отчасти утратила свою чувствительность и оставалась согнутой – ребенок не мог ее вытянуть. Потребовалось лечение массажем и применение ортопедического аппарата, который постепенно вернул ногу в нормальное состояние. [...] Такое положение продолжалось до летних вакаций 1913 года.

П. Жильяр. Император Николай II и его семья. Вена, 1921.

Ваше Императорское Величество. Всемилоостивейший обожаемый Государь!

Прежде всего прости мне те, должно быть, совсем безумные строки, которые я написала Тебе, посылая Святой Крест с мощами. Известие о болезни Государя Наследника точно обухом по голове хлопнуло меня... да и каждого русского... Если бы Ты мог видеть, как молилась вся Россия... Ты бы понял, что Господь послал Тебе и Государыне тяжкое испытание для того, чтобы всколыхнулось сердце народное, чтобы почувствовала Россия, как дорог ей Твой Сын и Твое горе как близко...

И я, старуха, как прочла первые бюллетени в «Новом Времени», стала на молитву и слышу... ясно слышу голос: «по-

шли свой крест Болящему»... Государь родной, дороже этого креста нет у меня ничего. Спас он мужа от смерти во время турецкой войны, с тех пор как я носила его на груди, легче житья мне стало. Верила я, что счастье мое от Креста того зависит. Но, видит Бог, ни секунды не колебалась. Мы все твердим: «готовы жизнь отдать за Царя». Вот он случай... Отдавай свое благополучие... если Господь хочет. А сердце так болело о бедном ребеночке. А тут еще муж – старый врач, опытный, так печально говорил: не знаю, что и написала Тебе. Одно знаю – торопилась послать выздоровление... И хоть верит душа моя, что достиг крест своей цели, хоть и первый лучший бюллетень появился в день, когда моя посылка должна была прийти, а все же... все же хотелось бы знать наверно, что получил Ты святой крест, что исполнил мою просьбу и отдал его Цесаревичу... На счастье...

И вот смею просить Тебя, великий Государь, окажи милости великие старухе. Прикажи хотя бы придворному ведомству напечатать в «Новом Времени», что «Святой Крест с мощами для Государя Наследника получен и милостиво принят».

Это ведь сделать нетрудно и ничьего внимания не возбудит. Мало ли таких посылок, думаю, было Тебе, Государь, в те дни скорбные. Мне же это будет великое утешение. А ежели захочешь Ты превысить меру милости своей, подари мне крестик взамену отданного Тебе. Самый простой, серебряный или деревянный крестик. Из Твоих рук будет он

мне подателем счастья взамен отосланного Тебе. А сделать это не трудно. Крестик маленький можно завернуть в бумажку и положить в обыкновенный конверт да и послать по почте.[...] Любой Твой камердинер либо флигель-адъютант может это сделать. Я же буду так счастлива. И Твой крестик унесу с собой в могилу.

А Тебе еще должна передать мнение моего мужа. Он ведь ученик Боткина и непрaktикующий старый врач, которому можно верить. Много я видала примеров медицинского и ясновидения с его стороны. Так вот, он удивлялся, как у такого молодого ребенка, здорового, крепкого и веселого, каким нам изображали Государя Цесаревича знающие его люди, могла случиться такая «гематома». Это болезнь редкая, доказывающая, что не все ладно в питании, и чтобы на это обстоятельство обратили внимание. Ибо иначе от простого «широкого шага», как сказано в бюллетени, такая страшная вещь произойти бы не могла.

Прости, Великий Государь, что пишу это. Но здоровье Твоего возлюбленного сына это наше счастье, наше будущее... А иногда, что вдали замечаешь, то, что вблизи ускользает.[...] А засим, великий Государь, разреши мне передать Тебе еще одну вещь, имеющую громадное значение для Тебя, великий Государь, как и для всей России.

Явился к нам в главный совет Дубровинского союза крестьянин-союзник и принес заявление другого крестьянина Киевской губернии Звенигородского уезда села Хижинцы

Иосифа Антоновича Рябоконя. Этот неграмотный Рябоконь заявляет, что с 1901 года он посещаем видениями. Является ему святитель Николай Мирликийский и приказывает ему осведомить Святейший Синод и все власти о том, что он – святой Николай не желает больше лежать в Италии, а желает, чтобы его останки были привезены в Россию. Это краткая сущность пространного заявления. Сначала крестьянин не обратил внимания на видения, но святитель стал являться «грозен» и говорил, что «будут беды великие России, ежели оставит Она мои в мире плавающие мощи в Бари – в Италии». Согласись, великий Государь, что неграмотному мужику где было знать, что такое Бари, когда он и об Италии вряд ли слышал. Но еще страшней слова в «мире плавающие». Я же не знала, но оказывается, что мощи св. Николая точно плавают в благоухающем масле вроде мира святого. Откуда это мог знать несчастный Рябоконь?

С 906 года стали видения чаще и грозней. Наконец он осмелился на угрозу святителя, что «самому Тебе грозят беды великия, понеже не исполнишь моего повеления, не осведомишь все власти духовныя о моем желании» – крестьянин во сне осмелился возразить: «кто же поверит мне, бедному. Только осмеют». Видение же (крестьянин не знает, сонное ли это видение или иное, считая себя, грешного, недостойным явления святителя) – отвечало: «Поверят-то уже не твоя забота. Ты только доведи до сведения, что я приказываю»...

Припомнил Рябоконь, сколько горя вынесла Россия с

1901 года, и ужаснулся. А тут весть о болезни Государя Цесаревича. Подумал мужик: «это св. Николай гневается» и побежал в ближайший отдел Союза Русского народа. Там рассказал видение. А из отдела (сельского, захолустного) – прислали в губернский Киевский, оттуда сюда. У нас решили копию препроводить в Св. Синод и рассказать всем, кому возможно. Я же подумала про себя, что, быть может, Господь послал мне эту весть для Тебя и, ложась спать, молилась, да укажет Господь, должна ли Тебе писать об этом. И три ночи кряду видела я во сне св. Николая, как на образах его пишут, и трижды указывал он мне на дворец Твой в Царском Селе – (я ведь знаю его фасад) – а в третий день выговорил: «Напиши, что воля моя лежать в земле Русской, ибо враги Господни замышляют недоброе против останков моих. России же Господь посылает новую благодать... если исполнит волю Его и послушает меня».

Тогда я не сомневалась больше и вот пишу Тебе. Быть может, Ты прикажешь Св. Синоду расследовать это дело. Допросить этого Рябоконя. А там и купить мощи св. Николая. Один мой знакомый был в Бари недавно (привез мне даже медальк[у] оттуда) – и говорил, что Италия продаст мощи, которые не умеет ценить. Да там теперь кругом масонство взяло верх, и понятно желание святителя уйти из рук святотатцев изуверов, которые могут даже осквернить его нетленные останки. Св. Николай Твой заступник и покровитель. Его мощи в Россию перевезти – навеки прославить Твое имя,

Государь. А какой будет и подъем благочестия... Сам Ты знаешь... Великий Государь, попытайся поговорить об этом с королем Итальянским. Осчастливь Россию, исполни желание святителя и... создай Заступника и Крепкого Хранителя себе и Сыну своему.[...]

Письмо Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2322.

Читай молитвы с Baby. Не забывай Царю Небесн[ый] и Святая Троица, пом[илуй] нас и т. д.

Декабрь. 14. 1912.

Записка Государыни Императрицы Александры Феодоровны дочери, Великой Княжне Ольге Николаевне.: перевод с английского. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 71.

25-го Декабря. Рождество Христово. В 11 час. поехал со всеми детьми к обедне и молебнам; вернулись домой к ча-су. Из города приехала Ольга, с нею отправился с детьми в манеж на елку Конвоя и солдат Св[одного] полка. Алексей также присутствовал.

Дневник Государя Императора Николая Александровича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 258.

1 Января 1913 г. Вторник. Царское Село. Я с Алексеем молилась как всегда [в] 8 ч. Пошли спать в 10 ч.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 4.

21 Февраля. В 12 ч. $\frac{1}{4}$ поехали в Казанский собор на молебен. Папа с Алексеем в коляске, впереди сотня Конвоя. [...] Дальше Мама и Бабушка в карете. Потом мы 4 и еще сотня Конвоя.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 4.

Во время коленопреклоненной молитвы я издали видела Государя и Наследника на коленях, все время смотревших наверх, после они рассказывали, что наблюдали за двумя голубями, которые кружились в куполе. Вслед за этим были выходы и приемы депутатов в Зимнем Дворце. Все дамы, по положению, были в русских нарядах. Точно так же были одеты Государыня и Великие Княжны. Несмотря на усталость, Государыня была поразительно красива в голубом бархатном платье с высоким воротником и фатой, осыпанном жемчугами и бриллиантами, на ней была голубая Андреевская лента, а у Великих Княжон красные, с Екатерининской бриллиантовой звездой. Залы дворца были переполнены. Царской семье пришлось стоять часами, пока им приносили поздравления. В конце приема Государыня так утомилась, что не могла даже улыбаться. Бедного Алексея Николаевича принесли на руках.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается Возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Париж, 1922. Кн. 4. С. 60–61.

28 Февраля. Дети строили башню с Папа на катке. Была в церкви, Мама и Алексей тоже. [...]

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 4.

1-го Марта. Мы 3 днем с Папа и Т. строили башню на катке. Так было хорошо. Алексей был тоже. Около 2 ч. приехала т. Ольга – с ней и Папа работала несколько времени на льду. Шел дождь, таяло, и лед трещал.[...] После прошли вокруг сада. Алексея везла Мери в кресле.[...] Вечером сидела с Мама и Алексеем.

Там же.

Дорогой Папа. Без тебя стало скучно. Я за тебя буду молиться. Поздравь от меня Дядю и Тётю и скорее возвращайся. Целую. Любящий Алексей.

Царское Село. 7 Мая 1913 г.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Дорогой Папа. Каждую минуту вспоминаю о тебе. Я знаю, где ты сейчас едешь. Будь здоров. Да хранит тебя Бог! Алексей.

Царское Село. 8 Мая 1913 г.

Там же.

Милый Папа, ты, вероятно, очень хотел бы скорей приехать, но не можешь. Я тебя жду с нетерпением. Будь здоров. Алексей.

Царское Село. 9 Мая 1913 г.

Там же.

Милый Папа. Желаю тебе счастливого обратного пути. Благодарю тебя за поклон. Любящий тебя Алексей.

Царское Село. 10 Мая 1913 г.

Там же.

Дорогой Папа. Мы без тебя играем в жмурки, в краски и в городки. Крепко люблю тебя и целую. Алексей.

Царское Село. 11 Мая 1913 г.

Там же.

Четверг. 16 Мая. В 1 ч. после завтрака пришли во Владимир.[...] На станции как всегда много народу. Караул от 9 Гренадерского Сибирского полка. Оттуда на моторах поехали в Успенский собор. Алексей вернулся к Мама, которая

оставалась в поезде.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. //
ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 4.

Пятница. 17 Мая. В 10 ч. прибыли на станцию в Нижнем Новгороде. Почетный караул от 37 пех. Екатеринбургского полка – оттуда поехали в Спасо-Преображенский собор. Войска стояли шпалерами, школы, гимназии, ротники тоже. По окончании молебна Мама и Алексей поехали в дворец, а мы вниз на могилу К.Минина, где была лития, а потом прямым ходом к месту закладки памятника Князю Пожарскому и К.Минину. После был церемониальный марш. Вернулись во дворец и завтракали.

Там же.

Воскресенье. 19 Мая. Около 10 ч. утра пришли в Кострому, остановились на пристани в 1 версте от Ипатьевского монастыря.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. //
ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 4.

Мы все отправились по Волге в Кострому, живя в которой Михаил Федорович Романов был избран на царство. Лицам Императорской Фамилии было предоставлено два парохода в Костроме, они стояли вплотную один за другим, у самого берега.

Главным торжеством в Костроме было открытие памятника трехсотлетию царствования Дома Романовых. На площади перед памятником был выстроен 13-й гренадерский Эриванский полк, получивший вензеля царя Михаила Федоровича, и сотня казаков Терского Казачьего войска в черных черкесках с светло-серыми бешметами. Это было замечательно красиво. Командир Эриванского полка флигель-адъютант полковник Мдивани обратился к Великому Князю Александру Михайловичу с просьбой посодействовать тому, чтобы ему, Мдивани, было разрешено пронести на руках перед фронтом полка Наследника Алексея Николаевича, но Александр Михайлович отсоветовал ему это делать.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб.: Дюссельдорф, 1993. С. 125.

Понедельник. 20 Мая. [...] В 9 ½ поехали в Спас на Дебрях, интересную старую церковь.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Он. 1. Ед. хр. 4.

Понедельник. 20 Мая. В 10 поехали в собор, по дороге Папа вышел и здоровался с войсками. Из собора крестным ходом пошли на место закладки памятника, – был молебен. Храмы полные – солнце, тепло, немного ветрено, хорошо. Прошли церемониальным маршем Эриванцы, Пултусский и Гребенцы. Оттуда Папа поехал в сад Им. Губ. принимать во-

лостных старшин и т. д., а мы 5 с Мама и т. Елла в Богоявленский монастырь. – В церкви был маленький молебен, получили чудные подарки от монахинь и работы от школ. Игуменья мать сумела угостить нас чаем, пасхой и т. д. и после Мама принимала дальше. Последним вошли М. Мдивани с милыми Эриванцами, с цветами.[...]

Там же.

Вторник. 21 Мая. В поезде близ Ярославля 12 ч. 20 м. ночи – в 9 утра. Пришли сюда... На пристани встречали почетный караул от 181-го пех. Астраханского полка. У Успенского собора, куда мы поехали, был молебен. Оттуда поехали в церковь Иоанна Предтечи – очень интересная старая церковь[нрзб]. В Преображенскую, где находится икона Спасителя, спасающая город от моровой язвы, потом в Спасский монастырь – смотрели и палаты Мих[аила] Феод[оровича], где он и пробыл 26 дней по воцарении. Оттуда в Ильинскую церковь, снова обозревали древности. Вернулись после 1 ч. и завтракали с многими людьми на «Царе Михаиле Феодоровиче». Мама с Алексеем вернулась обратно[...], в 5 ½ отправились в Толгский монастырь. Очень красиво.[...] Мама и Алексей тоже. Молебен, ризницы. Кедровая роща. Вернулись и обедали на середине реки немного дальше.

Там же.

Среда. 22 Мая... В 9 ч. снялись и в 10 пришли в Ро-

стов.[...] Поехали мы в Успенский собор. Слушали звон колоколов. Ходили вокруг Кремля и обозревали по пути находящиеся церкви, в Белой палате, ризницу и т. д. Интересно. К завтраку вернулись.[...]

Мы снова с Папа все на моторах поехали в Яковлевский м[онастырь] Красиво. И в старую церковь св. Иоанна Предтечи. На р. Ильинке – в 1687 году построена. Утр. еще заходили в Благовещенскую церковь, где находится чудотворная икона Умиления.[...] У всенощной были в церкви Воскресения.

Там же.

Пятница. 24 Мая. В 3 ч. ½ приехали в Москву.

Там же.

Суббота. 25-го Мая. В 11 ч. был выход у Красного крыльца в Успенский собор. Много народу. Пошли в Чудов монастырь к св.[митрополиту] Алексию, – и был семейный завтрак.

Там же.

Весной 1913 года Романовский юбилей праздновался в Москве. Снова большинство членов Императорского Дома собралось в Первопрестольной.

Государь Император въезжал в Москву верхом.[...] Государыня ехала с Наследником, а Великая Княгиня Елисавета

Феодоровна с Великими Княжнами.[...]

Войска стояли шпалерами. Тверская улица, по которой двигалось шествие, была посыпана желтым песком, а столбы украшены горшками с цветами, везде были вывешены флаги, с балконов [...] спускались материи и стояли царские бюсты. Народ восторженно приветствовал царя.

Когда мы подъехали к часовне Иверской Божьей Матери, Государь сошел с лошади, чтобы приложиться к образу.[...]

Все ехавшие за Государем выстроились в одну шеренгу против часовни и затем снова последовали за ним. Проезжая Спасские ворота, мы, как полагается, сняли шапки. За воротами нас встретило духовенство. Сойдя с лошадей, мы пошли за ним в Успенский собор на молебен.

В Москве было много богослужений, завтраков и обедов.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб.: Дюссельдорф, 1993. С. 123.

Московские торжества были очень красивы. Погода стояла чудная. Государь вошел в Кремль пешком, а перед ним шло духовенство с кадилами и иконами, как это было при первом Царе Михаиле Феодоровиче Романове. Государыня с Наследником ехали в открытом экипаже, приветствуемые народом. Гудели все московские колокола. Восторженные приветствия во все время пребывания Их Величеств повторялись каждый день. И казалось, ничто, ни время, ни обстоятельства не изменят эти чувства любви и преданности.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается Возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Париж, 1922. Кн. 4. С. 62.

Воскресенье. 26 Мая. В 11 ч. мы 4 с Папа поехали к обедне в Ново спасский м[онастырь]. Алексей приехал к концу и к литии внизу о наших предках. Мария Феодоровна и Григорий Ефимович были там.

Дневник Великой Княжны Ольга Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 4.

«Рейд Штандарт». Понедельник. 10 Июня. Слушали пение Алексея с мальчиками – смотрели как они играли.

Там же.

16-го июля. Вторник. [...] У Алексея от усиленных движений руками во время игры – вечером заболело в правом локте. Он долго не мог заснуть и сильно страдал, бедный!

Дневники Императора Николая II. Московский филиал: «Орбита», 1991. С. 412.

17-го июля. Среда.[...] Погода была отличная. В 7 час. приехал Григорий, побыл недолго с Аликс и Алексеем, поговорил со мною и дочерьми и затем уехал. Скоро после его отъезда боль в руке у Алексея стала проходить, он сам успо-

коился и начал засыпать. [...]

Дневники Императора Николая II. Московский филиал: «Орбита», 1991. С. 412.

18-го июля. Четверг. Алексей провел день лучше, боли уменьшились; он почти весь день лежал на своем балконе и Аликс вместе с ним. [...]

Дневники Императора Николая II. Московский филиал: «Орбита», 1991. С. 412.

Суббота. 20 Июля. Завтракали с т. Эллой и после на балконе внизу с ней же и Мама, красили на балконе платки. Алексею, слава Богу, лучше. Он также был там.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 4.

30-го июля. Вторник. Утро было занятое; принимал с Алексеем его крестных отцов Маньчжурской армии и много полковых deputаций, а также от Уссурийского казачьего войска.

Дневники Императора Николая II. Московский филиал: «Орбита», 1991. С. 414.

Милая Мама дорогая. Я каждый день молюсь Боженьке. От всего сердц. Крепко люблю и целую. Алексей.
Царское Село. 1913 г.

**Письмо Цесаревича Государыне Императрице
Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр.
76.**

При поднесении Стяга-Знамени Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу.

О сколько чувств в душе! Как сильны ощущения:
Их выразить нельзя, — нет подходящих слов;
А и молчать о них нет силы, нет терпенья, —
Наружу просится безмерная любовь!
Но «сердце Царское», как возвестил Сирах,
«В Деснице Вышнего всегда опочивает»,
Так нужны ли слова в искусственных речах
Где Сердцеведец Сам Царю провозвещает.

Ты, Отрок царственный, наш Ангел дорогой!
Прими от нас сей Стяг, склоненный пред Тобой.
Не руки, а любовь его изготавляла.
И сердце инокинь молитву воссылало
О счастии твоём к престолу Всех Царя
Чтоб дни твои текли, как утрення заря;

Чтоб был ты здоров, премудр, и светлую душою,
Сиял бы как звезда над мрачною землею!
На трепет и на страх отечества врагам,
На славу и хвалу всем подданным сынам!

Игуменья Таисия. 1913 г. Июля 30-го дня.

Стихотворение игумении Таисии (Леушинской), посвященное преподнесению стяга Наследнику Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 601 Оп. 1. Ед. хр. 1968.

Понедельник. 5 Августа. В 10 ч. 35 м. мы 2 в форме поехали на плац. Сели на лошадей. Я на Регента, Т[атьяна] на Работника и дядя Николаша со мной поехал к моему полку. – Мартынов встретил меня с рапортом, и я галопом подъехала к трубачам, с каждым эскадроном поздоровалась, и на первом фланге встретила Папа и за ним еще раз объехала фронт. Так волновалась за заезд, но ничего вышло. Ужасно красивый и хороший парад был. Так хорошо прошли мои молодцы Елисаветградцы.[...] Мама сидела с Алексеем в коляске – у дома. В 3 ч. ½ оба полка пришли к нам в сад.[...] Песенники пели хорошие песни, и полк прошел мимо. Мы с Папа проводили полк до ворот. И там Папа его в последний раз мимо себя пропустил.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 4.

5-го августа 1913 года. Государь принимал в Петергофе парад 8-го Уланского Вознесенского и 3-го Гусарского Елисаветградского полков. Шефом Гусарского полка была Великая Княжна Ольга Николаевна, а Уланского – Татьяна Николаевна, – старшие дочери царя.

Ольга и Татьяна Николаевны приехали до Государя и сели амазонками на своих лошадей. Они были в форме своих полков, в чине полковника.[...] Наследник со своими младшими сестрами смотрел на парад из палатки.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб.: Дюссельдорф. 1993. С. 130.

9-го августа. Пятница. Встал и оделся до ст. Альма. Сидел с Алексеем у окна и любовался видами до самого Севастополя, куда мы прибыли в 11 ¼ утра. Салют флота и крепости как всегда и обычная встреча на пристани с чудным почетным караулом от Брестского полка. На гребном катере прибыли на «Штандарт» к 12 час. Жара была большая, но легкая с приятным бризом. [...]

Дневники Императора Николая II. Московский филиал: «Орбита», 1991. С. 416.

Проводя летние каникулы у матери, я видел Наследника, резвящегося в Ливадии со своими сестрами в парке и во время прогулок со своим гувернером Жильяром. Наследник был не по годам развитым мальчиком, очень серьезным и вдумчивым, и болезнь с ее невероятными страданиями наложила на Него свой отпечаток. Будучи очень живым и экспансивным по натуре, он никак не мог примириться с необходимостью беречь себя, и во время игр часто падал и ушибался, и каждый раз эти ничтожные для других детей удары

и синяки вызывали у Него сильнейшие приступы болезни.

Занимался Он охотно, и науки давались Ему легко, но языков Он не любил, хотя и учил и знал французский, а потом и английский языки... Немецкий ему не преподавали. Заметив манеру свиты и вообще двора говорить между собой по-французски, а в последнее время по-английски, ставшим модным языком, Наследник как-то сказал:

– Когда я буду царем, то при моем дворе будут говорить только по-русски. Вообще, Наследник еще в отроческие годы уже сознавал свое положение, и я помню, как мой отчим, вернувшись после завтрака во дворец, рассказывал, что когда все вышли из-за стола на внутренний мавританский дворик дворца, где Государь обыкновенно курил и разговаривал с приглашенными, Наследник задержался в столовой, и, сидя за столом, что-то усиленно измерял на нем спичкой. В этот момент к нему подошел генерал Сухомлинов и поздоровался с ним. В ответ на его: «Здравия желаю, Ваше Императорское Высочество», он услышал озабоченное: «Здравствуйте», и Наследник, не обращая на него внимания, продолжал заниматься своим делом. Тогда генерал полушутя, полуобиженно заметил:

– Нехорошо, Ваше Императорское Высочество, меня, старика, так обижать!

Тогда Наследник встал, протянул руку генералу и после вторичного «Здравствуйте» нахмуренно прибавил:

– Но в следующий раз, когда я занят, прошу мне не ме-

шать! Обладая отзывчивой душой и поразительно добрым сердцем, Наследник был чрезвычайно чуток к чужому горю. Как-то бегая около дворца, Он заметил дневального, который украдкой плакал на посту и не заметил, как к нему подошел Наследник. Вытянувшись, как каменное изваяние, бедняга совершенно растерялся, когда Наследник стал расспрашивать его о причинах его горя. Солдат вначале мялся, но потом услышал:

– Я тебе приказываю сказать, почему ты плакал!

Он объяснил Наследнику, что получил из дому письмо, в котором сообщалось, что у его родителей пала последняя корова. Тогда Наследник приказал ему вызвать дежурного. На свист дневального последний прибежал, как одурелый, думая, что случилось несчастье, и окончательно растерялся, когда увидел Наследника.

По приказанию последнего он заменил пост, и Наследник буквально за руку привел ошалевшего от неожиданности солдата во дворец, прямо к Государыне, тоже в первый момент не понявшей, в чем дело. Наследник, еще издалека, увидев Государыню, закричал ей:

– Мама, Мама, я привел тебе бедного солдатика! У него дома последняя коровка умерла, и ему надо помочь!

Когда все выяснилось, солдату, не помнившему себя от счастья, было выдано по приказанию Государя, насколько мне помнится, 300 рублей для пересылки родителям.

Марков С. В. Покинутая Царская Семья. Вена.,

Воскресение. 25 Августа. [Крым, Ливадия] [...] У обедни стояла с Алексеем в молельне.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. //
ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 4.

Я имел обыкновение каждое лето возвращаться в Швейцарию; в этом году Императрица дала мне знать, за несколько дней до моего отъезда, что она намерена по моем возвращении доверить мне обязанности наставника Алексея Николаевича. Это известие преисполнило меня одновременно радости и страха. Я был очень счастлив доверием, которое мне оказывали, но боялся ответственности, ложившейся на меня.[...]

Я вернулся в конце августа. Царская семья была в Крыму. Я зашел в канцелярию Ее Величества, чтобы ознакомиться с последними распоряжениями, и уехал в Ливадию, куда прибыл 3 сентября. Я нашел Алексея Николаевича побледневшим и похудевшим. Он еще очень плохо себя чувствовал. Его заставляли принимать очень горячие грязевые ванны, сильно его ослаблявшие и предписанные докторами. [...]

Тогда у меня произошел длинный разговор с доктором Деревенко. Он мне сообщил, что Наследник Цесаревич болен гемофилией (кровоточивостью), наследственной болезнью, передающеюся из поколения в поколение через женщин

детям мужского пола. Ей подвержены только мужчины. Он объяснил мне, что малейшая царапина могла повлечь за собой смерть ребенка, так как кровообращение гемофилика ненормально. Кроме того оболочка артерий и вен так хрупка, что всякий ушиб, усиленное движение или напряжение вызывают разрыв сосудов и приводят к роковому концу. Вот какова была ужасная болезнь, которой страдал Алексей Николаевич; постоянная угроза жизни висела над его головой: падение, кровотечение из носа, простой порез, все что для обыкновенного ребенка было бы пустяком, могло быть для него смертельно.

Его нужно было окружать особым уходом и заботами в первые годы его жизни и постоянной бдительностью стараться предупреждать всякую случайность. Вот почему к нему, по предписанию врачей, были приставлены в качестве телохранителей два матроса с императорской яхты: боцман Деревенько и его помощник Нагорный, которые по очереди должны были за ним следить.

Когда я приступил к моим новым обязанностям, мне было не так-то легко завязать первые отношения с ребенком. Я должен был говорить с ним по-русски, отказавшись от французского языка.[...]

Алексею Николаевичу было тогда 9 с половиной лет. Он был довольно крупен для своего возраста, имел тонкий, продолговатый овал лица с нежными чертами, чудные светло-каштановые волосы с бронзовыми переливами, большие

сине-серые глаза, напоминавшие глаза его матери. Он вполне наслаждался жизнью, когда мог, как резвый и жизнерадостный мальчик. Вкусы его были очень скромны. Он совсем не кичился тем, что был Наследником Престола. Об этом он всего меньше помышлял. Его самым большим счастьем было играть с двумя сыновьями матроса Деревенько, которые оба были несколько моложе него.

У него была большая живость ума и суждения, и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе. Я легко понимал, что те, которые не должны были, как я, внушать ему дисциплину, могли без задней мысли легко поддаваться его обаянию. В маленьком капризном существе, каким он казался вначале, я открыл ребенка с сердцем от природы любящим и чувствительным к страданиям, потому что сам он уже много страдал. Как только это убеждение вполне сложилось во мне, я стал бодро смотреть на будущее. Моя работа была бы легка, если бы не было окружавшей нас обстановки и условий среды.[...]

Вначале все шло хорошо... как вдруг стряслось несчастье, которого мы так боялись. В классной комнате ребенок взлез на скамейку, поскользнулся и упал, стукнувшись коленкой об ее угол. На следующий день он уже не мог ходить. Еще через день подкожное кровоизлияние усилилось, опухоль, образовавшаяся под коленом, быстро охватила нижнюю часть ноги. [...] Императрица сидела у изголовья сына с начала за-

болевания, нагибалась к нему, ласкала его, окружала его своей любовью, стараясь тысячью мелких забот облегчить его страдания. Государь тоже приходил, как только у него была свободная минута. Он старался подбодрить ребенка, развлечь его, но боль была сильнее материнских ласк и отцовских рассказов, и прерванные стоны возобновлялись. Изредка отворялась дверь, и одна из Великих Княжон на цыпочках входила в комнату, целовала маленького брата и как бы вносила с собою струю свежести и здоровья. Ребенок открывал на минуту свои большие глаза, уже глубоко очерченные болезнью, и тотчас снова их закрывал.

Однажды утром я нашел мать у изголовья сына. Ночь была очень плохая. Доктор Деревенко был в беспокойстве, так как кровотечения еще не удалось остановить, и температура подымалась. Опухоль снова возросла, и боли были еще нестерпимее, чем накануне. Цесаревич, лежа в кроватке, жалобно стонал, прижавшись головой к руке матери, и его тонкое, бескровное личико было неузнаваемо. Изредка он прерывал свои стоны, чтобы прошептать только одно слово: «Мама...», в котором он выражал все свое страдание, все свое отчаянье. И мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто этой лаской она могла облегчить его страдания, вдохнуть ему немного жизни, которая его покидала.

П. Жильяр. Император Николай II и его семья. Вена, 1921.

Суббота. 5-го Октября. В 6 ч. $\frac{1}{4}$ пришел Григорий Ефимович и мы сидели все вместе. Была у всенощной в молельне. Алексей был в черкеске, получил форму Грузинского полка.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 5.

5-го октября. Суббота. Погода стала немного теплее. Алексей получил утром подарки в нашей спальне. Погулял. В 11 час. на площадке перед домом произошел церковный парад всем частям Ялтинского гарнизона, а затем производство корабельных гардемарин в мичманы. Завтракало около 160 чел. в столовой. Снимался с Алексеем группой с молодыми мичманами. [...] После чая дома приняли Григория, который остался до 7 $\frac{3}{4}$. Эскадра зажгла красивую иллюминацию, что при полной луне и тихом море представляло замечательное зрелище.

Дневники Императора Николая II. Московский филиал: «Орбита», 1991. С. 426.

Вчера праздновали именины дорогого Алексея. Накануне пришла вся эскадра, утром был парад перед домом, потом производство гардемарин в мичманы и большой завтрак. Вечером эскадра зажгла чудную иллюминацию и благодаря тихой лунной ночи картина получилась очень красивая. В полночь эскадра ушла в Севастополь.

Ливадия. 6-го Октября 1913 г.

Письмо Государя Императора Николая Александровича Матери – вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 2332.

15-го ноября. Пятница. [...] В 2 ½ принял с Алексеем монгольское посольство; оно поднесло мне орден Чингис-хана и нам подарки. [...]

Дневники Императора Николая II. Московский филиал: «Орбита», 1991. С. 432.

Царское Село. Четверг. 19-го Декабря. В 6 ½ пришли в Царское. Молебен был у Ал[ексея] в новых комнатах.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 5.

Пятница. 20-го Декабря. Днем мы 4 с Папа пешком, а Мама с Ал. в каретке к Знамению, оттуда гулять. Прошли весь сад – много снега. Встретили Ал. и Т. Д. в саночках.

Там же.

Глава 3

Война

Никому иному, как Распутину, было приписано улучшение в болезни Алексея Николаевича, наступившее после ужасного приступа гемофилии, описанного мною выше.[...] Наше пребывание в Крыму затянулось дольше обыкновенного из-за болезни Алексея Николаевича, и мы вернулись в Царское Село лишь в декабре. Мы провели там всю зиму 1913–1914 года. Жизнь носила в Царском гораздо более семейный характер, чем в других местах пребывания Царской Семьи.[...] Уроки начинались в 9 часов с перерывом между 11 часами и полуднем. Мы выезжали на прогулку в карете, санях или автомобиле, затем занятия возобновлялись до завтрака, который происходил в час дня. После завтрака мы всегда проводили два часа на воздухе. Великие Княжны и Государь, когда бывал свободен, присоединялись к нам, и Алексей Николаевич веселился с сестрами, спускаясь с ледяной горы, которая была устроена на берегу небольшого искусственного озера. Он любил также играть со своим ослом Ванькой, которого запрягали в маленькие санки, или со своей собакой Джой, темно-коричневой болонкой на низких лапках с длинными, падающими почти до полу шелковистыми ушами. Ванька был бесподобное, умное и забавное животное. Когда Алексею Николаевичу захотели подарить

осла, долго, но безрезультатно обращались ко всем барышнякам в Петербурге; тогда цирк Чинизелли согласился уступить старого осла, который по дряхлости уже не годился для представлений. И вот таким образом Ванька появился при Дворе, вполне оценив, по-видимому, дворцовую конюшню. Он очень забавлял нас, так как знал много самых невероятных фокусов. Он с большой ловкостью выворачивал карманы в надежде найти в них сладости. Он находил особую прелесть в старых резиновых мячиках, которые небрежно жевал, закрыв один глаз, как старый янки. Эти два животных играли большую роль в жизни Алексея Николаевича, у которого было не очень много развлечений. Он страдал главным образом от отсутствия товарищей.

Оба сына матроса Деревенько, его обычные сотоварищи в играх, были гораздо моложе его и ни по образованию, ни по развитию ему не подходили. Правда, по воскресеньям и праздникам к нему приезжали двоюродные братья, но эти посещения были редки... Болезнь Алексея Николаевича крайне затрудняла выбор ему товарищей. К счастью, его сестры, как я уже говорил, любили играть с ним; они вносили в его жизнь веселье и молодость, без которых ему было бы очень трудно.

Во время дневных прогулок Государь, любивший много ходить, обыкновенно обходил парк с одной из дочерей, но ему случалось также присоединяться к нам, и с его помощью мы однажды построили огромную снеговую башню, которая

приняла вид внушительной крепости и занимала нас в продолжение нескольких недель.

В 4 часа мы возвращались, и уроки возобновлялись до обеда, который подавался в семь часов для Алексея Николаевича и в восемь — для остальных членов семьи. Мы заканчивали день чтением вслух какой-нибудь любимой им книги.

Алексей Николаевич был центром этой тесно сплоченной семьи, на нем сосредоточивались все привязанности, все надежды. Сестры его обожали, и он был радостью своих родителей. Когда он был здоров, весь дворец казался как бы преображенным; это был луч солнца, освещавший и вещи, и окружающих. Счастливо одаренный от природы, он развивался бы вполне правильно и равномерно, если бы этому не препятствовал его недуг. Каждый кризис требовал недель, а иногда и месяцев покоя, а когда кровотечение бывало более обильно, то в результате наступало общее малокровие, и ему часто на долгое время запрещалась всякая напряженная работа. Таким образом, можно было использовать только промежутки между заболеваниями.[...]

Распутин никогда не поднимался в комнаты Великих Князей и заходил к Алексею Николаевичу лишь в очень редких случаях. Очевидно, боялись моей встречи с ним, потому что комнаты, которые я занимал во дворце, были смежны с помещением Цесаревича. От приставленных к нему служащих я требовал отчета обо всех мелочах, касавшихся жизни Цесаревича, и таким образом эти встречи не могли состоять-

ся без моего ведома (я узнал таким образом, что с 1 января 1914 года до дня своей смерти – в декабре 1916 года – Распутин был у Алексея Николаевича всего три раза). Дети видели Распутина у своих родителей, но его посещения дворца были уже очень редки. Проходили часто недели, а иногда и месяц без того, чтобы его позвали.[...]

Зима прошла благополучно. После Ливадии не было больше тяжелых приступов болезни. Я отлично знал, что это только передышка, но видел в Алексее Николаевиче серьезное старание сдерживать свою порывистую и живую натуру.[...]

Мне приходилось бороться с подобострастием прислуги... Я помню, как депутация крестьян одной из центральных губерний России пришла однажды поднести подарки Наследнику Цесаревичу. Трое мужчин, из которых она состояла, по приказу, отданному шепотом боцманом Деревенько, опустились на колени перед Алексеем Николаевичем, чтобы вручить ему свои подношения. Я заметил смущение ребенка, который багрово покраснел. Как только мы остались одни, я спросил его, приятно ли ему было видеть этих людей перед собою на коленях.

– Ах, нет! Но Деревенько говорит, что так полагается.

– Это вздор. Государь сам не любит, чтобы перед ним становились на колени. Зачем вы позволяете Деревенько так поступать?

– Не знаю... я не смею.

Я переговорил тогда с боцманом, и ребенок был в восторге, что его освободили от того, что было для него настоящей неприятностью.

П. Жильяр. Император Николай II и его семья. Вена, 1921.

[1914 г.]. Январь 1/14. Среда. [...] Утром встал около 9 ч. в хорошем настроении духа, получил несколько [нрзб.] от Его и Ее Величеств и от сестер. Умылся. Оделся. Принял поздравления Ее и Его Величества. На воздух не выходил т. к. [нрзб.] и т[емпература] не вполне нормальна. Играл с детьми боцмана Деревенько. Массаж. Синий свет был и электрофорез (от 6–7). Лег в 9.30. Спал довольно хорошо.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329¹⁰⁷.

3/16. Пятница [...] К 11.30. Его Высочеству приносил поздравления по случаю Нового года адмирал Нилов. С 2 ч. играл с детьми (Сергеем и Алексеем) Деревенько.[...] Очень шалил. С 6–7 синий свет и массаж (как и накануне). В 7 ч.

¹⁰⁷ В дневнике содержатся сведения о распорядке дня Цесаревича Алексея Николаевича, а также о различных событиях его жизни. Принадлежность этого документа П. А. Жильяру подвергается сомнению, так как в дневнике, написанном на русском языке, встречаются выражения, не свойственные для языка иностранца. Можно высказать предположение о том, что авторами русского текста являются учитель русского языка П. В. Петров, или, в связи с часто встречающимися медицинскими терминами, доктор В. Н. Деревенко, или С. П. Федоров, или же Е. С. Боткин, почерк которого схож с почерком «Дневника».

обед с Августейшими сестрами. В 9.30 молитва с Августейшей Матерью и сон.

Там же.

6/19. Понедельник. Богоявление Господне.[...] Утром гулял в парке 1 час при 5° мороза. Завтракал у Ее Императорского Величества. С 2 ¼ уехал с Ее Императорским Величеством в Петербург, где посетил больную графиню Гендрикову, был у Августейшей Бабушки и в Казанском соборе с Августейшей Матерью. В 6.30 вернулся в Царское Село.

Там же.

7/20. Вторник. [...] С 16 ч. 20 утра начались правильные занятия по русскому языку, Закону Божьему, арифметике, французскому, русскому и английскому языкам. В промежутках между занятиями Алексей Николаевич гуляет в парке, катается на салазках, играет и бегает.

Там же.

Часто слушая Ее Величество, невольно удивлялся, как быстро и основательно изучила Она свой русский язык, сколько силы воли должна была Государыня употребить на это. Ее Величество считала это весьма важным: Наследник Цесаревич до десятилетнего возраста не обучался иностранным языкам и именно для того, чтобы иметь чистый русский выговор.[...]

**Шуленбург В. Э. Воспоминания об Императрице
Александре Феодоровне. Париж., 1928. С. 5.**

8/21. Среда. Катались в парке. Дежурил Р. Jilliard¹⁰⁸, гувернер Его Императорского Высочества. Уроки по арифметике по-видимому пришлись Алексею Николаевичу по вкусу. Нельзя того же сказать об уроке английского языка. Настроение духа бодрое, веселое и довольно боевое.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

12/25. Воскресенье. Мучц. Татианы. Поздравлял свою Августейшую сестру. Прогулка. Уроков не было. В 11 ч. выехал в сопровождении д-ра Деревенко в церковь Сводного полка. Вернулся в 11.45. Завтракал у Ее Императорского Величества. Прогулка с 3—4 ½. Чай. Обед. Лег в 9.30.

Там же.

16/29. Четверг. Утром гулял. С 11—12. Днем принимал депутацию: Екатеринославских крестьян, поднесших икону. Прогулка на воздухе. Занятия.

Там же.

Февраль 2/15. Воскресенье. Сретение Господне. Встал в 9.20, спал хорошо. С 11—12 прогулка в экипаже. В 12 завтрак

¹⁰⁸ Пьер Жильяр (*фр.*).

с Ее Императорским Величеством. С 3 часов дети Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича Ростислав, Димитрий и Василий. Дети оставались до 7 почти часов. В 8 ч. обед. В 8.30 лег. Молился с Августейшей Родительницей.

Там же.

7/20. Пятница. [...] В 2 часа поехал в церковь Сводного полка, где присутствовал на бракосочетании лейтенанта Гвардейского Экипажа Павла Алексеевича Воронова с графиней Клейнмихель. В начале 4-го вернулся. С 5–6 урок французского языка. С 6–7 врачебные процедуры. В 7 ч. обед. В 8.30 лег, съел апельсин, выпил молоко, молился. Компресс на левую стопу.

Там же.

18/3 Вторник. [Второй день Великого Поста]. С 10–11 урок, до того довольно долго капризничал. С 11–11 ½ играли, а в 11 ½ поехал в церковь с Августейшими Родителями. С 12 ½ завтрак. С 2–2 ½ отдыхал. С 2 ½–4 ½ на воздухе, строил снежную гору вместе с Ее Императорским Высочеством сестрой Анастасией Николаевной. С 4 ½–5 ½ урок. С 5 ½–6 электрофорез и массаж. С 6–7 урок. С 7–8 церковь, куда поехали вместе с Анастасией Николаевной. Лег в 8. 45.

Там же.

19/4. *Среда*. С 11 ½–12 ½ был в церкви Сводного Полка вместе с Августейшими Родителями и сестрами. С 6–7 обед, затем церковь (6 ч.) и ванна. Лег в 8. 30.

Там же.

20/5. *Четверг*. С 11.30–12.30 в церкви с Августейшими Родителями. С 2 ½ прогулка в парке, катание с горы с Анастасией Николаевной и детьми боцмана Деревенько.[...] С 7–8 церковь.

Там же.

21/6. *Пятница*. Утром урок русского языка, а затем небольшая прогулка в парке в санях. С 11 ½–12 ½ – церковь.[...] Уроков в 5 ч. не было. Исповедывался в 5.45.[...] В 7.20 поехал в церковь.[...] Весел, поет. Послушен. Огни потушены в 9.30.

Там же.

22/7. *Суббота*. [*Чистая суббота*]. Встал в 7.30 утра. В 8.45 в церкви, где приобщался Св. Тайнам вместе с Августейшими Родителями и сестрами. Вернулись в 10.20. Пил чай. Катался 1 ½ часа в парке и 1 ч. завтрак с Августейшими Родителями. С 2 ½ ч. до 4 ½ в парке катался, гуляли, помогал строить снеговую гору вместе с Его Императорским Величеством и Августейшими сестрами. Пил чай.

С 6 ч. (до 7) массаж и электризация. С 7–8 обед. Очень

шалит и был мало послушен. Лег в 8.45. [...] Молился с Августейшей Родительницей.

Там же.

25/10. Вторник. [...] Встал в 8 ч. Хорошо умылся,пил чай 5 минут, играли в Аптеку от 1 ½ часа. Урок. Прогулка ½ часа. Урок. Представлялся посланник в Дании, барон Буксгевден.[...]

Там же.

Март 2/15. Воскресенье. [...] Подносили подарки (Бородинское поле с олов[янными] фигурками русских и французских войск. Подарок было приказано отдать в 1-й Кадетский корпус.) Не отдыхал и с 2 до 4 часов гулял в парке. Вернулся в 4 часа,пил чай. В 6–7 – массаж. [...] Молитва с Ее Императорским Величеством.

Там же.

11/24. Вторник. [...] В 10 ч. представлялся генерал, наказный атаман Кубанской области. До завтрака 2 урока, а в промежутке прогулка на воздухе в парке, где играл с детьми боцм. Деревенько. Завтрак. После завтрака отдыхал всего 15 минут, т. к. нужно было ехать на освящение церкви 1-го Стр[елкового] полка. В час, переодевшись, поехал в парк, вернулся в 5 ч. и на урок опоздал на 20 минут. [...] В 7–8 обед. Был у Авг. Род. до

8. 45. Очень устал. Молился с Августейшей Матерью.

Там же.

15/28. Суббота. [...] В 3 часа встречал в парадных комнатах вместе с Августейшей Матерью Наследного Принца Румынского Фердинанда с супругой и сыном Карлом. [...] Молился в 9 ч. с Августейшей Матерью.

Там же.

19/1. Среда. [...] Встал в 8 часов утра. Хорошо поел... и спустился к Ее Императорскому Величеству поздороваться. В 10.20 урок. На урок опоздал, т. к. немного плакал и просился на парад л. гв. Драгунского полка. Но на парад не поехал, т. к. нога не вполне прошла. Завтрак и немного грязевых лепешек на ногу. [...] Молился с Ее Императорским Величеством, Августейшей Матерью.

Там же.

20/2. Четверг. [...] Настроение духа хорошее и спокойное. В 10.20 урок. С 11–12 прогулка в парке в санях и пешком с 12–12.40 урок. [...] Утром в 11 ч. предст[авлялись] учителя Смольного института и командир дворц. гренадер; предст[авилось] 10 крест[ьян] из Холмской губернии.

Там же.

25/7. Вторник. Благовещение Пресвятой Богородицы.

[...] Проснул. в 8.30. В 11.15 выехал в собор (Феодоровский), после службы обходил фронт вместе с Августейшим Отцом.

(Церковный праздник Его Величества Сводного полка). В 6.15 выехал на молебен в собор, а в 6.45 вместе с Авг. Род. выехал из Спб. в Крым в собственном] Его Императорского Величества поезде.

Там же.

26/8. Среда. [...] Спал в собст. поезде хорошо. На остановке поезда выходил гулять с Отцом и Августейшими Сестрами. Завтракал с Авг. Матерью, а обедал с доктором и гувернером. Ел хорошо. Настроение духа хорошее. В 9.30 заснул. Молился с Августейшей Матерью.

Там же.

Под окном гуляет ненаглядный Алексей Николаевич. Сегодня Алексей Николаевич обходил вагоны с корзиночкой маленьких дутых яиц, которые он продавал в пользу бедных детей по поручению Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, севшей к нам в поезд в Москве. Сегодня после завтрака я носил Алексею Николаевичу показывать свою замечательную пепельницу... Он был очень доволен и очень хвалил, но, т. к. я застал его за обычным дневным отдыхом, когда Жильяр ему что-то интересное рассказывал, я, заметив, что он хочет продолжать слушать, поспешил уходить. Когда я в

дверях раскланивался, этот ненаглядный мальчик, очаровательно улыбаясь мне, сказал: «Au revoir Monsieur, Je Vous aime ole tout mon petit coeur»¹⁰⁹. Это ли не очарование? Я в восторге ему ответил: «Vous e'tes adorable...»¹¹⁰

26. III.1914. (По дороге в Севастополь).

Отрывок из письма Е. С. Боткина своим детям. В кн. Мельник Т. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 109.

27/9. Четверг. [...] Проснулся в 8.30. На остановке выход. гулять на платформу вместе с Августейшим Отцом и сестрами. Завтрак. у Августейших Родителей, а обедал с Отцом и гувернером M-eur Jilliard'ом. Несколько устал. Ел плоховато. Жалуется на тошноту. Лег после завт. на ¼ часа. В 6.30 приехали на «Штандарт».

Дневник П. А.Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

30/12. Воскресение. Вход Господень в Иерусалим. В 12.30 «Штандарт» тронулся в Ялту, куда прибыл в 4 часа. В 4.30 в сопровождении Авг. Родителей, сестер и лиц Свиты отбыл в Ливадию. Молебен. Лег в 9.30.

Там же.

¹⁰⁹ До свидания, мсье, я люблю Вас всем своим маленьким сердцем (фр.).

¹¹⁰ Вы очаровательны (фр.).

31/13. Понедельник. [Великий Понедельник]. [...] Встал в 8.30 утра в хорошем настроении духа. Ездил к морю с детьми боц[мана] Деревенько. С 11.15–11.40 урок. До 12 ½ церковная служба с Август. Родителями и Сестрами в Ливадийской церкви. Завтрак с Авг. Матерью, отдых ½ часа. Поездка в Массандру с докт. Дерев[енко], М-eur Jilliard'ом, детьми боц. Деревень[ко] и сыном доктора Деревен[ко]. Шалил. Чай. Ванна, обед, в церкви 25 минут. Лег в 8.30. Молился с Августейшей Матерью.

Там же.

Апрель 1/14. Вторник. [Великий Вторник]. [...] В 9.30 в экипаже спустился к морю вместе с детьми боц. Деревенько (Серг[еем] и Алексеем). У меня пров[ел] до 11.20, вернулся, минут 20 занимался с М-eur Jilliard'ом. Церковь до 12. 30. [...] Вечером приезжали В[еликие] К[нязья] Конст[антин] и Димитр[ий] Констан т[иновичи]. С 8.45 у меня, молился с Ее Императорским Величеством и лег спать.

Там же.

2/15. Среда. [Великая Среда]. [...] Встал в 8.30 утра. Умылся, оделся, поехал к морю, откуда вернулся в автомобиле вместе с Авг. Отцом. До завтрака в домово́й церкви. [...] После этого отдыхал ½ часа и поехал в Массандру. Туда же приех. Авг. Родители и сестры. В 6 ч. исповедь. [...]

Там же.

3/16. Четверг. [Великий Четверток]. Утром встал в 7. 30. В 9 ч. служба. Причащался Святым Тайнам вместе с Августейшими Родителями и сестрами. С 11–12 на берегу моря. [...] В 2.30–

4.30 Массандра. [...] С 6–8 служба (чтение 12 Евангелий Страстей Господних). Лег в 8.45. Устал. Молился с Августейшей Матерью.

Там же.

4/13. Страстная Пятница. Встал в 8.30 утра. [...] Пошел в церковь. [...] В 7.30 в церковь. [...] Молился с Августейшей Матерью.

Там же.

5/18. Страстная Суббота. Утром был на берегу моря. В 12.30 пошел в церковь, где простоял до 1.20. [...]

Там же.

6/19. Пасха. Светлое Христово Воскресение. В 11 ч. вместе с Августейшими Родителями принимал поздравления Свиты и служащих. После завтрака ездил в Массандру на 2 ч. Играл.

Там же.

Христос Воскрес!

Христос Воскрес! Христос Воскрес!
О том заре на вольной воле
И песня жаворонка в поле
Звенела радостно с небес...

Услышал весть святую лес,
Дышавший трепетно под снегом,
И повторил своим побегам,
Что смерти нет, что Он Воскрес...

И весть о чуде из чудес
Они, согреты небесами,
Несли в земную глубь корнями:
«Христос Воистину Воскрес!»

Алексей.

Стихотворение, посланное Цесаревичем бабушке, вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 769.

7/20. Понедельник. В 2 ч. принимал вместе с Августейшими Георгием¹¹¹ и сестрами, поздравления со Светлым Христовым Воскресением от войсковых частей. В 3 поехал в Массандру, где пробыл до 5 ч. [...] Молился с Августейшей

¹¹¹ *Георгий* – Георгий Михайлович (1863–1919) – Великий Князь, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, во время Первой мировой войны состоял при Ставке. Расстрелян в Петропавловской крепости.

Родительницей. Насморк.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

Воистину Воскрес!

Милая Бабушка. Очень благодарю тебя за солдат. Они мне очень нравятся. Я теперь делаю земляные укрепления. Погода у нас хорошая. Будь здорова. Да хранит тебя Бог! Алексей.

Ливадия. 14 Апреля 1914 г.

Письмо Цесаревича бабушке, вдовствующей императрице Марии Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Ед. хр. 769.

15/28. Вторник. [...] Встал в 9.10. Удалось дать 2 урока (Закон Божий). С 11 ½–12 ½. Уроки. Урок Р[усского] языка. С 3 ½–4 ½ гулял в макинтоше... С 4–5 ½ с Августейшими Родителями и Сестрами присутствовал при Св. Таинстве Крещения новорожденной Наталии – дочери Ее Высочества Княжны Татьяны Константиновны (в браке с Князем Багратионом-Мухранским).

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

Воистину воскрес!

Милая тетя Ксения. Очень благодарю тебя за подарок. У

меня уже начались занятия. Вчера я был с Папа на смотре юнкеров казачьего училища. Погода у нас стоит опять отличная. Только два дня была буря, шел дождь и град. Любящий тебя Алексей...

Мне ужасно жалко, что Никита¹¹² болен. Но ему теперь, слава Богу, лучше. Поцелуй от меня всех.

Ливадия. 17 Апреля 1914 г.

Письмо Цесаревича Великой Княгине Ксении Александровне. // ГАРФ. Ф. 662. Оп. 1. Ед. хр. 217.

Весной 1914 года Императорская семья, как и в предыдущие годы, уехала в Крым. 13 апреля [по нов. ст.] в яркий, чудный день мы прибыли в Ливадию. Нас ослепило солнце, в лучах которого утопали скалистые утесы, возвышающиеся отвесно над морем, маленькие татарские деревушки, наполовину вросшие в обнаженные скаты гор, и ярко-белые мечети, которые своим блеском выделялись на фоне старых кипарисов, обрамляющих кладбища. [...]

Здоровье Алексея Николаевича за последние месяцы значительно улучшилось, он вырос и приобрел здоровый вид, что вызвало общую радость.

8 мая, чтобы доставить удовольствие сыну, Государь решил воспользоваться днем, который обещал быть особен-

¹¹² *Никита* – Никита Александрович (1900–1974) – Князь, сын Великого Князя Александра Михайловича и сестры Государя Императора Великой Княгини Ксении Александровны.

но хорошим, и подняться до Красного камня. Мы поехали в автомобиле: Государь, Наследник, один из офицеров со «Штандарта», и я. Боцман Деревенько, дежурный казак Государя следовали за нами в другом автомобиле. Мы поднялись мало-помалу чудными сосновыми лесами по откосам Гор Яйлы. Громадные меднокрасные стволы сосен, покрытые серым налетом, стройно и гордо поднимались к своим похожим на зеленые куполы верхушкам. Мы довольно быстро достигли цели нашей поездки: большого, господствующего над долиной утеса.[...]

День был так хорош, что Государь решил продолжать прогулку. Мы перевалили через северный склон Яйлы. Там были еще большие снежные поля, и Алексею Николаевичу доставило большое удовольствие скользить по снегу. Он бегал вокруг нас, играл, шалил, катался по снегу, падал и вновь подымался, чтобы снова упасть через минуту. Никогда, казалось, живость его природы и радость жизни не проявлялись в нем с такой силой. Государь с очевидной радостью следил за прыжками Алексея Николаевича; видно было, что он глубоко счастлив, видя, что его сыну вернулись, наконец, здоровье и силы, которых он так долго был лишен. Но страх возможного ушиба не покидал его, и он время от времени окликал ребенка, чтоб умерить его резвость. [...]

П. Жильяр. Император Николай II и Его семья. Вена, 1921.

Май 1/14. Четверг. [...] С 9.30–11 ч. уроки (Р[усский] Язык и Закон Божий) с 11–12 ½ вместе с Авг. сестрами готовит вещи к предполагаемому базару. [...] С 5–5 ½ урок фр. языка. [...] С 7–8 грязев[ая] ванна. [...]

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

4/17. Воскресенье. [...] Представлялась депутация от Уральского Казачьего войска, преподнесшая Его Императорскому Высочеству полное казачье снаряжение. До завтрака никуда не уезжал. После завтрака ездил в Массандру. В 7–8 электризация, массаж. [...]

Там же.

10/23. Суббота. [...] В 8 ч. вечера поехал на «Штандарт», где ночевал, т. к. предстоял благотворительный базар на молу при участии Ее Императорского Величества и Великих Княжон. Заснул в 11 часов.

Там же.

11/24. Воскресенье. [...] Обновление Царьграда. Св. Мефодия и Кирилла.

Спал хорошо, но проснулся в 7 ч. [...] Помогал Августейшей Родител[ьнице] и сестрам продавать и считать. В 8 ч. вечера вернулся в Ливадию.

Там же.

20/2. Вторник. Никуда не выезжал, т. к. болела нога. Были Ее Высочество Княжна Татиана Конст[антиновна] с сыном. Там же.

Мальчика надо было носить, как дома, так и на дворе, и Деревенько дали велосипед с сиденьем перед седлом для Наследника. На этом велосипеде матрос возил Наследника по парку в Царском Селе. Часто приходили играть с Наследником и дети Деревенько, и вся одежда Алексея обычно переходила к ним. Когда Наследник бывал болен и плакал по ночам, Деревенько сидел у его кровати. Когда Наследнику исполнилось 6 или 7 лет, его воспитание было вверено учителю, а Деревенько оставался при нем как слуга. Первыми учителями были швейцарец мсье Жильяр и англичанин мистер Гиббс. Лучший выбор едва ли был возможен. Совершенно чудесным казалось, как изменился мальчик под влиянием этих двух людей, как улучшились его манеры и как хорошо он стал обращаться с людьми.

В то же время в пользование Наследника было выделено несколько комнат, спальная, классная комната и комната для игр. У Алексея была масса игрушек, но он предпочитал проводить время на свежем воздухе. Ему подарили пони, коляску и сани для езды по парку; все виды спорта были ему запрещены. [...]

Как Алексей развивался физически? Рос он нормально, и,

по всем признакам, должен был быть хорошо сложен. Черты его лица были благородны, его ноги и руки пропорциональны; только левая нога была не совсем ровной, но эта неровность, появившаяся после его болезни в Спале, через год перестала быть заметной. Императрица твердо верила в предсказания Распутина, что Наследник по достижении 16 лет будет совершенно здоров.

Неопубликованные воспоминания А. Вырубовой // Новый журнал. Нью-Йорк, 1978. Кн. 131. С. 185–186.

Июнь 1/14. Воскресенье. [...] Отбыли в Одессу в 11 ч. ночи. В начале 10 ч. утр. прибыл с Августейш[ими] Родит[елями] и сестрами на Яхте «Штандарт» в Констанцу (Румыния). Был во Дворце. Был во Дворце Короля и на параде войск.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

Воскрсенье. В море. Из Констанцы. 1 Июня. Около 10 ч. пришли в Констанцу к молу. Сделали визит королю и королеве и с ними поехали в собор. Войска стояли шпалерами. Много народу. Вернувшись, Папа с королем куда-то поехали и потом на «Кагул». Завтрак у королевы в павильоне на молу, все семейство. Папа, Т. Мисси¹¹³, король... после пришли

¹¹³ Т. Мисси – тетя Мария, королева Румынская, урожденная принцесса английская, дочь герцога Альфреда и Великой Княгини Марии Александровны.

Ал[ексей] и маленький Николай, Илеана и Мирча¹¹⁴. Посидели и вернулись. В 4 ½ чай у нас и семейством на юте и продолжение со свитой в столовой.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны.
ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 5.

2/15. Понедельник. [...] Прибыл в Одессу утром. Присутствовал на параде войскам на Лагерном поле. Из Одессы отбыли вечером в 11 ч. ночи.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

2-го Июня. Понедельник. [...] Пришли в Одессу. В 3 ч. Съехали на берег. Громадный прием. Сели в поезд и проехали до другой станции. Там тоже громадный Прием. Мама вернулась на Яхту, а мы 5 с Папа на моторе поехали через город на большое поле, где был парад 8-му корпусу. Потом вернулись на станцию. Вместо поезда поехали на моторе. В 7 ч были на Яхте. [...] Большой обед. [...] В 10 ½ была молитва в командной палубе. Потом немножко посидели с офицерами в кают-компании. В 11 ч. уехали в поезд и в 11 ¼ поезд ушел.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны.
1914 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 317.

¹¹⁴ *Николай, Илеана и Мирча* – Румынские принцы и принцессы

3/16. Вторник. [...] Провел в поезде на пути из Одессы в Кишинев. В Кишинев прибыл в 9. 30 утра. Отправился вместе с Августейшими Родителями на парад и открытие памятника Императору Александру I. Из Киш. отбыли в 2 ч. дня.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

3-го Июня. Вторник. [...] Приехали утром в 9 $\frac{3}{4}$ в Кишинев. На станции был прием, потом поехали в экипажах в город, в собор. По дороге стояли войска Шпалерами. Были 8-й гус. Лубенской моей дивизии, с ними хор моих трубачей. [...] Очень красивые. Из собора пошли крестным ходом на площадь, где было открытие памятника имп. Александру I. Оттуда поехали в гимназию, где был дворянский чай. [...] Потом с балкона смотрели гимнастику детей. Потом в какой-то музей и в поезд. Очень тепло. Везде много народа. [...] В 3 ч. приехали в Тирасполь, где было несколько полков.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1914 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 317.

4/17. Среда. [...] Провел в поезде, на пути из Одессы и Кишинева в Царское Село.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

5-го июня. Четверг. Царское Село. [...] В 9 ч. 45 м. При-

ехали в Царское Село. [...] Со станции поехали в полковую церковь на молебен. [...]

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны.
1914 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 317.

7/20. Суббота. [...] В 11 часов на парад войск по случаю прибытия Его Императорского Величества Короля Саксонского. Завтракал с Августейшей Родительницей. Гулял очень много. Катался с Его Императорским Величеством на шлюпке. [...]

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

9/22. Понедельник. [...] Утром в 10 ч. ездил с Августейшими Отцом и сестрами на джигитовку казаков Собственного Его Императорского Величества Конвоя. На джигитовке присутствовал Его Императорское Величество Король Саксонский.

Там же.

Понедельник. 9-го Июня. [...] В 10 ч. мы 5 поехали на Софийское поле. Папа и король были верхом. Было ротное учение роты 1-го стрелк. полка. Учение (не мое) лейб-казакам и Донской батарее. А под конец джигитовка Конвоя. Ужасно хорошо.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. //

13-го Июня. Пятница. [...] Петергоф. Утром в 10 ½ мы 5 с Изой¹¹⁵ поехали в школу нянь, где играли с детьми. [...] В 2 ч. поехали поездом в Петергоф.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны.
1914 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 317.

1-го Июля 1914. «Штандарт». Вторник. В 9 ¾ мы 5 с Папа и Мама поехали на «Александрию» и пошли в Кронштадт. Там пошли на «Петергофе» [...] на берег, где было открытие дока «Цесаревича Алексея Николаевича». Потом, когда наполнили док водой, то впустили в него «Рюрика»¹¹⁶, чтобы нам показать. Все это было от 11 ч. – 1 ½. Оттуда поехали прямо на «Штандарт». [...] В 3 ч. Снялись с бочки и ушли. За нами шли «Полярная Звезда», впереди «Войсковой», справа «Доброволец» [...] слева «Эмир-Бухарский» и «Финн» [...] У Алексея опять нога болит. Много плакал, под вечер развеселился. Пришли и стали на бочку на рейд «Штандарт» в 8 ч. 35 м.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны.
1914 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 317.

¹¹⁵ *Иза* – Буксгевден С. К. (†1918) – баронесса, фрейлина Государыни Императрицы Александры Феодоровны. В декабре 1917 года приехала в Тобольск к Царской Семье, была арестована и позднее расстреляна.

¹¹⁶ «*Рюрик*» – крейсер Балтийского флота.

14 июля [по нов. ст.] мы отправились в краткое плавание в финские шхеры. «Александрия» доставила нас из Петергофа в Кронштадт, где нас ожидал «Штандарт». В минуту посадки Наследник плохо рассчитал движение и ударился щиколоткой о конец трапа, к вечеру ребенок начал страдать, боли быстро усилились: все предвещало серьезный припадок.

Я проснулся на следующее утро среди финских шхер. Вид был прелестен: изумрудное море, оттененное на гребнях волн светлыми переливами, было усеяно островками из красного гранита; над ними высились сосны, стволы которых горели на солнце. Дальше, на втором плане, тянулся берег с длинными полосами желтого песка и темно-зелеными лесами, которые уходили в глубокую даль, теряясь в небе.

[...]

Я спустился к Алексею Николаевичу. Ночь была очень плохая. Императрица и доктор Боткин, бессильные успокоить его страдания, находились при больном.[...] 19 июля мы вернулись в Петергоф, где ожидали приезда президента французской республики; наше плавание было только прервано, и мы должны были возобновить его при отъезде президента. Алексей Николаевич, которому уже два дня как стало лучше, не мог еще ходить, и его снесли с яхты на руках.[...]

Президент французской республики прогостил у Императора Николая II четыре дня, и это короткое пребывание бы-

ло ознаменовано многими торжествами.[...] Алексей Николаевич пришел за мной и показал мне не без гордости ленту ордена Почетного Легиона, которую только что получил из рук президента. Мы вышли в парк, где вскоре к нам присоединился Государь.

П. Жильяр. Император Николай II и Его Семья. Вена, 1921.

1/19, Воскресенье. [...] В 4.30 вернулись со «Штандарта» в Н[овый] Петергоф в собственный Его Императорского Величества дворец вместе со всей Августейшей Семьей.

Дневник П. А. Жильера. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

9-го июля. Среда. В 11 час. принял депутацию от моего румынского 5 Рошиорского полка. Она привезла всю форму полка и несколько альбомов от короля. В 11 ½ Пуанкаре привез сам подарки для Аликс и детей. Поехал с ним во дворец; завтракали французские офицеры и румыны.

В 3 часа отправились поездом в Красное Село. На станции поч. кар. от Уланского Ее Вел. и у дворца на шоссе от 12 грен[адерского] Астраханского полков. В 4 часа начался объезд лагеря при чудной погоде. Аликс ехала с Пуанкаре, Мари и Анастасией. Войска выглядели замечательно бодрыми.

После зори вернулся с президентом. В 7 ¼ был большой

обед у Николаши и Станы в шатре. В 9 ½ поехал с Пуанкаре, Ольгой и Татьяной в театр. Был хороший, недлинный спектакль.

Дневники Императора Николая II. М: ORBITA, 1991. С. 475.

Душка мой Алексей. Очень скучаю без тебя. Сестры тебе расскажут все, что мы видели. Надеюсь, будешь хорошо кушать и спать. Папа и я тебя крепко целуем и перекрестим. Самая собственная твоя Мама.

Красное Село. 9 июля 1914 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп.1. Ед. хр. 52.

9/22. Среда. [...] Много ездил на велосипеде, гулял и катался в экипаже. Настроение духа хорошее. Чувствует себя вполне хорошо. После завтрака ездил на море, доставал сети. Наловили много рыбы.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

Милая Бабушка. Скоро день Твоего Ангела. Поздравляю Тебя с наступающим праздником. От души желаю Тебе здоровья и благополучия. Как Ты поживаешь? Я, слава Богу, здоров. У нас стояла страшная жара, но теперь стало прохладнее. 2 раза была сильная гроза. Через неделю мы идем в

шхеры. Президент Пуанкаре подарил мне чудный письменный прибор. Сегодня все – Папа, Мама и сестры – в Красном Селе на параде. Будь здорова и пиши мне. Любящий Тебя Алексей.

Александрия. 10 июля 1914 г.

Письмо Цесаревича вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. ОПИ ГИМ¹¹⁷. Ф. 180. Оп. 1. Ед. хр. 361.

10-го июля. Четверг. Поехал с Пуанкаре на смотр войскам, кот. начался с объезда в 10 час. Он ехал с Аликс, Марией и Анастасией. Прохождение кончилось в 12 ¼. Остался очень доволен. Завтрак был в Красносельской палатке. Днем сделалось очень жарко. Вернулись по жел. дор. в 3 часа. [...] В 7 ½ переехали на новый брон[еносец] «France», на юте кот. был обед на 104 челов. Все прошло очень хорошо и в 10 час. мы простились с президентом и пошли в Петергоф, куда прибыли в 11 час. штилем и с темнотою. Читал.

Дневники Императора Николая II. М: ORBITA, 1991. С. 475.

10/23. Четверг. [...] После завтрака играл в солдаты с детьми боцмана Д[еревенько] и катался на шлюпке.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед.

¹¹⁷ ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

Божиею Милостию, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая

объявляем всем верным Нашим подданным:

Следуя историческим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взидала на их судьбу безучастно.

С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского Правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений, союзная Австрии Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе сосед-

ство и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться немедленной их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди Великих Держав.

Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага. С глубокою верою в правоту Нашего дела и смиренным упованием на Всемогуший Промысл, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска наши Божие благословение.

Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же Нашего в двадцатое.

НИКОЛАЙ.

Манифесты Императора Николая II [...] собранные Великим Князем Борисом Владимировичем. // Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 22.

Как только была объявлена война, вспыхнул грандиозный патриотический подъем. [...] По улицам Петербурга ходили толпы манифестантов с иконами и портретами Его и Ее Величеств, певшие «Спаси, Господи, люди Твоя» и «Боже, Царя храни». Все бегали радостные и взволнованные. Никто не сомневался, что через три месяца наши победоносные войска будут в Берлине.

При таком настроении публики Государь приехал в Петербург читать в Зимнем Дворце манифест об объявлении войны. Когда Их Величества проходили по залам Зимнего Дворца, то возбужденная публика, забыв все этикетки, кидалась к ним, обступая их кольцом, целуя Им руки обоим и подол платья Императрицы, у которой по красивому одухотворенному лицу текли крупные, тихие слезы радости.

Когда Его Величество вышел на балкон, то вся толпа, запрудившая площадь Зимнего Дворца, так что еле можно было дышать, как один человек упала на колени, и все разом подхватили «Боже, Царя храни».

Всем, видевшим события 1917 и 1918 годов, трудно поверить, что это была все та же толпа тех же рабочих, солдат и чиновников.

Мельник Г. Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 32–33.

Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу.

Лейб-гвардии Финляндский полк, благоговейно приняв напутственное благословение Вашего Императорского Высочества, готовый исполнить священный долг перед Государем и Родиной, горячо молился пред пожалованною иконою Спасителя и Чудотворной Иконой Божией Матери, принеся клятву положить жизнь свою за Державного Вождя и Россию. Финляндцы горят желанием вступить в бой с врагами и выполнить заветы доблестных предков.

Генерал Теплов. 27 Июля 1914 г. Петергоф.

Телеграмма из подшефного полка. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 117.

Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу. Объезжая сотни, я был осчастливлен получением Иконы, благословения полку от Вашего Императорского Высочества.

Бесконечно счастливые новым знаком милости, Атаманы молят Всевышнего о даровании Его Императорскому Величеству и Августейшей Вашей Семье здоровья и сил на труды в наступившей тяжелой године. Полк с нетерпением ждет минуты встречи с врагом, когда будет иметь возможность на деле доказать свою беспредельную любовь и преданность Государю и Родине.

Флигель-адъютант полковник Борис¹¹⁸. 28 Июля 1914 г.

¹¹⁸ Борис – Великий Князь Борис Владимирович (1877–1943) – генералмайор свиты. С 1915 года походный атаман Всевеликого казачьего войска при Верхов-

Нарва.

**Телеграмма из подшефного полка. // ГАРФ. Ф. 682.
Оп. 1. Ед. хр. 117.**

Императорский телеграф в Петергофе, Дворце.

Телеграмма № 38517.

*31» слов.

Подана в Москве 1914 г. 5 ч. 22 м. по пд.

29 Июля.

Получена в Петергофе 1914 г. 6 ч. 36 м. по пд.

Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу.

Дай Бог, чтоб Твой Небесный Покровитель Иоанн Воин помог нашему победоносному воинству. Наши дорогие Киевцы уже ушли. Молитвенно с тобой. Да хранит тебя Господь. Обнимаю крепко.

Элла.†

Телеграмма преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 66.

Чту день твой в духе величия, величаем красоту и премудрость, живи, наш юноша, [в] настоящую минуту врагам на страх.

Тюмень – Петербург. 30-го июля.

Телеграмма Г. Е. Распутина Цесаревичу // Град Китеж, 1993. № 1(13). С. 38.

30 июля была дневка. Служилась обедня и молебен по случаю дня рождения Наследника Алексея Николаевича. Ему исполнилось десять лет. Служил наш полковой батюшка перед походным престолом. Во время литургии поднялся ветер и воздушы над Св. Дарами, стоявшими на походном жертвеннике, стали развеваться, стало страшно, как бы не упала Чаша. Я подошел к жертвеннику и придержал воздушы.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб.: Дюссельдорф, 1993. С. 167.

31-го Июля. Четверг. [...] Завтракали 5 с Папа, Мама... после смотрели на немецкий пулемет, который наши отняли. [...]

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1914 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 317.

Милый Алексей. Да укрепит Тебя на жизненном подвиге св. вел. Георгий поборник веры и правды, и да поможет он Тебе быть опорой Твоим родителям и светлым лучом для нашего дорогого Отечества. Этот подарок мой к Твоему десятилетию принадлежал дяде Сергею – который всей душою служил Твоему дорогому Отцу – он наверно за Тебя молится и Ты вспомни его в Твоих молитвах.

Любящая Тебя Тетя Элла. Москва. 4-го Авг. 1914.

Письмо преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны Цесаревичу. // Г АРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 65.

Вечером 3 августа Царская Семья села в Императорский поезд для следования в Москву. Поезд подошел к Императорскому павильону Александровского вокзала в Москве 4 августа в два часа дня. После приема рапортов почетного караула и высших начальствующих лиц в круглом зале павильона Царская Семья проследовала в экипаже по запруженным народом улицам, среди стоявших шпалерами войск. Публика заняла окна, балконы, крыши; висела на деревьях и фонарях. Настроение толпы было в высшей степени восторженное. Их Величества остановились на пути, чтобы приложиться к иконе Иверской Божией Матери, и через Красную площадь въехали в Святые ворота Кремля.

На следующий день состоялся в Кремлевском Дворце Высочайший выход... Царскую Семью приветствовал на Красном Крыльце собравшийся в Кремле народ, заполнивший сплошной массой всю площадь. [...]

Так как накануне у Наследника Цесаревича был припадок гемофилии, в этот день Алексей Николаевич участвовал в шествии Их Величеств на руках у урядника Конвоя. К огромному огорчению, вызываемому у Августейших Родителей болезнью Наследника, присоединялось еще всегдаш-

нее колебание в разрешении вопроса: что лучше – оставить Его дома или показаться народу на руках у казака?

После богослужения в Успенском соборе Царская Семья посетила Чудов монастырь и вернулась во Дворец по помосту, сопровождаемая восторженными приветствиями народа.

Воейков В. Н. С Царем и без Царя. Гельсингфорс, 1936.

Вторник. 5-го Августа. В 11 ч. был выход на Красное Крыльцо. Много народа. В Успенск[ом соборе] молебен. Пошли в Чудов монастырь и к д[яде] Сергею на могилу [...] Ал[ексей] по городу в моторе ездил, немного ходил.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 5.

5 августа. Вторник. [...] Был выход через залы. В Георгиевский з[ал]. Папа очень хорошо говорил. [...] Потом с Красного Крыльца в Успенский Собор. Там был молебен, оттуда в Чудов монастырь. Масса народа на улицах, т. е. на площади. Завтракали 5 с Папа, Мама, Тетей. В 3 ч. поехали осматривать с Мама поезд, который идет на войну. [...] Были у всенощной в Архангельском Соборе.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1914 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 317.

Понедельник. 3 августа [нов. ст.] [1914]. Государь пришел сегодня утром к Алексею Николаевичу; он преобразился. Вчерашняя церемония дала повод грандиозной манифестации. Когда он появился на балконе Зимнего Дворца, огромная толпа народа, собравшаяся на площади, опустилась на колени и запела гимн. Восторг народа показал Царю, до какой степени эта война была народной...

Среда. 12 августа. Сегодня день рождения Алексея Николаевича – ему минуло десять лет. [...]

Понедельник. 17 августа. Прибытие Их Величеств в Москву было самым трогательным и умилительным зрелищем, какое мне довелось видеть до сих пор...

Алексей Николаевич опять очень жалуется сегодня вечером на боли в ноге. Сможет ли он завтра ходить, или придется его нести, когда Их Величества отправятся в собор? Государь и Государыня в отчаянии. Ребенок не мог уже участвовать на выходе в Зимнем Дворце. [...]

Вторник. 18 августа. Когда сегодня Алексей Николаевич убедился, что не может ходить, он пришел в большое отчаяние. Их Величества тем не менее решили, что он все же будет присутствовать при церемонии. Его будет нести один из казаков Государя. Но это же такое разочарование для Родителей: они боятся, что в народе распространится слух, будто Цесаревич калека. [...]

Мы каждый день выезжаем на автомобиле с Алексеем Николаевичем. Обыкновенно мы направляемся на Воробье-

вы Горы, откуда открывается поразительный вид на долину Москва-реки и на Царскую столицу... Зрелище это поистине величественно. [...]

Сегодня утром, во время нашего возвращения с обычной прогулки, шофер вынужден был остановиться при въезде в один из переулков около Якиманки – так велика была толпа. Она состояла исключительно из простонародья и окрестных крестьян, пришедших в город по делам или в надежде увидеть Царя. Вдруг раздались крики «Наследник!... Наследник!..» Толпа бросилась вперед, нас окружили, мы очутились как в кольце, словно в плену у этих мужиков, рабочих, торговцев, которые толкали друг друга, кричали и пробивались вперед, чтобы лучше разглядеть Цесаревича. Женщины и дети, мало-помалу осмелев, влезают на подножки автомобиля, протягивают руки через дверцы и, когда им удастся коснуться до ребенка, кричат с торжеством: «Я его тронула, я тронула Наследника!»

Испуганный бурным проявлением этих народных чувств, Алексей Николаевич откинулся в глубину автомобиля. Он был бледен, взволнован неожиданностью этой народной манифестации, принимавшей столь крайние и новые для него формы. Однако он скоро оправился, видя добрые улыбки этих славных людей, но оставался сконфуженным и смущенным вниманием, предметом которого он сделался: он не знал, что ему говорить и делать. Что касается меня, то я не без страха спрашивал себя, как все это кончится. Я знал, что

для прогулок Наследника Цесаревича не делается никаких нарядов полиции, так как ни время, ни направление их не могли быть заранее установлены. Я начинал бояться какого-нибудь несчастного случая в невероятной сутолоке и давке, происходившей вокруг нас.

Наконец появились два толстых, запыхавшихся городских, грозно кричавших изо всех сил. Толпа с покорным послушанием русского мужика заколебалась и медленно отступила. Я дал приказание боцману Деревенько, следовавшему за нами в другом автомобиле, ехать вперед, и нам таким образом удалось медленно выбраться из толпы.

Пятница 21 августа. Их Величества пожелали перед возвращением в Царское Село посетить Троице-Сергиеву Лавру, – святыню, наиболее чтимую в России после древней Киевской.

П. Жильяр. Император Николай II и Его семья. (Отрывки из дневника П.А.Жильяра.) Вена, 1921.

В 10-х числах августа Их Величества вернулись в Царское Село и еще больше упростили и без того простой образ жизни своего двора, посвятив себя исключительно работе. Государь лично потребовал, чтобы ввиду продовольственных затруднений был сокращен стол. Стали подавать только два блюда за завтраком и три за обедом. Ее Величество, в свою очередь, сказала, что ни себе, ни Великим Княжнам Она не сошьет ни одного нового платья, кроме форм сестер мило-

сердия, да и те были заготовлены в таком скромном количестве, что Великие Княжны постоянно ходили в штопаных платьях и стоптанных башмаках, все же личные деньги Их Величеств шли на благотворительность.

В Царском Селе моментально стали открываться лазареты, куда Ее Величество постоянно посылала вина, лекарства и различные медицинские усовершенствования и дорогие мелочи.

Были открыты комитеты – Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны (помощь семьям запасных) и Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны (помощь беженцам), и Великие Княжны лично председательствовали на всех заседаниях и входили во все дела. Во всех дворцах были открыты склады Ее Императорского Величества, снабжавшие армию бельем и перевязочными материалами. [...] В течение всей войны, каждое Рождество и Пасху, всем раненым Царскосельского района выдавались великолепные подарки на личные средства Их Величеств, как например, серебряные ложки и вилки с гербами, и, кроме этого, еще устраивались елки с угощением. Их Величества не ограничивались общественной благотворительностью: значительные суммы раздавались нуждающимся раненым, так что, наверно, многие из них и не подозревали, откуда идет им помощь. Еще менее знали об этом в обществе, так как это шло иногда через моего отца, иногда через других лиц, умевших хранить секреты. [...]

Сколько радости и утешения приносили Ее Величество и Великие Княжны своим присутствием в лазаретах! В первые же дни войны, после своего приезда в Царское Село, старшие Великие Княжны и Ее Величество стали усердно готовиться к экзаменам на сестер милосердия и слушать лекции, для того, чтобы иметь право работать наравне с остальными сестрами. И впоследствии они работали так, что доктор Деревенко, человек весьма требовательный по отношению к сестрам, говорил мне уже после революции, что ему редко приходилось встречать такую спокойную, ловкую и дельную хирургическую сестру, как Татьяна Николаевна.

Великая Княжна Ольга Николаевна, более слабая и здоровьем, и нервами, недолго вынесла работу хирургической сестры, но лазарета не бросила, а продолжала работать в палатах, наравне с другими сестрами, убирая за больными.

Ее Величество, если только Ее здоровье позволяло Ей это, приезжала также ежедневно в дворцовый или собственный Ее Величества лазарет, где работали Великие Княжны. Изредка Ее Величество занималась перевязками, но чаще просто обходила палаты и сидела с работой у изголовья наиболее тяжелых больных. Были случаи, когда больные заявляли, что не могут заснуть без Ее Величества или что только Ее присутствие успокаивает их боли, и Она приезжала, в каком бы это ни было лазарете, и сидела часа два, три только для того, чтобы доставить хоть немного спокойствия несчастным. [...]

Младшие Великие Княжны не работали сестрами миро-

сердия, так как большая часть дня у них еще уходила на уче-
ные, но ежедневно они посещали лазарет своего имени при
Феодоровском Государевом соборе, а днем вместе со стар-
шими сестрами делали объезды остальных лазаретов.

Иногда в этих объездах принимал участие и Алексей Ни-
колаевич, очень любивший вступать в разговоры с ранены-
ми. Однажды старшая сестра одного из лазаретов попросила
офицеров, чтобы они как можно больше рассказывали Алек-
сею Николаевичу из жизни на фронте, и действительно он
был так заинтересован, что когда Великие Княжны, бывшие
в соседних палатах, пришли звать его домой, он сказал:

– Ну вот, когда мне интересно, Вы всегда уезжаете рань-
ше, а когда скучно, так сидите, сидите без конца. [...]

– Я удивляюсь их трудоспособности, – говорил мне мой
отец про Царскую Семью. – уже не говоря про Его Величе-
ство, который поражает тем количеством докладов, которые
Он может принять и запомнить, но даже Великая Княжна
Татьяна Николаевна; например, Она, прежде чем ехать в ла-
зарет, встает в 7 часов утра, чтобы взять урок, потом они обе
едут на перевязки, потом завтрак, опять уроки, объезд лаза-
ретов, а как наступит вечер, они сразу берутся за рукоделие
или за чтение».

Действительно, во время войны и без того скромная
жизнь Царской Семьи проходила одинаково изо дня в день
за работой.

Так проходили будни, праздники же отличались только

тем, что вместо утреннего посещения лазарета Их Величества и Их Высочества ездили к обедне в Феодоровский Государев собор.

Мельник Т. Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 33–35

[Август] 12/31. Понедельник. [...] В 9.15 вместе с Августейшей Матерью и В.К. Ольгой Николаевной ездил на Ветку, обходил вагоны санитарного поезда Ее Императорского Величества и помещ[енных] в них раненых. В 10 ч. вернулся назад.

Дневник П. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

19/1. Вторник... В 3 ч. в сопровождении Августейшей Матери и Сестер посетил Инвалидный дом, отведенный под лазарет раненым воинам. Там пробыл до 4 ч. ½ часа, гулял после этого в парке Царскосельского Дворца.

Там же.

А. П. Андреев

*Черновая работа Насл[едника] Цесаревича. 1-е самостоятельное сочинение, переписанное в особую тетрадь*¹¹⁹

¹¹⁹ Сочинение, по-видимому, представляет собой рассказ о событиях жизни неизвестного нам офицера А. П. Андреева, возможно, лечившегося после ранения в одном из царскосельских лазаретов.

[нрзб.] Больная приподымается на постели и говорит слабым голосом:

«Здравствуй!» Офицер спрашивает: «как твоё здоровье?» Больная отвечает: «плохо!». Офицер говорит: «Может быть, я тебе мешаю? Так прощай!» «Прощай, мой милый! Это в последний раз – что я вижу тебя!» Офицер говорит: «до свидания». Дверь закрылась. В комнате тихо. Офицер спускается по лестнице, одевает накидку, садится в карету и уезжает. На следующий день офицер поехал к больной, услышал запах ладана и, как стрела, побежал к больной. Он увидел гроб и священников. Он подошел к священнику и спросил его, когда она умерла. «Она умерла в 7 часов утра», – сказал священник. На следующий день ее похоронили. Офицер женился.

Алексей. 1914 г. 26 августа. Ц[арское] С[ело] в 50 м.

Продолжение

Открывается дверь. И в комнату входит офицер. Он садится на стул и звонит. Приходит лакей.

III.

Был отслужен напутственный молебен. Полк выступил в поход, провожаемый большой толпой. Все полковые дамы собрались на вокзале. Прощались не долго. Поезд тихо отошел. На станции кричали «Ура». Жена А. П. в слезах верну-

лась домой. Отдохнувши немного, она пошла в церковь, поставила свечку перед иконою Божией Матери и горячо молилась.

IV

Прошел месяц. Полк, в котором служил А. П. [Андреев], был назначен против немцев. В одном сражении полк незначительно пострадал.

Было ранено несколько офицеров. Между ними оказался А. П. Он был ранен в голову и в грудь. Из боя его вынес молодой ефрейтор Архип Корыто и доставил на перевязочный пункт. Во время перевязки в палатку вошла сестра милосердия. Она увидела раненого и узнала в нем своего мужа. Раны оказались серьезными. Больного отправили для лечения в его родной город Кишинев. Его сопровождала жена. Вследствие сильного ранения его поместили в отдельную палату.

V

Через 6 недель А. П. окончательно выздоровел. Он отправился обратно в полк и повез с собою обувь и теплое белье для нижних чинов. Жена поехала в свой лазарет. Оба живы и здоровы и останутся на войне до конца.

Конец.

Ц[еса?] Р[евич?] А[лексей?] Р[оманов?]

Хорошо. Переписать в маленькую тетрадь. П[етр] В[асильевич Петров].

28/10. Четверг. [...] С 3—4 ездил вместе с Августейшей Матерью, В[еликой] Княгиней Ксенией Александров[ной], Ольгой Николаевной и Татьян. Н. в Дворцовый госпиталь посетить привезенных с поля сражения раненых офицеров и нижних чинов.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

20-го сентября. Суббота. Недолго погулял. Принял офицера, унт. – оф. и рядового 41 пех. Селенгинского полка, кот. взяли в бою и привезли мне знамя 2-го Тирольского полка. В 12.30 поехали к молебну. Миша завтракал. В 2.30 простился в поезде со своими дорогими и поехал в действующую армию. Давнишнее мое желание отправиться туда поближе – осуществилось, хотя грустно было покидать свою родную семью! Принял доклад Фредерикса. Много читал. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 487.

Воскресенье. 21 Сентября. [...] У обедни были. Завтрак и обед с Мама. В 2 ½ с ней мы 4 едем в поезд Ал[ексея]. Привезли более 200 раненых и 14 офицеров. Есть тяжелые. Слава Богу, Алексею лучше!

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. //

21 сентября. Воскресенье. Долго не мог заснуть, т. к. на станциях при остановках бывали резкие толчки. Проснулся серым утром, по временам налетали шквалы с дождем. Зато был обрадован вестью, что натиском наших войск германцы отброшены на границу от Сувалок и Августова. В 5 ½ прибыл в Барановичи. Николаша вошел в поезд, кот. передвинулся к Ставке Верховного Главнокомандующего в сосновом лесу. В церкви железнодорож. бригады был отслужен молебен. После обеда вошел в вагон Николаши и выслушал подробный доклад ген. Янушкевича¹²⁰ о настоящем положении дел и о новых предположениях. Вернулся к себе 10 ½ ипил чай с некоторыми лицами свиты.

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С 487.

Мой Душка Папа. Я очень рад победе! Мне лучше. Я еще в постеле, Анастасия душила Мг. Жильяра. Ждем тебя! Любящий тебя Алексей.

Царское Село. 22 сент. 1914.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр.

¹²⁰ *Янушкевич Н. Н.* (1868–1918) – генерал от инфантерии, в 1911–1913 гг. начальник канцелярии военного министерства, с 1914 г. начальник Генерального штаба, с 1914 по 1915 гг. начальник штаба Верховного главнокомандующего. С августа 1915 г. помощник наместника на Кавказе. После революции расстрелян.

23/6. *Вторник* [...] Спал хорошо. Проснулся в 8.15, уроки, а затем 1 ч. прогулки. Завтрак с доктором Д[еревенко]. После завтрака 1/2 ч. отдых. Прогулка в экипаже. Устал. Скушает. Лег спать в обычное время. (9.30) компресс на колено.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

24/7. *Среда.* [...] Спал хорошо. Проснулся в 8.30. Вечером готовит уроки.

Там же.

Дорогой Папа. Я чувствую себя хорошо. Как ты поживаешь? Без тебя мне скучно. Я уже занимаюсь. Приезжай скорее. Любящий тебя Алексей.

Царское Село. 24 сент. 1914.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Дорогой Папа. Я ужасно рад, что теперь мы скоро увидимся! У нас каждый день солнышко. Будь здоров. Любящий тебя Алексей.

Царское Село. 25 сентября 1914.

Там же.

26-го сентября. Пятница. Сереньким утром в 9.45 приехал в родное Царское Село в лоно дорогой семьи. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С 487.

Молимся и ублажаем премудрую твою красоту, светлый духовный разум, вся и все со слезами взываем о здоровье твоём, расти, наш юноша, день твоего Ангела особо отражается во всех успехах из конца в концы земли.

Петроград – Ц.С. 5-го октября [1914 г.]

Телеграмма Г. Е. Распутина Цесаревичу // Град Китеж, 1993. № 1(13). С. 38.

Тверской Вашего Императорского Высочества Драгунский полк, вознеся горячую молитву на поле брани за драгоценное здоровье Вашего Императорского Высочества и Ваших Царственных родителей, горит желанием поскорее совместно с доблестными войсками Действующей армии покорить под священные ноги Царя Батюшки дерзкого врага. В день Покрова Пресвятой Богородицы полк Вашего Императорского Высочества, осененный Вашим благословением – Святой Иконой Казанской Божией Матери, будучи под сильнейшим артиллерийским огнем противника, почти не понес потерь.

Командир Тверского Драгунского полка полковник фон

Хартен. 5 октября 1914 г. Действующая армия.

**Телеграмма из подшефного полка. // ГАРФ. Ф.682.
Оп. 1. Ед. хр. 117.**

14 октября. Вторник. [...] Шел мокрый снег. [...] После завтрака поехали в город и посетили Семеновский Александровский военный госпиталь, где обошли около 150 раненых и затем лазарет имени Алексея в Николаевской военной академии. Тут находилось 20 офицеров (пять эриванцев) и 180 нижних чинов – раненых. Оборудован этот лазарет великолепно на средства Манташева¹²¹. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С 491.

Однажды, в самом начале войны, Ее Величество и Великие Княжны посетили лазарет, устроенный моим отцом в занимаемом нами казенном доме. Мы с младшим братом были только вдвоем дома. Мой отец, как всегда, страшно занятой, уехал по делам, а сестра милосердия ушла на полчаса домой, когда к нам наверх прибежала горничная с известием о приезде Ее Величества, и Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, как всегда, скромно одетые в темные пальто и шляпы, уже были в лазарете.

Большинство раненых были выздоравливающие и, сидя,

¹²¹ *Манташев Л. А.* – крупный промышленник, владелец коммерческого банка в Тифлисе, а также нефтепромыслов на Апшероне.

кто в халате, кто в нижнем белье, играли в карты. Ее Величество подошла к ним и спросила, во что они играют.

– В дурачки, Ваше Величество, – был ответ.

В это время подошли мы, и Ее Величество обратилась к нам с вопросами, но ласковый тон Ее Величества и счастье Ее видеть, как всегда, лишили меня всякого самообладания, и я отвечала что-то очень бестолковое.

Тогда Ее Величество подошла к лежавшему. Это был солдат 35 лет, глухой, ревматик и до такой степени изнуренный, что ему можно было дать лет 75. Он лежал и читал Евангелие, ранее присланное Ее Величеством, и даже не обратил внимания на вошедших и не догадывался, кто это заговаривает с ним.

– Ты что читаешь? – спросила Ее Величество, наклоняясь к нему.

– Да вот все ноги болят.

Ее Величество улыбнулась и попробовала задать другой вопрос, но ответ был такой же бестолковый, и Она, отойдя, попрощалась с нами и вышла вместе с Великими Княжнами в переднюю.

– Уже на зиму приготовили, – сказала, проходя, Ее Величество, указывая на валенки, стоявшие в передней. Затем она вышла на крыльцо, кивнула нам еще раз и села в автомобиль.

Уже гораздо позже приехал к нам Алексей Николаевич. Он очень стеснялся идти в лазарет и, чтобы оттянуть это, по-

шел с моим отцом осматривать остальные комнаты нижнего этажа и нашел, что у нас очень уютно. Мы же тем временем ждали Алексея Николаевича в лазарете. Все встрепнулись, когда в дверях показалась его красивая маленькая фигурка.

Мой отец подвел к Алексею Николаевичу нескольких солдат, которые стояли, вытянувшись, около своих кроватей, а затем Алексей Николаевич прошел через лазарет в переднюю, а давно приготовленный граммофон звучно грянул: «Боже, Царя храни...», что, кажется, Алексею Николаевичу очень понравилось.

Мельник Т. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 37–38.

Октябрь 20/2. Понедельник. [...] В 7 ч. 30 поехали в церковь Сводного полка, где после Всенощной исповедовался.

Дневник П. А. Жильяра // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

21-го октября. Вторник. Сподобились причаститься Св. Тайн в нижней церкви. После чая читал и принимал, также и доклад Сазонова. Завтракали в 12 ½. Через час, простившись со своею семьею в вагоне, отправился в армию. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 492.

Дорогой Папа. Я чувствую себя хорошо. Кланяйся Дяде

Николаше. Приезжай скорей назад. Да хранит тебя Бог! Любящий тебя Алексей.

Царское Село, 22 октября 1914.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Дорогой Папа. Сегодня я долго катался на моторе и много сам правил. Я очень хочу видеть тебя, да хранит тебя Бог! Любящий тебя Алексей.

Царское Село, 24 октября 1914.

Там же.

23-го октября. Четверг. Сегодня около 4 час. была получена телеграмма об общем отступлении австрийцев от всего Сана. [...] В 6 час. был благодарственный молебен.

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 493.

Милый Душка Папа. Очень я обрадовался, когда узнал, что мы победили. Я чувствую себя хорошо. Как ты поживаешь? Да хранит тебя Бог! Целую тебя. Алексей.

Царское Село, 25 октября 1914.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

30/12. Четверг. [...] Утром ездил (в 9 ч.) на «ветку» с Августейшей Родительницей и сестрами встречать санитарный поезд. Уроки до 11. С 12 – 1 урок.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

1-го ноября. Суббота. В 10 час. утра прикатил в Гродну. Принял начальствующих лиц и депутации от губерний. В 10 ½ приехала Аликс с Ольгой и Татьяной. Радостно было встретиться. Поехали вместе в собор, а затем в два лазарета с ранеными. Погода была холодная и дождливая. Завтракали в поезде. В 2 ¼ отправился с коменд. Кайгородовым чрез город по Осовецкому шоссе. Доехал до форта № 4-й на холме. Выслушал доклад о работах по усилению обороны крепости.

Осмотрел форт и дальше батарею № 19. Вернулся в поезд около 5 час. По дороге вне города стояли войска, пришедшие с разных укреплений. Читал до обеда. В 10 ½ тронулись на север.

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 495.

Мой мальчик родной! Мне ужасно грустно расставаться с тобой, но я знаю, что Папа нас с нетерпением ждет. Мои молитвы и мысли будут все время тебя окружать. Учись хорошо, кушай быстро и много – не бегай слишком много. Ты

можешь с сестрами по вечерам молиться – а я в это время о тебе думать буду. Надеюсь, что мы увидимся в воскресенье вечером. Напишите мне телеграммы, буду их с нетерпением ждать. Не люблю я от моего маленького уезжать, крепко скучать буду.

Будь пай, моя радость, и послушлив. Ты можешь с сестрами и Влад. Николаевичем¹²² раненых в Большом Дворце навестить. Прощай мое солнышко, да хранит тебя Господь Бог. Благословляю тебя, и нежно целую. Спи хорошо. Скоро вернемся. Самая собственная твоя Мама.†

Царское Село. 31 октября 1914 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп.1. Ед. хр. 52.

Солнышко мое родное, мне грустно без тебя, скучаю крепко, не люблю я от маленького мальчика моего уезжать. Теперь ты ушел спать – кто с тобою молится? Мысленно Мама это делает! Завтра, даст Бог, Папа увижу, о тебе много Ему расскажу. Я лежу все время, так как сердце болит, кончила кушать. Сестры вязали. Ортипо¹²³ спал у Ольги на коленях, а потом играл – Аня¹²⁴ нам вслух лекции княжны Гедройц¹²⁵

¹²² Владимир Николаевич – врач Наследника В. Н. Деревенко.

¹²³ Ортипо – бультерьер, принадлежавший Великой Княжне Татьяне Николаевне.

¹²⁴ Аня – А. А. Вырубова.

¹²⁵ Гедройц В. И. – княжна, доктор медицины, хирург, старший врач царско-сельского дворцового лазарета. Государыня и Великие Княжны готовились стать

читала. Я думаю рано лечь спать, так как последние ночи плохо спала и надо силы на завтра собрать. Тебе не хочется без меня раненых посетить, но знаешь, у М[арии] и А[настасии] в лазарете тебе не стыдно будет, а весело, я думаю. – Поедешь воскресным утром к Обедне, хорошо было бы, можешь в молельне¹²⁶ стоять. Жалеем, что наших раненых завтра не увидишь – они такие милые, веселые. – Что твоя собачка делает? Он лучше слушает, когда его Джой (Joy) зовешь, это по-английски значит радость. Ну, мой Алексей, прощай, спи хорошо, моя радость, крепко тебя обнимаю и лобик крещу. Самая собственная сильно тебя любящая Мама.†

Скажи сестрам, что я их нежно обнимаю и за письма милых благодарю. Кланяйся Вл. Николаевичу, м. Жильяру, Деревенько и Нагорному.

Поезд. 31 октября 1914 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 52.

Ноябрь 1/14. Суббота. В 2.30 ездил в Лазарет Большого Дворца, обошел раненых офицеров и вернулся в Алекс[андровский] Дворец. Ездил в Лазарет. Лично управлял Своим автомобилем.

сестрами милосердия и поэтому занимались по ее лекциям.

¹²⁶ В Феодоровском Государевом Соборе в Царском Селе была особо отведенная молельня, где во время богослужений молилась Царская Семья.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

6 ноября. Четверг. [...] Поехал в город и в 11 час. прибыл в Морской корпус. Оба батальона были собраны в большом зале; там было отслужено молебствие по случаю корпусного праздника. Затем произвел 188 корабельных гардемарин в мичманы и назначил Алексея шефом корпуса. Состоялся парад. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA. 1991. С. 496.

19-го ноября. Среда. [...] В 12 час. приехал в Барановичи, где вошел Николаша. В 12 ½ дошел до Ставки. Завтракал со всеми старшими из штаба. Затем был доклад по боевым действиям. В 2 ½ пошел гулять и сделал весь круг. Было тепло с небольшим дождиком. До обеда читал бумаги. Обедали в числе других четыре иностранные генерала. Вечером разговаривал с Николашей и Янушкевичем. Известий с фронтов не было; узнал сегодня подробности ранее происходившего.

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA. 1991. С. 498.

Мы сегодня встречали раненых. Мой дом совсем уже готов. Как всегда, пекли картошку и катались на моторе. Кланяйся Дяде Николаше. Будь здоров. Да хранит тебя Гос-

подь!...

Царское Село, 19 ноября 1914.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

21/4. Пятница. [...] Вечером Августейшая Мать с 2 старшими сестрами отбыли. Алексей Николаевич остался с младшими В. Княжнами. Молится наверху с В. К. Анастасией.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

23/6. Воскресенье. [...] Утром в 8.54 выезжал на вокзал, встречали Августейшую Родительницу и 2 старших сестер, возвращающихся из поездки в действующую армию. Днем играл с детьми (сыном д-ра Деревен. и 2 сыновьями боцмана Деревенько) в парке.

Там же.

Вчера мы играли в войну. В одну минуту я взял неприятельскую траншею, но сейчас же был отброшен и попался в плен. Но в ту же секунду я вырвался и утек! Укрепление осталось за мной. Чувствую я себя хорошо. Как твоё здоровье? Пиши. Крепко целую тебя. Да хранит тебя Бог!..

Царское Село, 24 ноября 1914.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф.601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Мне сделали солдатский халат и я стоял в нем сегодня на часах. Сегодня же П. В. П.¹²⁷ привез мне из Петрограда три шанцевые лопаты в кожаных чехлах. Третий день у нас идет дождь и мешает играть. Учусь я так себе и чувствую себя хорошо.

Пиши.

Царское-Село, 28 Ноября 1914.

Там же.

Премного уважаемой и Дорогой Наш Наследник Великий Князь Алексей Николаевич. Сердечно-произношу Вам пре-большую благодарность за Ваш – присланный для нас – гостинец, как табак и протчие, который мы получили на передовой позиции, и в эту Минуту, как мы получили ваш Дорогой гостинец, как табак и протчия и тут же закурили за здоровье ваше и весь царствующий Дом. И тут же у себя на душе почувствовали, что нам теперь и германец не почем, так-что мы ево все равно побьем. С почтением к всем лейб-гвардии Кексгольмского полка 16 рота, Ефрейтор Илья Храмов.

Ноября 30 д[ня], 1914.

¹²⁷ П. В. П. – так Цесаревич в письмах называл своего учителя русского языка и литературы Петра Васильевича Петрова.

Письмо из действующей армии Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 115.

Ваше Императорское Высочество Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Приношу Вашему Императорскому Высочеству глубокую благодарность. [...] Сижу в землянке, пишу под грохот орудий, но я привык к этому грохоту орудий, разорвется снаряд недалеко, вздрогнешь, посмотришь в ту сторону, где разорвался снаряд и опять забываешься пока не напомнит о себе другой.

Как я, так и товарищи солдатики настроения веселого.

30 ноября 1914 года.

Письмо из действующей армии Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 115.

Тосно. 1-го Декабря 1914 г. Понедельник. Утром были на молебне. Поехали к нашим в лазарет. [...] Приехал Алексей и мы пошли в большой дом, где Мама солдатам раздавала Георг[иевские] медали. [...]

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1914 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 317.

6-го декабря. Суббота. В 10 час. приехал в Воронеж, принял представляющихся и депутации и в 10 ½ встретил дорогую Аликс с Ольгой и Татьяной, кот. вернулись из самостоятельной поездки до Харькова. Поехали в собор, отстоя-

ли архиерейскую обедню, поклонились мощам свят. Митрофана и осмотрели небольшой лазарет тут же в монастыре. [...] От 2 ½ до 5 ½ ездили по остальным лазаретам, очень хорошо устроенным. Город встретил нас горячим приемом и теплою погодою. Поехали на Козлов. Ночь простояли на станции Сабурово. Получил массу телеграмм и столько же пакетов бумаг.

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA. 1991. С. 502.

Алексей мой собственный. Нам ужасно грустно без вас дорогих – Мама много плакала. Мне жаль вас, одиноких. Не грустите – видишь война – надо съездить к раненым. Спите хорошо. Господь да благословит Вас. Нежно и долго Вас 3[-х] целую. Пишите. Самая собственная твоя Мама.† Сестры и Аня вас целуют.

У меня внизу большая коробка с игрушками... для тебя – бери и играй с ними.

В поезде. 1 декабря 1914.

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 52.

Дорогой ты мой Алексей. Крепко целую. Мне ужасно грустно так долго от вас уезжать – храни Вас Господь Бог. Будешь все время пай, да? Поезжай к раненым в Большой Дворец. Анастасия будет с тобой молиться. Не дразни Ма-

рию. Напиши Папа завтра. Прощай, мой Ангел, буду сильно скучать без тебя. Твоя старая Мама.

Царское Село. 1 декабря 1914 г.

Там же.

[...] Рада была получить вашу телеграмму. Посылаю вам неосвященные просфоры и варенье – самую большую (вынутую) дай [Суровым?]. Варенье в наш маленький госпиталь (наш). Пили чай у Тети Эллы, видели ее раненых – были в Иверской общине, где много раненых и между ними один ширванский офицер. Несколько твоих Киевцев. Осматривали тетин маленький склад, такой же, как у Ольги в Царском. Метель, град, гололедица. Дети катаются на реке на коньках...

У твоих дверей стоит казак и ждет тебя.

Очень пусто без вас – надеюсь, мирно живете и не слишком скучаете – поезжай в Большой Дворец. Что мой буян делает, не болит ли у него голова, как ноги Волынца, рука Ольгиного Друга, одноногого, однорукого, милого, сожженного и т. д. ...

Храни вас Бог, мои душки, оч. крепко вас целую. *Самая собственная твоя Мама. † Москва, Кремль. 2 декабря 1914 г.*

Там же.

3 декабря. Среда. [...] Утром в 9 ч. пошли в Успенский Собор, где в приделе Дмитрия Солнунского была обедня.

**Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны.
1914 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 317.**

Мой нежно любимый Алексей. Много о тебе думаю – что ты делаешь? Наверное, больше нельзя на моторе кататься. Тут сильный снег и дождь. Видели очень много раненых и я сильно устала – но Бог дает силы. Проси сестер тебе мои письма читать, так как времени нет тебе больше писать. Да хранит тебя Господь Бог, – твоя нежно тебя любящая Мама. † Покажи эту телеграмму твоему тверцу¹²⁸ в Большом Дворце. Кланяюсь Вл[адимиру] Ник[олаевичу], М[сье] Ж[ильяру], Дер[евенько] и Нагор[ному]. Ужасно хочу тебя видеть, скучаю без тебя. От Папы хорошие известия.

Москва. Кремль. 3 декабря 1914.

Там же.

Алексей, Душка мой, Ортипо страшная душка, носится по комнатам как сумасшедшая. Теперь она лежит в кресле около меня.

Были во многих лазаретах. В одном были довольно беспокойные, и их отделили от других внутрь, и в каждой комнате стоит санитар в случае, если они бросятся или будут сердиться. Мама подошла к одному и начала с ним говорить. Он лежал под одеялом и не отвечал, но ему все-таки открыли

¹²⁸ То есть раненому солдату или офицеру Тверского полка в лазарете Большого Дворца в Царском Селе, с которым был дружен Цесаревич.

лицо, но как только Мама хотела надеть ему на шею образ, он спрятался под одеяло, ноги подогнул под себя и не желал показываться. Старались его вытащить, но он не желал. Другой поцеловал Мама руку, когда она пришла. Когда она уходила, он закричал «давай еще руку». Ужасно смешной, бедный? Много есть таких, которые совсем не понимают и не говорят. Эти от контузии и они гораздо больше страдают, чем некоторые раненые. Ну, до свидания, моя душка. Мне надо идти обедать. Крепко тебя обнимаю, как люблю.

Твой Вознесенец

Поклон[ись] Влад[имиру] Ник[олаевичу], М[сье] Ж[ильяру], Деревеньке, Нагорному и П[етру] В[асильевичу] П[етрову].

Москва 1914 г. 3-го декабря.

Письмо Великой Княжны Татьяны Николаевны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 59.

В декабре Государь уехал на Кавказ, где действовала Южная армия. Он хотел провести некоторое время среди этих войск, которые вели борьбу в особенно трудных условиях против турецких дивизий, сосредоточенных на границах Армении. На обратном пути он съехался в Москве с Государыней и детьми, выехавшими ему навстречу.

П. Жильяр. Император Николай II и Его семья. Вена, 1921.

Декабрь 7/20. Воскресенье. [...] В 9 часов вечера в сопровождении Августейших сестер и лиц свиты отбыл (поезд отошел от павильона в 3 часа ночи) в Москву для встречи с Августейшими Родителями.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

Государыня со старшими Великими Княжнами, генералом Ресиным, командиром Сводного полка, фрейлиной и со мной отправилась в Москву.[...] Мы были рады уехать из Москвы. Проехали Орел, Курск и Харьков. Везде восторженные встречи и необозримое море народу. Вспоминаю, как в Туле, с иконой в руках, которую поднесли Государыне при выходе из церкви, меня понесла толпа, и я полетела головой вниз по обледелым ступеням.[...] Здесь же, за неимением другого экипажа, Государыня ездила в старинной архиерейской карете, украшенной ветками и цветами. Вспоминаю, как в Харькове толпа студентов, неся портрет Государыни, окружила ее мотор с пением гимна и буквально забросала ее цветами.

Проезжая Белгород, Императрица приказала остановить императорский поезд, выразив желание поклониться мощам св. Иоасафа. Было уже совсем темно. Достали извозчиков, которые были счастливы, узнав, кого они везут. Монахи выбежали с огнями встречать свою Государыню; отслужив молебен, мы уехали. [...]

6 декабря, в день именин Государя, мы встретились с ним в Воронеже; затем Их Величества вместе посетили Тамбов и Рязань. Путешествие Их Величеств закончилось Москвой. Их Величества радовались встрече с маленькими детьми. Первого мы увидели Алексея Николаевича, который стоял, вытянувшись во фронт, и Великих Княжон Марию и Анастасию Николаевен, которые кинулись обнимать Их Величеств. В Москве были смотры, посещали опять лазареты, ездили и в земскую организацию, осматривать летучие питательные пункты. Встречал князь Г. Е. Львов (впоследствии предавший Государя); он с почтением тогда относился особенно к Алексею Николаевичу, прося его и Государя расписаться в книге посетителей. Вечером иногда пили чай у Их Величеств в огромной голубой уборной – с чудным видом на Замоскворечье.

Танеева А. А. (Вырубова) Страницы из моей жизни. Посвящается возлюбленной Государыне Александре Феодоровне. // Русская Летопись. Издание «Русского очага» в Париже. Париж, 1922. Кн. 4. С. 68–71.

Москва. Понедельник. 8 декабря. В 10 ч. прибыли в Рязань. В соборе молебн. Мощи св. Василия. Посетили 4 лазарета и склад. [...] Хорошо, масса народу. В 1 ч. ушли. Мама очень устала и сердце нехорошо. Папа у себя. В 5 $\frac{3}{4}$ в Москву. Маленькие встретили на вокзале. Радовались. Масса народу и войск. У Иверской были.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 6.

8/21. Понедельник. [...] До 5.25 провел в дороге. В 5.45 встретил в Москве Августейших Родителей. Лег спать в обычное время. В дороге играл в военную игру, чувствовал себя хорошо.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 329.

Вторник 9-го декабря... Утр[ом] ничего не делали – немножко походили перед домом с Ал[ексеем] – он слава Богу. Днем ездили в Больш[ой] Лаз[арет], куда складывают раненых и потом распределяют. Обошли поезд Мама. [...] Там был один эриванец. Такие грустные вещи говорил. 2 роты остались от полка. [...] Спаси Боже. Как тяжело. Пили чай у Тети и Папа обедал, ее лазарет. Мама очень устала.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 6.

9-го декабря. Вторник. [...] Утром немножко гуляла с Ольгой, Мари, Алексеем и Аней. Заходили на минутку в Архангельский соб[ор]... В 2 ½ мы поехали все на моторах посмотреть распределительн[ые] пункты и потом обходили там же раненых и обошли Мама санитарный поезд, который только что прибыл с ранеными. Там был вольноопределяю-

щийся моего полка, очень сильно помятый убитой лошастью. Поехали потом к Тете Элле. Туда приехал Алексей и мы все пили чай. Потом обходили ее раненых. [...] После обеда работали у Мама.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны.
1914 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 317.

Между Москвой и Пресней. Пятница. 12-го дек. Утр. походили. Зашли в церковь св. Конст[антина] и Елены¹²⁹. Шла обедня, и[прикладывались?] к «Нечаянной радости». Чудное солнце, голубое небо. Холодно. 9 ч. Были в Потешном Дворце¹³⁰ и у Кончина. Лазарет. Много раненых, ампутированные. Чай у Тети Эллы. В 10 ч. уехали мы. Папа в Ставку. Много войск шпалерами и народу. Мама очень устала. [...]

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. //
ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 6.

¹²⁹ ...церковь Константина и Елены – небольшой храм в Кремле, недалеко от восточной стены, где находилась чудотворная икона Божией Матери «Нечаянная Радость», особо почитавшаяся православными москвичами. Сюда приходил молиться, а также за духовным руководством Николай Беляев, будущий оптинский старец иеромонах Никон. После революции храм был закрыт и впоследствии разрушен.

¹³⁰ *Потешный Дворец* в Кремле, построен в 1651–1652 гг. у Троицкой башни для тестя царя Алексея Михайловича, боярина И. Д. Милославского, после смерти которого в 1668 году перешел в казну. В 1679 г. переделан под театр, в котором устраивались представления для Царской Семьи. В середине XIX в. перестроен, здесь поселился комендант Москвы. (В XVII в. во дворце была освящена домовая церковь.)

15/28. *Понедельник*. [...] Утром уроки. После уроков гулял на воздухе 1 час. [...] Вечером готовит уроки. Немного читает самостоятельно. Настроение хорошее.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп.1. Ед. хр. 329.

21/3. *Воскресенье*. [...] После завтрака немного гулял на воздухе и минут на 20 ездили к обедне. После завтрака отдыхал ½ часа. Два часа гулял в парке. Весел и послушен. Вечером играл с б[оцманом] Деревеньк[о], устраивал посты.

Там же.

Ваше Высочество, Алексей Николаевич. Поздравляю Вас с Великим праздником Рождества Христова и горячо желаю Вам больших радостей дома и чудных скорых известий из действующей армии. Ваше Высочество, Алексей Николаевич. Сама я не смею написать Ее Величеству – поздравить Ее с Великим праздником, а потому прошу Вас поздравить Ее Величество от меня и очень прошу Вас еще: передайте Ее Величеству от меня глубокую, большую мою благодарность за Ее подарок, который я постелю к празднику, а потом буду хранить. Только сию минуту, как я начала писать Вам, Великая Княгиня Ольга Александровна вдруг встала, взяла сама топор и открыла ящик от Ее Величества, в котором нашла для себя чудную лампадку и проч. и мне скатерть.

Как станет уютно и мягко глазам и душе отрадно, когда у нас в комнате затеплится эта лампадка, и постелим скатерть, и будет такая прелесть благодаря Ее Величеству.

Часто ли приезжает к Вам Ваш поезд с ранеными?

Как было бы интересно посмотреть его.

У нас теперь больных не очень много, но все лежачие, и они будут все очень рады поспрашивать Рождество.

Начнем готовиться завтра, только Великой Княгине Ольге Александровне доктор... не позволил возиться с кистами, где кладется табак, чтобы от табака не сделался насморк, а это бывает.

Кланяюсь глубоко Вашему Высочеству; руку целовать Вы не позволяете не только лично, но наверно и мысленно...

Любящая Ваше Высочество всем сердца и глубоко преданная Т. Громова. 19–22/XII–14

Письмо Громоной Т.¹³¹ Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 81.

24/6. Среда. [...] Спал хорошо. Утром не занимался по случаю Сочельника. Гулял. Завтракал с Августейшими Родителями. Вечером ушиб палец на левой кисти. Компресс. Весь день был не особенно послушен, вступал в пререкания по всякому поводу. [...] Молиться ходил вниз, в покои Ее Императорского Величества.

¹³¹ Громова Т. А. – медицинская сестра в лазарете сестры Государя Великой Княгини Ольги Александровны, с которой был знаком Цесаревич.

25/7. Четверг. Рождество Господа Иисуса Христа.

Утром проснулся в 9.30. Раздал подарки, д-ру Деревенко, M-eur Jilliard'y Нагорному и Деревеньке. После завтрака в 2 часа поехал к д-ру Деревенко.

Там же.

26/8. Пятница. [...] Утром раздавал кое-кому подарки, раскладывал и рассматривал солдатиков, полученных в подарок от Августейших Родителей. На воздухе $\frac{1}{2}$ часа. После завтрака на воздухе 1 час. К 1 $\frac{1}{2}$ часа ездил в гости к д-ру Деревенко, играл. Вернулся к обеду. Лег спать в 10 час.

Там же.

28/10. Воскресение. [...] Ездил на час в лазарет Большого Дворца, обходил больных и беседовал с ними. Ездил с Августейшими сестрами. Ушиб руку. Ночью рука немного болела.

Там же.

30/12. Вторник. [...] Утром встал около 9.20 в прекрасном расположении духа, быстро поел, пожелал доброго утра Августейшей Родител. и Августейшему Отцу. Немного занимался с П[етром] А[ндреевичем] Ж[ильяром] и гулял 45

минут в парке. Гулял в парке, катался в санях и с горы, играл в снегу. Обедал с д-ром Д. Играл с А[лексеем] Деревеньк[о]. Немного устал. Вечером массаж.

Там же.

Ее Величество задумала грандиозный по идее план: устроить для раненых и увечных воинов (нижних чинов) убежище. [...] 23 декабря 1906 года убежище было открыто. [...] Необходимо заметить, что, составляя и утверждая план дома, Ее Величество преследовала цель, чтобы, в случае войны, Дом сохранял за собою свое назначение, мог быстро и самым дешевым образом превратиться и в лазарет, т. е. вмещать в себя, помимо 150 штатных инвалидов, еще столько же раненых. [...] Кроме этого лазарета, Ее Величество соизволила устроить еще несколько лазаретов в своей общине сестер милосердия... в дворцовом госпитале, в местном военном лазарете, а также несколько частных лазаретов.

«Вы поможете в этом», – сказала Государыня.[...] Но кроме лазаретов надо скорее оборудовать три санитарных поезда. Поезд Наследника я поручу Вам. Он будет ходить на все фронты, где встретится надобность, и всегда доставлять раненых и больных в Царское Село. [...]

[...] Одновременно с началом работы для лазарета было приступлено и к оборудованию поезда. По воле Ее Величества поезд должен был быть и передовым, и тыловым, т. е. исполнять сразу обе роли. Согласно выработанной Военным

Советом совместно с представителем Красного Креста инструкции, поезда делились на три категории: одни брали раненых с ближайших перевязочных пунктов и перевозили их на известное расстояние; там раненые перегружались в другие поезда, которые в свою очередь передавали их на третьи.

По поводу этой инструкции Ее Величество выразилась так: «Эти заседавшие старики знают, что они не попадут в число раненых, поэтому и не подумали, каково раненому, когда его тащат сначала на носилках, затем везут на автомобиле или повозке, потом на поезде, одном, другом... Я нахожу это бесчеловечным, и наши герои, которым будет судьба попасть в мои поезда, должны всего этого избежать. Вы будете подъезжать настолько возможно ближе, как позволяют условия, и старайтесь, чтобы раненые возможно меньше переносились. Я сговариваюсь теперь с Императорским Автомобильным Обществом (кажется, так его название) и Свечин (флигель-адъютант, полковник, вице-председатель Общества) должен к следующей Вашей поездке снабдить Вас автомобилями». В последнее время при поезде Наследника Цесаревича имелось 14 автомобилей (приспособленные для перевозки раненых грузовики), из них два с выработанными шофером Его Величества изменениями, дававшими возможность грузовику двигаться и без дороги, по глубокому снегу, и 1 для начальника колонны, или, как его называли, «пассажирский». По формировании поезда я получил от графа Ростовцева все нужные указания, инструкции и удо-

стоверение, свидетельствовавшее мои права как уполномоченного Ее Величества. Поезд состоял из: 2 вагонов, цейхгауза (вещевой и аптечно-перевязочной), 1 вагона для классных чинов (в нем же столовая и канцелярия), 1 вагона-кухни, 1 вагона-аптеки (в нем, кроме аптеки, помещалась ванна и было купе для 2 сестер милосердия) и 2 вагонов для тяжело раненых с кроватями-носилками на 24 человека каждый. Для меня прицепили довольно большой вагон, в котором были сделаны некоторые переделки и приспособления, вроде платяных шкапов, письменного стола, кресла, стульев и проч. В этом же вагоне со мною были помещены священник и сестры милосердия (4 волонтерки и 2 штатные).

Священник при поезде не предусматривался по инструкции, но Ее Величество требовала, чтобы непременно при Ее поездах было по священнику, так как находила, что всегда явится много желающих исповедаться и причаститься Св. Таин и не могла допустить, чтобы умирающий от ран не был напутствуем батюшкой. И как права была Ее Величество! При каждой поездке вверенного мне поезда всегда бывало 20–30 причастников. А сколько раз поездному священнику приходилось напутствовать умирающих.

Остальные вагоны в поезде должны были, согласно инструкции, каждый раз меняться. Но после первой же поездки стало ясно, что исполнение этого требования невозможно, и наш поезд оставил в своем составе лучшие вагоны и оборудование.

Один вагон со всеми необходимыми удобствами (аптека, кресла, столы, умывальники и проч.) был подарен Первым Железнодорожным Полком и предназначался для офицеров. Все остальные вагоны: один — для легко раненых (т. е. не требовавших носилок) офицеров и классных чинов и пять вагонов для легкораненых (хотя очень и очень часто приходилось класть в них и тяжело раненых) были перекрашены, обновлены и частью переделаны по распоряжению министра путей сообщения Трепова из пассажирских вагонов III класса. Все вагоны соединялись гармоникой и были «пульмановскими», т. е. на 4 осях. Поезд был снаружи выкрашен в белый цвет, и на каждом вагоне, с каждой стороны имелось по два вензеля Наследника Цесаревича. О всех недочетах и желательных переменах на будущее время, я, по желанию Ее Величества, делал соответственные записи для личного доклада Ее Величеству.

5-го Августа 1914 года, после молебна на Николаевском вокзале, поезд Наследника Цесаревича Алексея Николаевича отправился на фронт. За два дня до моего отъезда я имел счастье иметь доклад у Ее Величества, и Государыня Императрица соизволила благословить меня золотым шейным образом с Ликом Спасителя из эмали, на обратной стороне имелась надпись: «Спаси и сохрани». Так как Ее Величество отбывала в Москву и поезд должен был отправиться в отсутствие Государыни, Ее Величество соизволила передать мне такие же образки для священника, врачей и сестер милосер-

дия. Для команды были присланы образки серебряные. И тут Ее Величество подумала о нас, меньшей братии.

В день отправления поезда из Варшавы в Сольдау, я получил телеграмму от Ее Величества: «У меня все готово. Приезжайте».

Поезд Наследника Цесаревича прибыл в самое необходимое время, сразу же мы вынуждены были вывезти вместо положенного числа раненых (около 500) количество почти в три раза большее (более 1200). Мы должны были найти добавочное количество вагонов, сами составить больший по своему составу поезд (83 вагона). 2 паровоза подталкивали поезд сзади, один меньший тащил его вперед. На станции почти никого не было, видимо, все разбежались, паника была невозможная. В дороге наш поезд был основательно обстрелян немецкими аэропланами, но безуспешно. Вследствие описанных обстоятельств, команда поезда была напрактикована так, как другая после нескольких месяцев работы. Следует отметить особую выдержку врачей поезда, в особенности старшего врача Брошниовского, которая принесла в этот день всем и делу большую пользу. Команда поезда Наследника за все время своей службы была безукоризненна в смысле работы. Объясняю себе это явление желанием команды угодить Царице и Наследнику.

Простота обращения Государыни, Великих Княжон и Наследника Цесаревича, находивших всегда что сказать каждому при входе в вагон, материнская заботливость Ея Вели-

чества о раненых, больных и команде, щедрые денежные пособия Наследника Цесаревича делали то, что санитары и вся команда старались быть достойными такого к ним отношения и держать высоко свое знамя.

Наш поезд пробежал, в общем, 197 000 верст и перевез 28 000 раненых. При отправлении поезда с места погрузки я должен был сообщать Ее Величеству по телеграфу, сколько всего раненых, сколько офицеров, тяжело раненых и сколько пленных. Из Луги или Тосно или Дна (в зависимости от того, по какому пути мы шли) сообщали Ее Величеству по телефону о нашем проезде, а по прибытии к императорскому павильону в Царском Селе дежурный офицер железнодорожного полка доносил во дворец. Если поезд приходил утром и днем, через $\frac{1}{2}$ часа по нашем приезде прибывала Государыня с двумя старшими дочерьми; до поездок в Ставку Наследник Цесаревич приезжал почти каждый раз, как Шеф поезда. С 1916 года наш поезд не всегда удостоивался этих встреч. Они были в зависимости от того, откуда приходил поезд и имел ли он только раненых или же и больных. Вызвано это было тем, что какой-то поезд завез однажды больных, хотя и в скрытой форме не то сыпным тифом, не то дифтерией.

Обыкновенно Ее Величество входила в ближайший от паровоза вагон и проходила из вагона в вагон весь поезд, милостиво останавливаясь почти у каждого раненого. Каждому говорила она ласковое или утешительное слово. Такой обход поезда занимал около часа времени. В это время начальники

лазаретов и врачи производили распределение раненых; те, которые уже удостоились посещения Ее Величеством, приступали к одеванию, после чего их выносили из вагонов, для передачи в лазареты. Ее Величество, Великие Княжны Ольга и Татьяна бывали в самых скромных платьях сестер милосердия, а Наследник Цесаревич в солдатской шинели и фуражке с солдатской кокардой.

Как я говорил уже, поезд Наследника Цесаревича, а также два поезда Ее Величества содержались на собственные средства Ее Величества, по воле Ее Величества в них было увеличено число сестер милосердия до восьми, вместо 4-х. Ее Величество было благоугодно принять на себя следующие расходы: суточные священнику – 5 рублей (начальники поездов или уполномоченные, кажется, все отказались от суточных денег, но им полагалось по 10 рублей в сутки), стол персонала (уполномоченный, священник, три врача и 8 сестер) по расчету одного рубля на персону в день довольствия, белье, медикаменты и перевязочный материал для раненых.

Вменялось в обязанность всех принятых раненых переодевать в чистое белье. На каждую рубашку был наколот образок – благословение Государыни. Образки были: Нерукотворный Образ Спасителя, Пресвятая Богородицы или кого-либо из особо чтимых святых. [...] В своих поездах Ее Величество заботливо предусматривала также следующее: раненый мог умереть в дороге, не попав в Царское Село. Чтобы каждый раненый мог изъявить свою волю или обратиться с

необходимую просьбою, были заведены специальный блокноты с вопросами. Сестра милосердия должна была опросить каждого раненого, в какой части он служит, из какой губернии, уезда, волости и деревни он родом, каково его семейное положение, а также записать, в чем заключается его просьба. Такие заполненные листки передавались мне. Я должен был рассматривать их, причем листки раненых, требующих немедленной помощи, я представлял Ее Величеству, а менее срочные – в канцелярию Ее Величества, графу Ростовцеву. Обыкновенно в листках заключались просьбы не оставить семью, в случае смерти, уплатить долг и т. п. Но бывали и весьма срочные ходатайства, так, например, один тяжело раненый полковник просил Ее Величество, чтобы ему узаконили (удочерили) внебрачную дочь. Просьба его была уважена в кратчайший срок, и это так благотворно повлияло на почти умиравшего офицера, что он быстро стал поправляться и затем уехал обратно на фронт.

После обхода поезда Ее Величество обыкновенно присутствовала при погрузке раненых в автомобили. Нельзя было не заметить, как страдала Государыня, слыша при этом стоны раненых или видя, что неловко или неумело устанавливали носилки в автомобиль. С течением времени царскосельские санитары приобрели, конечно, должный навык.

Кроме 3-х поездов Ее Величества стали появляться поезда именные. Были поезда... имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, Киевских жел. дор. и его же имени,

Кавказский. [...] Наш поезд, вмещавший 500–600 человек, мог прокормить это количество людей, не прибегая к пополнениям запасов, самое большее 2–2 ½ суток. И то это удавалось исключительно благодаря находившемуся при вверенном мне поезде вагону-леднику. [...]

Как-то везли мы несколько раненых пруссаков, по дороге один из них умер. Перед приходом поезда в Царское Село меня вызывают в вагон, где находился умерший. Раненый немец передает мне кошелек с несколькими марками и пфеннигами и бумажку, написанную каракулем. В этой бумажке было сказано, что Ганс такой-то, такого-то полка, Петер такой-то – словом, все везомые пленные постановили ввиду неизвестности, где проживают родственники покойного их товарища, передать всю сумму с кошельком в Русский Красный Крест с просьбой передать Наследнику их благодарность за попечение и уход за ранеными. И бумагу, и кошелек я передал Ее Величеству. Ее Величество не захотела взять ни того, ни другого и повелела мне хранить до поры, до времени, а после войны сдать обе вещи в музей. «Ведь и тут найдут причину, чтобы наговорить на Нас», – сказала в заключение Государыня. [...]

В то время, как кругом, не только на фронте, но и в тылу осыпали всех наградами, вверенный мне поезд никаких отличий не получал. Несколько времени спустя Государыня мне сказала: «Ваш поезд был несколько раз обстрелян, кроме того, два раза поезд был в весьма опасном положении.

Хотя вы Мне об этом ничего не докладывали, но я все знаю от раненых. Можете попросить от Моего имени у Великого Князя Георгия Михайловича 17 Георгиевских медалей. Через месяц попросите еще. Можно будет раздать всем сестрам милосердия и санитарам, но пусть за это стараются еще лучше работать».

Сестры милосердия и команда были в восторге, но врачи были обойдены и делали мне довольно прозрачные намеки. Правда, после двух обстрелов поезда они были награждены по военному ведомству: получили очередные ордена с медалями, но это было не от Ее Величества. Уже позднее, ссылаясь на медали команде, мне удалось исхлопотать у Ее Величества Всемилоостивейшее разрешение представить старшего врача поезда к следующему чину – и всех врачей к очередным орденам. Ее Величество соглашалась на эти представления, но оставалась при своем мнении: «когда нужно спасать Родину, нельзя думать о наградах. Награда каждого из нас – наша совесть. А чины да кресты – как может это интересоваться в такое серьезное время».

Шуленбург В. Э. Воспоминания об Императрице Александре Феодоровне. Париж, 1928. С. 14–35, 41, 44.

[1915 год] Январь 2/15. Пятница... В 2 ч. поехал вместе с Августейшими Отцом и сестрами в манеж на елку для нижних чинов Собственного Его Императорского Величества Конвоя, Сводного Полка и команды выздоравливающих. В

3 ч. вернулся в Алекс[андровский] Дворец. На воздух не выходил, т. к. t° была несколько повышенной. Играл в солдаты с Деревен. Занимался 45 минут утром с П. А. Жильяром фр. языком. Вечером узнал о несчастьи, случившемся с А. А. Вырубовой и был очень огорчен. Молился с В. К. Анастасией Николаевной. Лег спать в обычное время. Спал хорошо.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328.

3/16. Суббота. [...] Утром на воздух не выходил, т. к. был насморк и небольшое повышение t° . В 2 ч. вместе с Августейшим Отцом и сестрами поехал на елку для нижних чинов в манеж, где пробыл до 5 ч. В 3 ч. поехал в дворцовый лазарет навестить вместе с Августейшим Отцом и сестрами А. А. Вырубову, раненую накануне при крушении поезда (на 6-ой версте от Петрограда у ст. Сортировочной). Вернулся около 5 ч. Массаж. Синий свет. С 5.30 – 6.20 обед. Играл остаток дня с С[ергеем] Деревенько. Устал.

Там же.

4/17. Воскресенье. [...] Проснулся около 9.30 утра. В 11.30 поехал в собор Феодоровский, Сводного Его Императорского Величества полка, откуда вернулся через $\frac{1}{2}$ часа. Завтракал с Августейшими Родителями. В 2 часа после 20 минут отдыха поехал в манеж, где лото, разносил подарки нижним чинам Конвоя и Сводного полка. Из манежа в 3.30 проехал

в дворцовый лазарет, посетил А. А. Вырубову и около 5 ч. вернулся домой. Дома отдыхал ½ часа. Играл с Ал[ексеем] Деревенько, обедал, принимал ванну, а в 9.30 лег спать после молитвы в покоях Ее Императорского Величества.

Там же.

Несколько раз бывал Наследник. Здесь я не могу писать спокойно. Нет умения передать всю прелесть этого облика, всю нездешность этого очарования «Не от мира сего». О нем говорили: не жилец! Я в это верил и тогда. Такие дети не живут.

Лучистые глаза, чистые, печальные и вместе с тем светящиеся временами какой-то поразительной радостью.

Он вошел почти бегом. Весь корпус страшно, да, именно страшно качался. Больную ногу он как-то откидывал далеко в сторону. Все старались не обращать внимания на эту ужасную хромоту. Он не был похож на сестер. Отдаленно на Анастасию и немного на Государя.

Поздоровавшись со всеми, несколько неуклюже протягивая вперед руку, он стал посреди палаты и окинул всех быстрым взглядом. Увидав, что я лежу (остальные были на ногах), а может быть заметив, что я самый молодой¹³², он подошел ко мне и сел на кровать. Я так хотел любоваться им и так боялся, что он уйдет слишком скоро, что я решил занять его разговором. Но что сказать?

¹³² Мне было 19 лет и 4 месяца, но я выглядел моложе.

– Где вы были ранены? – отрывисто спросил он.

Я объяснил обстановку боя и показал, по его просьбе, на карте.

– А сколько вы сами убили австрийцев? – прервал он меня. Я смутился. Признаюсь, ни одного австрийца я не убил...

Наследник прошел в другую палату, через четверть часа снова вернулся и сел на трубу отопления. Это ему запрещалось, но сестры стеснялись сделать замечание, чтобы не надоедать ему. Когда пришла Императрица, он подошел к ней и все остальное время сидел рядом с ней. Он был в матросском костюме.

Лучше всего была известная фотография, где он сидит в кресле, повернувшись лицом к аппарату, сложив руки на коленях. Мы несколько раз просили его подпись и он всегда охотно подписывал, тщательно при этом копируя росчерк матери и длинную перекладину на букве «А».

Степанов И. «Милосердия двери». Лазарет Ее Величества. // Возрождение. Литературно-политические тетради. Paris, 1957. № 67. С. 57–58.

5/18. Понедельник. Пробуждение около 9 ч. ½. 1-й завтрак 10 ч. ¼. Играл со своими солдатами до 11 ч. ½. Потом пошел в Церковь. 2-й завтрак в 1 ч. с Их Величествами. С 2 ч. до 2 ч. ½ отдых; чтение во время отдыха «Последний из могокан» (пофранцузски). С 3–4 прогулка в парке. С 4–4 ¾ урок французского, потом игры с Сережей Д. до обеда. 5 ч.

½ обед. 6 ½ приготовление уроков. День прошел хорошо.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328. [Пер. с фр.]

Ваше Императорское Высочество! Мы, солдаты Ивангородцы, сердечно благодарим за получение [...] Вашего Императорского Высочества приятнейших для нас подарков. Радостно было принято сие нами, и разделено между одинаковым братьями военной семьи – соблюдая правила и совесть, чья очередь и нужда на получение этих дорогих подарков. Причем получившие счастливыми считают себя.

С величайшею радостью. Искренно любя всею душою благодарим Ваше Императорское Высочество, и даже языки наши не умеют выразить нашу благодарность и ту любовь, которая горит у нас на сердцах Ивангородцев к Вашему Императорскому Высочеству, к будущему Божьему помазаннику вести и управлять своим народом на славу Господу и на благо России и всему миру.

Портретик же Вашего Высочества после многих переходов из рук в руки, от товарища к товарищу – достался к счастью мне.

Я очень рад и благодарил моих товарищей солдат, что они меня уважили, возлюбленный этот подарок я отправил в деревню моим малым сынам Коле и Жене со следующими словами:

«Юные будущие воины! бережно храните будущего Бо-

жьего помазанника, своего будущего императора, которому Вы вскоре будете служить, защищая веру, Царский род и наше Отечество.[...]».

Надеюсь, что и они очень обрадуются, получивши неоцененный портретик и познакомятся со своим Путеводителем.

Господь вас храни на благо народов – Цесаревич.

Солдаты Анисимов, ст[ариший] ун[тер] оф[ицер] Бормалюк, ст. ун. оф. В. Приилов, ф[ейер]в[еркер] Грищенков, ф[ельдфебель] Степанов [...] 25-й пех. дивиз. 99 п. 5-го Янв. 1915 г.

Письмо из действующей армии Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 115

7/20. Среда. Пробуждение в 8 ¼. Конец каникул. Был готов приняться за работу в 9 ¼. С 9.20 до 10 урок французского.

10.10–11 урок по Закону Божиему. 11–12 прогулка. 12.10–12.50 урок географии. Завтрак с Их Величествами. Отдых как обычно 2–2¾. Прогулка в парке с Деревенко, потом игры в комнате до обеда. Приготовление уроков, потом снимал игрушки с новогодней елки. Спать в обычное время, [нрзб]. Спокойный день.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328. [Пер. с фр.]

8/21. *Четверг*. Утром встал в 8.30. В 9.30 начались уроки. До завтрака 45 минут ездил в санях по парку, т. к. ходить из-за выпота в левом коленном суставе не может. Завтракал у себя в помещении с д-ром Д. После завтрака отдыхал ½ часа и катался по парку 1 ½ часа. В парке встретил Его Императорское Величество Государя Императора. Вернувшись, имел урок с П. В. П. по русскому языку. [...] С 6.30–7 готовил самостоятельно уроки на следующий день.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328.

9/22. *Пятница*. Пробуждение 8 ч. ¾. Готов к 9 ч. 20. 1-й завтрак, затем урок (25 минут опоздание). В 10 ч. 10 урок Закона Божиего. С 11–12 прогулка в парке. В 12 ч. 30 3-й урок (английский). Завтракал наверху, потом спустился к Их Величествам. Отдых обычный с 2 ¼–2 ¾. Катание на санях в парке до 4 ½ с А[лексеем] и С[ергеем] Дер[евенько]. 4-й урок (русский) с 4 ч. 50–5 4 ½. Обед, потом приготовление уроков. Спать в обычное время. Хороший день.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328. [Пер. с фр.]

22/4. *Четверг*. Спал плохо. Левое колено опухло. Судороги в мышцах... Днем провел в игровой комнате в постели. Утром к нему поднялась Августейшая Мать. С 4–5 ½ Августейшая Родительница провела возле постели Алексея Ни-

колаевича.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328.

23/5. Пятница. Проснулся довольно поздно, не хорошо спал. Утро провел в игровой комнате. Чтение по-русски и по-английски. Завтрак наверху, потом чтение по-французски: «Вокруг света в 80 дней». Прогулки не было. – Игры и чтение по-французски в присутствии Ее Величества, до обеда. Плохой аппетит. Лег спать рано.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328. [Пер. с фр.]

В январе 1915 года Государь делал смотр войскам гвардии (кажется, в Виннице¹³³), где был весь батальон Гвардейского экипажа.

Гвардейские полки собрались все с музыкой и выстроились на большом поле. Все были одеты уже в серые походные шинели и отличались друг от друга только небольшими выпушками и знаками. Государь на белой лошади медленно объезжал выстроенные части, останавливаясь перед каждой, беседуя со старшими начальниками и благодаря каждую часть за службу. Я заметил, что Государь сильно постарел и имел вид скорее утомленный и грустный.

¹³³ Автор ошибается. В это время Государь находился в Ставке Верховного Главнокомандующего.

В том же году я в последний раз видел Государя в Одессе. Он делал смотр батальону Гвардейского экипажа и передал нам крест, который мы должны были водрузить на Святой Софии в случае взятия Константинополя. В это время разрабатывался проект о десанте и наш экипаж должен был участвовать авангардом в этой операции. Государь выглядел бодрее, чем зимой (это было летом 1915 года) – нам тогда казалось, что мы близки к победе[...]

Семенов-Тянь-Шанский В. П.¹³⁴ Воспоминания о Государечеловеке // Возрождение. Литературно-политические. Paris, 1960. № 103. С. 17.

24/6. Суббота. Проснулся в 9.30 утра, т. к. первую половину ночи спал скверно. Утром уроки, но легкие (письмо Государю Императору, чтение и т. п.). Завтракал наверху. После завтрака отдых и чтение. Читал д-р Деревен. Прогулка в санях по парку. Урок, обед. После обеда приготовление уроков. Играл затем в солдатики. Лег спать в 9.30 после чтения (20 минут) и молитвы с Августейшей Родительницей.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328.

Февраль 1/14. Воскресенье. Проснулся рано – в начале 9-

¹³⁴ Семенов-Тянь-Шанский В. П. – офицер Гвардейского экипажа, плавал на императорской яхте «Штандарт», внук известного исследователя Центральной Азии П. П. Семенова-Тянь-Шанского.

го. Молился один. [...] С 3—4 ½ прогулка в санях по парку. Выезжал к Баболову, сидя на задних привязных салазках, бросал снежки. Был очень весел. Алексея Николаевича сопровождали А. и С. Деревеньки. По возвращении играл у себя. После обеда играл на балалайке.

Там же.

2 февраля. Начало Великого Поста. [...] В 9 час. поезд пошел к павильону Царского Села. С дочерьми в санях приехал домой. Большая радость увидеть их всех, а особенно Аликс и Алексея здоровыми. [...] Начали говеть в пещерном храме Феодоровского собора. Днем гуляли все вместе, Аликс в санках. Потом поработал с Алексеем и его штатом у башни. Была оттепель. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 512.

3/16. Вторник. Левая рука плохо сгибается, по-видимому, накануне переработал на постройке снеговой горы. Гулял. Уроки в обычное время. Завтрак в кругу Августейшей Семьи. После завтрака отдых и прогулка в санях. С 4—5 часов работал, но мало, над снеговым туннелем. Тут же работал и Августейший Отец. В 5 ч. вернулся. Урок фр. языка. [...] Приготовление уроков. Пред сном с д-ром Д[еревенко читал] «Опальный князь»¹³⁵. Молился с Августейшей Мате-

¹³⁵ «Опальный князь» — историческая повесть М. Д. Ордынцева-Кострицкого.

рию.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328.

5/18. Четверг. Не засыпал до 10.15, т. к. был в очень веселом расположении духа и вместо сна пел. Проснулся в 8.30. Утром с 9.30 уроки. [...] После завтрака отдых $\frac{1}{2}$ часа. Прогулка до 4.35. Урок русск. языка. Занимался плохо и получил 3. Был после этого проф. С. П. Федоров. После обеда готовил уроки, но долго приготавливался, не решаясь сесть.

Там же.

6/19. Пятница. Проснулся поздно; был готов только к 1 ч. $\frac{1}{2}$ (на $\frac{1}{4}$ часа опоздание на 1-ый урок). Работал до 11 ч., потом пошел в Церковь. Завтрак с Их Величествами в 12 ч. $\frac{3}{4}$. – Отдых с 2 $\frac{1}{4}$ до 2 $\frac{3}{4}$. Прогулка в парке; сооружение башни из снега. 5 ч. обед. – 5 ч. $\frac{1}{2}$. Исповедь. До 8 часов $\frac{1}{4}$ приготовление уроков и игры. Лег рано и заснул около 9 ч. $\frac{1}{2}$.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328. [Пер. с фр.]

8/21. Воскресенье. В 11 ч. $\frac{1}{4}$ пошел в Церковь.

Там же.

22 февраля. Воскресенье. Солнечный морозный день. [...] В 2 часа отправился с Алексеем на испытание автомобиля

на полозьях, системы самого Кегресса. Сели и поехали катать по полю и по льду через канавы и сугробы. Он проходил всюду хорошо. Вернулись из Баболовского парка и около собора и фермы покатались, имея на буксире большие сани с 12 шоферами. Опыты оказались совсем удачными. Потом долго работали на башне. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 515.

Душка Алексей. Очень благодарю за письмо. Так смешно было получить по-французски. Поздравь от меня Mr Gilliard с твоими успехами и вообще я ему очень кланяюсь. Надеюсь, твоя нога не болит уже. Наш госпиталь заворачивается и мы из Ровно уезжаем. Будем в Либаве работать. Не знаю еще, когда отъезд. Целую нежно и крепко. Твоя тетя Ольга.

Ровно. Февр. 1915.

Письмо Великой Княгини Ольги Александровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 64.

1-го марта. Воскресенье. Недалеко от Барановичей застал на остановке два поезда с маршевыми командами, которые и обошел. В 12 ½ прибыл на Ставку.

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 517.

Дорогой Папа, вчера я ездил в Павловск встречать поезд,

Шот¹³⁶ убежал в парк, потому что он увидел черную кошку; Деревенько погнался за ним по снегу. Вчера башню заложили, но сегодня холодно и идет снег. Нагорный строит свод над лестницей, как ты сказал. Обнимаю тебя. Алексей.

Царское Село. 3 марта 1915.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153. [Пер. с фр.]

Очень благодарю Тебя за открытку. Мы все были страшно рады, когда получили Твою телеграмму о взятии Перемышля. Татьяна крепко Тебя целует. У нее не было времени написать.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Алексей Николаевич не был под впечатлением своей значительности и Его простые, вежливые манеры были такие же, как у Его отца. Он знал и чувствовал, что Он Цесаревич и с раннего детства машинально вставал на свое место впереди своих старших сестер. Но Он не гордился своим положением, о котором Он знал, что оно ему принадлежит по праву, и после революции принял все без ропота. [...] Все дети обожали мать, но Ее постоянные заботы о сыне еще боль-

¹³⁶ *Шот* – собака Наследника Цесаревича.

ше укрепили любовь между Нею и Им. Когда Император выехал в Ставку Верховною Главнокомандующего в 1915 году, Алексей Николаевич начал, как Он однажды сам мне сказал, – сознавать себя мужчиной в доме и было наслаждением видеть, с каком серьезностью, совсем как взрослый, Он смотрел за Императрицей, когда они вместе отправлялись в церковь или выполняли какие-либо официальные обязанности. Он помогал Ей вставать или незаметно подвигал к Ней стул или кресло, точно так, как сделал бы Государь.

Семенов-Тянь-Шанский Н. Д. Царственные Дети. [Отрывки из книги С. К. Буксгевден The Life and Tragedy of Alexandra Feodorovna, Empress of Russia, перевод с английского] // Возрождение. Ежемесячный литературно-политический журнал. № 115. Paris, 1961. С. 59.

10/23. Вторник. [...] Урок. Прогулка. После завтрака прогулка в санях в Павловск к переезду через железную дорогу близ Salle de musique¹³⁷. Наблюдал прохождение 2 поездов. Весел и оживлен. Работает затем в снегу в парке. Урок. Обед. Д[еревенко] читал рассказы Станюковича из «Морской жизни»¹³⁸.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед.

¹³⁷ Музыкальный салон (*фр.*).

¹³⁸ Речь идет о «Морских рассказах» известного русского писателя-мариниста К. М. Станюковича, написанных в 1886–1902 гг.

Всю эту зиму здоровье Цесаревича было вполне удовлетворительно, и уроки могли идти своим чередом. В начале весны Ее Величество заявила мне, что Государь и она решили, ввиду всех сложившихся обстоятельств, не давать пока воспитателя Алексею Николаевичу. Я принужден был, вопреки тому, что ожидал, нести один в продолжение еще некоторого времени тяжелую ответственность и стараться, по мере сил, пополнять пробелы в воспитании Наследника. Я очень ясно сознавал, что его надо было, хотя бы на несколько часов в день, выводить из его обычной обстановки и ставить в непосредственное соприкосновение с жизнью. Я достал себе карту местности издания Генерального Штаба и наметил ряд прогулок в автомобиле, которые дали нам возможность объездить постепенно все окрестности на расстоянии 30 верст. Мы выезжали тотчас после завтрака, часто останавливаясь у въезда встречных деревень, чтобы смотреть, как работают крестьяне. Алексей Николаевич любил их расспрашивать; они отвечали ему со свойственными русскому мужику добродушием и простотой, совершенно не подозревая, с кем они разговаривали. Железные дороги в пригородах Петрограда также привлекали внимание Алексея Николаевича. Он очень живо интересовался движением на маленьких станциях, которые мы проезжали, работами по ремонту путей, мостов и т. д.

Дворцовая полиция забеспокоилась насчет этих прогулок, которые происходили вне района ее охраны и направление которых никогда не было известно заранее. Мне предложили подчиниться установленным правилам, но я не обратил на это внимания, и наши прогулки продолжались по-прежнему. Тогда полиция прибегла к новому способу охраны, и каждый день, выезжая из парка, мы неизбежно видели автомобиль, который несся вслед за нами. Одним из наибольших удовольствий Алексея Николаевича было заставить его потерять наш след; иногда это нам удавалось.

Между тем я был особенно озабочен приисканием Наследнику товарищей. Эту задачу было очень трудно разрешить. По счастью, обстоятельства сами собою отчасти дополнили этот пробел. Доктор Деревенко имел сына одних приблизительно лет с Наследником. Дети познакомились и вскоре подружились; не проходило воскресенья, праздника или дня отпуска, чтобы они не соединялись. Наконец они стали видаться ежедневно, и Цесаревич получил даже разрешение посещать доктора Деревенко, жившего на маленькой даче недалеко от дворца. Он часто проводил там всю вторую половину дня в играх со своим другом и его товарищами, в скромной обстановке этой семьи среднего достатка. Это нововведение подверглось большой критике, но Их Величества не обращали на это внимания; они сами были так просты в своей частной жизни, что могли только поощрять такие же вкусы своих детей.

П. Жильяр. Император Николай II и Его семья. Вена, 1921.

Милый мой Алексей!

Крепко Тебя благодарю за карточку. Очень жалею, что себя неважно чувствуешь и в постели остаешься. Такая чудная погода! Конечно, приду к тебе, только лучше после завтрака, а то надо рано вставать.

Мама. † 15-го Марта 1915 г. Вербн[ое] Воскрес[ение].

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

...Казаки Забайкальской бригады первой очереди, доблестно и неумолимо дерущиеся с дерзким врагом, в день войскового круга просят Ваше Императорское Высочество, своего Августейшего Атамана принять их Всепреданнейшие поздравления с праздником, и готовность их положить жизнь за обожаемого Государя и Ваше Высочество. Желая ознаменовать день своего праздника оказанием посильной помощи семьям погибших воинов, Забайкальцы собрали 1000 рублей и отправляют свою лепту в комитет по призрению семей, состоящий под покровительством Вашего Высочества.

Войсковой Наказный Атаман. 17 Марта 1915 г. Действующая армия.

Телеграмма из действующей армии. // ГАРФ. Ф. 682.

Оп. 1. Ед. хр. 117.

19/1. Четверг. Утром в 10 ч. приобщился Св. Тайнам. Лежит в постели, т. к. не здоров (грипп). Был проф. С. П. Федоров и д-р С. А. Острогорский.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328.

22/4. Март. Пасха. Светлое Христово Воскресение. Проснулся рано и уже в 8 ч. пошел христосоваться к Великим Княжнам. Спустился в 11 ч. и присутствовал с Их Величествами на традиционных приемах во дворце. Завтракал с Их Величествами. Отдых как обычно. Весь день не выходил. Вечер употребил на игры и чтение по-французски. Обед, потом лег спать в обычное время.

Дневник Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328.
[Пер. с фр.]

Христос Воскресе!

Тетя Элла. 1915.

Письмо преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны Цесаревичу. [Открытка издания МарфоМариинской обители: «Видение на небе»: явление попавшей в окружение в прусских лесах армии генерала Самсонова Божией Матери, указывающей путь выхода из окружения.]/// ГАРФ. Ф. 682.

Оп. 1. Ед. хр. 65.

Христос Воскресе.

Ваше Высочество, Алексей Николаевич. Поздравляю Вас с Великим Праздником и еще поздравляю Вас со взятием Перемышля. Раненые наши солдатики рассказывают, что когда они, сидя в окопах, узнали о такой радости, то громко закричали: У-р-р-р-р-а-а!!! И часть австрийцев, кот. попрятались недалеко, пустились бежать во все лопатки, думая, что наши идут в атаку и потому кричат: У-р-р-р-р-а-а-а.

Глубоко преданная, любящая Ваше Высочество Т.Громова.

Письмо Громовой Т. Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682.
Оп. 1. Ед. хр. 81.

Понедельник 23-го марта. [...] У обедни и Крестного хода были. Д. Павел завтракал. В 2 ч. христосование в Больш. Дв. Свита, казаки, солдаты и т. д. После с Мама мы 5 пошли в лазарет и она всем раздавала яйца – к чаю вернулись. [...]

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 6.

Вторник 24-го марта. [...] В 1½ к Мама приходили много офицеров ее полков и Ал[ексея] и получали яйца.

Там же.

Казаки временно вверенного мне полка, в том числе Кузьма Крючков, 234 Георгиевских кавалеров, из коих 29 с двумя и более крестами благоговейно приняли дар Вашего Императорского Высочества, в казачьем кругу на вечерней заре меня просили отписать низкий поклон своему Атаману. Они много говорят, но у нас раненные возвращаются, больных нет и я ручаюсь вам, мой Августейший Крестник, что казаками Вашего Императорского Высочества Отечество гордится не даром. Памятуя заветы Петра, Суворова, Скобелева и Царя бьем и будем бить по-русски с малою кровью, дабы сохраниться на дальнейшую службу Царю, Вам и Императорской России.

Командующий третьим Донским казачьим Ермака Тимофеева полком войсковой старшина Эксе. 8/IV 1915 г.

Телеграмма из подшефного полка. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 117.

5-го апреля. Воскресение. В 9 ¼ прибыл на Ставку.[...]
Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 522.

Дорогой Папа. В Воскресенье я ездил на моем маленьком автомобиле в Баболово. Проезжая, я видел батарею, две большие пушки и две маленькие для стрельбы по аэропланам. Я видел также старую бабушку, сидящую в тачке. На обратном пути я видел опрокинутую тачку, я думаю, что ба-

бушка упала. Сестры больше не работают, лед тает очень быстро. Сегодня я видел слона. Обнимаю тебя. Алексей.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153. [Пер. с фр.]

У нас погода поганая. Холод такой, что вода вся замерзла. Изредка идет снег. Башня цела, но свод уже растаял. Вчера я получил интересный подарок: мне прислал один офицер из действующей армии стальную стрелу. Я теперь читаю очень интересную книгу про Петра Великого, которую мне подарила Мама. Все, слава Богу, здоровы. [...]

Царское-Село. 16 апреля 1915 г.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Суббота 18-го апреля. [...] Папа сделал парад всем Пластунским баталионам и назначил Ал[ексея] шефом 3-го в Севастополе. [...]

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 6.

Из действующей армии.

Ваше Императорское Высочество. Чувствительно Вас благодарю за присланные Пасхальные подарки.

Верноподданный Вашего Императорского Высочества лейб-гвар. Преображенского полка 14-й Его Императорского Высочества роты рядовой Степан Судорин.

Письмо из действующей армии Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 115.

Дорогой мой Папа. Поздравляю Тебя с наступающим днем рождения. Крепко Тебя целую. Спи спокойно! Да хранит Тебя Господь!

Любящий Тебя Алексей. Царское-Село. 4 Мая 1915 г.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

[Май] 6/19. Среда. Праведного Иова Многострадального. Рождение Его Императорского Величества Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича, Самодержца Вероссийского.

Утром прогулка в парке с 10. 20 до 11. 20. Затем пошел в Церковь. – Завтрак с Ее Величеством. Отдых с 1 ¼ до 1 ¾. С 2 до 5 ч. прогулка и игры с А. и С. Деревенько. Ходили к слону, в конюшню к старым лошадям и на ферму. Игры на берегу озера. Мария Ивановна¹³⁹ принимала участие в прогулке. Завтракал в обычное время, потом приготовление уроков.

¹³⁹ Мария Ивановна – М. И. Вишнякова – няня Цесаревича...

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328. [Пер. с фр.]

Милая моя Мама. Я крещу Тебя на сон грядущий. Спи сладко и не беспокойся. Поцелуй сестер. Да хранит вас Господь! Крепко целую. Алексей.

Царское Село. 7 мая 1915 г.

Письмо Цесаревича Государыне Императрице Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 76.

13/26. Среда. [...] В 5 ч. урок балалайки с генералом Ресинным.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328. [Пер. с фр.]

14-го мая. Четверг. В 9 час. прибыл в Царское Село и был встречен Алексеем и свитой. [...] Погулял с дочерьми и покатался с Алексеем на прудах. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ОРБИТА, 1991. С. 529.

25/7. Понедельник. Обретение Главы Предтечи. Рождение Ее Императорского Величества, Благочестивейшей Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Встал поздно, спустился поздравить Ее Величество. Из-за дождя игры в

комнате. В 11 ½ пошли в Церковь. Завтрак у Их Величеств. Прогулка с 2 ч. до 5 ч. В Павловск (на автомобиле), потом игры и катание на лодочке по пруду в парке. После обеда в 6 ½ кинематограф в присутствии Их Величеств и Великих Княжон.

Дневник П. А. Жильяра. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 328. [Пер. с фр.]

В воскресенье я, В[ладимир] Н[иколаевич], мальчишки и Деревенько поехали в Петергоф. Был сильный ветер. Зад мотора был открыт, а перед закрыт. Шли со скоростью 52 километра. Вдруг что-то треснуло, и задняя крышка взлетела на воздух.

Она полетела и ударилась в стекло, которое разбилось. Были на собственной даче. Нарвали редиски, огурцов и поехали назад. Все чувствуют себя хорошо.

Царское-Село. 16 Июня 1915 г.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Дорогой Папа, вчера первый раз я ходил босиком, было очень весело. Алексей и Сергей бегали вместе со мной по песку, который обжигал нам ноги. Как бы я был рад, если бы ты вернулся поскорее. Я обнимаю тебя. Алексей.

Царское Село, 26 июня 1915.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153. [Пер. с фр.]

28-го июня. Воскресенье. [...] Погода была серая и сравнительно прохладная. В 5 час. наконец прибыл в Царское Село. С детьми приехал домой. Такая радость быть в своей семье. [...] Читал до обеда и окончил все, так что вечер провели вместе.

Дневники Императора Николая И. М.: ORBITA, 1991. С. 536.

6-го Июля. Понедельник. В 2 ½ Папа, Анаст., Алексей и я в одном моторе, Ольга и Мария в другом поехали в Красное на военное поле, где был смотр 1-й Кавалерийской дивизии, 1-й л[ейб-] уланск[ой] Петроградской, 1-й Гус[арской] Сумской и 1-й донской каз[ачьей]. Кроме Московских гр[енадер]. Очень было хорошо. Завтра они отправляются на войну, бедные душки. Всю дорогу через весь лагерь стояли запасные гвардейские батал[ионы]. Масса солдат. [...]

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1915 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 317.

12 июля. Воскресенье. Невероятный по жаре день. [...] Сделал хорошую прогулку и выкупался в море после Ольги и Татьяны. Алексей снова катался в двойке. Пили молоко и

ели простоквашу и фрукты в столовой. [...]

Дневники Императора Николая II. ORBITA, 1991. С. 538.

Воскресенье 12-го июля. [...] Днем мы 5 с Папа в моторах отправились через Красное в Ропшу. Обошли луг и в Петергоф. Купались и наслаждались морем. 19 т. в воде. Ели и обошли весь дом. Вернулись в 7 ч. Сильнейший дождь и гроза.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 6.

15 июля. Среда. [...] В 2 часа отправился с Ольгой, Татьяной, Марией и Алексеем в Петергоф и на «Александрии» в Кронштадт. Вошли в гавань и посетили линейный корабль «Цесаревич» в доке имени Алексея. Команда замечательно выглядит, судно тоже отлично содержано. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 538.

19 июля. Воскресенье. Сегодня знаменательная годовщина объявления нам войны Германией. После обедни был крестный ход и молебен перед главным входом в собор – препод. Серафиму Саровскому. Молились все особенно горячо! Отец А. Васильев сказал очень теплое слово. В 1.30 поехал с Мар., Анастасией, Алексеем и Саблиным в Петергоф. [...] Выкупались в море после дочерей. Алексей ездил на двойке.

[...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 539.

21 июля. Вторник. Между 10 и 11 час. из Красного Села прибыла сотня юнкеров Николаевского Кав[алерийского] училища. Вышел к ней с Алексеем. [...]

Там же.

Ал[ексею] Н[иколаевичу]

День Рождения твой благолепия ожидания вся и все, как заря солнца, Господь благословил мудрость, красоту, благословение Божие и рука славы на нас, не будем упадать духом от временного испытания и не ужаснемся страха, Господь благословил дом ваш и возложил на Главу вашу перст Свой.

Буй – Ц.С. 30-го июля [1915].

Телеграмма Г.Е. Распутина Цесаревичу // Град Китеж. 1993. № 1(13). С.39.

30 июля. Четверг. Алексею минуло 11 лет; да благословит его Господь здоровьем и расцветом его душевных качеств! В 10 час. перед нашим подъездом было производство корабельных гардемарин в мичманы. Алексей и дочери присутствовали. Позже поехали к обедне. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA,

Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому Князю «Алексею Николаевичу».

Нижеподписавшиеся нижние чины, бывшие в настоящую войну и прибывшие на родину по случаю своих ранений, от души честь имеем поздравить Вашего Императорского Высочества со Днем Вашего Ангела «Алексия» 30 сего июля, да поможет Господь Бог Вам встретить и проводить в трудную годину в радости, да поможет также Господь Бог продолжить с Вашей трудной, царской задачи на многая и многая вам лета.

Верно подданные Ваши нижние чины: 1) Федор Павлов Черемансков 2) Максим Акимов Борисов. Жительство наше г. Керенск. Пензенской губ. 1 – го ул. Шлаевка, 2-го улица Ср. – Покровская.

Письмо из действующей армии Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 115.

Благодарю Вас за науку.

8 Августа 1915. Суббота.

Алексей. Записка Цесаревича П. В. Петрову. // ГАРФ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 66.

Воскресенье. 9-го августа. В 9 ч. в нижнюю церковь к обедне. Папа и Мама причащались. После мы 2 и Ал [ексей]

в лаз[арете] – перевязала Рынсиченко 152 Владикавк[азско-го] п[олка], рана пр[авой] голени; Ложко 277 Переяславс[ко-го полка], рана плеча и груди – Грицаненко 149 Черноморского] п[олка], рана лев[ого] плеча. После Купова, Иванова и Гамалея¹⁴⁰.

Обошли всех. После в саду снимались.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 6.

9-го августа. Воскресение. Утром поехали все в церковь в 9 ч. к обедне. Папа и Мама причащались. Оттуда поехали с Алексеем в лазарет. Перевязывала Гончарова 182 Гроховского п., рана пр. голени. Невзгодова 2 Сиб. стр. п., культя лев. ноги. Абраменкова 65 Бертырского п., рана лев. плеча. Маевского 2 Кавказского п., рана лев. лопатки. Потом Варташева и Мальчина. Потом в саду снимались. Зашли ко всем. [...]

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1915 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 318.

22-го августа. Суббота. В 10.20 поехали втроем в город – в Зимний дворец, где у меня происходило первое заседание совещания по снабжению армии боевыми припасами и снаряжением. После этого разговаривал с членами совещания,

¹⁴⁰ Все перечисленные в этой и следующих записях лица были солдатами и унтер-офицерами, находившимися на лечении в лазарете Царского Села.

в это время вошла Аликс с Алексеем и тоже обошла их. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 544.

Суббота. 29-го августа. [...] В 9 ч. мы 5 с Мама в верхнюю церковь к обедне и Причастию. Такая все радость. Благодарю Бога. После 11 ½ с Мама и Ал[ексей] в лаз[арете] Она перевязывала, а я ничего – сидела в коридоре с Митей и др. После на балконе снимались.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 6.

Дорогой мой Папа. Я не мог Тебе написать потому, что у меня болела рука. Я с Мама и Сестрами общались. [...] Вчера я был в Петергофе. Я, Алексей, Сергей, Коля и другие набрали огромную кучу грибов. На море были волны и заливало шлюпку. В прошлое воскресенье я с Сестрами играли у Ани с какой-то из Хитрово. Мне очень было весело. Скажи Николаю Павловичу, что я ему кланяюсь, приезжай скорей. Да хранит Тебя Бог! Остаюсь преданный Тебе. Твой Атаман Алексей.

Царское Село. 31 августа 1915 г.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Катаюсь, как всегда, каждый день. Учусь много и умею много. Очень интересную книгу читаю про Петра Великого. [...] Крепко Тебя люблю, Алексей непокорный.

Царское-Село. 12 сентября 1915 г.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Милый Алексей Николаевич, посылаю Вам дом для Вашей собаки, кот. сделали два раненых из лазарета Петроградского дворянства. Ее Величество разрешила им поднести Вам свою работу – дом хороший, Настенька, Трина¹⁴¹ и я в нем сидели! Сердечно Вам преданная Иза.

16-го Сент. 1915.

Письмо Буксгевден С.К. Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 87.

Государь вернулся 6 октября (нов. ст.) на несколько дней в Царское Село, и было решено, что Алексей Николаевич [...] поедет с ним в Ставку, так как ему очень хотелось показать войскам Наследника. Государыня покорила этой необходимости; она понимала, как Государь страдал от своего оди-

¹⁴¹ *Настенька* – Гендрикова А.В. (?—1918) – графиня, фрейлина Государыни, расстреляна большевиками в Перми. *Трина* – Шнейдер Е. Л. (1856–1918) – гофлектриса Государыни.

ночества... Она знала, какую поддержку он почерпнет в присутствии своего сына. [...] Мы уехали 14 октября в Могилев. Императрица и Великие Княжны провожали нас на вокзал. Когда я прощался с ней, Ее Величество просила меня писать ей ежедневно, чтобы сообщать известия об Алексее Николаевиче. [...] На следующий день мы остановились в Режице, где Государь хотел сделать смотр войскам. [...] После смотра Государь подошел к солдатам и вступил в простой разговор с некоторыми из них, расспрашивая их о жестоких боях, в которых они участвовали. Алексей Николаевич шаг за шагом следовал за отцом, слушая со страстным интересом рассказы этих людей, которые столько раз видели близость смерти. Его обычно выразительное и подвижное лицо было полно напряжения от усилия, которое он делал, чтобы не пропустить ни одного слова из того, что они рассказывали. Присутствие Наследника рядом с Государем возбуждало интерес в солдатах, и когда он отошел, слышно было, как они шепотом обмениваются впечатлениями о его возрасте, росте, выражении лица и т. д. Но больше всего их поразило, что Цесаревич был в простой солдатской форме, ничем не отличавшейся от той, которую носила команда солдатских детей.

Мы приехали 16 октября в Могилев, маленький городок Белоруссии очень провинциального вида, куда Великий Князь Николай Николаевич перевел Ставку за два месяца перед тем, во время большого германского наступления. Государь жил в доме губернатора, построенном на высоте, гос-

подставлющей над левым берегом Днепра. Он занимал в первом этаже две довольно большие комнаты, из которых одна служила ему рабочим кабинетом, а другая спальней. Он решил, что сын будет жить с ним. Походная кровать Алексея Николаевича была поставлена рядом с кроватью его отца. Я же был помещен, как и часть военной свиты Царя, в здании окружного суда, которое было отдано в распоряжение Ставки. Наша жизнь сложилась следующим образом. Государь уходил каждый день в

9.30 часов в штаб и оставался там обыкновенно до часу дня; я же пользовался его отсутствием, чтобы заниматься с Алексеем Николаевичем в его кабинете. [...] Завтрак подавался в большой зале губернаторского дома. За ним собиралось ежедневно до тридцати приглашенных. Среди последних находился генерал Алексеев, его главные сотрудники, начальники всех союзных военных миссий, свита и некоторые офицеры, находившиеся проездом в Могилеве. После завтрака Государь разрешал срочные дела, после чего, около трех часов, мы выезжали на прогулку в автомобиле. Отъехав на известное расстояние от города, мы останавливались, выходили и около часа гуляли пешком по окрестностям. Одной из любимых целей наших поездок был красивый сосновый лес, окружающий деревушку Салтановку, где 29 июля 1812 года произошло столкновение маршала Даву с войсками генерала Раевского. Часовня, построенная на берегу пруда неподалеку от старой мельницы, указывает место, где был

центр сопротивления русских.

По возвращении с прогулки Государь вновь принимался за работу, а Алексей Николаевич готовил в кабинете отца уроки к следующему дню. Однажды, в то время, как я, по обыкновению, был при нем, Государь, обернувшись ко мне с пером в руках, внезапно прервал мое чтение словами:

– Если бы кто-нибудь мне сказал, что придет день, когда я подпишу объявление войны Болгарии, я счел бы такого человека безумцем, и вот, однако, день этот настал. Но я подписываю это, скрепя сердце, так как убежден, что болгарский народ обманут своим королем, и что большая часть его сохраняет привязанность к России. Сознание племенно-го единства скоро пробудится в нем, и он поймет свое заблуждение, но будет поздно!

П. Жильяр. Император Николай II и Его семья. Вена, 1921.

Вскоре мне пришлось снова быть дежурным флигель-адъ[ютантом] в Царском Селе. Вечером Государь ужал вместе с Наследником на фронт. Перед их отъездом был молебен в нижнем храме Феодоровского собора, в Царском. Нижний храм был поразительно красивый, в чисто русском стиле, и замечательно уютный. Он очень располагал к молитве и понравился мне больше, чем верхний храм. Из собора Государь, Государыня и Наследник поехали на станцию железнодорожной Царской ветки. Перед самым отходом поез-

да, когда Государь и Наследник сели в вагон уже, Государыня, оставшаяся на платформе, что-то строго говорила дворцовому коменданту ген. Воейкову.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб.: Дюссельдорф, 1993. С. 195.

Душка мой Алексей. Крепко, крепко Тебя целую. Мне очень грустно будет без Папа и Тебя – но я за Вас искренно радуюсь. Ты будешь всегда хорошо молиться, всех слушаться? Пиши нам, мой самый собственный Алексей! Не бегай слишком в поезде. Надеюсь, что мешочек с разными вещами тебе понравится. Ну прощай; храни Тебя Бог †, Душка, целую Тебя без конца. Спи хорошо. Твоя собственная Мама. †

Царское Село. 1-го окт. 1915.

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

2 октября. Пятница. В 9 час. прибыл в Режицу. После чая принял ген[ерал]-ад[ъютанта] Рузского и в 11 час. поехал в моторе с Алексеем за город. На ровном поле стоял на три фаса 21й арм[ейский] корпус. Обошел войска, пропустил их церемониальным маршем, поблагодарил их за боевую службу и объехал фронт в моторе. Вид всех частей превосходный, бодрый и здоровый, состав довольно большой. Душу поднимающее настроение овладело мною после смотра этого славного корпуса – оно проникло и в Алексея. Завтрак был в по-

езде с высшим строевым начальством. [...] После обеда молился с Алексеем.

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 550.

Дорогой мой Алексей. Очень скучаю без Тебя, мой Душка. И так странно тихо в доме. Была утром в Б[ольшом] Дворце у бедного мальчика, ему все хуже и хуже, но он меня узнал и немного говорил. Я видела Владимира Николаевича и сказала ему, что вчера вечером от Папа телеграмму получила, и что Вы вместе сидели и играли. Встретила на улице жену Деревеньки. Днем катались и были в Большом Дворце. Из Знам[енской] Церкви привезли Чудотворную Икону и служили молебен для раненых – мы тоже присутствовали и Влад[имир] Николаевич. Радость моя, скажи мне, ты хорошо молишься? Я тоже каждый день после 9 читаю твои молитвы для тебя, и тогда мне кажется, что мы вместе как всегда. – Уютно с Папа спать? Все раненые про тебя спрашивали, доволен ли ты, что поехал, и в чем ты одет и т. д. Трудно ли тебе письмо читать, довольно ли я ясно пишу? Ели яблоки и груши во время прогулки и было очень вкусно. Что М. Жильяр делает, читает он интересную книгу? И кто играет с вами в нашу любимую игру? Нога не болит? Сергей Петрович¹⁴² бы-

¹⁴² *Сергей Петрович* – Федоров С. П. (1869–1936) – до 1917 г. тайный советник, почетный лейб-хирург, лечил Наследника Цесаревича, заслуженный деятель науки РСФСР с 1928 г.

вает по вечерам у тебя или Деревенько кладет компрессы? Кланяюсь всем твоим от меня и Ник[олаю] Павлов[ичу] тоже. Как Джой поживает? Ну, пора кончать, крепко, крепко тебя целую, благословляю †. Спи хорошо – да хранит тебя Господь Бог. Твоя нежно тебя любящая собственная Мама.

Царское Село. 2-го окт. 1915.

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53

3 октября. Суббота. Рано утром прибыли в Могилев. В 10 час. поехал с Алексеем в губернаторский дом. Он помещен в моих двух комнатах и очень доволен находиться здесь. [...] В 2.30 отправился с Алексеем и другими по шоссе на Оршу. Остановились в лесу у горевших костров. [...] Вечером читал бумаги, укладывал Алексея и играл в кости.

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 550.

Дорогой мой Душка Алексей. Еще раз поздравляю тебя и нежно целую. Я ужасно довольна была, когда мне твое милое письмо принесли, и крепко благодарю. Мы все его по несколько раз читали. Весело с Папа спать? Вы сегодня вечером в Церкви – а я нет, так устала – но нарочно после чая с Марией ставили свечки в Знамении. Утром было освящение Церкви, потом операция. Потом я заехала к кн. Гедройц – она очень страдает – сегодня утром у нее было 40 и 5. Влад.

Ник. бывает у нее – он с удовольствием прочел твое милое письмо. Днем мы катались. Я была в Большом Дворце у бедного молодого офицера вчера вечером в 11 ч. и сегодня в 6 – каждый раз меня узнавал – но часто бредит, температура высокая. Соловьев, команд[ир] твоей роты Моск[овско-го] полка просил тебя искренно поздравить – все были очень тронуты, что ты их вспоминал. Привезли нам новых раненых. В Большом Дворце сегодня 61 человек. Ночью было 3 гр. мороза. Сестры мерзли, когда катались – мне было приятно. Вчера провели вечер у Ани; она тебя целует – поблагодари М. Ж[ильяра] за 2-ое письмо. Я их тоже дала Вл. Ник. читать. Что Джой делает? С кем Ты сидел за общим завтраком? Доволен ли большим смотром около Режицы? Душка Ты мой родной, пора мне кончать. Крепко Тебя обнимаю, благословляю † Христос с Тобой. Собственная, нежно Тебя любящая Мама.

Надеюсь, что ты Нагорного не мучаешь. Выучил[ся] ли Ты теперь скоро есть?

Царское Село. 4-го окт. 1915.

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

Мой Душка, маленький Алексей! Я только что играла на твоей балалайке. Я разучиваю «Плещут холодные волны», – пока я неважно играю. Крепко тебя целую и давяю. Поцелуй Папа и поклонись Деревеньке, Нагорному, М. Жильяру

и Николаю Павловичу. Я была очень тронута, что ты нас целуешь и что ты не забыл и написал, что не видел Виктора Эрастовича¹⁴³, но ты наверно скоро его увидишь. Все пруды покрыты льдом. Сегодня тебя Нюта¹⁴⁴ поздравляет с праздником и желает всего хорошего. Сегодня утром мы видели Владимира Николаевича, он был в церкви, а сейчас он на операции у сестер в лазарете. У нас все по-старому. «Ортипо» кланяется тебе и «Джою». Любящая тебя твоя сестра Настаська, Швыбзик. Господь с тобою.

4 октября 1915. Ц.С.

Письмо Великой Княжны Анастасии Николаевны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 62.

5-го октября. Понедельник. Оба заспались и встали поздно. Люди поднесли Алексею крендель, а свита поздравляла перед чаем. [...] В обычное время выехали на прогулку к месту парома на Днепре. Вместо него перешли по новому мосту. [...] Алексей был весь день в праздничном настроении и очень много возился. [...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 550–551.

¹⁴³ Виктор Эрастович – Зборовский В. Э. – вахмистр в сотне юнкеров Николаевского артиллерийского училища, офицер Собственного Его Императорского Величества Конвоя, впоследствии генерал. После революции в эмиграции. Убит (смертельно ранен) во время Второй мировой войны.

¹⁴⁴ Нюта – А. А. Вырубова.

Дорогой мой Алексей, от души благодарю тебя за очень милое письмо. Я ужасно довольна, что ты мне каждый день пишешь и «Жилик»¹⁴⁵ тоже. Знаю теперь все, что ты делаешь. Тебе весело было сегодня? Хорошо праздник провел? Ты спал с большим ножом, вот какой ты за мальчик! Я так рада, что Ты с Папа молишься – уютно вместе – и я у себя для тебя после 9 нарочно, ты да мы одновременно молимся, и как будто я с вами. Ты уже кончил интересную французскую книгу? Для тебя подарок от Мише Дедюлина, я его оставляю здесь и по телефону ее благодарила. Я сегодня подарила Синему¹⁴⁶ и Петру В[асильевичу]¹⁴⁷ твой портрет, кот. я снимала, – чтобы им не было так скучно без тебя, – скажи, тебе не трудно мои письма читать или Папа помогает? Видели Влад. Ник. в Лазарете сегодня. Тетя Михень¹⁴⁸ у нас чай пила. Наш маленький офицер в Б. Дворце умер ночью – спокойно. Раненые тебя поздравляют. Княжне Гедройц немножко лучше. Мы катались днем в Павловске и 3 дамы поздравили нас – очень мило, не правда ли? Так странно (и очень грустно) тебя сегодня не видеть – мысли все время с вами, дорогие мои. Прощай, Душка, крепко крепко тебя целую. Храни тебя Бог. † Твоя нежно тебя любящая старая Мама. †

Царское Село. 5-го окт. 1915.

¹⁴⁵ «Жилик» – здесь и далее П. А. Жильяр.

¹⁴⁶ «Синий» – возможно, так называли В. Н. Деревенко.

¹⁴⁷ *Петр Васильевич* – П. В. Петров.

¹⁴⁸ *Тетя Михень* – Великая Княгиня Мария Павловна (старшая) (1854–1923)

Письмо Государыни Императрицы Александры Феодоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

Жизнь здесь течет по-обычному. Только в первый день Алексей завтракал с м-сье Жильяром в моей комнате, но потом он стал сильно упрашивать позволить ему завтракать со всеми. Он сидит по левую руку от меня и ведет себя хорошо, но иногда становится чрезмерно весел и шумен, особенно когда я беседую с другими в гостиной. Во всяком случае, это им приятно и заставляет их улыбаться. Перед вечером мы выезжали в моторе (по утрам он играет в саду) либо в лес, либо на берег реки, где мы разводим костер, а я прогуливаюсь около. Я поражаюсь, как много он может и желает ходить, а дома не жалуется на усталость! Спит он спокойно, я то же, несмотря на яркий свет его лампадки. Утром он просыпается рано, между 7 и 8, садится в постели и начинает тихонько беседовать со мною. Я отвечаю ему спросонок, он ложится и лежит спокойно, пока не приходят разбудить меня. [...]

Могилев. 6 октября 1915 г.

Письмо Государя Императора Николая Александровича Императрице Александре Феодоровне. Пер. с англ. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1915 гг. Т. III. М.: Госиздат: Центрархив, 1923.

В октябре Государь вернулся ненадолго в Царское Село, и уезжая, увез с собой Наследника Алексея Николаевича. Это был первый случай, что Государыня с ним рассталась. Она очень о нем тосковала и Алексей Николаевич ежедневно писал матери большим детским почерком. В 9 часов вечера она ходила в его комнату молиться, в тот час, когда он ложился спать.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Посвящается Возлюбленной Государыне Александре Феодоровне // Русская Летопись. Издание «Русского Очага» в Париже. Париж, 1922. Кн. 4. С.77.

Дорогая Мама. Вчера снова получил Твое письмо. Мой финский ножик всегда у меня. Вчера мы были около Днепра. Папа и другие, и я копали каналы и впускали воду. Было очень весело. Димитрий¹⁴⁹ бесновался с песком и кидал в Дрентельна¹⁵⁰. Много катались в моторах. У меня немного болит рука и я не буду работать. Передай тем, кто будет читать мое письмо, что я им кланяюсь. Жилик был очень доволен, что получил письмо. Кончаю письмо. Нет больше времени. Крепко целую и обнимаю всех. Да хранит Вас Сам

¹⁴⁹ *Димитрий* – Великий Князь Дмитрий Павлович (1891–1942) – сын Великого Князя Павла Александровича, воспитывался в семье Государя, флигель-адъютант.

¹⁵⁰ *Дрентельн* А. А., фон (1868–1925) – флигель-адъютант, генерал-майор свиты, командир лейб-гвардии Преображенского полка. До начала войны Дрентельн хотели назначить воспитателем Наследника Цесаревича.

Господь. Любящий Вас Алексей.†

Ставка. 7 октября 1915 г.

**Письмо Цесаревича Государыне Императрице
Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр.
76.**

Мама всегда читает твои письма, которые так мило и хорошо написаны. Я всегда извожу П[етра] В[асильевича], что ты пишешь гораздо лучше и интереснее один, чем с ним. Я ужасно радуюсь за тебя, что тебе там хорошо и что доволен. [...] Сегодня утром на всех дорогах лежал снег, потом он стаял. Так скучно, что уже скоро будет зима. Играешь ли ты с Колей¹⁵¹? Что делает Джой? Ортипо очень мила и кланяется тебе и Нагорному.

Ужасно хочу видеть Тебя, маленький Душка. Ирину твою я не видела, т. к. она в Петрограде, т. что не знаю, что она делает. Рита¹⁵² работает у нас в лазарете и мы ее видим каждый день. Ну до свидания Беби, душка мой хороший. Храни тебя Бог. Крепко крепко целую тебя и Папа. Кланяюсь всем. Твой Улан.

Царское Село. 7 окт. 1915.

Письмо Великой Княжны Ольги Николаевны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 58.

¹⁵¹ *Коля* – Деревенко Н. В., сын доктора В. Н. Деревенко.

¹⁵² *Рита* – Хитрово М. С., фрейлина Императрицы Александры Феодоровны.

Мой душка Алексей, нежное спасибо за дорогое письмо, которое так неожиданно сегодня утром получила. Когда сестры вернутся из Лазарета, я им прочту твоё письмо. Я лежу ещё, т. к. очень устала – была так занята все эти дни, что не успела отдохнуть хорошенько. Я рада что ты так доволен финским ножом. Как рука у тебя? Будь осторожен и не работай слишком много. Мы едем сегодня опять в Петроград – скучно, но надо. У Ольги прием пожертвований – у Татьяны заседание. Я поеду с Марией и Анастасией к гр[афине] Гендриковой – я её больше года не видала, и оттуда в лазарет Дворянства – там, кажется, 300 человек раненых. Погода серая, холодная, вчера пал первый снег. Весело было с Мордвиновым¹⁵³ играть? Мы пригласили его завтра к завтраку.

Вот, мы были в городе, и я очень устала. В Зимн[ем] Дворце я одну даму принимала, потом сидела у графини Гендриковой, бедная, она стала ещё некрасивее. Оттуда поехали в лазарет в Дворянском Собрании – 300 раненых там лежали – подумай, в том зале Ольга танцевала два или 3 года тому назад. Благодарю М. Ж[ильяра] от меня за все письма. Ты себя хорошо ведешь за общим столом, не шалишь и не слишком шумишь, я надеюсь. Очень тут грустно без вас, моих дорогих, и я крепко скучаю. Прощай, моя радость. Да хранит тебя Господь Бог, твоя собственная, нежно тебя любящая Мама. Целую тебя много и долго.

¹⁵³ Мордвинов А. А. (р.1870) – флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Кирасирского полка.

Царское Село. 8-го окт. 1915 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Феодоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

Душка моя милая Мама. Вчера я с м. Жильяром завтракал вместе. Вчера мы все поехали на то место, где была раньше ставка, было очень весело. Мы все гуляли вместе с Папахеном. Когда возвращались, я нашел на рельсах много гаек и винтов. Потом поехали смотреть моторный вагон. Иду гулять. Целую вас. Бог Вас сохранит. Алексей.

Ставка Атамана Всех Казачьих Войск. 9 октября 1915 г.

Письмо Цесаревича Государыне Императрице Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 76.

Дорогой мой Алексей, горячо тебя благодарю за милое письмо – грустно, что ручка болит. Даст Бог, скоро пройдет – только будь более осторожен и не переусиливайся, когда в песке работаешь. Благодарю «Жилика» за письма – Вл. Ник. их тоже всегда читает. Так все скучаю без вас, моих дорогих, уже 9-й день, что вы уехали – дай Бог, через неделю будем у вас. Вот интересно все видеть, как вы живете. Сегодня Мордвинов у нас завтракал – очень много рассказывал – но сестры его все время переби[ва]ли и очень ему помешали говорить. Я видела мальчигов на улице, которые в снежки играли. Я была недолго в лазарете, т. к. много читала и принимала –

это теперь каждый день так. Тити¹⁵⁴ был вчера у Ани – говорит, что он очень вырос, я только Лили Ден¹⁵⁵ видела. Ник. Пав. играет с тобой или нет? Поклонись ему очень от меня и скажи, что надеюсь его скоро увидеть, привет тоже Жилику и Серг[ею] Петр[овичу] – погладь Джой от меня. – Теперь пора кончать. Спи хорошо, мой Душка родной, крепко тебя целую и благословляю.† Собственная, нежно Тебя любящая твоя Мама.†

Евг[ений] Серг[еевич]¹⁵⁶ страшно счастлив был от тебя по
Царское Село. 9-го окт. 1915 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Фе-
одоГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

Дорогая Мама. Вчера я, Папа и другие, мы целый час шли без остановки 4 версты. Все были в пыли, и я был грязен. Я завтракал со всеми, измучил дядю Георгия¹⁵⁷. Бельгийца

¹⁵⁴ Тити – Константин Карлович Ден, сын Ю. А. Ден, близкой к Императрице особы, участвовал в общих играх с Наследником Цесаревичем.

¹⁵⁵ *Лили Ден* – Ден Ю. А., жена Дена К. А., капитана I ранга, командира крейсера «Варяг», была близка к Государыне Императрице. После революции пыталась спасти Царскую Семью, затем в эмиграции, автор книги *The Real Tsaritsa*. Boston, 1922.

¹⁵⁶ *Евгений Сергеевич* – Е. С. Боткин (1865–1918) – лейб-медик Императора Николая II.

¹⁵⁷ Дядя Георгий – Великий Князь Георгий Михайлович (1863–1919) – генерал-адъютант, генерал-лейтенант, состоял при Ставке. Сын Великого Князя Михаила Николаевича, женат на Великой Княгине Марии Георгиевне, урожденной принцессе греческой. Расстрелян в Петропавловской крепости в 1919 г.

изучаю и с французом начинаю говорить¹⁵⁸. Целую Вас. Любящий Тебя Алексей. Да хранит Вас Бог! †

Ставка. 10 октября 1915 г.

Письмо Цесаревича Государыне Императрице Алек-сандре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 76.

10-го октября. Суббота. В 2 ½ поехали 4 с Мама в Петроград в Зимний Дв. на освящение там лазарета имени Алексея на 1000 человек в залах. Потом прошли в склад.

Дневник Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1915 г. // ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 318.

Государь пожелал осмотреть войска в сопровождении наследника, и мы отправились 24 октября (по нов. ст.) в армию. На следующее утро мы прибыли в Бердичев, где в наш поезд сел Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов. Несколько часов спустя мы были в Ровно. В этом городе помещался генерал Брусилов со своим штабом, и мы должны были отправиться с ним к месту расположения войск. Мы тотчас же сели в автомобили, ибо приходилось проехать более двадцати верст. При выезде из города к нам присоединился отряд аэропланов, который провожал нас до той минуты, когда мы увидели длинные серые ряды войск,

¹⁵⁸ *Бельгиец и француз* – иностранные военные наблюдатели от союзных держав в Ставке Верховного Главнокомандующего.

построенных позади леса. Минуту спустя мы подъехали. Государь с Цесаревичем прошел пешком по всему фронту, затем части прошли одна за другой перед ним. Вслед за этим он приказал выступить вперед офицерам и солдатам, представленным к награде, и сам вручил им Георгиевские кресты. Когда окончилась эта церемония, уже наступила ночь. На возвратном пути, узнав от генерала Иванова, что неподалеку находится передовой перевязочный пункт, Государь решил прямо проехать туда. Мы въехали в густой лес и вскоре заметили небольшое здание, слабо освещенное красным светом факелов. Государь, сопровождаемый Алексеем Николаевичем, вошел в дом, подходил ко всем раненым и с большой добротой с ними беседовал. Его внезапное посещение в столь поздний час и так близко от линии фронта вызвало изумление, выражавшееся на всех лицах. Один из солдат, которого только что вновь уложили в постель после перевязки, пристально смотрел на Государя и, когда последний нагнулся над ним, он приподнял единственную свою здоровую руку, чтобы дотронуться до его одежды и убедиться, что перед ним действительно Царь, а не видение. Алексей Николаевич стоял немного позади своего отца, глубоко потрясенный стонами, которые он слышал, и страданиями, которые угадывал вокруг себя.

Мы вернулись в наш поезд, который тотчас проследовал на юг. На следующее утро мы проснулись в Галиции; ночью мы проехали бывшую границу Австрии. [...] Мы вернулись в

Могилев 27 октября вечером, а на следующее утро Ее Величество и Великие Княжны в свою очередь прибыли в Ставку.

Жильяр П. Император Николай II и Его семья. Вена, 1921.

Могилев (Ставка), четверг. 15-го окт. В 9 1/2 прибыли. Папа и Ал[ексей] встретили и вместе поехали к ним. Очень холодно. Папа пошел в Штаб, а мы по 4-м лазаретам. Завтракали со всеми. Днем всем семейством отправились в моторах куда-то на место сражения в 1812 г. Походили, встретили [нрзб]. После чая, здесь все пошли смотреть санитарный поезд, а я нет. Обедали у Папа со всеми и после 10 ч. вернулись сюда. Папа тоже. Ал[ексей] спал. [...] Они были на днях совсем впереди, видели войска.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 6.

Был я и в ту знаменательную поездку дежурным при Его Величестве, когда Государь после долгих колебаний генерал-адъютанта Иванова, уже будучи Сам Верховным Главнокомандующим, настойчиво требовал, чтобы Его допустили до передовых окопов наших пехотных расположений. Ген. – ад. Иванов боялся взять на себя эту ответственность, но Господь Бог видимо благословил желание Государя: с утра пал сильный туман, дорога, ведущая к окопам и обстреливаемая неприятельской артиллерией, сравнительно была более без-

опасна. Ген. — ад. Иванов настоял, чтобы было не более трех автомобилей. В первом Государь с Наследником Цесаревичем, во втором Воейков со мной и в третьем Иванов с министром двора графом Фредериксом.

Окопы были заняты одним из наших пехотных полков и, насколько я помню, Модинским. Автомобили остановились; дальше надо было идти пешком. Государь приказал Цесаревичу хранить полное молчание. Рота солдат, вынырнувшая из окопа и возвращавшаяся на отдых, с удивлением узнала Цесаревича Алексея Николаевича. Надо было видеть радость и изумление на лицах солдат, когда они поняли, что перед ними Государь Император с Наследником Цесаревичем. [...]

Проехали в глубокий тыл, где был парад корпусу генерала фон Бринкена, и затем в окрестности Тернополя, где был парад «дикой дивизии» под командой Великого Князя Михаила Александровича и другого корпуса той же армии, подчиненной главному командованию генерал-адъютанта Иванова. После парада, тоже очень удачного, где войска представились так же блестяще, как и прочие, корпус построился в карэ. Государь стоял на шоссе, а корпус был на обширном поле. Государь обратился к ген. — ад. Иванову и, будучи в отличном расположении духа, горячо благодарил его за все, что Он видел. [...] Возвращение Государя из сферы огня окончилось, слава Богу, благополучно. Государь был в радостном настроении духа.

Вечером, при возвращении из этой экспедиции, туман сгущался все более и более. Автомобиль Государя, шедший, как всегда, очень быстрым ходом, в тумане отделился от нашего автомобиля, в котором ехал Воейков и я. Когда мы подъехали к царскому поезду, то к изумлению оказалось, что Государь еще не приезжал. Мы страшно забеспокоились, но в скором времени получили сообщение царскому поезду двинуться на ближайшую узловую станцию, где находится Его Величество.

Но эта неожиданная ошибка изменения маршрута имела необыкновенное последствие. Вот как нам рассказывали очевидцы про то, что произошло на станции. Разобравшись на карте, попали на узловую станцию, где к этому времени вся зала станционного вокзала была полна ранеными, вывезенными для эвакуации. Они лежали на полу. Среди персонала, сестер милосердия и раненых неожиданное появление Государя произвело потрясающее впечатление. Никто не ожидал Его тут увидеть.

Государь обошел всех раненых, милостиво разговаривая и расспрашивая, и во время этого обхода подошел к одному раненому, умирающему офицеру, который лежал на полу. Государь опустился возле него на колени и подложил руку ему под голову. Офицер узнал Государя. Государь ему сказал: «Благодарю вас за вашу службу, у вас есть семья?» Он ответил тихим голосом: «Жена и двое детей». Государь ему сказал: «будьте спокойны, Я их не оставляю». Офицер пере-

крестился и сказал: «благодарю, Ваше Вели...» и скончался.

По возвращении в Ставку, в Могилев, Государю Императору был поднесен армией орден св. Георгия, а Наследнику Цесаревичу Георгиевская медаль, за нахождение в сфере огня, которые Они и возложили на себя.

Шереметев Д. С, граф. Государь на фронте: из воспоминаний о Государе Императоре Николае II во время войны. // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1957. № 67. С.38–40.

Могилев. Пятница. 16-го октября. [...] Все утро до завтрака просидели в вагоне. Днем мы 5 с Папа, Мама [...] отправились в моторах по ту сторону Днепра. Сделали хорошую прогулку и к концу версты 3 сделали пешком. [...] Обед, как всегда, со всеми. И до 11 ч. оставались там.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 6.

Во время одной прогулки по берегу Днепра, при посещении Императорской Ставки Верховного Главнокомандующего, Цесаревич, будучи в шаловливом настроении, вытащил у меня зонтик и бросил его в реку. Великая Княжна Ольга и я старались зацепить его палками и ветками, но так как он был раскрыт, то течением и ветром его подхватило и не было под рукой ни лодки, ни плота, с которого можно было бы его поймать.

Неожиданно появился Государь. «Что это за представление?» – спросил он, удивленный нашими упражнениями около воды. «Алексей бросил ее зонтик в реку и это такой стыд, так как это ее самый лучший», – ответила Великая Княжна, стараясь безнадежно зацепить ручку большой корявой веткой. Улыбка исчезла с лица Государя. Он повернулся к своему сыну:

«Так в отношении дамы не поступают, – сказал он сухо, – мне стыдно за тебя, Алексей. Я прошу извинения за него, – добавил он, обращаясь ко мне, – и я попробую исправить дело и спасти этот злополучный зонтик».

К моему величайшему смущению, Император вошел в воду. Когда он дошел до зонтика, вода была выше колен. [...]

Он передал его мне с улыбкой. «Мне все же пришлось плыть за ним! Теперь я сяду и буду сушиться на солнце». Бедный маленький Царевич, красный – от отцовского резкого замечания, расстроенный подошел ко мне. Он извинился как взрослый.

Вероятно, Государь позже поговорил с ним, так как после этого случая он перенял манеру отца, подчас забавляя нас неожиданными старомодными знаками внимания по отношению к женщинам. Это было очаровательно.

Из записок баронессы С. К. Буксгевден. // Международный год памяти Государя Императора Николая II. М., 1993. С. 43.

17 октября. Суббота. Встал довольно поздно. Читал бумаги до 11 час. и тогда пошел к докладу с Алексеем. По ходатайству ген. – ад. Иванова пожаловал Алексею Георгиевскую медаль 4-й степ, в память посещения армий Юго-Западного фронта вблизи боевых позиций. Приятно было видеть его радость.[...]

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 553.

19-го октября. Понедельник. Приятное было сознание ехать вместе. Прибыли в Царское Село в 10 ½ ч.

Дневники Императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 553.

Вторник 20-го окт. Были все у всенощной. Веч[ером] с Папа и Мама молитва и исповедовались.

Дневник Великой Княжны Ольги Николаевны. // ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 6.

Среда 21-го октября. Всем семейством причащались в пещерной церкви. [...] Заехали за Ал[ексеем] и сестрами. Около ½ 1 ч. в лаз[арет].

Там же.

Вторник 27-го октября. В 10 ¼ молебен внизу и проводили Папу и Алексея.

Там же.

Дорогой мой Алексей, вот уж скучно без вас, моих дорогих. Очень холодно, но ясно. Были в лазарете, все про вас спрашивали, всегда все знать хотят. Ты не устал в Ревеле? – интересно наверно очень. Как Граф Фредер[икс], он вас не пугает? Еще нет 24 час., что вы уехали, а мне кажется, что уже давно. – Твой Бельгиец рад был тебя видеть? Но ты не слишком шали и не кидай катышки. Я так рада, что сама теперь все на Ставке знаю и могу себе представить как вы живете, что делаете. Ты нашел твои палки? Видела «Синего» в Лазарете. Ну Душка, я устала, неважно спала, хочется немного до обеда отдохнуть. Не торопись, когда молишься и помни все молитвы, твои и мои. Храни Тебя Бог. † Благословляю Тебя и очень нежно и долго целую. Скучно и тоскливо без вас. Твоя старая, любящая Тебя Мама. †

[На полях:] Ты ел сухарики от Гр[игория] с Папа?

Ц.С. 28-го окт. 1915 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

Все утро Бэби и я разъезжали в моторе по окрестностям, выходя посмотреть войска вблизи их позиций и фортификаций, искусно скрытых в лесах или устроенных на открытом поле. [...] В 2 часа мы продолжали наш объезд и посетили старую «Европу», которая теперь является старейшиной на-

ших английских подводных лодок. [...] Алексей лазил всюду и забирался во всякую дыру, в которую только можно было, я даже подслушал, как он непринужденно беседовал с одним лейтенантом, спрашивая его о разных предметах! Потом мы поехали на два новых морских завода, кораблестроительный и механический – очень интересно! Сделали недолгий визит в морской госпиталь. [...] Уже стемнело, когда мы вернулись в наш поезд.

Письмо Государя Императора Государыне Императрице Александре Феодоровне от 31.X.1915 из Могилева (о поездке в Ревель.): пер. с англ. // Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1915. Т. III. М., Госиздат: Центрархив, 1923.

Ваше Величество, вчерашний день прошел хорошо. Во время парада, о котором я говорил Вашему Величеству, дождь не прекращался. Солдаты по щиколотку утопали в грязи, и Алексей Николаевич был в восхищении, видя, что все шлепают по грязи как утки. После парада Он сопровождал Его Величество в собор, чтобы присутствовать на молебне. [...] Алексей Николаевич вернулся промокший под дождем, но лишь немного сверху, остальная одежда была совершенно сухая. По возвращении Он пил чай вместе со всеми, потом мы, как раньше, играли в игру «Желтый карлик» с Его Величеством, который захотел к нам присоединиться, и с капитаном Саблиным. В 7 вечера мы приехали в Могилев.

лев; Алексей Николаевич погулял четверть часа и лег спать. Он проснулся сегодня утром около 8 часов с половиной и пил чай за общим столом. Мы вышли из поезда в 10 часов. Только приехав, быстро обойдя все комнаты и бросив дружеский взгляд на бильярд, Алексей Николаевич принялся писать Вашему Величеству. В данный момент Он одевается, чтобы спуститься в сад и говорит мне, что забыл поблагодарить Великую Княжну Татьяну Николаевну за ее письмо; Он просит Ваше Величество соблагovolить поправить Его забывчивость. С глубоким уважением, Ваше Величество, почкорный и послушный слуга Вашего Величества Пьер Жильяр.

Ставка. Суббота. 31 октября 1915.

Письмо П. Жильяра Императрице Александре Федоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 144.: Пер. с фр.

Дорогая моя Душка Мама. Только что приехали, и я не мог достать бумагу и поэтому пишу тебе на простой. Все эти дни стояла плохая погода. Вчера был смотр одной дивизии. Этот парад был в болоте, и я был грязнее грязи, а солдаты по икры уходили в грязь. Ган был глупым, он стоял перед всеми, и Димитрий его все время пихал в грязь. Я очень рад быть здесь. С графом ничего не было. Я ему не давал пить вина. Вчера были в Соборе и, когда уходили, все сзади летело, и на улице была ужас какая давка, что сзади не было никакой возможности пройти. Все здоровы, кроме графа и Жилика.

У гр. болит нога и у Жилика раздуло нос, как живот у П. В. П. Кланяйся всем. Целую крепко. Да хранит Вас всегда Господь. † целуй. Любящий вас Алексей. Поклоны: В. Николаевичу резвоному, П. В. П. пузатому и раздутому, наглому сухарному заводу, круглофизии Ане.

Ставка. 31 октября 1915 г.

Письмо Цесаревича Государыне Императрице Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 76.

Душка Ты мой Алексей, горячо тебя благодарю за дорогое письмо. Много хохотала, непременно передам все поклоны. Могу себе представить, как ты доволен был в грязи топать! Как нога у бедного графа, наверно ему очень больно? Ольга и я отдыхаем, другие в Церкви – вы тоже, я думаю. Сын Евг[ения] Серг[еевича] едет опять на войну – он держал экзаме́н на прапорщика и поступает в 4 стр[елковый] п[олк], где и раньше служил. Губарев (мой Крымец) и Вачнадзе (с рукой)¹⁵⁹ тоже на днях уезжают. Я не бываю в Лазарете, т. к. себя не важно чувствую. Вчера мы в игровой обеды – ужасно грустно и пусто там без тебя – игрушки скучают и ждут тебя. Молилась у тебя – а кровати нет!

Странно все!

¹⁵⁹ *Губарев* – офицер Крымского Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка, вместе с офицером *Вачнадзе* лечился после ранения в лазарете Большого Дворца в Царском Селе.

[...] Вы были уже в лесу? Так довольна, что все теперь у вас знаю. Как бедная ручка, надеюсь что не слишком болит и тебе и Папа не мешает спать. Христос с тобой †, благословляю тебя, мой Ангел родной, и нежно целую. Собственная твоя Мама.

[На полях:] Все благодарят за поклоны. Привет Жилику и благодарность за письмо.

Царское Село. 1-го ноября 1915 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Феодоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

Дорогая моя Мама. Третьего дня мы были в 3 подводных лодках. Было очень интересно. Один офицер английский мне дал карточку, были также на двух русских лодках. Я со всеми разговаривал и все смотрел. Вчера я был целый день дома, было очень скучно. Сегодня в 4 часа будет кинематограф. [...] Наверно, Ее Высочество Великая Княжна Ольга Николаевна очень волнуется из-за подарков... Поздравь Ольгу с наступающим. Да хранит Вас Бог! Любящий Вас. От преданного слуги Алексея.

Ставка, 2 ноября 1915 г.

Письмо Цесаревича Государыне Императрице Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 76.

Я читал Ему «Лео Тапен», военный рассказ, который мы

только что начали и который Его очень заинтересовал. Затем Он спустился в сад с Его Величеством и там оставался до отъезда в театр, где происходило представление кинематографа. Он получил от этого большое удовольствие. Была показана очень важная картина «Ставка»: Алексей Николаевич, играющий в снегу со своей собакой перед домом гувернера. Эта сцена, полная естественности, на самом деле удалась, но она не понравилась Алексею Николаевичу, который мне сказал на обратном пути: «Как это глупо, видеть меня, выделяющего такие пируэты! У Джоя гораздо более умный вид, чем у меня!»

Ставка. Вторник. 3 ноября 1915.

Письмо П. Жильяра Императрице Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 144. Перев. с французского.

Дорогая Мама. Поздравляю Вас с Ольгой и желаю ей Всего лучшего. Мы были один раз в лесу. Рука у меня не болит, она почти прошла. Нога у Графа совсем прошла. Надеюсь, что Ты не сильно скучаешь без нас. [...] Целую Вас.

Да хранит Вас Бог. Сейчас пойдем на молебен. Любящий Вас Алексей.

Ставка, 3 ноября 1915 г.

Письмо Цесаревича Государыне Императрице Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 76.

Дорогой мой Алексей, сегодня не было письма от Жилика – почему? Или, может быть, поезд опоздал. Теперь вы опять дальше уезжаете, будешь в любимом поезде спать – погода будет теплее и все будет так интересно. Видишь, как хорошо быть большим мальчиком, можешь с Папа один путешествовать, ему не так грустно – и вместе все веселее – надеюсь, не устанешь и что южное солнце вас погреет. Если моих Крымцев увидишь, то посмотри, Губарев будет уже там – если Нижегородцы – Иедигаров, потом наших дорогих Яхтинских увидишь, даст Бог. Мысленно буду все время вас [со]провождать. Узнаете те места, где раньше были – в прошлом году только. Ночью шел сильный снег – все покрыто белым скатертом. Игорь завтракал с нами, похудел, но хороший вид – в воскресенье поедет в Осташово отдохнуть после воспал[ения] легких. Давно не видела «Синего», т. к. в Лазарете не бываю уже неделю. Вчера неделя, что вы уехали – мне кажется, вечность – грустно и пусто. Каждый вечер молюсь у тебя в спальне. Получила телеграмму от Изы из Стокгольма. Теперь пора кончать. Храни тебя Господь Бог †, мой Душка родной. Крепко тебя целую. Собственная твоя нежно тебя любящая Мама.

Царское Село. 4-го ноября 1915 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

Дорогая моя! Я благодарю тебя и других за письма. Деревенько был souffrant эти дни, дорогая моя Аликс, но он поправился. Вчера вечером за обедом допытывался у Коли, кому он делает la cour. И наконец узнал, дорогая моя Аликс. Джой тебя целует и Ортипо. Сегодня будет, дорогая моя Аликс, кинематограф. Сегодня я учился по-русски и по-арифметике, дорогая моя – вечером буду по Francaise. [...] Вчера мы гуляли в лесу, делали костер и играли в солдаты, дорогая... Целую крепко Вас. Да хранит Вас Господь. Любящий Вас и Тебя дорогая моя Аликс. Преданный Вам *Vous* Бурсукъ.

Ставка, 4 ноября 1915 г.

**Письмо Цесаревича Государыне Императрице
Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр.
76.**

Душка мой Алексей, спасибо за письмо, ты маленький хулиган; как ты смеешь меня называть Аликс. Я тебе дам. Это ты выучил от Дмитрия – bad Boy! Как я счастлива, что рука больше не болит, но ты будь осторожен и не делай глупости и гимнастика не нужна. Сегодня получила твоё письма до 9, – а вчера только перед обедом. Благодарю Жилика за письмо. Не знаю, когда письмо получишь и где. Ольге лучше и прибавилась весом. Нашему бедному Смирнову опять очень плохо, и я грущу, что не могу его посетить. Один Француз посл[ал] нам всем Образки – вот и тебе один, Папа тебе его

даст.

Царское Село. 5-го ноября 1915 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Феодоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф.682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

Дорогая душка моя Мама. Очень было хорошо в кинематографе. Сегодня мы уезжаем, очень жалко, что больше не могу писать. Погода плохая и холодно. Бельгиец уехал в город. Я взял японца вместо Бельгийца. У Папа в кабинете в углу стоит за диваном его знамя, я нарисую. Надеюсь, что Ты поймешь.

[рисунок-план кабинета Императора]

До свидания. Да хранит Вас Господь Бог. Крещу. *Ваш Алексей.*

Ставка, 5 ноября 1915 г.

Письмо Цесаревича Государыне Императрице Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 76.

Дорогой мой Алексей, благодарю тебя от всего сердца за милое письмо – очень жалею, что буду редко от тебя иметь известие. Хорошо поняли твой рисунок и куда поставили знамя – стяг. Мало солнца эти дни, но сестры катаются ежедневно с Настинкой. Тот бедный молоденький раненый умер тихо эту ночь – лучше ему, т. к. он очень мучился, бедняжка, – и все-таки не мог поправиться. Ты гуляешь иногда на

станциях? Настинка завтракала с нами и потом каталась с сестрами. Пора кончать. Прощай, мой Душка, крепко тебя целую и благословляю.† Да хранит тебя Христос. Твоя нежно тебя любящая Мама.† Кланяюсь Жилику и благодарю за 7 письмо.

Царское Село. 6-го Ноября 1915 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Федоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп.1. Ед. хр. 53.

После первой же поездки из Ставки в Царское Село в конце сентября Государь вернулся в Могилев с Наследником. Наследника сопровождали его воспитатели: тайный советник П. В. Петров, француз Жильяр, англичанин мистер Гиббс и дядька матрос Деревенько. Первые три были и учителями Наследника. Алексей Николаевич с этого времени стал членом нашей штабной семьи.

Встречаясь с ним во дворце каждый день два раза, наблюдая его отношения к людям, его игры и детские шалости, я часто в то время задавал себе вопрос: какой-то выйдет из него монарх? После того, как жизнь его трагически пресеклась, когда еще не успел определиться в нем человек, вопрос, возникавший тогда у меня, является насколько трудным, настолько же и неразрешимым, по крайней мере, гадательным. Последующие воспитание, образование, события и случаи, встречи и сообщества, все это и многое другое – одно в большей, другое в меньшей степени, – должны были повлиять на

образование его духовного склада, умозрения и сделать из него такого, а не иного человека. Предугадать, как бы все это было, никто не в силах. А поэтому и все предположения, какой бы из него вышел монарх, не могут претендовать даже на относительную основательность. Но прошлое царственного мальчика, закончившееся страшной трагедией всей семьи, интересно само по себе, в каждом своем штрихе, в каждой мелочи, независимо от каких-либо гаданий насчет бывшего возможным его будущего.

В Ставке Наследник поместился во дворце с отцом. Спальня у них была общая – небольшая комната, совершенно простая, без всяких признаков царской обстановки. Занимался же Алексей Николаевич в маленькой комнате-фонаре, во втором этаже, против парадной лестницы, рядом с залом.

Завтракал всегда за общим столом, сидя по левую руку Государя. По левую руку Наследника по большей части сажали меня. Обедал же он всегда со своими воспитателями.

При хорошей погоде он участвовал в прогулке и обязательно сопровождал Государя в церковь на богослужения.

Как вероятно всем известно, Наследник страдал гемофилией, часто обострявшейся и всегда грозившей ему роковой развязкой. От одного из приступов этой болезни остался след: мальчик прихрамывал на одну ногу. Болезнь сильно влияла и на воспитание и на образование Алексея Николаевича. Как болезненному, ему разрешалось и прощалось многое, что не сошло бы здоровому. Во избежание переутомле-

ния мальчика учение вели очень осторожно, с очевидным ущербом для учебной цели. Следствием первого была часто переходившая границы дозволенного шаловливость, следствием второго отсталость в науках. Последняя особенно была заметна. Осенью 1916 года Алексею Николаевичу шел 13-й год – возраст гимназиста, кадета 3 класса – а он, например, еще не знал простых дробей. Отсталость в учении, впрочем, могла зависеть и от подбора учителей. Старик Петров и два иностранца преподавали ему все науки, кроме арифметики, которой учил его генерал Воейков. [...] В воспитательном отношении главную роль, кажется, играл дядька – матрос Деревенько, может быть очень хороший солдат, но для Наследника, конечно, слишком слабый воспитатель. Отсутствие сильного, опытного, соответствующего задаче воспитателя заметно сказывалось. Сидя за столом, мальчик часто бросал в генералов комками хлеба; взяв с блюда на палец сливочного масла, мазал им шею соседа. Так было с Великим Князем Георгием Михайловичем. Однажды за завтраком Наследник три раза мазал ему шею маслом. Тот сначала отшучивался, грозя поставить гувернера в угол, когда же это не помогло, пригрозил пожаловаться Государю. Мальчик уgomонился, когда Государь посмотрел на него строго. А однажды выкинул совсем из ряда вон выходящий номер. Шел обед с большим числом приглашенных, – был какой-то праздник. Я сидел рядом с Великим Князем Сергеем Михайловичем. Наследник несколько раз вбегал в столовую и

выбегал из нее. Но вот он еще раз вбежал, держа позади руки и стал за стулом Сергея Михайловича. Последний продолжал есть, не подозревая о грозящей ему опасности. Вдруг Наследник поднял руки, в которых оказалась половина арбуза без мякоти и этот сосуд быстро нахлобучил на голову Великого Князя. По лицу последнего потекла оставшаяся в арбузе жидкость, а стенки его так плотно пристали к голове, что Великий Князь с трудом освободился от непрошеной шапки. Как ни крепились присутствующие, многие не удержались от смеха. Государь еле сдерживался. Проказник же быстро исчез из столовой.

Однажды я после высочайшего обеда зашел на несколько минут к генералу Воейкову, чтобы переговорить с ним по какому-то делу. Мы вели тихую беседу. Вдруг быстро открывается дверь, показывается фигура Наследника с поднятой рукой, и в нас летит столовый нож.

– Алексей Николаевич! – крикнул генерал Воейков. Наследник скрылся, но минуты через две повторилась история. Только на этот раз полетела в нас столовая вилка.

Почти каждый раз под конец завтрака Наследник начинал игру в разбойники. Для этой игры у него всегда в боковом кармане имелись красные и белые спички, которые он теперь тщательно раскладывал на столе. Красные означали разбойников, белые – мирных граждан. Первые нападали на последних, последние отбивались. Для изображения таких действий Наследник все время производил перегруппи-

ровки, объясняя вслух значение их. Адмирал Нилов всегда возмущался этой однообразной и бессодержательной игрой и открыто высказывал свое недовольство всем вообще воспитанием Наследника без серьезного воспитателя.

Когда Государь после стола обходил гостей, Наследник в это время возился обыкновенно с бельгийским генералом Риккелем, часто обращаясь с ним совсем бесцеремонно. Толкал его коленом в живот, плечом в бок и т. п. Иногда залезал под рояль и оттуда хватал генерала Риккеля за ногу. Другим любимцем Наследника был японский военный атташе-полковник. В летнее время, после завтрака в саду, устраивавшегося обыкновенно в палатке, Наследник любил шалить у фонтана, направляя ладонью струю на кого-либо из присутствующих, а иногда и на самого Государя.

Шавельский о. Георгий. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 1. Нью-Йорк, 1954. С. 359–363.

В Четверг после завтрака Алексей Николаевич присутствовал с Его Величеством на очень интересных опытах, которые проводились инженером с воспламеняющимися жидкостями. По возвращении Он громко читал по-русски. В 9 вечера Он уехал с Его Величеством на вокзал. На следующее утро Он проснулся в 11 часов, проспав таким образом 13 часов! Это пошло Ему на пользу. Весь день 6-го прошел в поезде. Он работал 2 часа: арифметика, русский и француз-

ский. Он рано лег спать и проснулся бодрый. Сегодня утром после молебна в соборе Алексей Николаевич сопровождал Его Величество в порт. Мы посетили турецкий крейсер («Гамидиш») и один из многих транспортных кораблей, которые были приготовлены для войск.

Одесса. 7[ноября] 1915.

Письмо П. Жильяра Императрице Александре Фёдоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 144. Перевод с французского.

В субботу утром Алексей Николаевич встал рано. Он пил чай вместе со всеми, потом делал упражнения и задачу по арифметике. В Одессу мы приехали вовремя, в прекрасный осенний день, холодный, но солнечный. Алексей Николаевич отправился с Его Величеством в собор, где был молебен. На улицах толпу с трудом сдерживали солдаты, энтузиазм был огромный. Из Церкви автомобили отправились прямо по дороге в военный порт, где стояло несколько военных кораблей и несколько транспортных судов (русских, английских, французских и итальянских). Алексей Николаевич вместе с Его Величеством посетил старый турецкий крейсер «Гамидиш», корабль-госпиталь, транспортное судно и учебный корабль для детей, который крайне заинтересовал Алексея Николаевича. Завтракали в поезде, Алексей Николаевич ел отдельно, чтобы сберечь свои силы. В 2 часа с половиной Он снова уехал с Его Величеством, который

собирался проводить смотр дивизий в окрестностях города. Его Величество проезжал перед строем на лошади, Алексей Николаевич следовал за Ним на автомобиле вместе с графом Фредериксом. Затем было дефилирование: головной полк был сформирован выездом гвардии к большой радости Алексея Николаевича, узнававшего офицеров и солдат. Затем шли 3 линейных полка, тяжелая артиллерия и казаки. Вся церемония длилась около 2 часов. Вернувшись в поезд, Алексей Николаевич читал громко по-русски. Спать Он лег рано, в восхищении от проведенного дня.

8 ноября 1915.

Письмо П. Жильяра Императрице Александре Федоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 144. Перевод с французского.

Дорогой мой Душка. Поздравляю тебя с полковым праздником твоих Московцев – я очень трогательную телеграмму получила от Гальфтера.[...] Я думаю, страшно интересно все, что вы видите, и сколько войск – у тебя будет массу нам рассказать потом. Так жалко, что нельзя быть всем везде вместе – ужас как хочу войска видеть, сильно их люблю. Завтра вы толстого Веселкина увидите. Мои письма, я чувствую, очень скучные, бедный Алексей. Как здоровье графа? [...] Кланяюсь Жилику. Спи хорошо, мой Ангел. Благословляю Тебя † – Господь с Тобой. Крепко Тебя целую, Самая собственная Твоя Мама †. Очень без вас скучаю. Каждый

вечер молюсь у тебя наверху и целую твои Образа и нежно тебя вспоминаю.

Царское Село. 8-го Ноября 1915 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

В воскресенье в 9 часов утра Алексей сопровождал Его Величество, который проводил смотр 2-го корпуса армии в Еремеевке. Император на лошади, Алексей Николаевич следовал за ним на автомобиле с министром двора. Затем Он присутствовал на завтраке, на который были приглашены генерал Щербачев и высшие офицерские чины 2-го корпуса армии. Мы приехали в 1 час. 30 м. в Тирасполь, где Его Величество пешком с Алексеем Николаевичем проводят смотр 2-го дивизиона 16-го корпуса армии, из которого накануне в Одессе мы видели 1-ю дивизию. [...] На другой день в понедельник, в 9 часов утра мы приехали в Реми [...] на границе с Румынией. Его Величество присутствовал с Алексеем Николаевичем на молебне в соборе. Затем они уезжают на автомобиле и после нескольких визитов Его Величество пешком с Алексеем Николаевичем провели смотр 3-й бригады стрелков из Туркестана. С возвышенного места, где мы находились, открывался прекрасный вид на [Дамеб?] и Румынию до [Галатии?]. Мы возвратились на берег реки, чтобы посетить базу «специальной экспедиции капитана Веселкина», который в течение нескольких месяцев снабжает Сер-

бию боеприпасами и съестным провиантом. После посещения мы поднимались на один из кораблей, на борту которого для нас были приготовлены холодные закуски. Его Величество посетил затем с Алексеем Николаевичем батареи и укрепленные позиции, потом они вернулись в поезд. Этот визит и смотр продолжались 5 часов, но для Алексея Николаевича это был крайне интересный день.

Вторник. 10 ноября 1915.

Письмо П. Жильяра Императрице Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 144. Перевод с французского.

Я очень доволен, что могу написать Тебе. Скажи Анастасии, что ко мне с рапортом пришел Карцов, и я вспомнил ее. Видел там полу Мордвинова и Иедигарова, они провожали везде, куда мы ехали. После парада все солдаты и офицера со всех сторон нас окружили и поехали за нами. Очень было интересно. Веселкин нас пригласил на свой корабль и заставил нас есть. Было очень вкусно и аппетитно. У них был баран. Пора кончать. Целую Тебя крепко. Да хранит Тебя Господь. Любящий Вас А Леля.

Ставка. 13 ноября 1915 г.

Письмо Цесаревича Государыне Императрице Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 76.

Во Вторник утром проходил смотр знаменитой кавалерийской дивизии с Кавказа, которая очень интересовала Алексея Николаевича. Зрелище 4-х полков, которые то поднимались, то спускались галопом по склонам холмов и сопровождали Его Величество почти до вокзала, было на самом деле необыкновенным и незабываемым.

Пятница. 13 ноября 1915 г.

Письмо П. Жильяра Императрице Александре Фёдоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 144. Перевод с французского.

Сегодня утром Он сопровождал Его Величество в Церковь в 10 часов с четвертью. Эти последние 2 дня Он пребывает в хорошем самочувствии. Аппетит отличный, и Он всеми силами старается скорее стать похожим на своего друга, бельгийского генерала.

Ставка. 15 ноября 1915.

Письмо П. Жильяра Императрице Александре Фёдоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 144. Перевод с французского.

Дорогой мой Алексей. Поздравляю тебя с Георгиевским Праздником! Надеюсь, что руки меньше болят и что можешь их сгибать. Как в поезде спал? Очень грустно без вас. Мы прямо поехали в собор и крепко за вас помолились. – Очень рано легла спать. Сегодня утром писала много писем. Поеду

немного с Ольгой в Лазарет – больше 2 недель там не была и надо посмотреть, на что они все похожи и как себя чувствуют. Анастасия играла с Джоом – потом сидел грустный у ворот. Пора мне кончать. Храни тебя Господь†. Нежно целую. Любящая тебя твоя Мама. †

Царское Село. 25 ноября 1915 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Феодоровны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

Дорогая моя Мама. Вчера мы приехали в 4.20 вечера. Благодарю тебя за письмо. Сегодня в 10 часов был парад. Я и Папа обошли офицеров, которые стояли в шеренге, потом обошли солдат, и потом был молебен под дождем. Потом они прошли мимо нас. Была грязь. После парада солдаты пошли завтракать. Я и Папа пошли смотреть, как солдаты [ели]. Папа сказал им речь, и мы ушли под криками «ура». Папа завтракал с офицерами. Солдаты прислали мне ихнюю порцию.[...] Очень Вас давлую. Да хранит Вас Бог. Любящий Вас Атаман. †

Ставка. 26 ноября 1915 г.

Письмо Цесаревича Государыне Императрице Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 76.

За завтраком Алексей Николаевич снова встретил двух своих друзей, японского и бельгийского генералов, которые

устроили Ему овацию. Было очень забавно видеть фигуру Алексея Николаевича и выражение Его лица, одновременно восхищенное и смущенное. [...] Алексей Николаевич сидел на канаве, окруженный 2-мя своими друзьями и почти всеми иностранными офицерами, пока ели закуски в большом зале.

Ставка. 27 ноября 1915.

Письмо П. Жильяра Императрице Александре Федоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 144. Перевод с французского.

Дорогой Петр Василиевич. Получил Ваше письмо и очень рад. Все эти дни я учился с Жиликом. Я начал читать Вашу книгу «Все в войне», она очень интересная. 7 солдат не успели приехать в Георгиевский Праздник и поэтому они будут сегодня в 6 часов вечера. Кланяйтесь всем. Да хранит Вас Бог†! Любящий Вас Атаман†. Между них будет Кузьма Крючков.

Ставка. 27 ноября 1915.

Письмо Цесаревича Петрову П. В. // ГАРФ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 66.

Дорогая моя Мама. Эти дни ты себя плохо чувствовала, я очень жалел тебя. Сегодня праздник Нижегородцев и (оба), Наврузов и Чавчавадзе, завтракали с нами. Наврузов просил передать Вам, что он хочет приехать к Вам и очень кланяет-

ся.

Утром учился, потом завтракал со всеми, потом отдыхал и гулял в саду. Папа читает. Николай Павлович сегодня уехал и просил вас очень очень кланяться. Очень жалко, что вас тут нет. Только что получил твое письмо и от П. В. П. Поцелуй Джоя. Крепко вас целую. Да хранит вас Господь Бог†! Любящий вас Алексей. Кланяйся В. Николаевичу. †

Ставка. 27 ноября 1915.

**Письмо Цесаревича Государыне Императрице
Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1, Ед. хр.
76.**

Дорогой ты мой Алексей. Была только что у обедни в Пещерном храме, маленький митрополит чудно служит – так мы горячо за вас, дорогих, молились. 10 гр. мороза, снег идет и наконец солнце вышло – удивительно красиво. Вчера, после чая, я с Ольгой $\frac{1}{2}$ часа катались на санях, было тепло тогда.

Джой лежит у наших ног, и смотрит грустно – искал тебя всюду. Как руки, можешь скоро писать? Жду сегодня 1-е письмо от Жилика – ужас как хочется знать как ты себя чувствуешь. Вот Павлоградцы и Нижегородцы тебя поздравляют. Прощай, мой Ангел. Храни Тебя Господь†, крепко целую, любящая тебя, твоя Мама. †

Царское Село. 27 ноября 1915 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Фе-

Дорогая Мама. Я утром встал в половине 10, потом учился и завтракал со всеми. После завтрака я отдыхал и потом гулял. А теперь пишу Тебе. Папа читает доклады, М. Жилик пишет тебе. Скоро Папа чай пить будет. Не знаю, что писать. Скучаю без вас. Вчера я и Папа принимали 9 солдат, которые опоздали на Георгиевский Праздник и первый из них был Кузьма Крючков. Было очень интересно. Кланяйся всем. Целую Вас. Получил Ваши письма. Да хранит Вас Господь Бог †! Любящий Вас Алексей. Атаман, Шот, Джой и свинья Ваш Бойка.

Ставка. 28 ноября 1915 г.

Письмо Цесаревича Государыне Императрице Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640; Оп. 1. Ед. хр. 76.

Милая моя Мама. Я утром пил чай, и Папа и я поехали в Церковь. Потом завтракали, и я отдыхал и потом гулял с Папа. Я с Деревенькой стояли на посту и потом маршировали в воде. Только что приехал с гуляния. Папа читает. Вчера приехал Силаев, привез Ваши поклоны. И я вас целую. Скоро Папа пойдет чай пить. Не знаю, что сказать. Папа 2 раза упал. Тает все время. Дядя Георгий уезжает к Вам и потом он с Японцем в Японию. Завтра будет Кинематограф. Целую вас. Да хранит Вас Господь Бог †! Любящий Вас Алексей.

Ставка, 29 ноября 1915 г.

**Письмо Цесаревича Государыне Императрице
Александре Феодоровне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр.
76.**

Милый мой Алексей, снег идет все время, но сестры катаются. Сегодня утром Аня и я приобщались Святых Христовых Тайн. Было так тихо и хорошо на душе – сильно за Папа и тебя молилась. Дай вам Бог счастливый путь. Не могу писать эти дни, очень занята. Крепко тебя целую, дорогой ты Мой душка и нежно благословляю. Собственная твоя, любящая тебя Мама †.

Царское Село. 3-го Дек. 1915 г.

Письмо Государыни Императрицы Александры Феодоровны Цесаревичу. // ГАРФ Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 53.

Около 10 декабря мы узнали, что Государь намерен посетить гвардейские полки, которые были тогда сосредоточены на границе Галиции. Утром в день нашего отъезда, в четверг 16 декабря, у Алексея Николаевича, простудившегося накануне и схватившего страшный насморк, после сильного чихания открылось кровотечение носом. Я послал за профессором Федоровым, но ему не удалось вполне остановить кровотечение. Мы пустились в путь, несмотря на это происшествие, потому что все было приготовлено для прибытия Государя. Ночью болезнь ухудшилась; температура поднялась,

и больной слабел. В три часа утра профессор Федоров, испуганный ложившейся на него ответственностью, решился послать разбудить Государя и просить вернуться в Могилев, где он мог бы в лучших условиях ухаживать за ребенком.

На следующий день мы возвратились в Ставку, но состояние Цесаревича стало так тревожно, что решено было отвезти его обратно в Царское Село. Государь все же отправился в штаб, где провел два часа с генералом Алексеевым, потом он вернулся к нам, и мы немедленно тронулись в путь. Возвращение в Царское Село было особенно тревожно, потому что силы больного быстро падали. Приходилось несколько раз останавливать поезд, чтобы сменять тампоны. В течение ночи с Алексеем Николаевичем, которого в постели поддерживал матрос Нагорный, так как его нельзя было оставлять в совершенно лежачем положении — дважды делались обмороки, и я думал, что это конец. К утру, однако, наступило легкое улучшение и кровотечение уменьшилось. Мы прибыли наконец в Царское Село; было одиннадцать часов утра. Государыня в смертельной тревоге ожидала нас с Великими Княжнами на платформе вокзала. С бесконечными предосторожностями больного доставили во дворец. Наконец, удалось прижечь ранку, образовавшуюся на месте маленького лопнувшего кровеносного сосуда.

Государыня приписала однако молитвам Распутина улучшение, наступившее утром в состоянии здоровья Цесаревича; она осталась при убеждении, что ребенок был спасен бла-

годаря его помощи.

П. Жильяр. Император Николай II и Его семья. Вена, 1921.

Дорогой Папа. Теперь мне лучше, и я себя хорошо чувствую. Сегодня утром встал поздно. У меня диета! Вчера вечером приехала Тетя Элла. За их обедом я начал вязать шарф из разноцветной шерсти. Сегодня утром был д-р Поляков и ковырял в ушах и в носу, но не у себя, а у меня! Утром температура 36,1, а на улице – 26° мороза. Кланяйся Голому и Мордвинову, а также другим. Мне очень жалко, что я не с Тобой!!! Да хранит Тебя Бог!!! Целую, любящий Тебя Алексей.

Царское-Село. 16 декабря 1915 г.

Письмо Цесаревича Государю Императору Николаю Александровичу. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Наследнику Цесаревичу. Благодарю тебя за три письма. Сегодня видел твоих киевских grenадер, близ позиции. Было мокро и грязно. Скучаю без тебя и обнимаю. Папа.

Получено: в Царском Селе. 21 декабря 1915.

Телеграмма Государя Императора Николая Александровича Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 50.

Глава 3

Война (продолжение)

[1916 г.]1/14 января. Пятница. Обрезание Господне. Встал сегодня поздно. Пил чай в 10 часов, потом пошел к Мама. Мама плохо себя чувствует, и поэтому она лежала весь день. Сидел дома, т. к. у меня насморк. Завтракал с Ольгой, Татианой, Марией и Анастасией. Днем был у Коли и там играл. Было очень весело. Обедал в 6 ч., потом играл. 8 ч. был у Мама за их обедом. В 10 ч. был в постели... Принимал кап[итана] Кикера, моего 1-го сибирского стр[елкового] п[олка].

Дневник Цесаревича. 1916 г. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1 (дополнительная). Ед. хр. 189.

2/15 января. Суббота. Память Св. Сильвестра. Встал поздно. Не гулял. Читал по-английски. Завтракал с О. Т. М. А. Мама лежит в постели. Днем не гулял. Играл с Алексеем и с Сергеем. Обедал в 6 часов. В 8 ч. был за обедом у Мама. Лег поздно.

Там же.

Уже 2 дня, что пишу мой дневник. Это очень интересно. Скучно без Тебя.

Царское Село. 3 января 1916 г.

**Письмо Цесаревича Государю. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1.
Ед. хр. 1153.**

Сегодня у меня начались уроки. У меня маленькая анги-
на. Гулять не пойду. На улице 2° выше нуля. Благодарю Го-
лого за письмо. Вместо прогулки буду играть с Mr. Гиббсом.
Побаливает голова, и чувствую себя развинченным.

Царское Село. 7 января 1916 г.

Там же.

*5/18 января. Память муч. Феопемпта. Крещенский со-
чельник.* Встал в 10 ч. Был в Феодоровском соборе, на во-
досвятии. Завтракал с О. Т. М., Анастасия больна. Мама ле-
жала в постели. Получил открытку от Папа. Гулял у Белой
башни. Перед обедом читал по-английски. Потом был у Ма-
ма. Обедал в 6 ч. 8 ч. был за обедом у Мама. Лег без четверти
10. Был у всенощной.

**Дневник Цесаревича. 1916 г. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1
(дополнительная). Ед. хр. 189.**

6/19 января. Среда. Богоявление Господне... Встал поздно.
В 11 ч. утра был в Дворцовом лазарете. Завтракал с О. Т. М.
Мама и Анастасия лежали целый день. У Анастасии брон-
хит. Днем гулял и после был у Коли. Обедал в 6 ч. Сидел у
Мама после ихнего обеда. Лег в 10.

Там же.

31 января/13 февраля. Воскресение. Свв. Кира и Иоанна.
Встал рано. Был у обедни. Завтракал с Мама, О. Т. М. и А. Днем катался на санях. Был у Ани в лазарете, там был концерт. Было очень интересно. В 6 ч. обедал, потом катался. В 8 ч. был за обедом у Мама. Лег рано...

Там же.

2/15 февраля. Вторник. Сретение Господне. Встал рано. Гулял, – был после у обедни. Завтракали мы 5. Мама лежит с флюсом – толстой щекой. Днем катался и гулял. После обеда тоже. Был во время обеда у Мама. Она лежит на кушетке. Аня получила подарки, лег рано. Ленюсь сам писать.

Там же.

9/22 февраля. Вторник. Муч. Никифора. Встал рано. Учился и гулял. Завтракали с Папа, Мама и сестрами. Днем гулял с Колей. Папа был в городе. Был внизу за чаем и обедом. От 7 до 8 был в женской гимназии в представлении девочек. Было 260 ряженных. Лег поздно (врет). Папа вечером поехал снова в город в Государственный Совет, а утром в Думу.

Там же.

Милый Папа. Мне будет скучно без тебя, но надеюсь, что Ты скоро вернешься. Нагорный будет работать как всегда.

Буду хороший без Тебя, и буду учиться хорошо. Желаю Тебе спать крепко и видеть хорошие сны(напр. меня)! Да хранит Тебя Бог! Твой покорный сын.

Царское Село. 10 февраля 1916 г.

Письмо Цесаревича Государю. // ГАРФ. Ф. 601 Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Сел писать и чувствую, что «вокруг носа вьется, а в руки не дается». Это со мною бывает часто. Продолжаю кататься с горы и на санках. Нагорный работает на башне. Я очень доволен, что Ты скоро приедешь.

Царское Село. 10 февраля 1916 г.

Там же.

Вчера на снежной башне работали Федотов и 5 матросов, которые были свободны. Сегодня же работало 9 человек! К Твоему приезду Тебе будет большой сюрприз. Трап уже готов. У меня маленький кашелек. Учусь я как всегда. С Жиликом мы льем оловянные кружки. Любящий Тебя Алексей.

Царское Село. 12 февраля 1916 г.

Там же.

В воскресенье я был у Ани на концерте. Больше всего мне понравился рассказ про директора гимназии, который сердился на одного мальчика за икоту. Вчера я был в большом дворце. Там представляли «кривое зеркало». Было очень ин-

тересно. Сегодня П. В. П. будет мне читать про Пушкина с волшебным фонарем... Любящий Тебя Твой Клоп.

Царское Село. 16 февраля 1916 г.

Там же.

17 февраля/1 марта. Среда. Влкмч. Феодора Тирона. [...]

Был у Мама за чаем, принимал с ней монашенку.

Дневник Цесаревича. 1916 г. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1 (дополнительная). Ед. хр. 189.

Меня ранили и взяли в плен под Ловичом, но я помню свою присягу и стараюсь убижать, бижал в июли месяце 15 суток, но меня поймали, наказали, но я как есть русский солдат, помню свою присягу. Не падая духом, тронулся в путь второй раз. 1-го января 1916-ю бижал 20 суток и прошел. Жилаю отомстить немцу. Сичас нахожусь во Франции у военного агента. Почему не отправляют в Россию, я не знаю. Желаю Вам, Ваше Высочество, многая лета.

Я М[ладший] У[нтер-] О[фицер] Иван Семенович Шклов. 12-го С[трелкового]С. Их Императорских Высочеств полка.

Russie. Дворец Их Величеств. Получить Их Высочеству Алексею Николаевичу. Петроград.

[Даты установлены по почтовому штемпелю: 28–2.16; 62–3.16.]

Письмо солдата, бежавшего из плена, Цесаревичу

чу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 115.

Вчера работало с Федотовым 11 человек! Над трапом сделан уже свод. На работе был П[етр] Васильевич] П[етров] и ковырял самой маленькой лопаткой.

Играли мы с Колею вдвоем. Я уже выучил стихотворение «Ночной смотр», Жуковского...

Царское Село. 5 марта 1916 г.

Письмо Цесаревича Государю. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу. 7 марта третий эскадрон Тверского имени Вашего Императорского Высочества полка врезался в ряды курдской конницы, превышавшей численностью больше чем в три раза, рассеял, многих изрубил, и тем выручил свою пехоту из опасного положения. Счастлив порадовать этим обожаемого шефа.

Полковник фон Хартен. 15 Марта 1916 г.

Телеграмма из подшефного полка. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 117.

27 марта /9 апреля. Воскресение. Мучц. Матроны, преп. Иоанна. Встал рано. Был у обедни и гулял. Завтракал с Мама О. Т. М. и А. Днем гулял и катался. Потом был с Мама и сестрами в лазарете у Ани. Там были: фокусник и акробаты.

Был у Мама за обедом. Обедал в 6 ч. Лег рано.

Дневник Цесаревича. 1916 г. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1 (дополнительная). Ед. хр. 189.

2/15 апреля. Суббота. Преп. Тита. Лазарево Воскресение... Встал в ½ 9. Учился и гулял. Завтракал с Мама, О. Т. М. и А. Днем гулял и катался. Был у Мама за обедом. Обедал в 6 ч. Лег рано. Был у Всеночной.

Там же.

3/16 апреля. Воскресение. Преп. Никиты. Вход Господень в Иерусалим. Гулял, был у обедни. Старая тетя Ольга и Христофор с нами завтракали. Днем гулял и катался. Был у Мама за чаем, Дмитрий тоже. Обедал в 6 ч. Катался. Сидел у Мама за обедом. Лег как всегда.

Там же.

4/17 апреля. Понедельник. Преп. Иосифа, Григория и Зосимы... Встал рано. Учился и гулял. Завтракал с Мама О. Т. М. и А. Днем гулял и был у обедни. Был у Мама за обедом. Обедал в 6 ч. Лег рано.

Там же.

...Башня быстро тает, и лед расплзается. Я продолжаю учиться и буду заниматься до среды. В среду буду исповедываться. Прости меня. Жаль, что не будем приобщаться вме-

сте. Любящий тебя твой сын Алексей.†

Царское Село. 4 апреля 1916 г.

Письмо Цесаревича Государю. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

*5/18 Вторник. Муч. Агафопода и Феодула. ...*Встал в 8. Учился и гулял и был за Обедней. Завтракал с О., Мама М. Т. и А. и Д. Петя. Днем гулял и колол лед. Был у Всеночной. Обедал в 6 ч. Был у мама за обедом. Лег рано.†

Дневник Цесаревича. 1916 г. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1 (дополнительная). Ед. хр. 189.

*9/22 апреля. Страстная Суббота. ...*Был у заутрени. Завтракал со своими. Тоже был у Мама за обедом.

Там же.

Христос Воскресе! 10/23 апреля. Воскресение. Пасха. Светлое Христово Воскресение...Встал ½ 11. Христосовался со своими, Мама давала яйца всем. Завтракал с О. Т. М. и А. Вечером катался и был у Коли. Лег рано.

Там же.

Христос Воскресе!

Дорогой мой, милый Папа. Поздравляю тебя с Светлым Праздником и крепко тебя целую. Поклонись всем. Да хранит тебя Бог! Твой Алексей.

8 апреля 1916 г.

Письмо Цесаревича Государю. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1153.

11/24 апреля. Понедельник. Свящ. муч. Антипы. Светлая неделя... Встал в 10 ½ ч. Гулял. Завтракал в 12 ч. со всеми. В 2 ч. был на христосовании в Больш[ом] Дворце. Христосовался с офицерами моих частей, атаманцами и староверами. Потом пошли вниз в лазарет. Мама раздавала яйца. После у Коли. К 5 ч. Был собственный синема. Катался, был у Коли.

Дневник Цесаревича. 1916 г. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1 (дополнительная). Ед. хр. 189.

15/28 апреля. Пятница. Св. ап. Аристарха... Встал рано. Учился и гулял. Завтракал с Папа, Мама, О. Т. М. А. и Виликицкий. Днем гулял и катался. Был Папа, Мама и сестры у Т. Мавры. Катался. Был у Мама за обедом. Лег рано.

Там же.

16/29 апреля. Суббота. Муч. Леонида и Хионии... Учился и гулял. Завтракал с Папа, Мама, О. Т. М. А. Дядя Георгий, Граф Фредерикс и Дмитрий Шереметьев. Днем гулял и катался на шлюпках. Обедал в 6 ч. Был у Мама за обедом. Лег рано.

Там же.

17/30 апреля. Воскресение. Святи. муч. Симеона, епископа.
Встал рано. Гулял. Завтракал с Папа, Мама, О. Т. М. А. Димитрий и Силаев. Днем гулял и катался на шлюпке. Был у Мама за обедом. Лег рано. Аля и Ник[олай] Павл[ович] обедали внизу. Днем был ½ ч. с Мама у Ани в Лазарете – слушали гусяра.

Там же.

18 апреля /1 мая. Понедельник. Преподобного Иоанна, муч. Виктора. . . Встал как всегда. Учился и гулял. Завтракал со своими и с Тетей Эллой. Днем гулял и катался на шлюпке. Папа и все пили чай у Мама на балконе. Все как всегда.

Там же.

От солдата 7-й роты 484-го пех. Бирского полка приношу Вашему Императорскому Высочеству, великую благодарность за Вашу отеческую к нам заботу. Ваш подарок глубоко тронул наши сердца. С любовью к Вашему Императорскому Высочеству и Царю Батюшке будем стремиться к скорейшей победе над ненавистным врагом. Желаем Вашему Императорскому Высочеству доброго здоровья и долгой жизни. Фельдфебель 7-й роты *Владислав Езерский*.

13/IV 16 года.

Письмо из действующей армии Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 115.

19 апреля / 2 мая. Вторник. Преп. Иоанна Ветхонещерника... Встал рано. Поехали в Петроград в 9 1/2, там был смотр Запасных Гвардейских баталионов, 31 700 чел. Учился. Завтрак со всеми у Мама и Т. Елла. Катался, гулял, учился. Обедал в 6 ч. Сидел у Мама за обедом. Дмитрий был. Т. Элла уехала.

Дневник Цесаревича. 1916 г. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1 (дополнительная). Ед. хр. 189.

20 апреля / 3 мая. Среда. Преп. Феодора и Анастасии.... Встал рано – учился. В 11 ч. смотр Гвар[дейских] зап[асных] стрелк[овых] бат[алионов]. 2000 чел. Учился. Завтракал как всегда и Игорь еще катался. В 4 1/5 ч. поехал с Папа, Мама и сестр[ами] в лазарет к Ане, слышать гусяра. Игорь у них обедал.

Там же.

21 апреля / 4 мая. Четверг. Свящ. муч. Ианнуария.... Встал как всегда, уроки и гулял. Завтрак со всеми, Мила, Zizi, Иза, Гр. Бенкендорф, Петр[ов?], Евреинов, серб[ский] посол, [Полинич] и еще два серба. Гулял – катался на шлюпках как всегда. Уроки. У Папа и Мама обедали Аня и Ник[олай] Павл[ович]. Лег как всегда.

Там же.

23 апреля / 6 мая. Суббота. Великомуч. Георгия Победо-

носца и Мучи. Царицы Александры. ...Тезоименитство Мама. Катался. Был у обедни. Большой сем[ьей] завтрак, 28 человек. Днем гулял и катался. Обед и чай на балконе. Лег рано.

Там же.

24 апреля / 7 мая. Воскресение. Муч. Саввы Стратилата. Утром встал в ½ 9. Катался. Завтрак со своими и Сандро. Днем катался. Провожали Папа, осматривали мой санитарный поезд югозапад[ной] ЖД. Обедал [и?] на улице.

Там же.

1/14 мая. Воскресение. Пророка Иеремии. ...Гулял. Завтракал с Мама и сестрами. Дядя Павел пил чай у Мама. Вечером заехали к Ане в дом, видели Гр[игория] Ефимовича, оттуда в Мама лазарет.

Там же.

3/16 мая. Вторник. Преп. Феодосия Печерского.... Катался. Были у Знамения и в М[ама] Лазарете, чтобы прощаться и оттуда на станцию в 11 ч. Завтракал со всеми, выходил на остановках на 8 м. М[есье] Ж(ильяр) читал – играл на бала-лайке.

Там же.

9/22 мая. Понедельник. День перенесения мощей Св. и Чу-

дотв. Николая. ... Приехали в Бендеры в 10 часов утра, был с Папа, Мама, О. Т. М. и А. на смотре. Потом в лазарет. Завтракал в поезде с Мама. Приехали в Одессу в 5 ч. 45 м. Поехали в собор, был молебен. Потом в склад. Обедал с мама.

Там же.

10/23 мая. Вторник. Ап. Симона Зилота. ... 10 ч. ¼ поехали на смотр. Мы видели русских солдат и 3 полка сербских. Когда приехали с парада, я и Папа смотрели маленький музей. Завтракал с мамой. 2 ч. 45 м. поехали смотреть завод для изготовления иода. Потом поехали смотреть лечебницу грязевых ванн, в 2 местах на берегу горного моря. Обедал с мама в поезде.

Там же.

15/28 мая. Воскресение. Преп. Пахомия Великого. Св. царевича Димитрия.... Играл на пристани. Потом поехали во Владимирский собор со своими. Потом спустились в нижний храм.

Там же.

Большим событием в нашей жизни был приезд Царской Семьи в Севастополь. Государь посетил корабль, которым командовал мой отец.... В Воскресенье вся Царская Семья должна была присутствовать на Литургии во Владимирском Соборе.[...]

«Мама, мамочка, ты меня возьмешь в церковь? Пожалуйста, возьми меня. Я целую неделю не буду шалить, только возьми!»

Для некоторых это волнение ребенка может показаться непонятным. И все же это так просто: для детей, выросших в семье, где сохранялись вековые русские традиции – увидеть вблизи лица, которые они до сих пор знали и любили только по портретам – было действительно большим событием.

В Воскресенье я, в первый раз в жизни, не роптала на нарядное кружевное платье и на огромный бант в волосах. Все должно было быть радостным и красивым в этот праздничный день.

Лидия Николавна Сакс с Колей зашли за нами и мы вместе пошли в церковь. Коля тоже был нарядный, праздничный. Но непослушные волоски торчали, как всегда на макушке.

Нас, детей, поставили около самого красного шнурка, за которым должна была стоять Царская Семья. Никогда еще служба не казалась нам такой длинной.

Долго ли еще надо ждать? И приедут ли они? И вот по церкви пронесся словно шелест: приехали, приехали! Первыми вошли Государь и Государыня. За ними шли четыре Великих Княжны в одинаковых белых летних платьях и Наследник в белой матроске, в длинных черных брюках.

Наследник стал около нас. Если бы мы посмели протянуть руку, мы могли бы прикоснуться к его руке: нас от него отделял только красный шнурок. Мы не отрывали от него глаз

и наши взгляды встретились. Он улыбнулся Коле и мне и задержался на нас взглядом: его заинтересовали мои поцарапанные колени, смазанные иодом. Он показал пальцем на свои, кивнул мне и еще раз улыбнулся очаровательной шаловливой улыбкой – Что, мол, свалилась и колени разбила?

С этого момента церковная служба перестала казаться нам длинной. Нам хотелось стоять так, рядом с Наследником, стоять как можно дольше. И так похоже было на пробуждение от сна окончание Литургии.

После взрослые, конечно, много говорили о Царской Семье, о приветливости Государя, о красоте Великих Княжон. Мы с Колей думали и говорили больше всего о Наследнике, много раз вспоминая те же факты, те же жесты и самое главное сокровище – его улыбку.

– А помнишь, Коля, как он посмотрел на мои колени и улыбнулся?

– Он мне тоже улыбнулся. Мне тоже. Как я хотел бы с ним познакомиться! Больше всего на свете хотел бы. Я бы с ним играл, нам было бы хорошо вместе. Ведь он такой же мальчик, как и я.

И мы с Колей много раз мечтали о том, как мы, ещё раз, встретимся с Наследником, уже по-другому – без красного шнурка...

Наступила революция. Мы, дети, конечно ничего не понимали, но страдали, как страдают маленькие любящие собачки, когда у хозяев в доме неладно.[...]А потом стало совсем

страшно. По ночам слышались сухие винтовочные выстрелы, иногда чьи-то крики. Матросы с перевернутыми ленточками (а, может быть, это были и не матросы) ходили по квартирам, делая обыски. [...]

В столовой у нас день и ночь горела лампадка перед иконой. А мы, дети, совсем присмирели. Коля каждый день ходил в церковь и ставил две свечи: одну за здоровье, другую за упокой.[...]

И наступила страшная ночь. Кто из севастопольцев не помнит этой февральской ночи? У нас, на Соборной улице, не оставили в покое ни одного дома. Крики, выстрелы, громкие длинные звонки, сопровождаемые ударами прикладов в дверь. Опять крики, опять выстрелы. [...]

Адмирала Сакс нашли убитым в его квартире, у самого порога. Рядом с ним лежала, мертвая, его жена. А за ними – четыре тела: старый лакей, горбатенькая няня и дети. У Коли вся голова была раздроблена, старенькая няня, убитая пулей в висок, лежала перед Колей, широко раскинув руки: вероятно, она пыталась защитить его своим телом...

В эти дни что-то как будто оборвалось, упало в темную, непонятную мне пропасть. В нее нужно было заглянуть: отойти от края этой пропасти я не могла и ничто не могло отвлечь меня от того, чем веяла ее страшная глубина. Вместе с безвинно убитыми тогда людьми было убито мое детство.

Но ведь мое детство, мой детский мир были такими же, как и у многих других детей. И не все ли равно, когда и где

это было: в Севастополе, Петербурге или – в Екатеринбурге.

И старенькая горбатая няня, которая так любила своего Колечку, которая поставила невольно, без расчетов и размышлений, эту любовь выше смерти, – она ушла из земного бытия в бессмертный мир так, как ушел в тот же мир матрос Климентий Нагорный.

И этот простой матрос был до последней минуты своей жизни верным в своей любви к Царской Семье. Ничто его не поколебало: и в Екатеринбурге он был все таким же, все так же презрительно, резко отвечал красноармейцам и советским комиссарам, и не раз его простые слова заставляли замолкать советчиков. Они чувствовали, что этот матрос как-то выше, чем-то сильнее их, и они боялись и ненавидели его.

Не случайно он был расстрелян одним из первых.[...]

В нашей короткой жизни, здесь на земле, мы многого не знаем. Я всегда верила больше чувству, чем запутанному человеческому разуму. И верю в то, что суд будет после: Суд – не основанный на человеческом разуме, так часто и, может быть, неизбежно в поисках правды уходящем от нее.

Тем, кто верит и знает верой своей, что это после – реальность, говорить об этом излишне. Но так хотелось бы, чтобы реальность этой правды поняли и те, которые ее знают. Реальность бессмертия и встречи там, где несть ни печали, ни воздыхания, где встретились в неслетной радости ушедшие из земной жизни два мальчика: Алексей и Николай.

Старк М. Вечная память. Документальный очерк. //

Получила известие, что Ее Величество уехала в Ставку, откуда вся Царская Семья должна была приехать на смотры в Одессу и Севастополь. Государыня телеграммой меня звала к себе. В Севастополе дежурный солдат из-за военного времени не хотел меня пропустить. К счастью, я захватила телеграмму Государыни, которую и показала ему. Тогда меня пропустили к царскому поезду, где жили Их Величества. Завтракала с Государыней. Государь с детьми вернулся около 6 час. с морского смотра. Ночевала я у друзей и на другой день вернулась в Евпаторию. Их Величества обещались скоро приехать туда же. 16 мая они прибыли на день в Евпаторию. Я много путешествовала с Их Величествами, но думаю, что встреча в Евпатории была одна из самых красивых. Толпа инородцев, татар, караимов, в национальных костюмах; вся площадь перед собором – один сплошной ковер розанов. И всё залито южным солнцем. Утро Их Величества посвятили разъездам по церквям, санаториям и лазаретам, днем же приехали ко мне и оставались до вечера, гуляя на берегу моря. Сидели на песке и пили чай на балконе. К этому чаю местные караимы и татары прислали всевозможные сласти и фрукты... Наследник выстроил крепость на берегу, которую местные гимназисты обнесли после забором и обегали, как святыню.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы моей жизни //

Дорогой ты мой Душка! Ой как грустно без вас! Как скучно было завтракать без тебя, а ты, маленький, ты правда хорошо кушал и достаточно? Вспоминай всегда, что Мама хочет, чтобы ты побольше ел – надо быть крепким, здоровым. Весело, уютно с Папа спать? Я вам завидую. Ужасно мне тяжело без вас, моих дорогих. Тетя Элла была очень мила – чай мы все пили вместе, а я с ней обедала. Вышивала все время, покончила в 3 ч. работу. Только 4 градуса и сестрам очень холодно! – Ты играешь ещё в Nain Jaime с Игорем? Ты собирай ландыши в саду и поставь их Папа на стол. Напиши мне, моя радость. Теперь пора вставать, лежала до 2 часов. Крепко, крепко тебя целую, мой Ангел, перекрещу †. Самая собственная, нежно тебя любящая, твоя Мама. † Привет Жилику.

18-го Мая 1916 г.

**Письмо Государыни Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682.
Оп. 1. Ед. хр. 54.**

Дорогая Мама. [...] Я вечером молился за Вас (много) †. Без Вас пусто. Сегодня привезли четыре знамени (турецкие). Да хранит Вас Бог. Ваш Алексей †

Ставка. 18 май. 1916.

**Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640.
Оп. 1. Ед. хр. 78.**

Душка мой Алексей, нежно тебя благодарю за дорогое письмо. Ужасно без тебя скучаю, но рада за Папа и тебя, все-таки уютно вместе. Видела всех в лазарете. Иедигаров будет с нами обедать. Папа тебе расскажет все, что мы делаем, у меня мало времени писать. Влад. Ник. был у меня, очень счастлив твоим письмом из Севастополя. Здесь холодно, ночью мороз. Благодарю Жилика за письма. Крепко тебя целую, как люблю. Твоя Мама.

Храни тебя Христос.

Ц. Село. 19 мая 1916 г. Вознесение.

Письмо Государыни Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 54.

Я тебе пишу так поздно потому, что у меня была головомойка и мне сушат волосы и плетут косы. Я сегодня ездила на велосипеде и снимала башню, она вдвое выше меня и очень грязная, а вокруг нее черные полосы и травы нету... Я качалась на гамаке и чуть не перекувырнулась через голову. Тут много цветов, и я собирала их, но конечно не все. Иванов болен, и поэтому я была сегодня 2 часа свободна, это было конечно очень приятно. «Ортипо» тоже сейчас купалась, и она сидит завернутая в одеяло и просила тебе кланяться...

20 мая 1916. 10 ч. вечера.

Письмо Великой Княжны Анастасии Николаевны. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 62.

Дорогой мой Алексей, крепко тебя целую и благодарю за милое письмо, которое написала, когда вернулась из нашего лазарета. Вчера Иедигаров у нас обедал и рассказывал много интересного; спросил про тебя. Сегодня опять уехал, ужасно жалко. Равтополо и Шах Багов были утром в лазарете – веселые такие. Я снимала всех на балконе. Сегодня теплее, хотя еще свежо. Трина с нами завтракала, а теперь катается с сестрами. У меня будут доклады, что менее весело. Ставила свечки за вас, моих дорогих – скучаю очень – непогода наверху теперь. Передай Жилику поклон от меня и сердечное спасибо за письмо. Что твой друг бельгиец делает, наверно обрадовался твоим приездом. Прощай, душка! Храни тебя Господь Бог†. Нежно целую. Твоя собственная Мама.†

Царское Село. 20-го мая 1916 г.

**Письмо Государыни Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682.
Оп. 1. Ед. хр. 54.**

Милый мой Алексей, так рада от тебя письмо получить. Душка – спасибо большое. Были в лазарете – вчера на кладбище – теперь доклад. Сейчас дождь будет – теплее. Меме Zizi с нами завтракала. Очень тороплюсь и нежно целую. Храни тебя Христос. Старая твоя Мама†, которая очень без тебя скучает. Благодарю Жилика.

Ц.С. 21-го Мая 1916 г.

Там же.

Алексей мой Душка, спасибо нежное за дорогое письмо. Серый день – поедem в Большой Дворец на молебен (крестный ход), в Ф[еодоровский] Собор, и потом немного покатаемcя. Так как очень пусто и грустно без вас, моих дорогих, мы провели вечер в нашем лазарете и складывали puzzle. Благодари Жилика за письмо и Игоря за поклон. Прощай, мой родной, крепко тебя целую и благословляю.† Храни тебя Господь. Твоя собственная, нежно тебя любящая, Мама.†
Ц. С. 22 мая. 1916.

Там же.

Душка моя Мама. Счастье имею поздравить Вашу Материнскую Милость с рождением. Вчера я и Папа катались на моторном катере. Потом Папа, адмирал Нилов и матрос пошли на штандартской двойке, а Кира с С.Петровичем и Граббе, с В.Долгоруким, я с Жиликом, с Деревенькой, с Муrowицким, с Голым и с Игорем на катере. Игорь тебе целует руки и сестрам кланяется. Третьего дня Голый устроил гонки. Было очень интересно и смешно. Сегодня утром везли офицера с музыкой (мертвый). Поблагодари сестер за письмо. Жилик очень был доволен письмом Т. и карточкой А., ее карточка, я понял, и Жилик тоже, что это значит.(И.П.) Карточка имела большой успех. Да хранит Вас Бог на многие лета! Любящий тебя Алексей.

Ставка. 23 май. 1916.

**Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640.
Оп. 1. Ед. хр. 78.**

Дорогой ты мой Алексей, нежно целую и благодарю за милое твое письмо. Я лежу на кушетке на балконе, ужасно жарко – Ольга шьёт рубашку, маленькие в лазарете. Татьяна катается верхом. Голова у меня очень глупая, имела доклады почти 2 часа. Утром подавала инструменты во время операции – вырезали аппендицит у массажистки. Вчера провели вечер в лазарете. Анастасия играла с ранеными в маленький крокет на столе – Мария с другими складывала puzzlex – Ольга и Татьяна чистили инструменты после утренней операции, я вышивала, а потом играла в хальму с В и А. Вильчковской, бароном Таубе и Седовым. Видела на улице Голутвина без бороды. Ольга тебя целует и давит, и я тоже, мой Ангел родной! Дядя Павел будет у нас чай пить и вечером будем опять в лазарете – это веселее, когда вас нету. Ну прощай, моя радость. Храни тебя Христос†. Очень грустно провести без вас день рождения. Старая нежно тебя любящая твоя Мама†.

Поцелуй Игоря от меня. Сердечно благодарю Жилика за поздравления.

Царское Село. май. 24-й день.

**Письмо Государыни Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682.
Оп. 1. Ед. хр. 54.**

Душка моя Мама. Поздравляю тебя с прошедшим праздником. Вчера Папа и я поехали смотреть моторную артиллерию. Потом поехали на катере. Сегодня проводил Папа на доклад. Был в церкви. Потом пошел смотреть Жилика комнату. Потом зашел к Граббе и Штакельбергу. Хотел идти назад, вдруг Кондзеровский меня зовет смотреть канцелярию дежурного генерала. Жилик очень благодарит О. за письма. Он как только успеет, всем ответит. Да хранит Вас Бог. Крепко Вас обнимаю.

Алексей. Я получил перед завтраком ефрейтора. Голый, Граббе уезжают. За тебя граф Фредерикс сказал речь.

Ставка, 25 мая 1916.

Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 78.

Молочная моя Мама. Перед завтраком вчера Папа вдруг поздравил ефрейтором и надел мне 1 нашивку. Все начали поздравлять. Дядя Георгий приехал. Сегодня уезжает граф Фредерикс. Вчера я с Папа гулял, вдруг полил страшный дождь. Все были мокрые. Я очень доволен. Да хранит Вас Господь!† Ваш Алексей. Кланяйтесь Вашим.†

Ставка, 26 май. 1916 г.

Там же.

Здорово, ефрейтор Романов! Поздравляю с производством! Душка ты мой, ты важный такой теперь! Как уроки

идут, читаешь, пишешь иногда? Но Mr Gibbs будет грустен, если всё забудешь. Собирали ландыши и незабудки на детском острове и катались в Павловск. Была у Ани в лазарете – все очень чисто перекрашено, очень «аппетитно». Есть там новые раненые. Мои фотогр[афии] по пути очень удачно вышли, заказала ещё и pošлю вам потом. Крепко благодарю тебя за милую открытку – все раненые очень рады, что Папа тебе дал «ефрейтора». Ну прощай, мой Ангел, нежно тебя целую, благословляю†. Твоя собственная Мама. Поклон Жилику и Синему! Спасибо первому за письмо.

Царское Село. 27-го мая 1916 г.

Письмо Государыни Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 54.

Дорогой мой Алексей, спасибо нежное за открытку. Такая жара! Лежу на балконе и совершенно рамольна. Птицы весело поют. Поблагодари В.Н. за письмо. Вчера Н.П. пил у нас чай – приехал довольно для нас неожиданно на день в Петроград. Он очень загорел и похудел. В лазарете видели Петровского, который приехал на несколько дней в отпуск. Ждем сегодня двух раненых крымцев. Не могу больше писать, уж через чур жарко для меня. Крепко тебя целую, моя радость.

Храни тебя Христос. Горячо тебя любящая твоя Мама.† Татьяна очень довольна подарками и веселая. Кланяйся В. Н. и Жилику.

Царское Село. 29 мая 1916 г.

**Письмо Государыни Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682.
Оп. 1. Ед. хр. 54.**

Дорогая моя Мама. Дядя Георгий тебя целует. Вчера встречали Икону. Потом с Папа ко всеночной. Один священник весил 13 пудов, а дьякон 12 пудов. Все они весили 25 пудов. Вчера я со всеми лазил по живот в Днепр. Был весь мокрый. Жилик, С. Петрович поздравляют Татьяну. Нагорному привет. В воде 18 градусов. Сегодня С. Петрович уедет. Целую всех. Был очень долго в церкви. Да хранит Вас Бог †! Ваш Алексей.

Ставка, 29 Мая 1916 г.

**Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640.
Оп. 1. Ед. хр. 78.**

Владимирская Икона Божией Матери была привезена в Ставку в субботу перед праздником Св. Троицы, 28-го Мая 1916 года, по желанию Императрицы Александры Феодоровны и Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Её сопровождали протопресвитер Московского Успенского Собора Н. А. Любимов, протоиерей Н. Пшенишников и протоиерей К. В. Розов. В Могилеве на вокзале она была встречена архиепископом Константином и крестным ходом, при участии викарного епископа Варлаама, меня и всего городского духовенства, была перенесена в штабную церковь. Око-

ло дворца был отслужен молебен, в присутствии вышедшего на встречу Св. Иконе Государя с Наследником и чинов его штаба, которые затем провожали Икону до храма. На другой день я совершил торжественную Литургию в сослужении протопр. Любимова и протодиакона Розова. В Духов день совершил Литургию протопр. Любимов с протодиаконом Розовым. Торжество встречи великой святыни на многих произвело большое впечатление. Милого же мальчика – Наследника больше всего заинтересовали прибывшие с Иконой протопресвитер Любимов и протодиакон Розов. И при встрече Иконы и при богослужениях в следующие дни он буквально не сводил глаз с этих великанов, поразивших его и своим ростом, и своей тучностью. 29-го мая француз Жильяр прочитал мне следующую заметку, сделанную 28-го мая Наследником в своем дневнике: «сегодня видел батюшку 13 пудов, диакона 12 пудов – пара 25 пудов».

В один из следующих дней протопр. Любимов и протодиакон Розов отправились со Св. Иконой на фронт в район IV армии. По возвращении в Ставку Св. Икона оставалась в штабной церкви до апреля 1917 года, когда в виду все сгущавшихся событий на фронте и в Ставке, она, по приказанию ген. Алексеева, была возвращена на свое место в Московский Успенский Собор.

О. Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Нью-Йорк. 1954, Т. 2. С. 80–81.

Душка ты мой родной, от души тебя за письмо благодарю. Как хорошо, что в воде бегаешь, могу себе представить как ты доволен. Мне было так невыносимо жарко вчера, что в 5 ½ ванну брала. Рита опять у нас, но грустная, боится за брата, который в Литовском Твоём полку – узнай через Папа, здоров ли он или ранен и какие потери в полку. Поеду теперь с О. и Т. кататься – чудный день опять. Храни тебя Господь. Крепко целую, Алексей мой родной маленький. Твоя старая Мама.†

Царское Село. 30-го мая. 1916.

**Письмо Государыни Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682.
Оп. 1. Ед. хр. 54.**

Дорогой мой Душка. Нежно тебя благодарю за милое письмо. Наверно кинематограф был хорош – показывали тоже веселые вещи? Сегодня свежее, и я этому очень рада. Лежу на балконе на кушетке; только что кончили завтрак. Татьяна поедет верхом, а остальные со мною кататься. Все у нас часто про тебя спрашивают. Княжна Гедройц вернулась, она была три дня в Сестрорецке, чтобы отдохнуть – очень загорела. Я делаю там по утрам перевязки, когда не слишком устала. Завтра Аня вернется – пишет, что ноги гораздо хуже стали и такие тяжелые – но это часто бывает (по-моему). Сейчас после лечения – потом надеюсь опять гораздо лучше будет. Вечером в лазарете были – играли – вышива-

ла. Кукушка кукует в саду. Пора кончать. Сердечный привет Жилику (и спасибо за письмо) и В. Н. Храни тебя Христос.† Крепко тебя целую, Алексей, мой Ангел. Очень скучно без вас обоих. Любящая тебя твоя Мама.† Пишешь ли аккуратно дневник?

Царское Село. 31-го мая. 1916.

Там же.

Алексей душка, Ортипо сейчас лежит тут под столом и спит, иногда открывая хитрый глаз. Погода наконец хорошая. Сейчас 27° на солнце. Днем я поеду верхом с Марией и Анастасией. Видела у них в лазарете Виктора Эрастовича. Ужасно милый и такой жалкий – бедный? По вечерам, когда бываем в лазарете. Мар. и Ан. играют с офицерами в гостиную в рубль – помнишь, мы у Ани так играли. Бар. Таубе (он без ноги, помнишь его) и Мари орут на весь лазарет, они так суетятся, да и все кричат и спорят. Ужасно смешно на них смотреть. Ну, до свидания, Алексей душка. Храни Тебя Бог. Крепко целую вас обоих. Твоя Татьяна. Поклон. Деревеньке, Нагорному, Муровицкому, Тетирытникову и т. д.

Письмо Великой Княжны Татьяны Николаевны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 59.

Дорогой ты мой Алексей, сердечно благодарю тебя за открытку. Сегодня свежее. Ольга и я благодарим Жилика за письма и жалею, что он не послал первое написанное им

письмо Ольге. Работала в лазарете и потом поехала с Марией на кладбище, где была панихида на Сониной могиле. Аня вернулась и придет к чаю. Ольга и Татьяна поехали в город для приема пожертвований и потом будут у Татианы К[онстантиновны]. Мария и Анастасия в лазарете – я заеду к ним, чтобы их взять на прогулку. Маленький Виктор Эрастович ранен и его сестра поедет за ним – подробности еще не знаем. Седов встретил сестер вчера, встал в коляске, чтобы кланяться – лошадь тронула – и он сел неловко на что-нибудь, и ему теперь очень больно около раны. Положили его опять в кровать, и клали ему лед на бок. Теперь я кончать должна. Крепко тебя целую – ужасно скучаю без вас, моих дорогих душек. Да благословит тебя Господь Бог. Самая собственная, нежно тебя любящая твоя Мама.†

Царское Село. 1-е июня 1916 г.

**Письмо Государыни Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682.
Оп. 1. Ед. хр. 54.**

Дорогая Мама. Вчера Игорь и я долго и много говорили про Романовых, кто кого любит. Дедушка сегодня катался со мной на гигантских шагах. Сегодня поедem на катере. Напиши мне каждый день про башню. Кланяйся всем. Храни Вас Бог! Любящий Вас Алексей.†

Могилев, 2 июня 1916 г.

**Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640.
Оп. 1. Ед. хр. 78.**

Душка ты мой родной, от всего сердца благодарю тебя за открытку и Жилика за письмо. Ужасно холодно, и дождь идет – катались и мерзли – Аня уехала в Териоки к родителям во вторник. Офицер твоего Конно-Гренад[ерского] полка был у меня и просил тебе передать поздравления от Гротена и полка. Я тебя тоже поздравляю с полковым праздником. Будь осторожен с Игорем и не говори много о сестрах – он глуп и болтает, – хотя добрый малый. Ну, мне пора кончать. Крепко и долго тебя целую – скучаю!! Храни тебя Христос.† Горячо любящая тебя твоя Мама.† Поклон всем твоим.

Ц. С. 3-го июня 1916.

**Письмо Государыни Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682.
Оп. 1. Ед. хр. 54.**

Душка ты моя Мама. Посылаю Татьяне и Марии цветок с Иконы Владимирской Божией Матери. Анастасии пришлю или вы уже приедете. Очень жарко. Сегодня приехал Валя Долгорукий и привез твое письмо, и за это очень благодарю тебя. Жду. Храни Вас Господь Христос.† Любящий тебя твой старый хрыч Алексей.

Могилев, 4 июня 1916 г.

**Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640.
Оп. 1. Ед. хр. 78.**

Душка мой Алексей. Я кажется тебе еще не писала на такой карточке. Это наши солдаты молятся до обеда. Мы ско-

ро уезжаем из нашего лазарета в другой. Нам ужасно жалко, хотя в том ужасно уютно. В особенности трап, который весь выкрашен в розовый цвет. Когда приедешь, мы можем тебе показать. Мы по вас соскучились. Башня еще существует, но уже совсем маленькая. Кланяюсь всем твоим. Крепко целую и давлю. Мария.

4-го июня 1916.

Письмо Великой Княжны Марии Николаевны Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 60.

Обычно после завтрака в Ставке Государь с Наследником и ближайшей свитой делал прогулки на автомобиле. Часто они ездили на берег Днепра, где Наследник возился в песке. Государь и Игорь принимали деятельное участие в этом и помогали Наследнику, копая для Него песок лопатами.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб.: Дюссельдорф, 1993. С. 206.

Приезжая в Ставку, Государыня с детьми и свитой жила в поезде. В час дня за ними приезжали моторы, и мы отправлялись в губернаторский дом к завтраку. Два казака Конвоя стояли внизу. Наверх вела крутая лесница. Первая комната была зала, где ожидали выхода Их Величеств, большая столовая с темными обоями. Из залы шла дверь в темный кабинет и спальню с двумя походными кроватями Государя и Наследника. Летом завтракали в саду, в палатке. Сад был рас-

положен на высоком берегу Днепра, откуда открывался чудный вид на реку и окрестности Могилева. Мы радовались, глядя на Алексея Николаевича. Любо было смотреть, как он вырос, возмужал и окреп. Он выглядел юношей, сидя около отца за завтраком. Пропала и его застенчивость: он болтал и шалил... Каждый день после завтрака, пока наши горничные привозили нам из поезда платье и мы переодевались в каком-нибудь углу для прогулок, Государь уходил гулять со свитой. Императрица оставалась в лесу с Алексеем Николаевичем, сидя на траве. Она часто разговаривала с проходившими и проезжавшими крестьянами и их детьми. Народ казался мне там несчастным. Бедно одетые и приниженные, когда они узнавали, кто с ними говорит, они становились на колени и целовали руки и платье Государыни; казалось, что крестьяне, несмотря на ужасы войны, оставались верными своему Царю.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни // Русская Летопись. Париж, 1922. Кн. 4. С. 104.

29 мая /11 июня. Воскресение. Муц. Феодосии. День Св. Троицы... Был в церкви. Проводил папа в штаб. Потом играл в саду. Завтракал со всеми. В 3 ч. на вокзале обошел 1 эшелон, потом пошли рассматривать поезд Пуришкевича, библиотеку и аптеку. Гулял в саду. Потом читал по-русски.

Дневник Цесаревича. 1916 г. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1 (дополнительная). Ед. хр. 189.

30 мая /12 июня. Понедельник. Преп. Исаакия Далматского... Был в церкви. Потом понесли икону Владимирской Божией Матери перед нашим домом. Там был молебен. Потом Папа, я, офицеры, солдаты и публика прикладывались к Иконе. Потом ее повезли в действующую армию. После обеда поехали смотреть кинематограф. Перед кинематографом катались. Гулял и читал. Лег рано.

Там же.

2/15 июня. Четверг. Св. Никифора, патр. Константинопольского... Учился и играл. Завтракал со всеми. Катались на моторном катере. После обеда играл, потом читал по-русски. На прогулке остановились на берегу и пошли смотреть маленькую церковь. Лег рано.

Там же.

10/23 июня. Пятница. Свящ. муч. Тимофея... Учился по-французски и читал по-русски. Гулял. Завтракал со всеми. Приехал персидский князь. Я сидел с молодым. Днем катались и пили чай у Дяди Георгия. После обеда играл. Кончил урок по-французски.

Там же.

12/25 июня. Воскресение. Преп. Онуфрия и Петра... Был в церкви. Гулял. Завтракал со всеми. Днем катался на мо-

торном катере. Потом пристали к берегу, я там играл в саду. Читал по-французски. Лег рано.

Там же.

13/26 июня. Понедельник. Мучц. Акилины и Антонины. ...
Днем были в Евпатории. Тами были гонки деревенским мальчикам. После обеда играл в саду. Кончил занятия по-французски.

Там же.

14/27 июня. Вторник. Пророка Елисея. ... Был в церкви...
Днем катались на моторном катере 20 м. по течению до моста...

Там же.

18/1 июня. Суббота. Муч. Леонтия. ... Учился и писал Мама. Гулял в городском саду. Завтракал со всеми. Днем катались на катерах и бегал в воде. В воде 16 с 1/2. После обеда играл и смотрел публику. Кончил урок. Лег рано.

Там же.

22/5 июня. Среда. Свящ. муч. Евсевия. ... Учился и играл с маленькими собачками мужика. Завтракал со всеми. Писал Мама. Днем бегал в воде. Папа, Игорь и Петровский купались. Катались на катере. После обеда поехали на вокзал. Там была сотня Конвоя, из действующей армии прибавили.

Потом учился и читал. Лег рано.

Там же.

23/6 июня. Четверг. Мучц. Агриппины... Ужасная гроза. Дождь, как будто море с неба льется...

Там же.

24/7 июня. Пятница. Рождество Иоанна Предтечи... Учился и играл. Завтракал со всеми. Писал мама. Катались по дороге [к] Орше. Потом остановились и я собирал грибы. С этой же деревни девочки пели песни. После обеда играл и учился.

Там же.

29/12 июня. Среда. Св. ап. Петра и Павла... Играл. Была грязевая ванна на колено и на локоть. Завтракал со всеми. Потом катались по Днепру. Я бегал босиком. Потом играл и обедал. Читал. Лег рано. Писал |как| всегда Мама.

Там же.

2/15 июля. Суббота. Положение Ризы Пресвятой Богородицы... Гулял. Грязь как всегда туда же... После обеда играл и сидел на скамейке в городском саду. Читал...

Там же.

3/16 июля. Воскресение. Св. Филиппа, митр. Московско-

20... Был в церкви. Гулял. Завтракал со всеми. Писал Маме. Днем катался на Днепре и бегал в воде. Папа купался. После обеда и читал по-р[усски?] (дневник школьника).

Там же.

4/17 июля. Понедельник. Св. Андрея Критского... Утром ванна... П[осле] обеда играл и читал «Дневник Школьника». Лег поздно.

Там же.

7/20 июля. Четверг. Преп. Фомы. муч. Помпея... Утром была ванна. Мама с сестрами приехала в 12 ½ ч. Приехал П[етр] В[асильевич] П[етров]. Дождь ужасный. Завтракал с Папой у Мама в вагоне. К обеду Мама приехала к нам. Лег поздно. Читал П. В. П. и я.

Там же.

9/22 июля. Суббота. Свящ. муч. Панкратия... Утром была ванна. П. В. П. читал мне вслух. Писал дневник и письмо Жилику. За завтраком было 5 японцев. Днем опять П. В. П. читал. Потом поехали по Днепру. Папа купался, я бегал по воде, а мама сидела на берегу. Вечером был у Мама. Лег поздно.

Там же.

11/24. июля. Понедельник. В. муч. Евфимии... Сегодня

мне, Мама и сестрам привили оспу. Был на молебне. Катались и купался с Нагорным. Все пили чай, в Конвое, а я обедал. Вечером поехал в поезд. Когда приехал, разболелась голова. Температура 38,2. Лег рано.

Там же.

14/27 июля. Четверг. Св. ап. Акилы....После ванной и завтрака слушал чтение «Т[араса] Бульбы». Катались по Днепру. Я помогал бабам убирать сено. Был в городском саду. Огромная толпа смотрела на играющих детей. Вечером читал и писал. Лег рано.

Там же.

15/28. Пятница. Св. равноапостольного князя Владимира....Грязевая ванна. За завтраком пили шампанское. Были именинники граф Фредерикс и В[ладимир] Н[иколаевич]. На прогулке был с нами кадет Макаров (Орловского-Бахтина кадетского корпуса). После обеда был в городском саду. Была масса детей. Вечером читал и писал. Слушал П. В. П. («Т[араса] Буль[бу]»). Лег рано.

Там же.

16/29 июля. Суббота. Свящ. муч. Афиногена....После чая и кормления кроликов были грязевые лепешки. До завтрака писал Маме и Жилику. После завтрака П. В. П. читал и кончил (Т[араса] Бульбу). Чудная вещь! Прогулка по Днепру и

беганье по воде. Макаров был с нами. После обеда играл с Рексом и Дианой. Читал вслух. Лег рано. П. В. П. читал.

Там же.

*8/31. Понедельник. Муч. Иакинфа и Емилиана. ...*Грязевая ванна. Играл и читал. Ген[ерал] Дубенский привез с фронта две алюминиевые ложки и осколки от 6-ти [дюймового] снаряда, а также головку от дистанционной германской трубки. Прогулка по Днепру. Играл с Макаровым. П. В. П. мне читал про деревенских школьников. Уехал в Царское Село Вл. Ник. Вечером писал (плохо) и читал. Лег в свое время. Получил письмо от Жилика.

Там же.

*20/2 июля. Среда. Св. Пророка Илиш....*После ванны и кормления кроликов писал Мамке... Макаров поехал с нами на моторе. Играли с ним в окопе. После обеда смотрели на игры мальчиков. Много смеялся... Лег в свое время.

Там же.

*21/3 июля. Четверг. Преп. Симеона, прор. Иезекииля. ...*С утра лил дождь. После ванны оставался наверху и написал 3 письма: Маме, Бабушке и Марии. Завтракал со всеми в столовой наверху. Днем играл в саду с Папа, П. В. П., Макаровым и Нагорным в войну. Макаров пил чай и обедал со мной. Были в г[ородском] саду с приехавшим Голым. Читал и лег

рано.

Там же.

22/4 июля. Пятница. Св. Марии Магдалины.... Был в церкви. Писал 2 письма: Маме и Жилику. Завтракал со всеми. После завтрака пришел Макаров, а потом новый кадет Агаев (Симб[ирского] К[орпуса]). Были на прощании с Папой. Обедал с кадетами в 5 ½, потом поехали в кинема. Читал и слушал П. В. П. Лег рано.

А.

Там же.

23/5 июля. Суббота. Муч. Трофима и Феофила.... По моей просьбе записать эту делает П. В. П. С утра слегка ноет рука. Письмо Маме я еще мог написать, но лежа в постели, да еще вечером не могу писать сам. Получил письмо от Жилика. П. В. П. оставался у меня с утра до вечера и много читал. Играл в военно-морскую игру и в Nain Jaune с Голым, П. В. П. и С. Петр. Инженер с «Десны» сломал себе ногу. Чакрабон¹⁶⁰ просится у Папа на войну. Дождь перестал только к вечеру. Рано ли засну, не знаю.

Там же.

30/12 июля. Суббота. Св. ап. Силы свящ. муч. Валентина. Рождение Его Императорского Высочества Наследника

¹⁶⁰ Сын короля Сиам, учившийся в Пажеском корпусе в СПб.

Цесареви́ча и Велико́го Кня́зя Алексе́я Николаевича... Был в церкви. Завтракал со всеми. Получил кучу телеграмм. Кадеты дали мне крендель. Завтракал со всеми. Катались по Днепру. Я подарил кадетам сапоги и балалайки. Был у мама. Лег поздно.

Там же.

1/14 августа. Понедельник. Происхождение честных древ Креста Господня. ... Была грязевая ванна, потом подписал 13 телеграмм, написал письма (вчера – 19 телеграмм). Завтракал со всеми в палатке. Прогулка по Днепру с Мама и сестрами. Был в городском саду. Вечером был в поезде. Лег поздно.

Там же.

4/17 августа. Четверг. Св. семи отроков. ... После грязевой ванны занимался. Читал и написал 2 письма; Маме и Петровскому... Сегодня очень жарко... На лугу поймал полевую мышку. Обедал с кадетами, которые оставались у меня до вечера. Читал вслух. Лег рано.

Там же.

6/19 августа. Суббота. Преображение Господне. ... Был в церкви... После завтрака пришли кадеты. Я подарил брату Макарова Леле книгу. Сегодня его рождение...

Там же.

9/22 августа. Вторник. Св. ап. Матфия. ...Была грязевая ванна. Ходил с Папой в штаб смотреть разные предметы, привезенные с фронта. Завтракал со всеми в палатке. Катались по Днепру и на шлюпках. После обеда был в кинематографе. Было очень смешно. Занимался. Лег рано.†

Там же.

12/22 августа. Пятница. Муч. Фотия и Капитона. ...Была грязевая ванна. До завтрака писал Мама. Завтракал со всеми. Днем катались по Днепру и играли в палочку-воровку. После обеда был в городском саду и смотрел на игры детей. Приехал генерал По. Занимался. Лег рано.

Там же.

15/28 августа. Понедельник. Успение Пресвятой Богородицы. ...Был в церкви. До завтрака писал Мама. Завтракал со всеми на балконе. Были все японцы. Зиновий Иванович произведен в генерала. Румыния объявила войну Австрии, а Италия Германии. Лил дождь. Играли в палочку-воровку на прогулке. Ходили в городской сад. Занимался. Лег рано.

Там же.

16/29 августа. Вторник. Перенесение Нерукотворенного Образа. ...Занимался два часа до завтрака... После обеда был в кинематографе. Интересны были картины с фронта и «Тайны Нью-Йорка». Вечером немного занимался. Нечаян-

но разбил кувшин с молоком. Лег рано.

Там же.

19/1 августа. Пятница. Муч. Андрея Стратилата...
Утром было 2 урока. До завтрака писал Маме и гулял. Завтракал со всеми в палатке. Днем была прогулка по Днепру. После обеда был в обоих садах. Джой и Пулька в лечебнице. У обоих черви. Вечером слушал чтение Сига и занимался с П. В. П. Лег ранехонько.

Там же.

20/2 августа. Суббота. Пророка Самуила... Было 2 урока. Писал Мама и Жилику. Завтракал со всеми в палатке. Прогулка по Днепру. После обеда играл в своем саду. Сиг мне читал Холмса. Занимался с П. В. П. Лег как всегда. †

Там же.

Душка моя Мама. Очень благодарю Тебя за письма. Сегодня прохладно. Вчера было очень душно. Вечером была гроза. Жара мне уже надоела. Джой и Пулька в больнице. У них много насекомых. Дней через 5 оба вернутся. Мы завтракаем все время в палатке или на балконе. Пора кончать. Буду писать Жилику. Да хранит Тебя и сестер Господь Бог †! Ваш любящий А. Романов.

Ставка, 20 августа 1916 г.

Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640.

Оп. 1. Ед. хр. 77.

21/3 августа. Воскресение. Св. ап. Фаддея. ... Был в церкви... На опушке леса были собраны мальчики, которые обыкновенно играют в гор[одском] саду. Они играли в разные игры. Вечером игрался в саду, слушал чтение, сам читал. Лег рано.

Дневник Цесаревича. 1916 г. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1 (дополнительная). Ед. хр. 189.

22/4 августа. Понедельник. Муч. Агафоника. ... Утром было 2 урока: французский и русский. Писал Агаеву и Синему. Завтракал со всеми в Палатке. Приехал военный представитель Румынии ген. Коанда. Голый подарил мне замечательного кота «Котьку». Катались по Днепру. В 5 ½ приехала Мама и сестры. Вечером был в поезде. Лег поздно. Джой и Пулька здоровы.

Там же.

23/5 августа. Вторник. Муч. Луппа. ... Утром в церкви был молебен по случаю годовщины командования Папою войсками и флотом. Завтрак был в гостинице «Бристоль»... Был в поезде. Вернулся и лег вовремя.

Там же.

24/6 августа. Среда. Святиц. муч. Евтихия. ... Утром было

2 урока: русский и английский. Завтракал со всеми в палатке... На опушке леса была собрана сотня Конвоя. Казаки пели, играли и плясали. Папа и сестры катались на шлюпках. После обеда играли в своем саду и собирали груши. Был у Мама в поезде. Лег рано.

Там же.

25/7 августа. Четверг. Св. ап. Варфоломея и Тита...
Утром было 2 урока: русский и французский. Завтракал со всеми в палатке. Были, как всегда, Мама и сестры. После завтрака ездили посмотреть броневой мотор, который может ходить по всяким дорогам. Назад вернулись по Днепру. Вечером был в поезде. Лег рано.†

Там же.

26/8 августа. Пятница. Муч. Адриана и Натальи...
Утром было 2 урока: английский и Арифметика. Приехала Аня из Сибири и привезла подарки. После обеда играл. Пульку привезли здоровым. Вечером читал по-французски. Был в поезде. Лег рано.†

Там же.

28/10 августа. Воскресение. Преп. Моисея Мурина. Был в церкви со всеми. До завтрака гулял в своем саду и осматривал огород, улей и псарню... Был в кладовой... Получил письмо от Макарова. Вечером был в поезде. Лег как всегда.

Там же.

Летом 1916 года почти ежедневно Алексей Николаевич в городском саду производил военное ученье со своей ротой, составленной из местных гимназистов его возраста. Всего участвовало в этой игре до 25 человек. В назначенный час они выстраивались в саду и, когда приходил Наследник, встречали его по-военному, а затем маршировали перед ним.

Летом же у Наследника было другое развлечение, которое обнаруживало и его любовь к военным упражнениям, и его нежную привязанность к своему отцу. Утром, перед выходом Государя к утреннему чаю, Алексей Николаевич становился с ружьем на часах у входа в палатку, отдавал по-военному честь входившему Государю и оставался на часах, пока Государь пил чай. При выходе последнего из палатки, Алексей Николаевич снова отдавал честь и уже после этого снимался с часов.

Господь наделил несчастного мальчика прекрасными природными качествами: сильным и быстрым умом, находчивостью, добрым и сострадательным сердцем, очаровательной у царей простотой; красоте духовной соответствовала и телесная.

Алексей Николаевич быстро схватывал нить даже серьезного разговора, а в нужных случаях так же быстро находил подходящую шутку для ответа.

– Это что такое? – спрашивает его Государь, указывая

пальцем на пролитый им на стол суп из ложки.

– Суп, Ваше Императорское Величество! – совершенно серьезно отвечает он.

– Не суп, а свинство, – замечает Государь.

Генерал Риккель всегда сидел против Наследника по другую сторону стола, и между ними постоянно происходила пикировка. Риккель начинал гладить свой большой живот, показывая глазами Наследнику: у тебя, мол, такого благоутробия нет. Наследник тоже начинал разглаживать свой животик. «Non, non, non», улыбаясь, отвечал Риккель. Алексей Николаевич начинает крутить пальцем около носа, где должны бы быть усы. «Non, non, non» опять слышится тихая октава Риккеля.

Наследник побежден, но не хочет сдаваться. Посидев минуты две спокойно, он начинает крутить у себя надо лбом волосы и, предвкушая победу, упорно смотрит на Риккеля. Последний пробует копировать Наследника, но ничего не выходит, так как череп генерала Риккеля голый, без волос. Риккель побежден... И Наследник кричит: «Non, non, non».

В алтаре штабной церкви прислуживал гимназист Шура Котович, сын члена Ковенского окружного суда, очень скромный и воспитанный мальчик. Шура приглянулся Алексею Николаевичу. Завязалось между ними знакомство без представления и слов. Стоя на клиросе, Алексей Николаевич делал разные знаки находившемуся в алтаре Шуре, на которые последний, понимая свое положение, отвечал лишь

почтительным смущением. Откуда-то Алексей Николаевич узнал и имя Шуры. Однажды, сидя за завтраком, Алексей Николаевич спрашивает меня:

– Что, Шура бывает в саду?

– Он каждый день несколько раз проходит через сад, когда идет на уроки или в церковь и возвращается обратно, – отвечал я. – Он ежедневно бывает в церкви? – удивляется Наследник.

– Да. Утром, идучи в класс, он заходит в церковь и, вечером обязательно бывает на вечерне.

– А что же он дома делает?

– Учит уроки, ухаживает за матерью: у него очень больная мать, – говорю я.

Наследник сразу же смолк и задумался.

– Наверно, вы хотите ближе познакомиться с Шурой? – прерываю я его молчание.

– Да, очень хочу.

– Тогда назначим час для встречи, и я скажу Шуре, чтобы он пришел в сад. Хорошо?

–

Хорошо, – как-то нерешительно сказал Наследник, а потом, помолчав минутку, прибавил:

– А может быть, ему нужно быть около больной матери?

Я глядел на него и любовался той чистой, неподдельной скорбью, которая в это время отражалась на его прекрасном личике. Он, конечно, теперь мысленно представлял себе

несчастную больную мать и горе ее сына...

Другим любимцем Наследника был мой денщик Иван, во время воскресных и праздничных служб присутствовавший в штабной церкви. Иван приглянулся Наследнику и последний не упускал случая, чтобы так или иначе и в церкви не затронуть его. И тут чаще всего пускалась в ход мимика: подмигиванье, гримасы. Государь часто замечал это и одергивал проказника. Когда же Иван – что случалось нередко – по поручению ктитора производил в церкви сбор и с блюдом подходил к Государю и Наследнику, последний заставлял Ивана долго простоять около него; он клал на тарелку серебряный рубль, но как только Иван собирался отойти, он снимал с тарелки свою монету; Иван останавливался, Наследник опять клал на блюдо рубль и снова снимал его, как только Иван обнаруживал намерение двинуться дальше и т. д. Обыкновенно вмешательство Государя прекращало эту «игру».

Узнав, что Иван – мой денщик, Наследник за завтраком нередко спрашивал меня:

– А Ваня здоров? А что он делает?...

О. Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 363–366.

...Сегодня приезжает японский принц. Все очень волнуются. Он приедет в $\frac{1}{2}$ 1, а почетный караул пришел в 10 ч., «Дураки».

Могилев, 11 сентября 1916.

**Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640.
Оп. 1. Ед. хр. 79.**

Милая моя Мама. Вчера я с Папа встречали на вокзале принца. Потом он приехал завтракать. Папа сидел с ним, а я с ихним послом. Я ему, он мне много рассказывали. Принц женат. У него 5 ч. детей. Видел Накашиму (японца до Зиновия Ивановича). З. И. мне подарил 3 маленьких дерева с полфута вышиной. Им около 100 лет.

Храни Бог! Ваш молодой, не женатый, А «5»-ый Романов.

Могилев, 12 сентября 1916.

**Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640.
Оп. 1. Ед. хр. 79.**

Играли с Папа в жмурки. Вечером был кинематограф. Очень интересна была картина, в которой представлен уход за ранеными. Их подбирают на поле, а потом уже развозят по лазаретам. Были две смешных картины. Писал Батюшке. Сейчас будет урок географии с П. В. П. [...]

Могилев, 15 сентября 1916.

**Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640.
Оп. 1. Ед. хр. 79.**

Спасибо за бумагу, на ней Тебе пишу, хотелось бы стихами, но ими не могу. Хорошо????? Теперь я каждое утро

после первого урока катаюсь на моторе. Вчера проехали мимо женского монастыря. Монашки картошку копали, свиньи все в лужах лежали, собаки, мальчишки бежали, и все покрылось пылью.

После завтрака ездили на моторах с Папа. Пекли картошку, ели с маслом и хлебом, было очень вкусно! – !-! Приехал Н. Павлович...

Могилев, 21 сентября 1916.

Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр.79.

Родная моя, милая Мама. Пишу Тебе мою грамоту. По-сылаю тебе несчетное число поцелуев и аппетитное расписание. Желтых листьев почти нет, но холодно (+ 3 ° R). Если будет такая погода, тебе здесь будет очень хорошо.

Собирайся поживей,
Приезжай-ка поскорей,
Ждем тебя мы с наслаждением
И с малиновым вареньем!!!!

Вчера мы ездили в Домковку и через новые мосты. Дмитрий и Н. П. всех целуют. Сейчас еду на прогулку. Храни Вас всех Господь Бог †! Целую, Алексей.

Могилев, 23 октября 1916.

Письмо Цесаревича Государыне. // ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 79.

Государыня Александра Феодоровна отлично понимала, как тяжела для ее мужа жизнь в Ставке. Вот что она говорила мне в царскосельском дворце в ноябре 1916 года: «Вы постоянно с Государем и сами видите, как Он одинок в Ставке. Все один без семьи, к которой Он так близок. Вот почему я не имею силы противодействовать Ему держать около Себя Наследника, хотя понимаю, что Алеше необходимы регулярные занятия, а в Могилеве, хотя там и П. В. П., Жильяр и Гиббс, это делать труднее, чем здесь в Царском. Кроме того, Сын уж очень увлекся военными интересами, находясь в Ставке, только среди всех вас и видя только солдат. Однако хорошо то, что Алексей видит войска и что у Наследника навсегда в памяти останутся самые сильные впечатления зрелищ детских лет об этой страшной войне, которую мы ведем, и что Его Отец был главным руководителем войны и горячо работал на благо России с глубокой верой в помощь Божию. Тяжелы Государю и эти постоянные разочарования в людях, которым он всегда так верит вначале и так надеется на искреннюю помощь... А пройдет месяц-другой и невольно закрадывается у Государя сомнение в призванном человеке... А эти интриги, происки, эта постоянная клевета на всех нас, на нашу Семью!.. Один Петроград сколько дает нравственных мук от всех непрошенных советов и родственников, и других лиц. Я лично больше верю простому народу и их простому отношению к нам. Я Вам покажу, как-ни-

будь, сотни, даже тысячи писем, которые Мне прямо пишут из всех концов России и из разных полков. Пишут ничего не говоря, а заявляя только о своем чувстве к нам всем, к Наследнику, Царю и Мне. Я не могу допустить, чтобы это было просто лесть и неправда, мне кажется, Россию лучше можно разгадать через народ и нашу православную веру, нежели через высшее сословие и правящий класс.

Дубенский Д. Как произошел переворот в России // Русская Летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 85–86.

Мы вернулись в Царское Село 1 ноября... 7 ноября мы покинули Царское Село и после короткого пребывания в Могилеве отбыли 9-го в Киев, где Государь должен был посетить вдовствующую Императрицу... Мы вернулись 12 ноября в Ставку... Вдруг, как удар грома, пронеслась весть о смерти Распутина. Это было 31 декабря. В тот же день мы выехали в Царское Село... Распутин был убит в ночь на 30 декабря.

П. Жильяр. Указ. соч.

Ваше высочество, Алексей Николаевич. Поздравляю Вас с днем Вашего Ангела и всем сердцем желаю Вам цветущего здоровья и большой радости: скорой победы над врагом.

На днях мы около вокзала Ровно накормили 1000 раненых солдатиков, которые проезжали мимо, и много перевязок сделали. Они ели с большим удовольствием и одного хлеба съели 29 пудов. Так приятно было смотреть, как они на-

сыщались. Сегодня дежурю ночью и ночью не привезут много раненых; слава Богу – мест много. Не откажитесь поздравить от меня Великих Княжон с Вашим праздником. Глубоко преданная и любящая Вас Т. Громова.

**Письмо Громовой Т. Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682.
Оп. 1. Ед. хр. 81.**

Ю. А. Ден... передавала мне, что лично слышала из уст Государя еще до революции, как Он в кругу своей семьи развивал Свои предположения на будущее время. Он говорил, что двадцатилетнее царствование и глубокие переживания во время войны настолько утомили Его, что единственным Его желанием является довести Россию до победоносного окончания войны и почетного, славного мира, после чего Он предположил удовлетворить насущные народные нужды путем земельного вознаграждения всех участников войны, начиная с инвалидов и георгиевских кавалеров, провести в жизнь земельную реформу Столыпина (переход от общинного землевладения на отрубные хозяйства), создать особую комиссию по разработке широкой конституции, принимая во внимание все особенности русского уклада и быта, и в день совершеннолетия Наследника, отречься от Престола в Его пользу с тем, чтобы начало Его царствования ознаменовалось дарованием этой реформы, дабы Он в день своего коронавания был первым Русским Царем, присягнувшим на верность конституции.

Государь считал, что народные массы, оздоровленные победоносной войной, проникнутые упоением победы и искренним патриотизмом, лучше, чем когда-либо, воспримут дарованные им права, и конституционная Россия сделается еще могучей, чем под скипетром Самодержавных Монархов.

Государь был уверен, что война окончится в 1917 году полной победой России и союзников, в год, когда Наследнику исполнится 12 лет, а к Его 18-ти годам, то есть к 1922 году, Он предполагал, что все эти подготовительные работы по реформам будут закончены, и Он сможет передать бремя власти Своему Сыну.

Иногда Государь высказывал желание отречься от Престола сразу же после войны, передав власть Наследнику, при регентстве своего брата.

Несомненно, что Государь в своей безграничной любви к России, готов был для ее счастья, пользы и величия принести любые жертвы, и во всех своих мыслях и действиях руководствовался исключительно желанием помочь и быть полезным своей стране и управляемому Им народу.

Само собой, что Государь, как и всякий здравомыслящий человек, считал невозможным проводить во время войны какие-либо реформы, считая это гибельным для России.

Марков С. В. Покинутая Царская Семья. Вена, 1928. С. 28.

Если я говорю, что Распутин приезжал два или три раза в

год к Их Величествам, а последнее время они, может быть, видели его четыре или пять раз в год, то можно проверить по точным записям полицейских книг, говорю ли я правду. В 1916 году... Государь видел его только три раза. Принимали Его обыкновенно вечером, но это не из-за тайны, а потому, что это было единственное время, что Государь был свободен.

Алексей Николаевич приходил до сна в голубом халатике посидеть с родителями и повидать Григория Ефимовича. Все они по русскому обычаю три раза целовались и потом садились беседовать. Он им рассказывал про Сибирь и нужды крестьян, о своих странствованиях. Их Величества всегда говорили о здоровье Наследника и о заботах, которые в ту минуту их беспокоили. Когда после часовой беседы с Семьей он уходил, всегда оставлял Их Величества веселыми, с радостными упованиями и надеждой в душе; до последней минуты они верили в его молитву и еще из Тобольска мне писали, что Россия страдает за его убийство.

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы из моей жизни // Русская Летопись. Париж, 1922. Кн. 4. С. 104.

Убийство Распутина сразу показало, что его «влияние» было чистейшим мифом: ничего не переменилось в политике... Если бы Распутин имел то значение, которое ему приписывалось, его убийство должно было успокоить страсти; произошло обратное, – всем вдруг стало ясно, что дело вовсе

не в «старце», и борьба разгорелась с новой силой. Именно с этого дня начали множиться слухи о заговорах среди высших представителей общества, среди офицеров гвардии. Движение теперь направлялось прямо против Императорской Четы: маска была сброшена... Государь получил телеграмму Государыни об исчезновении Распутина в Ставке 18 декабря, во время совещания командующих всеми фронтами. Он немедленно выехал в Царское Село. Он понимал, что дело отнюдь не в Распутине: если вблизи Престола начались убийства с «патриотическими» целями, нельзя учесть, докуда дело может пойти. Опасность могла грозить и Царской Семье. Прибыв в Петроград 19 декабря (утром в этот день было найдено в реке тело Распутина), Государь взял на себя руководство общим положением.

С. С. Ольденбург. Указ соч.

Измена бродила вокруг Престола, – измена, оправдывавшая себя патриотическими соображениями... В конце концов только та группа, которая заранее поставила себе целью свержение Императора Николая II, продолжала разрабатывать планы дворцового или военного переворота...

Там же.

Глава 4

На кресте

В последних числах января [1917 года] я был в царско-сельском Александровском дворце, у гувернера Наследника Жильяра, и мы вместе с ним прошли к Цесаревичу. Алексей Николаевич с каким-то кадетом оживленно вел игру у большой игрушечной крепости. Они расставляли солдатиков, палили из пушек, и весь их бойкий разговор пестрел современными военными терминами: пулемет, аэроплан, тяжелая артиллерия, окопы и пр. Впрочем, игра скоро кончилась, и Наследник с кадетом стали рассматривать какие-то книги. Затем вошла Великая Княжна Анастасия Николаевна... Вся эта обстановка детских двух комнат Наследника была проста и нисколько не давала представления о том, что тут живет и получает первоначальное воспитание и образование будущий Русский Царь. На стенах висели карты, стояли шкафы с книгами, было несколько столов, стульев, но все это просто, скромно до чрезвычайности.

Алексей Николаевич, говоря со мной, вспомнил нашу с Ним беседу, когда Он был в поезде с Государем осенью 1915 года на юге России:

«— Помните, Вы мне сказали, что в Новороссии Екатерина Великая, Потемкин и Суворов крепким узлом завязали русское влияние и турецкий султан навсегда потерял значение

в Крыму и южных степях. Мне это выражение понравилось и я тогда же сказал об этом Папе. Я всегда Ему говорю, что мне нравится».

Затем Наследник стал вспоминать Ставку.

Все это Наследник оживленно говорил и бодро, и весело глядел своими большими, выразительными глазами. Да и вообще Алексей Николаевич имел здоровый и красивый вид. Он постоянно перебегал с одного места на другое. Хромоты не было заметно. Он рассказывал о своих зимних работах в саду, о снежных траншеях и целом ряде своих игр. Пребывание у Алексея Николаевича было приятно, и я с истинным удовольствием беседовал с этим умным, добрым и очень способным Царевичем. А насколько спокойна была жизнь детей, особенно младших, настолько трагично и сумрачно шла жизнь Государя и Императрицы в эти дни.

Д. Дубенский. Как произошел переворот в России // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 14–15.

В среду 22 февраля (1917 года) Государь, выехав утром из: Александровского Дворца на Императорский Павильон проехал мимо Феодоровского собора, в котором, по обыкновению, за час до отъезда Его Величества служился молебен. Звон колоколов Феодоровского Государева собора в последний раз проводил Белого Царя... В два часа Императорский поезд отошел по Николаевской железной дороге через Лихославль, Вязьму и Оршу на Могилев.

В день отъезда я зашел утром в Александровский Дворец на половину Алексея Николаевича, чтобы с ним проститься. Он лежал в постели с повязанной белой фланелью шеей, и произвел на меня впечатление ребенка, заболевшего корью. Несмотря на лихорадочное состояние, он был со мной очень мил и приветлив... Больше я его уже не видел.

В. Н. Воейков. Указ. соч.

24-го февраля 1917 года, после обеда, когда Государь обходил гостей, я, стоя рядом с проф. Федоровым, спрашиваю его:

– Что нового у вас в Царском? Как живут без старца. Чудес над гробом еще нет?

– Да Вы не смейтесь! – серьезно заметил мне Федоров.

– Ужели начались чудеса? – опять с улыбкой спросил я.

– Напрасно смеетесь! В Москве, где я гостил на праздниках, так же вот смеялись по поводу предсказания Григория, что Алексей Николаевич заболеет в такой-то день после его смерти. Я говорил им: «Погодите смеяться, – пусть пройдет указанный день!» Сам же я прервал отпуск, чтобы в этот день быть в Царском. Мало ли что может случиться! Утром указанного старцем дня приезжаю в Царское и спешу прямо во Дворец. Слава Богу, Наследник совершенно здоров. Придворные зубоскалили, знавшие причину моего приезда, начали вышучивать меня... А я им говорю: «Обождите смеяться, – иды пришли, но иды не прошли!» Уходя из Двор-

ца, я оставил номер своего телефона, чтобы в случае нужды сразу могли найти меня, а сам на целый день задержался в Царском. Вечером вдруг зовут меня: «Наследнику плохо!» Я бросился во Дворец... Ужас, – мальчик истекает кровью! Еле, еле удалось остановить кровотечение... Вот вам и старец... Посмотрели бы вы, как Наследник относился к нему! Во время этой болезни матрос Деревенько однажды приносит Наследнику просфору и говорит: «Я в церкви молился за вас, и вы помолитесь святым, чтобы они помогли вам скорее выздороветь!» А Наследник отвечает ему: «Нет теперь больше святых!.. Был святой Григорий Ефимович, но его убили. Теперь и лечат меня, и молятся, а пользы нет. А он, бывало, принесет мне яблоко, погладит меня по больному месту, и мне сразу становится легче...» Вот вам и старец, вот и смейтесь над чудесами! – многозначительно закончил профессор.

О. Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 2. Нью-Йорк, 1954. С. 252–253.

Помню, как Их Величества не сразу решили сказать ему об убийстве Распутина: когда же потихоньку ему сообщили, Алексей Николаевич расплакался, уткнув голову в руки, затем, повернувшись к отцу, он воскликнул гневно: «Неужели, Папа, ты их хорошенько не накажешь? Ведь убийцу Столыпина повесили!» Государь ничего не ответил ему. Я присутствовала при этой сцене. Не надо забывать, что не раз приход

Распутин облегчал страдания во время тяжелых заболеваний Алексея Николаевича. Распутин же уверил Их Величества, что с 12 лет Алексей Николаевич начнет поправляться и впоследствии совсем окрепнет. И в самом деле, после 10 лет Алексей Николаевич все реже и реже болел, в 1917 году выглядел крепким юношей.

Танеева А. А.(Вырубова). Страницы из моей жизни // Русская Летопись. Кн. 4. Париж, 1922. С. 44.

1 марта. Среда. Ночью повернули с Малой Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского... Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тяжело одной переживать все эти события! Помоги нам, Господи!

Дневник Государя.

2 марта. Четверг. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется соц. – дем. партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2.30 при-

шли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился... Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!

Там же.

Во дворце получилось известие об отречении Государя. Государыня отказывалась ему верить, считая это ложным слухом. Однако, немного позднее, Великий Князь Павел Александрович подтвердил это известие. Она все еще отказывалась верить ему, и только когда Великий Князь сообщил ей подробности, Ее Величество сдалась, наконец, перед очевидностью. Государь отрекся от престола накануне вечером, во Пскове, в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича! Отчаянье Государыни превзошло все, что можно себе представить. Но ее стойкое мужество не покинуло ее. Я увидел ее вечером у Алексея Николаевича. На ней лица не было, но она принудила себя, почти сверхчеловеческим усилием воли, прийти, по обыкновению, к детям, чтобы ничем не беспокоить больных... Поздно ночью мы узнали, что Великий Князь Михаил Александрович отказался вступить на Престол, и что судьба России будет решена Учредительным Собранием.

На следующий день я вновь застал Государыню у Алексея Николаевича. Она была спокойна, но очень бледна. Она ужасно похудела и постарела за эти несколько дней...

Прошло три дня. 21[нов. ст.]марта в 10.30 часов утра Ее Величество вызвала меня и сказала, что генерал Корнилов от имени Временного правительства только что объявил ей, что Государь и она арестованы, и что все те, кто не желает подвергаться тюремному режиму, должны покинуть дворец до четырех часов. Я ответил, что решил остаться.

— Государь возвращается завтра, надо предупредить Алексея, надо все ему сказать... Не сделаете ли вы это? Я пойду поговорить с дочерьми.

— Я пошел к Алексею Николаевичу и сказал ему, что Государь возвращается завтра из Могилева и больше туда не вернется.

— Почему?

— Потому что ваш отец не хочет быть больше Верховным Главнокомандующим! Это известие сильно его огорчило, так как он очень любил ездить в Ставку. Через несколько времени я добавил:

— Знаете, Алексей Николаевич, ваш отец не хочет быть больше Императором.

Он удивленно посмотрел на меня, стараясь прочесть на моем лице, что произошло.

— Зачем? Почему?

— Потому что он очень устал и перенес много тяжелого за

последнее время.

– Ах, да! Мама мне сказала, что, когда он хотел ехать сюда, его поезд задержали. Но папа потом опять будет Императором?

Я объяснил ему тогда, что Государь отрекся от престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича, который в свою очередь уклонился.

– Но тогда кто же будет Императором?

– Я не знаю, пока никто!.. Ни слова о себе, ни намек на свои права Наследника. Он сильно покраснел и был взволнован. После нескольких минут молчания он сказал:

– Если нет больше Царя, кто же будет править Россией?

Я объяснил ему, что образовалось Временное правительство, которое будет заниматься государственными делами до созыва Учредительного собрания, и что тогда, быть может, что дядя Михаил взойдет на престол.

Я еще раз был поражен скромностью этого ребенка.

В 4 часа двери дворца запираются. Мы в заключении! Сводно-гвардейский полк заменен одним из полков Царско-сельского гарнизона, и солдаты стоят на часах уже не для того, чтобы нас охранять, а с тем, чтобы нас караулить.

22 марта в 11 часов утра приехал, наконец, Государь в сопровождении гофмаршала князя Долгорукова. Он немедленно поднялся к детям, где его ожидала Государыня.

После завтрака он зашел к Алексею Николаевичу, где я находился в эту минуту, и разговаривал со мною с обычной

простотой и благожелательностью. Но при виде его побледневшего и похудевшего лица было ясно, что он также много перестрадал за время своего отсутствия.

П. Жильяр. Указ. соч.

1917 года, марта 2 дня приехал ко мне ктитор Феодоровского Собора Димитрий Никол. Ломан и сообщил, что меня приглашают явиться в Знаменскую церковь, взять чудотвор. Икону Царицы Небесной, с Нею прийти в Александровский дворец и отслужить молебен в детской половине дворца, где лежат больные в кори царские дети. Был подан автомобиль, который и довез меня до Знаменской церкви. Войдя в Церковь и встретив там о. настоятеля прот. Иоанна Ф. Сперанского, отказавшегося от служения молебна, но уже распорядившегося приготовить облачение, достать Икону и собрать людей для несения Ее, я тот час облачился, взял крест и с причтом Знаменской церкви при пении тропаря «Яко неборимую стену и источник чудес стяжавше Тя раби Твои, Богородице Пречистая...» отправились во дворец. Пропуск во дворец, хотя и охранялся часовыми Сводного Пехотного полка, был свободен. С первого подъезда мы поднялись во второй этаж на детскую половину и, пройдя ряд светлых комнат, вошли в полутемную большую комнату, где лежали на отдельных простых кроватях больные дети. Икону поставили на приготовленный стол. В комнате было так темно, что я едва мог разглядеть присутствующих в ней. Импе-

ратрица, одетая сестрою милосердия, стояла подле кровати Наследника, недалеко от Нее стояли др. сестры милосердия и няни. Пред Иконою зажгли несколько тоненьких восковых свеч. Начался молебен. О, какое страшное, неожиданное горе постигло Царскую Семью! Получилось известие, что Государь, вызванный Императрицею в Царское Село и уже поспешно возвращавшийся из Ставки в родную семью, задержан на дороге, арестован и даже возможно, что отрекся от Престола. В Петрограде делается что-то ужасное, разрушаются и горят дома, войска изменили царю и, слившись с рабочею, народною толпою, громят полицейские участки, сменяют и арестуют своих начальников и бывших представителей власти, из тюрем выпускают преступников и объявляют полную свободу для всех, провозгласив республику. На Невском грохочут ружейные выстрелы и валяются безвинные жертвы... Неспокойно и в Царском Селе... Можно себе представить, в каком положении оказалась беспомощная Царица Мать с пятью своими тяжело заболевшими детьми? Подавив в себе немощь женскую и все телесные недуги свои, героически, самоотверженно, посвятив себя уходу за больными, с полным упованием на помощь Царицы Небесной, Она решила прежде всего помолиться пред Чудотворною Иконою Знамения Божией Матери и сделала распоряжение о присылке Иконы в покои больных детей. Горячо, на коленях, со слезами просила земная Царица помощи и заступления Царицы Небесной. Приложившись к Иконе и подойдя под Нее,

попросили принести Икону и к кроватям больных, чтобы и все больные дети могли приложиться к Чудотворному Образу. Давая целовать крест, я сказал: крепитесь и мужайтесь, Ваше Величество, страшен сон, да милостив Бог. Во всем положитесь на Его святую волю. Верьте, надейтесь и не переставайте молиться. Св. Икону пронесли по всем детским комнатам, спустились вниз и пришли в отдельную, изолированную комнату, где лежала больная корью, покрытая сыпью, Анна А. Вырубова...

Когда мы выносили Икону из Дворца, Дворец уже был оцеплен войсками, и все находящиеся в нем оказались арестованными...

Дневник прот. А. Беляева с записями о службе его при Дворе.// ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

Два с половиной года я ежедневно вижу Государя и все мы, стоящие около него, понимаем, какой это искренний, чуждый малейшей позы, простой, добрый и умный человек. Он не только знает Россию, не только беззаветно ей предан, но Он всю свою жизнь ей служит всем своим существом, без отдыха, забывая свои интересы. Он глубоко предан православию, он понимает нашу историю, своего предка Царя Алексея, любит солдат, народ, его обычаи и верования, любит наш русский уклад, эти древние храмы, Московский Кремль.

Д. Дубенский. Как произошел переворот в России //

Высочайшая телеграмма. Председателю Государственной Думы. Петроград.

Нет той жертвы, которой я не принес бы во имя действительного блага и для счастья родной матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу Моего Сына, чтобы Он оставался при мне до совершеннолетия при регентстве брата Моего Михаила Александровича.

НИКОЛАЙ.

Составлено и подписано собственноручно 2 марта 1917 г. в Императорском поезде в Пскове.

Дана после доклада Его Величеству телеграмм Алексеева и главнокомандующих всех фронтов. Рузский.

Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкой и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам, в коих произошло отречение от Престола Государя Императора с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 140.

2-го марта Сергей Петрович [Федоров] днем пошел к Государю в вагон и говорил с Ним, указывая на опасность оставления трона для России, говорил о Наследнике и сказал, что Алексей Николаевич хотя и может прожить долго, но

все же по науке он неизлечим. Разговор этот очень знаменательный, т. к. после того, как Государь узнал, что Наследник неизлечим, Его Величество решил отказаться от престола не только за себя, но и за Сына. По этому вопросу Государь сказал следующее: «Мне и Императрица тоже говорила, что у них в семье та болезнь, которою страдает Алексей, считается неизлечимой. В Гессенском доме болезнь эта идет по мужской линии. Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного Сына и расстаться с Ним».

«Да, Ваше Величество, Алексей Николаевич может прожить долго, но его болезнь неизлечима», – ответил Сергей Петрович.

Затем разговор перешел на вопросы общего положения России после того, как Государь оставит царство.

«Я буду благодарить Бога, если Россия без меня будет счастлива», – сказал Государь. – «Я останусь около своего Сына и вместе с Императрицей займусь Его воспитанием, устранившись от всякой политической жизни, но мне очень тяжело оставлять Родину, Россию», – продолжал Его Величество.

Д. Дубенский. Как произошел переворот в России // Русская Летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 56.

Трогателен рассказ камердинера Государя о том, как ночью с 1 на 2 марта у себя в отделении молился Царь. «Его Величество всегда подолгу молятся у своей кровати, подол-

гу стоят на коленях, целуют все образки, что висят у них над головой, а тут и совсем продолжительно молились. Портрет Наследника взяли, целовали его и, надо полагать, много слез в эту ночь пролили. Я заметил все это».

Д. Дубенский. Как произошел переворот в России //
Русская Летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 57.

За два с половиной года, находясь постоянно при Государе и объехав с Его Величеством Европейскую Россию, Кавказ, все фронты с севера от Риги до Карса и Марганокерта, я видел русский народ в Москве, когда он на морозе проставивал часы, чтобы встретить Царя и Его Семью; был в Киеве, Одессе и множестве других городов нашего Юга, когда толпы бежали за царским автомобилем; находился в казачьих городах Новочеркасске, Владикавказе, Екатеринодаре и в центре Кавказа, Тифлисе, когда дикий азиатский народ так плотно окружал царский поезд, что он еле мог идти. Всюду был открытый восторг, вера и глубочайшая надежда на Белого Царя. В армиях, на позициях, в госпиталях я был свидетелем таких сцен, о которых раньше даже не читал. Раненые и умирающие солдаты крестились, когда к ним подходил Царь. Некоторые из них говорили: «Не может быть, что это Государь и Наследник», и целовали им руки. Это было в Галиции.

Д. Дубенский. Как произошел переворот в России //
Русская Летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 89.

Скоро и благополучно прибыл в Царское Село – в 11.30 ч. Но, Боже, какая разница, на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики! Пошел наверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали в темной комнате. Но самочувствие у всех хорошее, кроме Марии, у которой корь недавно началась. Завтракали и обедали в игровой у Алексея.

Дневник Государя.

Комната, куда я вошел, была, по-видимому, одной из тех, где занимался и играл Наследник. Она была разделена белыми, деревянными перегородками на три части. В маленькой передней стояли игрушки. По левую руку была дверь, которая вела в небольшое помещение, где стояла большая кукольная мебель, нечто вроде гостиной в миниатюре. На двери висела бумажка, на которой было написано:

– Вход без разрешения Ольги и Татьяны воспрещается.

В большой половине комнаты стоял стол, на котором лежали французские и английские журналы, акварельные краски и ножницы. По-видимому, Наследник раскрашивал и вырезывал из них картинки. На столе висело аккуратно написанное расписание уроков. В первой строчке перечислялись все имена: Ольга, Татьяна, Анастасия и Мария, а ниже для каждого имени было составлено расписание. Большой

белый стол, шкаф и стулья завершали скромную обстановку этой комнаты.

Марков С. В. Покинутая Царская Семья. Вена, 1928. С. 95–96.

Дорогая, нежно любящая Анастасия. Крепко буду молиться за тебя и Марию. С Богом все пройдет. Терпи и молись. Крепко целую тебя и Машку.

Будь Богом хранима †! Твой Алексей. † Царское Село. 13 марта 1917 г.

Письмо Цесаревича Великой Княжне Анастасии Николаевне. // ГАРФ. Ф. 683. Оп. 1. Ед. хр. 7.

Здравствуй, дорогой мой Алексей Николаевич!

Одолели ли Вы мое длинное письмо? – Когда Вы отдохнете хорошенько, напишите мне, что Вы читаете и что Вам читают. Попросите Трину, чтобы она нашла рассказ Короленко «Старый звонарь». В ваших шкафах много интересных книг, и Владимир Николаевич поможет выбрать. Кланяюсь всем Сестрам. Скажите Анастасии Николаевне, что я читаю ее сочинение. Храни Вас Бог. Ваш П. В. П.

6 апреля 1917 г.

Письмо Петрова П. В. Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 100.

11 апреля ... В 2 часа дня пришел ко мне Бенкендорф от

Ее Величества с заявлением отслужить завтра в среду 12 числа Б. Литургию, которую начать в 11 час. дня, а сегодня, во вторник, отслужить всенощное в комнате б. Наследника, куда соберутся и все дети и служащие в ½ 7 часа вечера ... В ½ 7 служили в детской комнате всенощное, из комнаты б. Наследника была раскрыта дверь в другую детскую комнату, где в кровати лежали больные княжны Ольга и Мария и Наследник, простудившийся в канаве, где колют лед.

Дневник прот. Л. Беяева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

22 апреля и 23 ап. Тезоименитство бывшей Царицы Александры Феод[оровны]... в 6 ½ часов началась всенощная сл., за которой в светлых праздничных платьях собралась вся Царская Семья: Сын, четыре дочери и их Родители и весь штат служащих. После шестопсалмия и малой ектеньи был прочтен акафист Св. Велик. Георгию и в конце особая молитва Св. В. Цар. Александре. На другой день к Бож. Литургии в праздничных одеждах явились все те же лица. Молебен о здравии был совершен до Литургии, а за Литургиею, вместо обычной молитвы о даровании победы, была прочитана молитва к Св. Мц. Александре. Литургия закончилась словом, сказанным мною по случаю праздника. Подходивших для целования Креста я поздравил, с подачею каждому просфоры, Государя с Именинницей, а Государыню приветствовал с днем Ее Ангела, и пожелал Ей душевного по-

коя, здравия, терпения в перенесении тяжелых дней и помощи от Господа по молитвам Св. Мц. Александры. На приветствие Императрица высказала благодарность, усиливаясь улыбнуться, но улыбка была страдальческая, болезненная. Все бывшие в храме, целуя крест, делали молчаливый поклон в ту сторону, где отдельно о всех, около ширм, стояла Царская семья. Вот и все отличие от обыденно проводимых в строгом заключении будничных дней. Грустно и тяжело до слез...

Дневник прот. А. Беляева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

...Радуюсь, что вы все, слава Богу, здоровы и на ногах. Ваше письмо меня особенно порадовало. Я боялся, что за время Вашей болезни у Вас изменится и почерк, и правописание. Оказывается, и то, и другое в порядке. Вы и пишете и излагаете почти без ошибок, а это не может не радовать мое учительское сердце! Я жду ответа из Могилева от Кулика, которому написал неделю тому назад, а то и больше, чтобы он выслал оставшиеся там наши книги и вещи. Между книгами должны находиться Ваши тетрадь с сочинениями и черновой лист с началом сочинения на тему: «Одна семья». Как только получу, сейчас же Вам пришлю. Пока же я Вас прошу исполнить те задачи, которые я Вам послал: одну – по этимологическому и синтаксическому разбору, а другую – рассказ по картинке «Хромая собака». Кстати о собаках.

У меня прибавился временно еще один экземпляр: белый шпиц «Трелька». Он принадлежит капитану артиллерии Бездеку, который навестил меня и в тот же день уехал в Могилев дней на 5. По возвращении он возьмет Трельку обратно. Полкан и Барбос переросли уже Пульку. Этот бродяга совсем перестал улыбаться и навещает меня не так уже часто, как до моей болезни.

Царское Село, 28 апреля 1917 г.

Письмо Петрова П. В. Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 100.

5 Мая служили всенощную и 6 Мая Б. Литургию, пред литургиею в 10 часов был молебен. К Литургии собралась вся Царская семья и горячо молилась, празднуя день рождения Государя...

Дневник прот. А. Беляева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

20 Мая. Суббота на Троицын день. Всенощная служилась более торжественно. Икону, убранную живыми цветами, вынесли на середину храма. Полиелей и благословение хлебов. С сегодняшнего дня целые хлебцы, а равно и просфоры, будут даваться только б. Государю и б. Государыне, а детям их только по небольшому кусочку, – нет муки! За Богослужением были восемь человек и, насколько было возможно заметить, более спокойные. Княжны даже переглянулись между

собою и с улыбкою детства смотрели на подходящих к целованию Иконы караульных офицера и солдата, не делающих поклон в сторону, где стоит вся семья и б. царя, что делают обыкновенно все другие лица после целования Иконы и благословения священника.

Дневник прот. Д. Беляева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

25 Мая, день рождения б. Государыни. Молебн служили пред Литургией, когда в церкви была только прислуга, а Литургию начали в 11 часов, собралась вся Царская Семья, говорил обычное слово.[...]

Дневник прот. Д. Беляева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

Его Превосходительству Петру Васильевичу Петрову Внеклассное сочинение Алексея Николаевича по картинке

Хромая собака

Ваня возвращался из школы. Ученье прошло у него хорошо, и он веселый спешил домой. Он с особым вниманием и радостью смотрел по сторонам. Вдруг услышал он жалобный писк и, обернувшись, заметил, что прошел мимо собаки, которая лежала посреди дороги и лизала свою левую заднюю лапу. Он тотчас подбежал к ней и, разглядев на ней рану, перевязал ее своим платком. Собака показалась Ване очень

жалкой и худой. Он захотел ее накормить и позвал за собой. Хромая на одну ногу, она покорно поплелась за ним.

Через три недели Тузик – так называл Ваня свою собаку, – окончательно оправился и очень привязался к своему хозяину. Он всегда выбегал навстречу ему, когда Ваня возвращался из школы, и, прыгая вокруг него, сопровождал его до дому. Дорога из школы лежала мимо речки, Змейки, которая протекала по краю деревни. Часто Ваня со своими товарищами останавливался на берегу Змейки и все вместе смотрели как ползают раки, которыми эта речка была богата.

Однажды, когда Ваня и его товарищи возвращались из школы мимо речки, они заметили рака в воде так близко от берега, что им захотелось поймать его руками. Младший из друзей, Вася, уже начал разуваться, когда Ваня, желая опередить его, стал быстро спускаться по довольно крутому откосу. Вдруг он поскользнулся и через мгновение оказался по горло в воде. За ним поплыл его картуз, соскочивший с него при его падении.

Ваня барахтался в воде и, крича, протягивал руку к своим друзьям. Но те, боясь тоже попасть в реку, повернувшись к деревне, стали не своим голосом звать на помощь. Между тем Тузик, только что подбежавший в берегу с поля, по которому он с восторгом носился, увидев своего хозяина в воде, тотчас же бросился за ним.

В тот же миг Ваня погрузился с головой.

Пока Вася, обернувшись к реке, молил Бога о спасении

своего друга, а третий из товарищей побежал к деревне, продолжая звать на помощь, Тузик, схватив утопающего за рубашку, спокойно вытащил его на берег. Вася помог Ване вскарабкаться по откосу и стащить намокшие сапоги.

В это время к ним подбежали еще два мальчика. Один из них был Ванин брат, Миша, который часто выходил своему старшему брату навстречу, но на этот раз опоздал и встретил только Ваниного товарища: он в наказание был задержан в школе на полчаса за то, что подсыпал учителю в чернило воючего порошка, а остальные ученики его класса были выпущены раньше времени. Они оба обрадовались, увидав Ваню спасенным, и стали расспрашивать его о том, что с ним случилось. Его все слушали с интересом, а он, рассказывая, обнимал и с благодарностью ласкал Тузика.

Так отблагодарила хромая собака за Ванину доброту.
Алексей Романов. 25 мая 1917 г. Получено 31/VII 17 г.
ГАРФ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 83.

Совершенно случайно сохранился и был отобран у Михаила Летемина собственноручный дневник Наследника Цесаревича за 1917 год. Это небольшая книжка в твердом, обтянутом сиреневым муаром с золотым тиснением переплете. На оборотной стороне первого внутреннего бумажного обертного листа рукой Государыни Императрицы на верху страницы поставлен крест и под ним написано: «Всея твари Содетелю, времена и лета во Своей власти положивый, бла-

гослови венец лета благодсти Твоея, Господи, сохраняя в мире Императора, молитвами Богородицы и спаси ны». А на следующем, внутреннем таком же листе: «Дорогому моему Алексею от Мама. Царское Село».

Трогательно, по-детски, заносил Цесаревич в дневник свои наблюдения над трагически-жгучими событиями этого тяжелого для Его Родителей и для всей Семьи года. Он болел, и болел серьезно, поэтому, естественно, доминирующими мотивами записи являются отметки о состоянии здоровья и связанные с этим разрешавшиеся Ему развлечения дня. Но Он наблюдателен, отмечает, конечно, по-своему и события внешней жизни, оставлявшие в нем то или другое впечатление: «Сегодня приезжал Керенский; я спрятался за дверь, и он, не замечая меня, прошел к Папа». «Когда мы ехали на вокзал, кругом нас скакала кавалерия», это при отправлении в Тобольск. «Мы ходили в церковь; по всему пути стояли шпалерами солдаты». «Сегодня нас опять не пустили в церковь. Дураки». «Как тяжело и скучно», одна из последних записей в Тобольске. В Екатеринбурге Наследник Цесаревич не сделал ни одной записи.

Как общий характер, вначале записи в дневнике идут почти ежедневно; дух их бодрый, веселый. Потом с переездом в Тобольск записи делаются все реже и реже, а содержание их становится все грустнее и грустнее, как будто предчувствие закрадывалось в Его юную душу и Ему не хотелось заносить это состояние в дневник. Однажды он выразился: «если бу-

дут убивать, то чтоб недолго мучили»...

Из дневника Наследника Цесаревича видно, что несмотря на попытки отдельных личностей из охраны тем или другим задеть, оскорбить Членов Семьи, большинство солдат, по-видимому, еще долгое время в Тобольске продолжало сохранять к бывшему Государю уважение, почтение и любовь именно как к бывшему Царю, который даже в положении арестованного продолжал проявлять к ним постоянные знаки внимания, хорошего отношения и заботы. Наследник Цесаревич очень часто упоминает фамилии любимых солдат, разговоры с ними Его и Отца, и эта близкая связь, по-видимому, сохранялась до смены солдат латышами, привезенными Родионовым и Хохряковым. Наследник отмечает, что в Тобольске Они с Государем ходили в помещение караула и там засиживались в беседе с солдатами. Известно, что когда в Тобольск был прислан Керенским новый комиссар Панкратов со своим помощником, грубым Никольским, они начали вводить разные строгости, во избежание побега или похищения Царской Семьи. Велико было изумление Панкратова, который однажды, зайдя в караульное помещение охраны, застал там Государя Императора с Наследником Цесаревичем за столом с солдатами караула в дружественной беседе. Вероятно, тогда этот революционер царского времени понял, что, если между Правителем – Царем России и народом произошел разрыв, приведший к революции и низвержению Царя руководящими классами, то не бывший Государь Им-

ператор Николай Александрович был причиною этого разрыва, а все те, кто мнили себя стоящими ближе к народу, мнили себя более понимающими народ и поставившие себя между Царем и народом...

В доме Ипатьева сохранились: кресло-каталка Наследника Цесаревича, в котором Он провел последние месяцы своей жизни, так как со времени переезда в Екатеринбург болезнь не оставляла Его и ходить Он совершенно не мог. От жителей города были получены: сани Наследника Цесаревича, в которых Его возили на прогулки во время болезни зимой, и столик от волшебного фонаря. Самого фонаря в вещах не оказалось.

Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 1991. Ч. I. С. 182–184

29 Мая. Понедельник. Полчаса ждем пропуск у ворот Дворца. Собираются любопытные, товарищи и праздный народ. Наконец дозволили в сопровождении солдат пройти мрачным коридором в Церковь. Опоздали на 15 минут. Когда пришли в зало, то вся свита была уже в сборе. Тотчас же явилась и вся царская семья. Молебен продолжался двадцать минут! Поминали благоверных рабов Божиих Николая Александровича, супругу его Александру Феодоровну и чад их, Алексея Николаевича, Ольгу Николаевну, Татьяну Николаевну, Марию Николаевну и Анастасию Николаевну. Многолетия не было. Подходили ко кресту дети с довольны-

ми улыбающимися лицами.[...]

Дневник прот. А. Беяева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

Дети уже очень загорели, в особенности М. Они все вас целуют. – Жизнь та же сейчас – учатся каждый день, надо побольше, т. к. зимою болели – и потом время скорее проходит, раз они не могут как раньше быть целый день на балконе или в саду. От 8 до 8 позволено теперь – т. ч. они и Ал. по утрам часок гуляют. (Мал[енький] играет на островке). От 2–5 все – а еще с девочками от 4 ½ – 8 все-таки много на воздухе, и это им полезно всем.

29 мая 1917 г. Ц. С.

Письмо Государыни М. М. Сыробоярской. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Ед. хр. 76.

3 и 4 июня. В Воскресенье Литургия началась в свое время и шла с 11 до 12 ч. Были за службою и Государь, и Государыня, и все пять чел. детей их. Слово говорил на Евангелие об избрании первых учеников Господом Иисусом Христом, коснулся и о народном избрании Преосв. Вениамина на Петроградскую кафедру подавляющим большинством голосов, несмотря на то, что Пр. Вениамин не имел еще самостоятельной Епархии, а лишь только был Викарием, и самым младшим из кандидатов избрания. Получил приглашение завтра отслужить молебен.

Дневник прот. А. Беяева с записями о службе его при Дворе // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

29 июня. Четверг. Литургия в 11 часов. Вся царская семья была в церкви. Говорил о Св. Апостолах Петре и Павле. Проводил ту мысль, что один из апостолов ярко горел любовью и беззаветною преданностью ко Христу, а другой не с меньшею, если не большею горячностью пылал гневом и ненавистию к Сыну Божию; итак, тот и другой без особой благодати Божией оказались ничтожными к восприятию и познанию воплощенной истины. Ап. Петр после твердого исповедания веры от Христа, а Ап. Павла могло вразумить только необыкновенное чудо, совершившееся над ним для его вразумления.

Дневник прот. А. Беяева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

9 июля. Воскресение. От 11 часов до 12 $\frac{1}{4}$ час. совершалась Б. Литургия. Молилась вся царская семья и уже оч. небольшой состав прислуги. Наследник заходил в Алтарь, где ему подана была теплота и кусочек антидора... Говорил на слова Евангелия об исцелении слепцов.

Дневник прот. А. Беяева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

19 июля. Воскресенье. Литургия была в свое время и вся

Царская семья молилась; ко Кресту первым после родителей подходил, как и раньше, Наследник, а потом Княжны. За службою смутил меня о. протодиакон, прочитавший не то Евангелие: вместо насыщения 5-ю хлебами 5 тыс. члов[ек] он читал об изгнании бесов в стране Гадаринской, и пришлось мне говорить не то, что обдумал раньше службы. Мысленно воззвал я: Господи, вложи в недостойные уста мои слова, достойные к прославлению Св. Имени Твоего. И Господь помог мне: ярко обрисовав современное положение русского народа, ложного понявшего дар свободы и обратившего этот Божеств. дар в безумие, произвол, анархию и унижение, до чего довел себя и один из высших духов, денница, восставший на Бога Творца своего и в своем безумном своеволии унизивший себя до того, что решил просить как милости войти в стадо нечистых животных – свиней, окончил молитвою: Господи, пощади нас, вразуми и научи как творити волю не свою, а Твою Божественную...

Дневник прот. А. Беляева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

Дорогой П. В. П. Как Ваше здоровье. Мама Вам кланяется и спрашивает, какие книги мне читать? На детском острове Жилик и я сделали водяную мельницу. Папа каждый день рубит сухие деревья, а мы играем в парке. Синий мне читает «Князя Серебряного». Это очень интересно. Поклон Вашим. Крепко целую. Ваш Алексей.

Царское Село. 16 июля 1917 г.

**Письмо Цесаревича Петрову П. В. // ГАРФ. Ф. 611.
Оп. 1. Ед. хр. 66.**

23 июля. Бож. Литургия была в свое время при тех же молящихся и в том же порядке. Наследник прислуживал в алтаре, а к концу литургии ушел в зало, где стояла вся Царская семья и вместе со всеми слушал мое слово о праздновании в Феодоровском соборе памяти препод. Серафима. Я же, между прочим, сказал: «Приношу сердечную благодарность за то, что имел возможность совершить торжественное, соборное служение всенощной и Бож. Литургии в том дивном, пещерном Серафимовском храме, где так много сохранилось воспоминаний и о благолепных святительских службах и о тех великих богомольцах, которые особенно в дни поста и покаяния, любили усердно молиться пред гробиком, бережно хранящим в себе и частицу мощей Пр. Серафима, и часть от его одежды, и кусочек Его молитвенного Камня». Все слушали со вниманием и чувствовалось, что дух Препод. Серафима был среди молящих. По окончании Литургии, спускаясь вниз, по лестнице, невольно и резко бросилась в глаза грязь, неряшество и запущенность этого дивного по красоте и всегда идеально чистого царского подъезда. Вся лестница пред входом в комнаты Их Велич. загрязнена птичьим пометом, брошенными окурками папирос и неметеным сором. Самая площадь перед Дворцом и дорожки, идущие кругом

Дворца, заросли сорною травой, газоны истоптаны караульными, часовыми-солдатами.

Дневник прот. А. Беяева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

Дорогой Петр Васильевич. Трина занимается со мной по арифметики и правописанию, а Синий со мной читает. Очень благодарю за письма и за поклоны. Надеюсь, что у Вас не повторялось головокружение. Как Ваше здоровье? Храни Вас Господь! Поклон Вашим. Ваш А. Романов.

Царское Село. 23 июля 1917.

Письмо Цесаревича Петрову П. В. // ГАРФ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 66.

Спасибо, дорогой мой, милый мой Алексей Николаевич за письмецо, Вы занимаетесь с Триной по арифметике и по правописанию. А что именно Вы проходите? Штопаный Петр Васильевич чувствует себя гораздо лучше, и здоровье его восстанавливается. Мои телохранители счастливы и благодарят за память. Написали ли Вы Жене, Васе? Пожалуйста, возвратите мне их письма, написанные мне. Я тоже хочу им писать ответ. Вчера у меня были Констн. Ал., Эраст Пл. и Сиг. Все трое кланяются. У бедного Сига в Ставке украли сапоги, халат.... сукно, шелковый зонтик и палку. Разорили беднягу рублей на 300. Скоро опять буду писать. Храни Вас Бог. Сердечные мои поклоны всем Вашим. Крепко Вас лю-

блящий П. В. П.

26-VII-17, Ц. С.

**Письмо Петрова П. В. Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682.
Оп. 1. Ед. хр. 100.**

29 Июля. *Суббота*. Недолго простояв у ворот ограды и дождавшись дежурного офицера, мы вошли в парк и видим, что есть – совершается что-то необычное; разметена площадь, убран сор, вычищена лестница, какое-то приподнятое настроение часовых и особенно развязное оживление на крыльце т. наз. товарищей. Со слов дежурных офицеров нам стала известна и причина происходящего оживления. Назначен отъезд Б. Царя Николая Ал. и его семьи из Царского Села и все готово к отъезду, который предполагается совершить в понедельник 1 августа. Но куда? Неизвестно. Есть предположение уехать в глубь России на Волгу, в г. Кострому...

Дневник прот. А. Беляева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

Ваше Императорское Величество. Алексей Николаевич! Поздравляем Вас в День Рождения Вашего, молим Бога сохранить Вашу жизнь и здоровье, и чтоб Он Всевышний оберег Вас от врагов Ваших. Как хочется нам быть возле Вас и рассказать Вам, что делается на Руси Святой. Преданные Вам Ваши сверстники москвичи.

Письмо сверстников-москвичей Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1 (дополнительная). Ед. хр. 202.

Царское Село.

Александровский Дворец.

Бывшему Цесаревичу

Алексею Николаевичу.

Господин цензор, мы очень Вас просим передать это письмо по адресу:

Дорогой Алексей Николаевич.

Русские дети, которых Вы никогда не видели, но которые Вас никогда не забудут, поздравляют Вас с Днем Вашего рождения. Они Вас очень любят и сегодня были в церкви, по случаю Вашего рождения. Назвать Вас иначе и сказать свои имена – не смеем.

31-ое июля 1917 г.

Письмо русских детей Цесаревичу. // ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Ед. хр. 202.

1 августа. Без четверти в 6 часов утра. Дворец Александровский лишился своих жильцов – опустел. Всю ночь никто не ложился спать. Ночь прошла тревожно. К утру были поданы автомобили и вся б. Царская семья, измученная долгим ожиданием, со слезами простившаяся с родным домом, отправилась в дальнюю дорогу, в неизвестную глушь, в холодную Сибирь.

Дневник прот. А. Беляева с записями о службе его при Дворе. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 2077.

...Всю ночь Царская Семья провела без сна и без отдыха, в изматывающем ожидании. Подали чай. Пили его стоя тут же, в гостиной... Около четырех часов утра вновь появился на минуту Керенский, неизвестно для чего и зачем... Только после пяти часов утра Царская Семья стала садиться в автомобили. Спокойно и выдержанно сел в автомобиль Государь. С краской волнения на лице села Государыня. Окруженные конным конвоем автомобили тронулись на станцию «Александровская»...

Среди тишины раннего утра слышался грохот двинувшегося без огней состава. В утреннем тумане было видно, как он медленно выползал из линий вагонов. Поездной состав, предназначенный для Царской Семьи, не был подан на станцию к перрону, но был поставлен в стороне от него, в направлении Петрограда. Между ним и дорогой, проходившей вдоль путей, было ещё две линии путей железной дороги. По другую сторону проезжей дороги, против остановившегося состава, тесно сгрудилась серая людская толпа, молчаливая и неподвижная.

Так держат себя люди при совершении какого-нибудь великого таинства... какое-то благоговейное молчание.

Броневик с выкинутым красным флагом медленно прошел по дороге и вдоль железнодорожного полотна и, быстро

повернув, ушел в сторону Царского Села. Снова настала таинственная тишина. Переступая осторожно с ноги на ногу, жандарм не сходил со своего установленной места у часов платформы.

Подшли две легкие машины. Из одной из них вышли лица, не пожелавшие оставить Их Величеств в скорбные дни их жизни и быстро прошли, неся небольшой багаж, в предназначенный им вагон.

Из другого вышли Царевны, вынесли на руках Царевича. Затем вышел сам Государь и помог выйти Государыне. Вся Царская Семья медленно перешла пути и двинулась по шпалам к своему вагону, спальному Восточно-Китайской железной дороги...

А на другой стороне путей стояла молчаливая, неподвижная толпа и броневик. Когда Царская Семья начала свой страдный путь, толпа русских людей, их подданных, свидетельствовала его своим священным молчанием и тишиной. Государыня с трудом поднялась по ступенькам вагона. Государь помогал ей. Сам Он поднялся спокойно и бодро. Через некоторое время в одном из окон вагона показался Государь. Слева от него выглядывала Государыня; справа стоял Царевич; а сзади него Царевна Татьяна. В соседнем окне показались Царевны Ольга, Мария; Анастасия. Они все смотрели в нашу сторону...

В окне слева показались Государь и Царевич. Государыня выглянула в окно и улыбнулась нам. Государь приложил ру-

ку к козырьку фуражки. Царевич кивал головой. Так же кивали головой Царевны, сгруппировавшись у соседнего окна. Мы отдали честь, потом сняли фуражки и склонили головы. Когда мы их подняли, то все окна вагона оказались наглухо задернутыми шторами.

И вот поезд медленно тронулся. Серая людская толпа вдруг всколыхнулась и замахала руками, платками и шапками. Замахала молча, без одного крика[...] Видел ли Государь и Его Августейшая Семья этот молчаливый жест народа, преданного, как и она, на мучения? Жест, полный мистической священной тишины, молчаливой любви, последнее прости... Предчувствие грядущих мук?

Закоренелый революционер, преступник и враг монарха и России, Козмин, недоумевающим взором смотрел на происходившее. Потом внезапно побледнел, съежился и торопливо уехал.

Со станции «Александровская», с завешенными окнами этот таинственный безмолвный поезд унес в далекую Сибирь мистическую Божественную тайну служения Православного Государя и судьбы России. Крестный путь Августейшей Семьи.

Артабалевский. Н. 1-е августа 1917 года // Возрождение. 1957. № 67. С. 26–27.

Пятница. 11-го августа. [Тобольск]. Я оставалась на пароходе с Ее Величеством, Великой Княжной Марией Нико-

лаевой и Алексеем Николаевичем. Настенька днем ходила в город и купила ему бумагу почтовую и черешни.

Непеин И. Комнатная девушка Ее Величества: дневник А. С. Демидовой // Иртыш. 1991 г. № 1. С. 140.

13-е Августа. Воскресенье. В 10 ½ часов Государь, Наследник, все Великие Княжны перешли также пешком в Губернаторский дом, а Государыня ехала в коляске и Великий Князь Государь Наследник.

Непеин И. Комнатная девушка Ее Величества: дневник А. С. Демидовой // Иртыш. 1991 г. № 1. С. 140.

Вторник. 15 августа. Сегодня праздник. Успение Богородицы. Была обедница в 11 часов дня в зале дома № 1.

Непеин И. Комнатная девушка Ее Величества: дневник А. С. Демидовой // Иртыш. 1991 г. № 1. С. 140.

Я любила больше всех Алексея Николаевича. Это был милый, хороший мальчик. Он был умненький, наблюдательный, восприимчивый, очень ласковый, веселый, жизнерадостный. Он был способный от природы, но был немножко с ленцой. Если он хотел выучить что-либо, он говорил: «Погодите, я выучу». И если действительно выучивал, то это у него оставалось и сидело крепко. Он привык быть дисциплинированным, но он не любил придворного этикета. Он не переносил лжи и не потерпел бы ее около себя, если бы взял

власть когда-либо. У него были совмещены черты и отца и матери. От отца он унаследовал его простоту. Совсем не было в нем никакого самодовольства, надменности, заносчивости. Он был прост. Но он имел большую волю и никогда бы не подчинился никакой женщине. Вот Государь, если бы он взял власть, я уверена, он бы забыл и простил поступки тех солдат, которые ему были известны в этом отношении. Алексей Николаевич, если бы получил власть, этого бы никогда им не забыл и не простил и сделал бы соответствующие выводы. Он не любил придворного этикета и говорил про Тобольск: «Здесь лучше. Меня там (во дворце в Царском) обманывали. Меня там ужасно обманывали». Он уже многое понимал и понимал людей. Но он был замкнут и выдержан.

Он был страшно терпелив. Бывало, сидит и начинает отставлять ногу. Видишь это, скажешь: «Алексей Николаевич, у Вас нога болит». – «Нет, не болит». – «Да ведь я же вижу». – «Вы всегда видите – болит, а она не болит». Так и не скажет, а нога действительно разбалывается. Ему хотелось быть здоровым, и он надеялся на это. Бывало, скажет: «А как Вы думаете, пройдет это у меня?» Он был очень аккуратен, дисциплинирован и требователен. Если бы он получил власть, он был бы требователен. Я не знаю, думал ли он о власти. У меня были с ним разговоры об этом. Я ему сказала: «А если Вы будете царствовать...» Он мне ответил: «Нет, это конечно навсегда». Я ему сказала: «Ну, а если опять будет, если Вы будете царствовать?» Он сказал мне: «Тогда надо устроить

так, чтобы я знал больше, что делается кругом». Я как-то его спросила, что бы тогда он сделал со мною. Он мне сказал, что он бы построил большой госпиталь, назначил бы меня заведовать им, но сам бы приезжал и сам бы «допрашивал» обо всем: все ли в порядке. Я уверена, что при нем был бы порядок.

Он был добрый, как и отец, в смысле отсутствия у него возможности причинить напрасно зло. В то же время он был скуповат: он любил свои вещи, берег их, не любил тратить свои деньги и любил собирать всякие старые вещи: гвозди, веревку, бумагу и т. п. Перегорит электрическая лампочка, несут к нему, и он ее спрячет. Как-то однажды, когда он был болен, ему подали кушанье, общее со всей семьей, которого он не стал есть, потому что не любил этого блюда. Я возмутилась: как это не могут приготовить ребенку отдельного кушанья, когда он болен. Я что-то такое сказала. Он мне ответил: «Ну, вот еще. Из-за меня одного не надо «тратиться». В ученье он был страшно запущен. Он даже плохо читал и любил, чтобы больше ему читали, чем самому читать. Час ему было трудно заниматься. Это, возможно, объяснялось его болезнью. Читать он не любил, и Государыня волновалась по этому поводу. Она ставила ему в пример Государя, любившего читать и в детстве.

Воспоминания К. М. Битнер, учительницы Наследника Цесаревича в кн.: Н. Росс. Царская семья в Тобольске и Екатеринбурге // Царствование и мучениче-

ская кончина Императора Николая II. Париж, 1993.

Дорогой Петр Васильевич. Очень благодарю Вас за письмо, все читали. Я очень извиняюсь, что я Вам не писал раньше, но я в самом деле очень занят. У меня каждый день 5 уроков, кроме приготовлений, и как только я освобождаюсь, я бегу на улицу. День проходит незаметно. Как Вы знаете, я занимаюсь с Клавдией Михайловной по русск[ому], по арифм[етике], по ист[ории] и геогр[афии]. Крепко обнимаю. Поклон всем. Часто вспоминаю Вас. Храни Вас Бог!

Тобольск, 27 ноября 1917.

Письмо Цесаревича Петрову П. В. // ГАРФ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 66.

Все здоровы – сердце в общем лучше. Редко выходят, т. к. тяжело дышать при морозе. Заняты уроками, вышивают, рисуют, по вечерам читают вслух. [...] Службы бывают по Воскресеньям в церкви в 8 ч. утра, всенощная дома в зале. Вначале монашенки пели, теперь любители. Дежурный офицер, комендант и комиссар рядом в комнате. Образа устраивают на столе и тумбах, покрытых кружевами, и коврик для Батюшки, совсем уютно и много маленьких [нрзб] кот. с образами с собой привезли.

Тобольск. 29 ноября. 1917 г.

Письмо, написанное А. Демидовой по просьбе Государыни Сырбоярским. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Ед. хр.

Дорогой мой Петр Васильевич. Поздравляю Вас с наступающим праздником и Новым годом. Надеюсь, что Вы получили мое первое письмо. Как Ваше здоровье? Пока у нас очень мало снега и поэтому трудно выстроить гору.

Джой толстеет с каждым днем, потому что он ест разные гадости из помойной ямы. Все его гонят палками. У него много знакомых в городе и поэтому он всегда убегает. Я Вам пишу во время французского урока, потому что у меня почти нет свободного времени, но когда будут каникулы, я Вам буду писать чаще. Поклон и поздравления учителям. Храни Вас Господь! Ваш пятый ученик Алексей.

Тобольск, 19 декабря 1917 г.

**Письмо Цесаревича Петрову П. В. // ГАРФ. Ф. 611.
Оп. 1. Ед. хр. 66.**

Алексей Николаевич был любимцем всей Семьи. Может быть, потому, что Он был самым младшим и единственным Сыном и Братом, но вернее, по свойствам своей натуры и характера. Это был поразительно располагающий к себе ребенок: умненький, восприимчивый, чуткий, ласковый, нежный, но вместе с тем с уже достаточно определившимися волей и характером. Его любила не только вся Семья, но и все окружавшие его придворные, слуги, солдаты. Он располагал к себе сразу, с первого общения с Ним. Поэтому когда

Он впадал в болезненное состояние, то это чувствовалось во всем доме: все становились озабоченными, тревожными; всех поглощала мысль — как Он перенесет болезнь; все старались не шуметь, говорить тише, и хотя внешняя жизнь дома продолжалась в прежнем порядке, но на всем ложился отпечаток как бы печали, общего ожидания страшного, рокового.

Более всех страдали Отец и Мать; последняя болела кроме того как бы сознанием своей невольной виновности перед Сыном. Оба любили Сына безгранично. Для обоих в Сыне сосредоточился смысл всей личной и Державной жизни. Для обоих в Нем явилась как бы милость Господня лично к Ним за долголетнее терпеливое ожидание и испытания, перенесенные в эпоху, предшествовавшую Его рождению. Для обоих в Нем жили Их великие радость и счастье видеть прямого, преемственного Наследника Российской Державы. Надо воспринять величественность, полноту и святость их воззрения на Богом дарованную Им историческую, «всея земли» самодержавную власть, чтобы понять, какую милость Всевышнего Творца Они чувствовали в наличии для России наследственного Помазанника Божья; как для искренно и горячо веровавших христиан, рождение Сына было для Них указанием на «славу от Бога»; «кого изберу, того и прославлю», так как какая могла быть большая для Них на земле «слава от Бога», как иметь Наследника своей земной, Богом возложенной на Них задачи, и в Его наличии видеть утвержде-

ние своего Помазанничества. Такой взгляд, определенно высказывавшийся Царем и Царицей покойной Великой Княгини Елизавете Федоровне, ясно обрисовывается многими пометками, оставленными Ими в различных принадлежавших Им книгах Священного писания. С другой стороны, наличие Наследника-Сына отвечало в полной мере нравственному элементу идеологии «всея земли» о наследственной преемственности Верховной власти, установившейся издревле, и в глазах народа являлось *Божьим благословением* Державных Родителей.

Но Сын был дорог Родителям не только в силу удовлетворения Их национально-государственной идеологии, но и по чисто русским патриархальным началам хорошей русской семьи, в которой сын-наследник является всегда особенно желанным, дорогим и любимым членом семьи. Вся Царская Семья, в своем внутреннем мире, являла собою яркий, характерный образец русской патриархальной семьи, основанной на тесной дружбе и любви между всеми членами семьи, на исключительном почтении к родителям и на глубокой религиозности по духу Православной церкви. Об этом свидетельствуют многие материалы, приведенные в 1-й части настоящего труда, а потому повторять их снова нет оснований. Надо поражаться только, с одной стороны, развращенностью многих умов русского общества, и с другой — тем непонятным, с человеческой точки зрения, ослеплением русских людей того времени, которые претворили в «обще-

ственном мнении» эту чистую, нравственную, глубоко русскую Семью в какой-то бедлам развращенности, деспотичности, гордыни, лицемерия, ханжества и сугубо антинационального содержания. Великий «соблазн» претерпела вся русская земля, допустившая такое безбожное и несправедливое извращение истины и правды, но *«горе тем, через кого соблазн приходит»*.

«Говорю вам, взыщется им за это».

В этой патриархальной русской Семье с первых лет ее создания с горячей молитвой и человеческой жадой ожидалась милость Божья – рождение Сына. Десять лет Родители, по воле Провидения, были обречены нести напряженное испытание, и только на одиннадцатом году явилась милость Всевышнего Творца, и родился давно жданный и заранее горячо любимый Сын-Наследник Алексей Николаевич. Счастье и радость Родителей были безграничны: в этот день Они почувствовали себя прославленными Богом, как Державные Вожди земли русской, и бесконечно удовлетворенными, как супруги и родители русской патриархальной семьи. Заветная мечта Их, десять лет страстно лелеянная, осуществилась. Наследник-Сын заполнил смысл Их жизни, как блюстителей государственного единения «всея земли» Великой России и как Родителей своей собственной русской семьи. Маленький Наследник Цесаревич стал кумиром всей Семьи; Бог одарил Его душу и характер исключительно хорошими свойствами и качествами, что способствовало укреплению

общей любви к Нему. Он рос в атмосфере постоянного внимания и горячей нежности со стороны всех Членов Семьи, сохраняя название «Маленький», данное Ему Отцом с первых лет Его жизни. «Как я рада за Нику и Алису, – говорила Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. – Истинно Бог послал Им эту милость в награду за то зло, которое Им пришлось претерпеть за последние годы от «некоторых близких родственников». Теперь все они оставят Государя и Алису в покое». Эти «некоторые близкие родственники» своим интриганством и фарисейством много способствовали утверждению в «общественном мнении» злонамеренных толкований о Царе и Царице и умышленному искажению истинных русских Православных обликов этих мучеников своего царствования и мучеников за идеологию «всея земли».

Но «общий земский грех» в русском народе уже слишком разросся и его не заставило одуматься знамение Промысла Божьего, явленное Российской Державе в рождении СынаНаследника, так как «пошли вслед суеты и осуетились, и вслед народов окрестных» и погибли...

Для них¹⁶¹ жизнь стала вечным страхом, вечным ожиданием катастрофы, ежеминутным опасением за жизнь Сына, опасением потерять Его, больше не увидеть, больше не услышать живым. Это было бы почти кошмарным состоянием, почти кошмарною жизнью, если бы... если бы *не громадная вера, не исключительная религиозность* Державных Родите-

¹⁶¹ Для Государя Императора и Государыни Императрицы. – *Примеч. сост.*

лей, которая одна давала Им силу жить дальше и продолжать оставаться непоколебленными и твердыми в вере в бесконечное милосердие Всевышнего Творца и неисповедимость путей Его Промысла. «В Евангелии сказано, что вера может двигать горами, – говорила Императрица. – Я верю, что Мой Сын воскреснет». По сознательности и глубине веры Государыни можно с убеждением сказать, что слова эти не являлись следствием только душевного побуждения ухватиться за великие заветы веры как за источник отвлеченного утешения там, где уже бессильна была сделать что-нибудь наука и людская мудрость. Для Государыни и Государя вера была не следствием душевной потребности, а сознательным, умом и сердцем постигнутым путем к великому Началу всего в мире, к Творцу его, Всемогушему Богу, через учение прославленного Сына Его Иисуса Христа.

Чтобы проникнуть в глубину сознательной религиозности Царя и Царицы и обнять полноту и целостность восприятия Ими духовности начал учения Христа, мало прослушать свидетельства лиц, близко стоящих к Ним, мало проштудировать Их письма, записки, личную переписку, надо открыть принадлежавшие Им книги Священного писания и страница за страницей, строка за строкой тщательно проанализировать многочисленные отметки, сделанные Ими в книгах, из коих некоторые, как Библия и Евангелие, читались, по-видимому, ежедневно и неоднократно. Отрекшись от предвзятостей, созданных молвой и «общественным мнением», по-

дойдя к этой работе с искренним желанием познать, чья чистота и святость великих учений, постепенно, шаг за шагом начинает получать представление о величественности, цельности и святости нравственно-религиозного мировоззрения, которыми были проникнуты существа Венценосных Супругов Российского государства... Познав теперь, после смерти Царя и Царицы, Их истинный духовный облик, можно лишь позавидовать Их силе веры и преклониться перед той бесхитростностью, простотой, чистотой и мощью религиозных убеждений, с которыми царствовали, жили, страдали, терпели и, наконец, умерли эти поистине Великие Православные Русские Люди. Думается искренно, что только чистотой и силой своей веры Они сохранили у Бога пять лет жизни своему Сыну-Наследнику, до знаменательного для истории России и Православной церкви дня, дня своей общей мученической кончины на Голгофе России...

Болезнь Сына и идейное государственное одиночество еще более, чем раньше, слили Державных Супругов в единое тело и душу, а сознание отсутствия помощи со стороны людей как в борьбе за жизнь Сына, так и в борьбе за жизнь русской самодержавной идеологии вынудило Их сугубо замкнуться в себе и отдать все свои личные силы заботам о Сыне-Наследнике и ограждению целостности и святости Богом данной Им высокой власти. Это стремление в последние пять лет Их царствования потребовало, с одной стороны, напряженного религиозного служения Богу в предельной ду-

шевной простоте и сердечной чистоте, и с другой – максимального проявления твердости и силы воли в ограждении целостности и полноты русской идеи о государственности. Естественно, что в религиозно-историческом служении объединившихся в одно целое Державных Супругов большее напряжение выпало на более сильную натуру Государыни Императрицы, но зато и страдала Она сильнее. Сын стал болеть часто. Во время этих болезней Государыня не отходила от Его постели ни днем ни ночью, урывками принимая пищу и урывками забываясь в чуткой дремоте тут же около Него в кресле. В таком служении, случалось, проходили недели, но Она никому не уступала своего места около Сына. Она тихо и нежно гладила голову Сына и горячо, преданно молилась, отдаваясь вся молитве и прося милосердия Господа. Только под Ее лаской и молитвой Сын утихал, как бы получал облегчение от боли и более спокойно засыпал. Если пароксизм болезни принимал острую, опасную форму, Она призывала к молитве за Сына и других. Веря до конца в силу молитвы и в предстательство других искренних молельщиков, Она верила на этой почве и Распутину, и воспитатель Наследника швейцарец Жильяр по этому поводу говорит: «Называйте это как хотите – совпадением, но факты молитвенного общения с Распутиным и облегчения болезни Алексея Николаевича совпадали». Это было результатом не «совпадения», а силы веры, веры в простоте душевной и чистоте сердца; веры, *которая «двигает горами»*. Эта вера жила в сердцах Го-

сударя и Государыни; она несла облегчение Сыну и она сохранила Его жизнь до общей кончины Семьи. Это не «совпадение», а милость Промысла Божьего для *искренно верующих в Него до конца*.

Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Ч. II. М., 1991. С. 57–65.

Среда. 3-го Января. [1918 г.] Утром у меня появились на теле прыщи. Я лег в постель, в которой пролежал целый день. Температура у меня нормальная, 36-1. У сестер прыщи сходят. Температура у Ольги 37-2, и у Татьяны 36-6. Завтракал с Мамой у сестер в комнате. Ольга и Татьяна жрали с нами. Жилик мне читал вслух. Потом пришел Коля, с кем я играл целый день. Обедали там же, а Коля со всеми внизу.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Четверг. 4-го Января. У меня еще больше прыщей. Утром игра в шашки с Нагорным. Мари тоже заболела. Она вся покрылась прыщами. У меня температура 36-4, Ольги 39-7, а у Мари 39-0. Завтракал у сестер как вчера. Татьяна оделась и ходит по комнатам. Все солдаты сняли погоны по приказу, а Папа и я нет. Днем пришел Коля. Обедал там же, а Коля внизу. Вечером у Мари 39-9.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Пятница. 5-го Января. С утра оделся и ходил целый день. До завтрака играл с солдатыками. Завтракал внизу со всеми. В три часа было водосвятие и окропляли комнаты. Ольга выздоровела и одета. У Мари температура 36-9. Потом пришел Коля и мы играли до 9 часов. Обедал внизу.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Суббота. 6-го Января. Встал в 7 ч. Пил чай с Папой, Татьяной, Анастасией. В 8 ч. пошли в церковь с Мамой. Когда вернулись, пили вторично чай. Потом играли в «Тише едешь, дальше будешь». Завтракал внизу со всеми. После завтрака пришел Коля. Мы играли в карты. Потом пили чай с Папой, Мамой и сестрами. Мари одета и ходит по комнатам. Потом играли в «Nain jaune» с Жиликом, Колей и Триной. В 6 ч. играли в прятки и страшно кричали и шумели. Обедал внизу.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Воскресенье. 7-го Января. Весь день прошел как вчера, только днем я гулял 1 час. Морозу 20 градусов. Писал П. В. П. Завтра будут уроки.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Дорогой Петр Васильевич. Пишу Вам уже третье письмо. Надеюсь, что Вы их получаете. Мама и другие Вам шлют поклон. Завтра начнутся уроки. У меня и у сестер была краснуха, а Анастасия одна была здорова и гуляла с Папой. Странно, что никаких известий от Вас не получаем. Сегодня 20 г. морозу, а до сих пор было тепло. Пока я Вам пишу, Жилик читает газету, а Коля рисует его портрет. Коля беснуется и поэтому он мешает писать Вам. Скоро обед. Нагорный Вам очень кланяется. Поклон Маше и Ирише. Храни Вас Господь Бог! Ваш любящий Алексей...

Тобольск, 7 января 1918 г.

Письмо Цесаревича Петрову П. В. // ГАРФ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 66.

Понедельник. 8-го Января. Встал в $\frac{1}{4}$ 9. Были уроки. Пил чай внизу. Весь день прошел как вчера. Днем от 3 ч. до 4 ч. играл в саду с Колей, а потом он ушел.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Четверг. 11-го Января. Целый день шел снег. Тепло 10 м. Все так же. Был Коля. Давали подарки Т[атьяне].

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Пятница. 12-го Января. Днем был Коля. В 12 ч. был молебен для Татьяны. Завтракали в ½ 1. Весь день прошел как вчера.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Суббота. 13-го Января. Был Коля. Днем катались с горы и все время падали. В 9 ч. вечера была всенощная. Лег в ½ 11. Остальное все так же.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Среда. 17-го Января. Все так же. Швыбзу лучше. Коля еще не при ходил. Днем разговаривали с солдатами. Этот самый хороший караул. На улице шестнадцать градусов. Вечером играл в ш[ашки] в караульном помещении с солдатами.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Понедельник. 22-го Января. 22 гр. м. Ураган. Весь снег кружится. Все так же скучно. Были уроки. В комнатах 8 или 9 гр. тепла.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Вторник. 23-го Января. Все также 29 гр. м. без ветра.

Днем ходил на лыжах. Все ходят в комнатах тепло одетые. В комнатах 6 или 7 гр. тепла.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Воскресенье. 28-го Января. Ночью спал хорошо. Вчера слушал всюнощную через открытую дверь. Утром пил чай в постеле. В $\frac{1}{2}$ 12 была обедница. Я был одетым целый день и чувствую себя хорошо. В $\frac{1}{4}$ 10 был спектакль. Играли О. Т. М. Настенька и генерал Татищев. Она называется «La bete poire». Коля тоже был. Лег в $\frac{1}{2}$ 11 ч. Вот ее программа.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Понедельник. 29-го Января. Днем играл с Колей. Катались с горы. Я ушиб щеколку правой ноги. Разговаривали с солдатами. Этот караул самый лучший, 4-го полка. Вечером после обеда я пошел в караульное помещение и там играл в шашки с поручиком Малишевичем и солдатом Егоровым. Хромал целый день, а на ночь наложил компресс.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Вторник. 30-го Января. Ночь очень плохо спал, нога болела. Целый день нога давала о себе знать. Завтракал с Мамой. Днем играл в карты и в «Тише едешь». Оставался весь

день в постели.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Суббота. 3-го Февралья. Ночью спал очень хорошо. Проснулся в 10 ¼. Слушал обедницу через открытую дверь. Мама завтракала и обедала со мной. Днем пришел Коля и мы с ним играли в карты и в «Nain jaune». Все так же. Коля обедал со мной.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Вторник. 6-го Февралья. Все так же. Завтракаю со всеми, Мама тоже. Обед. С Мамой наверху. Днем был Коля. Катался с горы. Клавдия Михайловна больна и поэтому 2 урока было свободно. Я в это время читал книгу.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Пятница. 9-го Февралья. Вчера ушиб левую ногу в щиколке и целый день был компресс. Я завтракал и обедал с Мамой у Папа в кабинете. Днем лежал на полу и рисовал карикатуры. Тоже целый день был одет.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Суббота. 10-го Февраля. Нога у меня прошла, но получил где-то насморк. Завтракал со всеми внизу. Днем гулял. Разговаривал с солдатами. Это самый хороший караул. Они почти все уезжают по домам. В 6 ч. сестры привели фельдфебеля Тура прощаться. Мама ему дала образки для себя и для других, которые уезжают. Папа его поцеловал и я тоже. Пожелали ему счастливой дороги. В 9 ч. была всенощная. Лег в $\frac{1}{4}$ 11.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Понедельник. 19/4 Февраля. Весь день прошел как вчера. Днем играл с Колей. Я делал из дерева ножом кинжал и Коля тоже, а потом нападали друг на друга. Вечером солдаты срыли гору, чтобы мы не могли кататься. Это нам сказал комендант.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Воскресенье. 25/10 Февраля. Весь день прошел почти как вчера. Днем играли с Колей. Жилик сделал нам деревянное ружье и мы нападали на всех. После чая играли в «палку воровку» дома. Страшно шумели. В 6 ч. была репетиция после обеда. Я с М. и А. повторяли пьесу «Packing up». Лег в 10 ч.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Пятница. 2/15 Марта. Уроки кончились на 3 дня, потому что масленица. С утра одел валенок. После утреннего чая я с сестрами пели. Утром и днем гуляли. Я сделал 2 пистолета. Коли не было, у него сильный кашель.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Суббота. 3/16 Марта. Все так же. Сегодня за завтраком я съел 16 блинов. Их подавали в последний раз. Днем играл, рубил топором дрова, сделал 2 пистолета и 1 кинжал. В 9 ч. была всенощная. Погода холодная с ветром. У меня была ванна.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Понедельник. 5/18 Марта. В 9 ч. была спевка полчаса, а потом началась служба. Певчие не могут петь, и потому Мама с Сестрами будут петь. У них дьякон бывший регент, и он дает тон. Пели довольно хорошо. Днем пилил с Папой. Погода хорошая. В 7 ч. была всенощная и опять пели наши. Лег в ½ 10.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Среда. 7/20 Марта. В 8 ч. пошли в церковь. Через час вер-

нулись домой и пили вторичный чай. Днем складывал дрова в сарай и разорвал перчатки. Вечером пели Мама и Сестры. Остальное как вчера.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Четверг. 8/21 Марта. Утром и вечером пели Мама с Сестрами. Днем Папа пилил дрова для ванны, а сестры кололи на щепки.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Пятница. 9/22 Марта. В 8 ч. были в церкви, а потом пили еще раз чай. Днем играли с сестрами в поезд и в часовые. Вечером обедали в 7 ч., в 8 ч. была всенощная: пели Мама и сестры, а в 9 ч. после службы исповедовались. Я исповедовался первый.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Суббота. 10/23 Марта. В ½ 8 пошли в церковь, где и общались. Певчие пели очень хорошо. Ушиб левую ногу, но ходить могу, свободно. В 9 ч. была всенощная. Пели певчие. Погода хорошая.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

Воскресенье. 11/24 Марта. Все так же. В ½ 12 была обед-ница. Пели певчие. На солнце 10 тепла, в тени 0. Все тает. Днем Папа пилил, сестры кололи дрова и толкали их в сарай. Я кидал снежки.

Дневник Цесаревича. 1918 г. // Grece Eugenie de Le tsarevitch. Enfant martyr. Paris, 1990.

...Я попросил Маркова 2-го помочь мне как можно скорее приехать в Тобольск... Перед отъездом я купил книги в подарок Их Величествам от себя: Наследнику «Огнем и Мечем» Сенкевича и «Отрок-Властелин» Жданова, Великим Княжнам несколько книг Лейкина и Государыне три английских романа. От Вырубовой я получил свою книгу, которую ей дал для прочтения: «Земная жизнь Иисуса Христа» и на которой она сделала подпись «Анка», которую я предназначал для Государыни. Кроме того я получил от Вырубовой сверток вещей для Ее Величества, фотографию покойного ее отца, письма как от нее, так и от Екатерины Викторовны Сухомлиновой и дочери генерала гр. Фредерикса, Эммы Фредерикс и срезанный гиацинт. Вырубова поручила мне обратиться в Тобольске к настоятелю Благовещенской церкви о. Алексею Васильеву и от него уже получить дальнейшие указания. Наконец, 1-го марта, сборы были кончены и я со свертком в руках, состоявшим из книг, нескольких смен белья и 800 рублей в кармане, распрощавшись с А. Вырубовой

и Марковым 2-ым, отправился на Николаевский вокзал.

[...] Я отобрал часть книг, сделал новый небольшой пакет и решил его совместно с цветами и портретом покойного, а также с книгами, передать о. Васильеву в первую очередь... По окончании службы я узнал у церковного старосты, что о. Алексей живет в доме, находящемся за церковью... О. Алексей только что вернулся из церкви и сразу же принял меня... Я просил о. Васильева передать принесенный пакет Их Величеств вместе с моими верноподданническими чувствами горячей любви и преданности, а также и о моем непременном желании, во что бы то ни стало остаться вблизи Их Величеств. О. Васильев охотно согласился исполнить это и на прощание благословил меня и назначил местом свидания на следующий день церковь после службы, где наша встреча менее всего могла бы быть замечена.

Ночь была для меня невыносима и только когда настало утро, я почувствовал себя несколько окрепшим. Я чувствовал, что это утро будет для меня решающим.

С трудом я дождался конца длинной великопостной службы. Когда почти вся публика вышла из церкви, я увидел о. Васильева, знаком приглашавшего меня войти в алтарь.

Когда я вошел и мы поздоровались, он дрогнувшим голосом в самых теплых и сердечных выражениях передал мне глубокую благодарность Их Величеств за мой приезд и при этом передал мне от имени Ее Величества благословение в виде иконы Св. Иоанна Тобольского с одной стороны, а с

другой с изображением Абалакской Божьей Матери. Молитвенник с собственноручной подписью Ее Величества: «Маленькому М. благословение от Ш[ефа]» и в подарок от Их Величеств большой мундштук мамонтовой кости. Передавая мне его, о. Алексей прибавил: Ее Величество не знала, что вам подарить, но потом, достав мундштук, сказала: «Он, наверно, курит, я ему вот и подарю.[...] Когда будет курить, будет чаще меня вспоминать. Я был до того безумно счастлив, что не мог и слова благодарности сказать. О. Васильев дал мне успокоиться и продолжал:

– Ее Величество считает, что вам небезопасно оставаться в Тобольске, потому что вас легко могут опознать, как, например, полковник Кобылинский, так и его знакомая, Битнер. Ведь они вас знают по Царскому Селу еще. Не правда ли? – Я ответил утвердительно.

– Хотя Клавдия Михайловна рассказывала про вас Их Величествам много хорошего и прекрасно о вас отзывалась, Ее Величество все же не знает, как к вашему приезду отнесется Евгений Степанович и потому Ее Величество просит вас как можно скорее уехать из Тобольска в Покровское к Борису Николаевичу Соловьеву и временно остаться у него.

Охватившее было меня радостное чувство сменилось тупым отчаянием. О. Алексей всячески успокаивал меня. Мне ничего не оставалось, как сказать, что я подчиняюсь священной для меня воле Ее Величества и что еще сегодня же выеду в Покровское. В церковь пришел камердинер Их Вели-

честв (это был служитель Кирпичников, как я впоследствии узнал), который вошел в алтарь и еще раз со слезами на глазах передал мне благодарность Их Величеств за приезд и за привезенные подарки... Он же передал мне, что Государыня заплакала, когда узнала о несчастьи, случившемся с Ее полком. Затем он передал мне, что Их Величества обязательно желают меня видеть, хотя бы из окон, что он за этим и послан в церковь, чтобы идти впереди меня, так как Их Величества могут меня не узнать в штатском. Попрощавшись и получив благословение от о. Алексея и передав Кирпичникову пакет, в который были завернуты оставшиеся еще у меня книги, я следом за ним вышел из церкви.

Еще издали я увидел Их Величеств и Их Высочеств, находившихся рядом с балконом в окнах второго этажа. Государь стоял рядом с балконной дверью, рядом в окне и на подоконнике сидел Наследник. За ним, обняв Его талию, стояла Ея Величество. Рядом с Государыней стояла Великая Княжна Мария Николаевна, а за Государыней и Великой Княжной Марией стояли, вероятно на чем-то высоком, Великие Княжны Ольга и Татьяна.

Не доходя шагов двадцати до угла дома, я остановился, и для того, чтобы выгадать время, сначала достал только что полученный мундштук, потом стал искать в карманах портсигар и спички. Их Величества и Их Высочества сразу же узнали меня и я заметил, что они с трудом удерживались от смеха, до того я был комичен в своем долгополом штатском

осеннем пальто и в своей заячьей шапке Петербургского лабазника.

Когда я после долгих усилий, затягивая время, пристроил свою папиросу к мундштуку, а потом поднял голову и закурил, я увидел, как Ее Величество едва заметно кивнула мне головой, а Наследник с видимым любопытством оглядывал меня с головы до ног и что-то говорил Государыне.

Во мне все клокотало, и нервные спазмы сжимали горло. Мне стоило огромных усилий, чтобы не показать своего волнения и сдержать готовые сорваться рыдания. Постояв еще немного на углу, я медленно, медленно пошел вдоль фасада. Их Величества и Их Высочества стали переходить от окна к окну. Дойдя до конца дома, я повернул обратно, все время не спуская глаз с окон. Когда я дошел снова до угла, навстречу мне попался извозчик. Я остановил его, сел в санки и снова проехал мимо дома. Я приказал ему ехать в конец улицы, где находился колбасный магазин. Сделавши закупки в магазине, я демонстративно положил большой пакет себе на колени, приказал извозчику ехать прямо мимо дома к себе в гостиницу. Их Величества, видимо поняли мой маневр, и когда я проезжал, они все еще были в окнах. Но это уже был один только миг. Я успел уловить еще легкий кивок головы Государыни и губернаторский дом скрылся из моих глаз. Я был безумно счастлив, что увидел Их Величеств, что заветное мое желание исполнилось, что я сдержал данное себе в ту достопамятную ночь, когда их перевозили из Царского

Села в эти края, клятву в том, что я доеду, во что бы то ни стало, до Их нового местопребывания, но в то же время я был до глубины души потрясен беспомощностью Их и своего положения...

Этого дня я никогда не забуду. Это был день, когда я последний раз видел Их Величеств, людей, которых я боготворил и боготворю, которым верно служил и ради которых, когда угодно, не задумываясь готов был отдать свою жизнь. Через два часа готовая тройка стояла около подъезда гостиницы. 10-го марта в 11 часов 5 минут вечера приехал я в Тобольск и в 4 часа дня 12 марта пришлось мне его покинуть.

Марков С. В. Покинутая Царская Семья. Вена, 1928. С. 194–220.

До разговора с Государем, Яковлев дважды приходил к Наследнику, который был в это время тяжело болен гемофилией. Вместе с доктором Деревенько, он осматривал больного.

...После известия о предстоящем отъезде Государыня находилась в тяжелом, смутном душевном состоянии. Ведь она уезжала с мужем, оставляя опасно больного, горячо любимого сына.

...Государыня, подав для поцелуя руку, сказала: «Берегите Алексея».

...Тотчас же по отъезде на смену стрелкам и Кобылинскому явилась большевицкая охрана под предводительством ко-

миссара Родионова и Хохрякова, людей грубых. Охрана состояла почти всецело из нерусских.

...Никого из живущих в доме никуда не выпускали, введя совершенно тюремный режим. Хохряков, вместе с доктором Деревенько, посещал больного Алексея Николаевича.

Волков А. А. Около царской семьи. Париж, 1928. С. 62.

Брату лучше, но в общем поправляется медленно. Еще лежит, но веселый. Поставили в зале иконостас и всю страстную была служба. В Четверг причащались. Так уютно устроили все для заутрени. Здесь обычай на Пасху ставить в комнату ёлку. Вот и у нас стоят 2 по краям иконостаса, а сверху нацепим ветки и внизу около икон поставим горшки с цветами. Маме так бы понравилось... Сестра Ольга.

23 апреля 1918 г.

Письмо Великой Княжны Ольги Николаевны к А. В. Сыробоярскому. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Ед. хр. 79.

Когда наследник стал чувствовать себя лучше и начал вставать с постели, начали готовиться к переезду в Екатеринбург...

В 12 часов дня 7/20 мая подали для наследника экипаж. Все остальные дошли до пристани пешком. Возле пристани стоял пароход «Русь», на который мы и перешли. Грузили на пароход из губернаторского дома вещи, не только царской

семьи и наши, но и казенную обстановку. Видя это, наследник сказал Родионову: «Зачем вы берете эти вещи: они не наши, а чужие».

– «Раз нет хозяина, – все будет наше», отвечал тот... Родионов распорядился закрыть на ночь наследника в каюте вместе с Нагорным...

Волков А. А. Около царской семьи. Париж, 1928. С. 63.

Пасха прошла грустно. Народ в Екатеринбурге глубоко сочувствовал Царской Семье, потихоньку посылал подарки, красные яйца, куличи, но все это с осторожностью. У простых людей была уверенность, что Царя, Царицу и Их Детей спасут...

После Пасхи, когда открылась навигация, Наследник Цесаревич с Великими Княжнами Ольгой, Татьяной и Анастасией прибыли из Тобольска на пароходе «Русь» в Тюмень. Здесь собралась на пристани громадная толпа народа, которая приветствовала Царских Детей. При виде Наследника Цесаревича послышался громкий плач с причитанием:

«Дорогой Ты наш, милый Ты наш, куда Ты от нас уезжаешь и зачем Ты нас оставляешь?» Плакали женщины и мужчины, так что, смотря на эту картину, от слез удержаться было положительно невозможно. Встречали зеленью и цветами, которыми стали усыпать путь Их следования. А когда красноармейцы хотели воспрепятствовать, то женщины из-

били нескольких солдат, а одного из них схватили и бросили в грязную лужу.

В Тюмени был подан поезд, в котором Царские Дети прибыли в Екатеринбург.

Рассказ [...] Ивана Иванова о переезде Государя и Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург // Русская летопись. Париж, 1921. Кн. 1. С. 154.

В Областной Исполнительный Комитет Господину Председателю

Как врач, уже в течение десяти лет наблюдающий за здоровьем семьи Романовых, находящейся в настоящее время в ведении Областного Исполнительного Комитета – вообще и, в частности Алексея Николаевича, обращаюсь к Вам, Господин Председатель, с следующей усерднейшей просьбой. Алексей Николаевич, лечение которого ведет доктор Вл. Ник. Деревенко, подвержен страданиям суставов под влиянием ушибов, совершенно неизбежных у мальчика его возраста, сопровождающихся выпотеванием в них жидкости и жесточайшими вследствие этого болями. День и ночь а в таких случаях мальчик так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его, не говоря уже о хронически больной сердцем матери его, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдерживать ухода за ним. Моих угасающих сил тоже не хватает. Состоящий при нем Клим Григорьевич Нагорный, после нескольких бессонных и полных мучений но-

чей, сбивается с ног и не в состоянии был бы выдерживать вовсе, если б на смену и помощь ему не являлись преподаватели Алексея Николаевича, г. Гиббс, и, в особенности, воспитатель его г. Жильяр. Спокойные и уравновешенные, они, сменяя один другого чтением и переменою впечатлений, отвлекают в течение дня больного от его страданий, облегчая ему их и давая, тем временем, родным его и Нагорному возможность поспать и собраться с силами, для смены их в свою очередь. Г. Жильяр, к которому Алексей Николаевич за семь лет, что он находится при нем неотлучно, особенно привык и привязался, проводит около него во время болезни иногда и целые ночи, отпуская измученного Нагорного выспаться. Оба преподавателя, особенно же, повторяю, г. Жильяр, являются для Алексея Николаевича совершенно незаменимыми и я, как врач, должен признать, что они зачастую приносят больному более облегчения, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев к сожалению крайне ограничен. Ввиду всего изложенного я и решаюсь, в дополнение к просьбе родителей больного, беспокоить Областной Исполнительный Комитет усерднейшим ходатайством допустить г. г. Жильяра и Гиббса к продолжению их самоотверженной службы при Алексее Николаевиче Романове, а, в виду того, что мальчик как раз сейчас находится в одном из острейших приступов своих страданий, особенно тяжело им переносимых вследствие переутомления путешествием, не отказать допустить их, в крайности же хотя бы одного г. Жи-

льяра, к нему завтра же.

Д-р. Ев. Боткин. г. Екатеринбург. 24-го Мая 1918-го
[Резолюция коменданта «Дома особого назначения»]

Просмотрев настоящую просьбу Доктора Боткина считаю, что и из этих слуг один является лишним, т. к. — дети все взрослые и могут следить за больным, а поэтому предлагаю Председателю Области немедленно поставить на вид этим зарвавшимся господам ихнее положение.

Комендант Авдеев.

Письмо доктора Е. С. Боткина о тяжелом состоянии Наследника Цесаревича. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Ед. хр. 37.

9 июля я отправил на станцию транспорт для фронта. Когда я вернулся в Дом Совета, я встретил там Мебиуса. Около него стояли Белобородов и Маклаванский. «Вам не нужен автомобиль?» — спросил меня Мебиус. — Мы хотим навестить Романовых. Хотите отправиться с нами?» Мы сели в автомобиль и поехали. Через несколько минут мы были перед «Домом Особого Назначения»... Мы прошли через двор и поднялись по узкой деревянной лестнице в верхние комнаты.

— Приведите нам Романовых! — сказал Мебиус Юровскому... Через несколько минут появился царь в дверях...

— Это всегда одно и то же, — сказал он тихо. — На того, кто в несчастье, бросают камни. Я хочу только, чтобы моя семья

была пощажена. И больше всего мой больной сын...

– Где ваш сын? – спросил Маклаванский...

– В комнате у моей жены... Вы хотите убедиться в его болезни, пожалуйста, – сказал царь и сделал движение правой рукой, приглашая его следовать за собой. Мы прошли через несколько комнат. Царь сам открыл двери. Мы увидели наследника. Он лежал на кровати, правое колено было в помятой перевязке. Это была рана, которая при кровоизлиянии никогда не заживала.

Царица сидела около своего сына. При нашем появлении она безмолвно встала. У ног стоял доктор Боткин. Вид наследника действительно был потрясающий...

Доктор Боткин смотрел на нас через свои темные очки. Затем внезапно прозвучал его громкий голос:

– Ребенок должен быть определен в больницу. Я больше не имею лекарств и перевязочного материала. Сегодняшние господа должны быть гуманными хотя бы к детям!..

Доктор Боткин молчал. В это время открылась дверь сзади. Дочери вошли. Они смотрели удивленными глазами на непривычных гостей.

Царица повернулась к ним и сказала что-то по-английски. После этого они безмолвно повернулись и оставили комнату...

Как погибла Царская Семья. Свидетельство очевидца И. П. Мейера: пер. с нем. М., 1990. С. 13–15.

Священник Сторожев показывает: «В Воскресение 20 мая (2 июня) я совершил очередную службу – раннюю Литургию – в Екатерининском Соборе и только что, вернувшись домой около 10 часов утра, расположился пить чай, как в парадную дверь моей квартиры постучали. Я сам открыл дверь и увидел перед собой какого-то солдата невзрачной наружности... На мой вопрос, что ему надо, солдат ответил: «Вас требуют служить к Романову.» «Ну, к бывшему Царю», – пояснил пришедший... Я, захватив все потребное для богослужения, пригласил о. диакона Буймирова, с которым в сопровождении того же солдата поехали в дом Ипатьева. С тех пор, как здесь помещена была семья Романовых, дом этот обнесли двойным дощатым забором. Около первого верхнего деревянного забора извозчик остановился. Впереди прошел сопровождавший нас солдат, а за ним мы с о. диаконом. Наружный караул нас пропустил... Поднявшись по лестнице, мы вошли наверх, к внутренней парадной двери, а затем через прихожую в кабинет (налево), где помещался комендант. Везде, как на лестницах, так и на площадках, а равно и в передней были часовые – такие же вооруженные ружьями и ручными бомбами молодые люди в гражданском платье... Комендант, не здороваясь и ничего не говоря, рассматривал меня... Я спросил, можно ли после богослужения передать Романову просфору, которую я показал ему. Комендант осмотрел бегло просфору и после короткого раздумья возвратил ее диакону, сказав: «Передать можете, но

только я должен вас предупредить, чтобы никаких лишних разговоров не было»... Зал, в который мы вошли, через арку соединялся с меньшим по размерам помещением – гостиной, где ближе к переднему углу я заметил приготовленный для богослужения стол... От окон отошли трое, – это были Николай Александрович, Татьяна Николаевна и другая старшая дочь, но которая именно, я не успел заметить. В следующей комнате, отделенной от залы, как я уже объяснил аркой, находилась Александра Феодоровна, две младшие дочери и Алексей Николаевич. Последний лежал в походной (складной) постели и поразил меня своим видом: он был бледен до такой степени, что казался прозрачным, худ и удивил меня своим большим ростом. В общем вид он имел до крайности болезненный, и только глаза у него были живые и ясные, с заметным интересом смотревшие на меня, нового человека. Одет он был в белую нижнюю рубашку и покрыт до пояса одеялом. Кровать его стояла у правой от входа стены, тотчас за аркой. Около кровати стояло кресло, на котором сидела Александра Феодоровна, одетая в свободное платье, помнится темно-сиреневатого цвета. Никаких драгоценных украшений на Александре Феодоровне, а равно и на дочерях, я не заметил. Обращал внимание высокий рост Александры Феодоровны, манера держаться, манера, которую иначе нельзя назвать, как «величественной». Она сидела в кресле, но вставала (бодро и твердо), каждый раз, когда мы входили, уходили, а равно и когда по ходу богослуже-

ния я преподавал «мир всем», читал Евангелие, или мы пели наиболее важные молитвословия. Рядом с креслом Александры Феодоровны, дальше по правой стене, стали обе младшие дочери, а затем сам Николай Александрович... Комендант стоял все время в углу залы около крайнего дальнего окна на весьма, таким образом, порядочном расстоянии от молящихся.

...Став на свое место перед столом с иконами, мы начали богослужение, причем диакон говорил прошения ектении, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой подпевал низким басом и Николай Александрович (так, он пел, например, «Отче наш...» и друг.). Богослужение прошло бодро и хорошо, молились они очень усердно. По окончании богослужения я сделал обычный отпуст со Святым Крестом... Я сделал шаг вперед и одновременно твердыми и прямыми шагами, не спуская с меня пристального взора, первым подошел к Кресту и поцеловал его Николай Александрович, за ним подошла Александра Феодоровна, все четыре дочери, а к Алексею Николаевичу, лежащему в кровати, я подошел сам. Он на меня смотрел такими живыми глазами, что я подумал: «Сейчас он непременно что-нибудь да скажет», но Алексей Николаевич молча поцеловал Крест. Ему и Александре Феодоровне диакон дал по просфоре. Затем подошли к Кресту доктор Боткин и служащие – девушка и двое слуг.

30 июня (13 июля) я узнал, что на другой день 1/14 июля

– воскресенье – о. Меледин имеет служить в доме Ипатьева Литургию, что о сем он уже предупрежден от коменданта, а комендантом в то время состоял известный своею жестокостью некий Юровский – бывший военный фельдшер. Я предполагал заменить о. Меледина по Собору и отслужил за него Литургию 1/14 июля.

Часов в 8 утра этого дня кто-то постучал в дверь моей квартиры, я только что встал и пошел отпереть. Оказалось, явился опять тот же солдат, который и первый раз приезжал звать меня служить в доме Ипатьева. На мой вопрос: «Что угодно?» – солдат ответил, что меня комендант «требуется» в дом Ипатьева, чтобы служить обедницу. Я заметил, что ведь приглашен о. Меледин, на что явившийся солдат сказал: «Меледин отменен, за вами прислано». Я не стал расспрашивать и сказал, что возьму с собой диакона Буймирова – солдат не возражал – и явлюсь к десяти часам. Солдат распрощился и ушел, я же, одевшись, направился в Собор, захватил здесь все потребное для богослужения и в сопровождении о. диакона Буймирова в 10 часов утра был уже около дома Ипатьева...

Когда мы вошли в комендантскую комнату, то нашли здесь такой же беспорядок, пыль и запустение, как и раньше; Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какойто другой человек спал одетый на кровати... Когда мы облачились и было принесено кадило с горящими углями (принес какой-то солдат), Юровский пригласил нас пройти

в зал для служения. Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми... Юровский спросил Николая Александровича: «Что, у вас все собрались?» Николай Александрович ответил твердо: «Да, все».

Впереди за аркой уже находилась Александра Феодоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-качалке, одетый в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем служении, вообще глядел бодрее, более бодрый вид имела и Александра Феодоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая (старого стиля).

Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были – я не скажу в угнетении духа, но все же производили впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослужения так же, как и 20 мая. Только теперь кресло Александры Феодоровны стояло рядом с креслом Алексея Николаевича – дальше от арки, несколько позади него; позади Алексея Николаевича стояла Татьяна Николаевна. Анастасия Николаевна стояла около Николая Александровича... В зале у того же дальнего угольного окна стоял Юровский...

По чину обедницы положено в определенном месте пропеть молитву «Со Святыми упокой...». Почему-то на этот раз диакон вместо прочтения запел эту молитву, стал петь и

я, несколько смущенный таким отступлением от устава, но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня члены семьи Романовых опустили на колени...

После богослужения все приложились к Св. Кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Феодоровне о. диакон вручил по просфоре.

Когда я выходил и шел очень близко от бывших Великих Княжон, мне послышалось едва уловимое слово: «Благодарю»...

Молча мы дошли с о. диаконом до здания Художественной Школы, и здесь вдруг диакон сказал мне: «Знаете, о. протоиерей, у них там что-то случилось». Так в этих словах о. диакона было некоторое подтверждение вынесенного мною впечатления, то я даже остановился и спросил, почему он так думает. «Да так, – говорит о. диакон, – они все какие-то другие точно, даже и не поет никто». А надо сказать, что действительно за богослужением 1/14 июля впервые никто из семьи Романовых не пел вместе с нами.

Н. А. Соколов. Убийство Царской Семьи. «Сирин», 1990. (Допрос свидетеля о. Сторожева членом суда И. А. Сергеевым 8–10 октября 1918 года в Екатеринбурге).

Если не ошибаюсь, в понедельник 15 июля (нов. ст.) сего года от союза послали четырех женщин мыть полы в доме, где жил Государь с семьей... Я лично мыла полы почти во

всех комнатах, отведенных для Царской Семьи; в помещении коменданта мы полов не мыли. При нашем появлении в доме Государь, Государыня и все дети были в столовой... Княжны помогали нам убирать и передвигать в их спальне постели и весело между собой разговаривали. Мы сами ни с кем из Царской Семьи не разговаривали; почти все время за нами присматривал комендант Юровский. Я видела, что он сидел в столовой и разговаривал с Наследником, справляясь об его здоровье.

(Допрос свидетельницы М. Г. Стародумовой 11 ноября 1918 г. в Екатеринбурге). // Там же.

На допросе у Сергеева Медведев объяснил:

«Вечером 16 июля я вступил в дежурство, и комендант Юровский часу в восьмом вечера приказал мне отобрать в команде и принести ему все револьверы системы Нагана; у стоявших на посту и у некоторых других я отобрал револьверы, всего 12 штук, и принес в канцелярию коменданта. Тогда Юровский объявил мне: «Сегодня придется всех расстрелять, предупреди команду, чтобы не тревожились, если услышат выстрелы». Я догадался, что Юровский говорит о расстреле всей Царской Семьи и живших при ней доктора и слуг, но не спросил, когда и кем постановлено решение о расстреле...

В нижнем этаже дома Ипатьева находились латыши из «латышской коммуны», поселившиеся тут после вступления

Юровского в должность коменданта. Было их человек десять; никого из них я по именам и фамилиям не знаю...

Часов в 12 ночи Юровский разбудил Царскую Семью; объявил ли он им, для чего он их беспокоит и куда они должны пойти, – не знаю. Утверждаю, что в комнаты, где находилась Царская Семья, заходил именно Юровский. Ни мне, ни Константину Добрынину поручения разбудить спавших Юровский не давал. Приблизительно через час вся Царская Семья, доктор, служанка и двое слуг встали, умылись и оделись... Часу во втором ночи вышли из своих комнат Царь, Царица, четыре царские дочери, служанка, доктор, повар и лакей. Наследника Царь нес на руках. Государь и Наследник были одеты в гимнастерки; на головах фуражки. Государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды, с непокрытыми головами. Впереди шел Государь с Наследником, за ними – Царица, дочери и остальные... При мне никто из членов Царской Семьи никаких вопросов никому не предлагал; не было также ни слез, ни рыданий.

Спустившись по лестнице, ведущей из второй прихожей в нижний этаж, вошли во двор, а оттуда через вторую дверь (считая от ворот) во внутренние помещения нижнего этажа.

Дорогу указывал Юровский.

Привели в угловую комнату нижнего этажа, смежную с опечатанной кладовой. Юровский велел принести стулья; его помощник принес три стула. Один стул был дан Государыне, другой – Государю, третий – Наследнику... Од-

новременно в ту же комнату вошли одиннадцать человек: Юровский, его помощник, два члена чрезвычайной комиссии и семь человек латышей. Юровский выслал меня, сказав: «Сходи на улицу, нет ли там кого и не будут ли слышны выстрелы».

Я вышел в огороженный большим забором двор и, не выходя на улицу, услышал звуки выстрелов. Тотчас же я вернулся в дом (прошло всего 2–3 минуты времени) и, зайдя в ту комнату, где был произведен расстрел, увидел, что все члены Царской Семьи: Царь, Царицы, четыре дочери и Наследник уже лежат на полу с многочисленными ранами на телах; кровь текла потоками. Были также убиты доктор, служанка и двое слуг; при моем появлении Наследник еще был жив – стонал; к нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих».

(Допрос П. С. Медведева). // Там же.

Что покойные духом были мученики, сомнений нет, но чтобы они не знали, что их повели на смерть, этого быть не могло. Они ясно видели, зачем их ночью разбудили и привели в глухую комнату. Почему они были покойны духом? Потому что им был Бог прибежищем и силой. Помощником в эти трагические минуты. Они имели надежду высшую, которая могущественнее всякой земной силы. Имеющий эту надежду и перед лицом смерти не поддается малодушию, но до последней минуты сохраняет присутствие духа.

Игумен Серафим. Указ. соч.

Эпилог

Современная великая подвижница-прозорливица – Саровская Прасковья Ивановна – жившая последние годы жизни в Дивееве, а до сего несколько десятков лет в лесу, начавшая свои подвиги еще при жизни преподобного Серафима, предсказала Государю и Государыне за год рождение сына, но «не на радость, а на скорбь родится этот царственный птенчик», невинная и святая кровь которого будет вопиять на Небо. Она в последние дни земной жизни, в своих условиях, но ясных поступках и словах, предсказывала надвигающуюся на Россию грозу. Портреты Царя, Царицы и Семьи она ставила в передний угол с иконами и молилась на них наравне с иконами, взывая: «Святые Царственные мученики, молитесь Бога о нас». В 1915 году, в августе я приезжал с фронта в Москву, а затем в Саров и Дивеево, где сам лично в этом убедился. Помню, как я служил Литургию в праздник Успения Божией Матери в Дивееве, а затем прямо из церкви зашел к старице Прасковье Ивановне, пробыв у нее больше часа, внимательно слушая ее грядущие грозные предсказания, хотя выражаемые притчами, но все мы с ее келейницей хорошо понимали и расшифровывали неясное. Многие она мне тогда открыла, которое я тогда понимал не так, как нужно было в совершающихся мировых событиях. Она мне еще тогда сказала, что войну затеяли наши враги с целью сверг-

нуть Царя и разорвать Россию на части. За кого сражались и на кого надеялись, те нам изменят и будут радоваться нашему горю, но радость их будет ненадолго, ибо и у самих будет то же горе.

Прозорливица при мне несколько раз целовала портреты Царя и семьи, ставила их с иконами, молясь им как святым мученикам. Потом горько заплакала. Эти иносказательные поступки понимались мною тогда, как переживаемые великие скорби Царя и Семьи, связанные с войной, ибо хотя они не были растерзаны гранатой и ранены свинцовой пулей, но их любящие сердца были истерзаны беспримерными скорбями и истекали кровью. Они были действительно бескровные мученики. Как Божия Мать не была изъязвлена орудиями пытки, но при виде страдания Своего Божественного Сына, по слову праведного Симеона, в сердце Ей прошло оружие. Затем старица взяла иконки Умиления Божией Матери, пред которой скончался преподобный Серафим, заочно благословила Государя и Семью, передала их мне и просила переслать. Благословила она иконки: Государю, Государыне, Цесаревичу, Великим Княжнам Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии, Великой Княжне Елисавете Феодоровне и А. А. Вырубовой. Просил я благословить иконку Великому Князю Николаю Николаевичу, она благословила, но не Умиления Божией Матери, а преподобного Серафима. Больше никому иконок не благословила, хотя я даже сам просил для некоторых, но мои просьбы не повлияли, так как она действовала

самостоятельно. Иконки были тотчас же посланы по принадлежности, где и были получены своевременно. После этого я пробыл в Дивееве еще несколько дней, по желанию старицы ежедневно ходя к ней, поучаясь от нее высокой духовной мудрости и запечатлевая в сердце своем многое, тогда мне еще непонятное. Только теперь мне представляется более ясным, как Богом было открыто этой праведнице все грядущее грозное испытание уклонившемуся от Истины русскому народу. Непонятно было для меня тогда, почему всем, кроме Великого Князя Николая Николаевича, иконки не преподобного Серафима, а Умиления Божией Матери, пред которой скончался преподобный Серафим. В настоящее время для меня это ясно: она знала, что все они кончат жизнь кончиной праведников-мучеников, как кончил жизнь и преподобный Серафим и наследуют жизнь вечную в обителях рая вместе с ним. Целуя портреты Царя и Семьи, прозорливица говорила, что это ее родные, милые, с которыми скоро будет вместе жить. И это предсказание исполнилось. Она через месяц скончалась, перейдя в вечность, а ныне вместе с Царственными мучениками живет в небесном тихом пристанище.

Рассказ игумена Серафима (Кузнецова), 1920 г. // Прот. о. Александр Шаргунов. Чудеса Царственных мучеников. М.; СПб., 1995.

Видение[...] было матросу Силаеву с крейсера «Алмаз». Об этом видении рассказывается в книге архимандрита Пан-

телеимона «Жизнь, подвиги, чудеса и пророчества святого праведного отца нашего Иоанна, Кронштадтского чудотворца». «В первую же ночь после причастия, – рассказывает матрос Силаев, – видел я страшный сон. Вышел я на огромную поляну, которой конца-краю нет; сверху, ярче солнечного льется свет, на который нет мочи взглянуть, но этот свет не доходит до земли, и она как будто вся окутана не то туманом, не то дымом. Вдруг в небесах раздалось пение, да такое стройное, умирительное: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!» Несколько раз повторилось оно, и вот, вся поляна заполнилась людьми в каких-то особых одеяниях. Впереди всех был наш Государь-мученик в царской порфире и короне, держа в руках чашу, до краев наполненную кровью. Справа рядом с ним – прекрасный отрок, Наследник Цесаревич, в мундирчике, тоже с чашей крови в руках, а сзади них, на коленях – вся умученная Царская семья в белых одеждах и у всех в руках – по чаше крови. Впереди Государя и Наследника на коленях, воздев руки к небесному сиянию, стоит и горячо молится о. Иоанн Кронштадтский, обращаясь к Господу Богу, словно к существу живому, словно он видит Его, за Россию, погрязшую в нечисти. От этой молитвы меня в пот бросило: «Владыко Всесвятый, виждь кровь сию невинную, услыши стенания верных чад Твоих, иже не погубиша таланта Твоего, и сотвори по великому милосердию Твоему ныне павшему избранному народу Твоему! Не лиши его Твоего святого избранныче-

ства, но восстави ему разум спасения, похищенный у него по простоте его мудрыми века сего, да, поднявшись из глубины падения, и на крылах духовных воспаряя в горняя, прославят во вселенной имя Твое пресвятое. Верные мученики молят Тебя, принося Тебе в жертву кровь свою. Приими ее во очищение беззаконий вольных и невольных народа Твоего, прости и помилуй». После этого Государь поднимает чашу с кровью и говорит: «Владыко, Царю царствующих и Господь господствующих! Приими кровь мою и моей семьи во очищение всех вольных и невольных прегрешений народа моего, Тобою мне вверенного, и возведи его из глубины падения нынешнего. Вем правосудие Твое, но и безграничную милость благоутробия Твоего. Вся прости и милостивно помилуй, и спаси Россию». За ним, простирая вверх свою чашу, детским голосом заговорил чистый отрок Царевич: «Боже, воззри на погибающий народ Твой, и прости ему руку избавления. Боже Всемиловитый, приими и мою чистую кровь во спасение невинных детей, на земле нашей развращаемых и гибнущих, и слезы мои за них приими». И зарыдал мальчик, расплескивая свою кровь из чаши на землю. И вдруг все множество народа, опускаясь на колени и воздевая свои чаши к небу, в один голос начало молить: «Боже, Судия праведный, но добрый милующий Отец, приими кровь нашу во омовение всех скверн, содеваемых на земле нашей, и в разуме, и в неразумии, ибо како может творить человек неразумное, в разуме сущи! И по молитвам святых Твоих,

в земле нашей милостию Твоею просиявших, верни народу Твоему избранному, в сети сатанинские павшему, разум спасения, да расторгнет он эти сети губительные. Не отвертисся от него до конца, и не лиши его Твоего великого избранничества, да, восстав из глубины падения своего, во всей вселенной прославит великолепое имя Твое и верно послужит Тебе до конца веков». И вновь на небе, трогательнее прежнего, раздалось пение «Святый Боже». Я чувствую, у меня по спине словно мурашки бегают, а проснуться не могу. И слышу напоследки – по всему небу пронеслось торжественно пение «Славно бо прославися», неумолкаемо перекатывающееся от одного края неба до другого. Поляна вмиг опустела и стала как будто совсем другая. Множество церквей вижу, и такой прекрасный колокольный звон разливается, душа возрадовалась. Подходит ко мне о. Иоанн Кронштадтский и говорит: «Божье солнышко взошло над Россией снова. Смотри, как оно играет и радуется! Теперь великая Пасха на Руси, там Христос воскрес. Ныне все Силы небесные радуются, и ты после раскаяния своего от девятого часа потрудился, приимешь мзду свою от Бога».

Там же.

В русской эмигрантской печати сообщено (в 1947 г.) о дерзновенном молитвенном призывании Царской семьи в опасности, когда сотня казаков, потеряв связь с обозом и войском, оказалась в окружении красных среди болот. Свя-

щенник о. Илия призывал всех к молитве, говоря: «Сегодня день памяти нашего Царя-мученика. Сын его, отрок Алексий-Царевич, был войск казачьих Атаманом почетным. Попросим их, чтобы ходатайствовали пред Господом о спасении христолюбивого воинства казачьего».

И отец Илия отслужил молебен «Царю-мученику, Государю российскому». А припев на молебне: «Святые мученики дома Царского, молитесь Бога о нас».

Пела вся сотня и обоз. В конце молебна отец Илия прочитал отпуст: «Молитвами Святого Царя-мученика Николая, Государя Российского, Наследника его отрока Алексея Цесаревича, христолюбивых войск казачьих атамана, благоверныя Царицымученицы Александры и чад ея Царевен-мучениц помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец».

На возражения, что эти святые мученики еще не прославлены и чудеса от них еще не явлены, о. Илия возразил: «А вот молитвами их и выйдем... А вот и прославлены они... Сами слышали, как народ прославил их. Божий народ... А вот и покажет нам пусть святой отрок Алексий-Царевич. – А вот не видите вы чуда гнева Божия на Россию за неповинную кровь их... А вот явления узрите спасением чтущих святую память их... А вот указание вам в житиях святых чтите, когда на телах святых мучеников без всякого прославления христиане храмы строили, лампы возжигали, молились таковым яко предстателям и ходатаям...»

Сотня и обоз из окружения вышли чудесным открытием

о. Илии.

Шли и по колено, и по пояс, проваливались по шею... Лошади вязли, выскакивали, опять шли... Сколько шли и устали ли, не помнят. Никто ничего не говорил. Лошади не ржали... И вышли... 43 женщины, 14 детей, 7 раненых, 11 стариков и инвалидов, 1 священник, 22 казака – всего 98 человек и 31 конь. Вышли прямо на ту сторону болота, угол которого занимали казаки, сдерживающие обходное движение красных, прямо в середину своих. Из окрестных жителей никто не хотел верить, что прошли они этим путем. И шума перехода не слышал неприятель. И следа, куда ушли отрезанны, не могли утром установить красные партизаны. Были люди – и нет их!

Там же.

Надежда Федоровна Вепринцева, живущая в Тарусе, рассказала, что однажды зимой 1995 года, когда она впала в особенно сильное уныние, размышляя о судьбах России, она увидела во сне Государя Николая Александровича и мальчика Алексея, стоящих в военной форме. Они так спокойно и уверенно, как бы утешая ее, смотрели на нее, что она почувствовала, как ее сердце, изнемогавшее от отчаяния, наполняется надеждой.

После этого видения вся тоска прошла.

– Я поняла, – сказала она, – что несмотря ни на что, все не так беспросветно плохо. Бог сильнее всего, и Ему одному ве-

домым образом пророчества о будущем России исполнятся.

Мы не знаем как, но это непременно произойдет. Господь знает пути, которые нас изумят. Нас могут ждать колючки и шипы, разрывающие ладони, как гвозди, но разве без этого бывают розы? Если время коротко – все прямее и короче становятся наши пути. Будет ли это, когда мы, вслед за Царственными мучениками и новыми мучениками Российскими прольем нашу кровь и будем вместе с ними пить из чаши, которую даст нам Господь? Многие это предчувствуют, некоторые это знают, мы же исполнены доверия к Промыслу Его и не страшимся. Приобщаясь Святых Христовых Таин, мы благодарим Господа и уже дерзаем Ему говорить: «Мы Твоя Церковь, тело Твоего Тела и Твоя Крови, изливаемых за спасение всех».

Заступничеством святых наших мучеников Господь призывает нас к духовному бодрствованию с Собою. Вопрос стоит сегодня так: существует ли русский народ, или он сходит с исторической сцены? Уходит в небытие, покоряясь вконец обессиливающему унынию, в то время, когда ему дается возможность обрести себя в новых испытаниях в Господе, здесь, на земле, и в вечности.

Там же.

Недавно на радиостанцию «Радонеж» пришло письмо от Клавдии Петровны Рожиной из Подольска:

«Здравствуйте, служители и воины Христовы, спаси Вас

Господи и помоги Вам проповедовать о Господе. Благословите меня и мою семью, да будут все члены семьи моей угодны Богу, да царствует между нами мир и любовь христианская. Аминь.

Поздравляю Вас, Патриарха Алексия и все священство со светлым Христовым Воскресением, желаю милости Божией и здоровья молиться за весь развращенный мир!

Христос воскрес!

Воистину воскрес!

Очень приятно слушать Вашу передачу, мы многого не знаем, но с Божьей помощью открывает нам Господь истину, через Вас. Я хочу спросить Вас, когда причтут Царскую семью к лику святых? Опишу вам сон мой. Голос сказал мне: «Молись Царской семье». Я ответила: «Я ее не знаю и не знаю, как молиться ей». Голос сказал: «Сходи к священнику о. Геннадия, он научит». Пришла к нему, рассказала ему. Он мне сказал имена их, а молиться, сказал, не знаю как. Следующей ночью слышу, голос говорит: «Молись так: «Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость его. Помяни, Господи, Царя Соломона и всю премудрость его. Помяни, Господи, убиенную Царскую Семью и молитвами их святыми помилуй меня, грешную».

Я стала им молиться, была в трудном положении, с помощью Божией все пережила. У меня никогда не текли слезы на молитве, закаменелое сердце оттаяло, не могу без слез, слава Богу, молиться о Царской семье, значит они за нас мо-

лятся. Господь им дал дар по молитвам их размягчать окаменелые наши сердца, за их страдания. Может, и нам пора их причислить к лику святых. Я прошу прощения у Вас и у Господа, что осмелилась мы Вам написать, но мне думается, что если люди будут молиться Царской семье, оттают сердца с Божьей помощью.

Я не знаю, можно ли читать мое письмо на весь мир, спросите благословение. До свидания, грешная раба Клавдия.

Там же.

Я хотел Вам поведать о чудесном явлении мне матушки Царицы Александры Феодоровны Романовой с Цесаревичем Алексием.

В 1992 году меня послали служить на московское подворье [Оптиной пустыни]. У меня как бы тогда было свободное время, я сам себя держал независимо и позволял себе без благословения на то священноначалия заниматься «благотельством и попечительством» о сиротах одного из московских интернатов. Втянулся в дело. Стал посещать детдом, у нас там тогда была группа детей, с которой мы занимались. Дело мне нравилось, но старшая братия монастыря мне не раз говорила, что это дело мирских, а не монашеское, я же не хотел слушать, считал, что сие от человек, сам же находил нужные места в Священном Писании в пользу моего дела. Думал, что этим угождаю Богу. Это было в 1993 году на Страстной Седмице. Ночью явились бесы в виде юного маль-

чика, скверного пса, точнее скелета собаки, обтянутого кожей. Потом разверзлось пространство и из бездны строгий голос Правды Божией:

«Блудники Царствия Божия не наследуют». Я тогда в великом трепете проснулся, но спал ли я или нет, я не могу сказать, т. к. сие начинается еще в сознании бодрствования, а до этого события я был часто мучим помыслами, а потому-то это посещение могло бы (я говорю уже о событиях моего попечения детей) быть для меня печальным. Тогда я продолжал упорствовать. Духовник монастыря меня увещевал, что это мне бесполезно, но я не слушал его. И вот в сонном видении на квартире у моей тетушки в г. Кашине, где я прожил 4 года под ее опекуном надзором, явилась мне Императрица Александра Феодоровна с сыном Алексием. В моей руке была хартия с написаниями имен всей группы детей, которых я опекал. Я дерзнул подать сию хартию с просьбой помолиться о сих детях. Александра Феодоровна очень строго мне сказала, взяв у меня хартию и отбросив в сторону: «Не твое это дело». Ее строгость ко мне привела меня в содрогание. В мое сознание вошли эти слова, и я понял, что все увещевания братии и духовника монастыря истинны, а я пребывал в самообольщении и был уловлен диаволом. Цесаревич, ничего не говоря, с любовью и кротостью поцеловал мое плечо, и я, страхась и трепеща, пришел в умиление. Меня оставил мой недуг души моей, и, после того как я проснулся, радость и осознание своей вины во мне сочетались. После этого я оста-

вил сие пагубное для меня дело и тем избавился [от] многих скорбей, которые меня могли бы постичь. Я посоветовался с духовником монастыря сх. игум. Илием, и он подтвердил, что это явление истинное. Сии слова не вымышлены, а сущая правда, и я за них отвечаю.

Грешный иеродиакон Александр (Матюхин). Оптиная Пустынь. 7 января ст. стиля 1996 г.

Письмо оптинского иеродиакона Александра (Матюхина) с рассказом о чудесах Цесаревича Алексея Николаевича.